

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Adolf HITLER

2

Джон ТОЛАНД

John TOLAND

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

Adolf HITLER

2

Джон ТОЛАНД

John TOLAND

ББК 84. 7 США
Т 52

Серия «История в лицах»
(Диктаторы)
Основана в 1993 году

Печатается по изданию:
John Toland «Adolf Hitler»
Ballantine Books, New York, 1977
Перевод с английского
Художник А. Шуплецов

Джон Толанд
Адольф Гитлер

Т 52 Толанд Дж. Адольф Гитлер. Кн.2. — Пер. с англ: О. Тихонова.— М.: «Интердайджест», 1993.— 336 с. (Сер. «История в лицах» (Диктаторы)

ISBN 5-86595-082-7

Вторая книга двухтомника, открывающего серию «История в лицах», охватывает период второй мировой войны, на фоне которой развертывается заключительное действие трагедии немецкого народа, вверившего свою судьбу Адольфу Гитлеру. Личность нацистского диктатора предстает перед читателем в новом, не совсем привычном ракурсе благодаря непредвзятому взгляду американского историка и публициста на события, положенные в основу этой книги.

Т 4703040100-044
ISBN 5-86595-082-7
ISBN 5-86595-081-9

ББК 84. 7 США

Часть VI.
НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Глава 18. «ХРУСТАЛЬНАЯ НОЧЬ» (ноябрь 1938 — март 1939 г.)

1

Когда в 1933 году в гитлеровской Германии были введены первые дискриминационные меры по отношению к евреям, окружение фюрера восприняло это неоднозначно: одни считали, что фюрер действует недостаточно решительно и умышленно контролирует расовые принципы, другие выступили против них. Президент рейхсбанка Шахт на совещании с участием министров внутренних дел, финансов, юстиции и образования заявил, что незаконные действия против евреев должны быть прекращены, иначе под угрозу будут поставлены экономические преобразования в стране. Он привел пример с агентом страховой компании в Египте, который был настолько затравлен, что подал в отставку, а рынок захватили англичане, говорил о том, что многие импортеры — евреи аннулируют крупные заказы. По мнению Шахта, нелепо было и думать, что страна может добиться экономических успехов без еврейского бизнеса. Впрочем против некоторых ограничений Шахт не возражал — ведь даже в США кое-где попадаются объявления типа «Евреи не допускаются». Но президент рейхсбанка решительно выступил против лозунга ярого нациста Штрайхера: «Кто покупает у еврея, тот враг народа». Участники совещания

единодушно постановили, что «дикие индивидуальные действия» должны быть прекращены с тем, чтобы еврейский вопрос решался на основе закона.

Первые шаги в этом направлении были сделаны самим фюрером через несколько недель, когда он утвердил, будучи в Нюрнберге, так называемый «закон о защите германской крови и чести». Приветствуя его появление, официальная католическая газета «Клерусблатт» назвала предусмотренные в нем репрессивные меры по отношению к неарийцам «бесспорными гарантиями качественного состава немецкого народа».

Таким образом, решение «еврейского вопроса» из рук партии перешло в руки юстиции. Это вызвало недовольство ярых расистов. Они ждали своего часа и вырвались «на оперативный простор» три года спустя, в 1938 году, когда по стране прокатилась волна еврейских погромов и были разгромлены синагоги в Мюнхене, Нюрнберге, Дортмунде.

«Вся Курфюрстендам,— сообщал из Берлина один иностранный корреспондент,— оклеена лозунгами и карикатурами. На дверях, окнах и стенах несмываемой краской намалевано слово «еврей». Еще хуже положение в районе, где расположены мелкие магазинчики, принадлежащие евреям. СА окончательно распоясались. Всюду висят жуткие плакаты с изображениями обезглавленных, повешенных, искалеченных евреев. Всюду видны разбитые окна, на тротуарах и в канавах валяются выброшенные вещи».

Толчок волне антисемитизма был дан 7 ноября 1938 года, когда молодой еврей Гершль Гриншпан застрелил в Париже немецкого дипломата. Гриншпан, родители которого были высланы из Германии в Польшу, пришел в посольство с целью убить посла, но натолкнулся на советника Эрнста фон Рата. Будучи противником антисемитизма, Рат в тот момент сам был под колпаком у гестапо. Он-то и принял пули, предназначенные для другого. «Быть евреем — не преступление,— со слезами на глазах заявил Гриншпан в полиции.— Я не собака, я имею право на жизнь, и еврейский народ имеет право жить на этой земле. А меня, где бы я ни был, преследовали, как дикого зверя».

Гитлер узнал об этом инциденте в Мюнхене, где проводил совещание партийных руководителей. Он прервал заседание и, коротко переговорив с Геббельсом, покинул зал в сопровождении свиты. Геббельс вернулся и объявил, что убийство Рата привело к антиеврейским выступлениям в

ряде городов. Фюрер, добавил он, считает, что если эти выступления стихийно распространятся по всей Германии, препятствовать им не следует.

Вначале эсэсовцы не принимали участия в разгроме магазинов и поджоге синагог. Гиммлер, например, узнав, что Геббельс позаботился об организации погромов, распорядился принять меры против подобных эксцессов. Но через несколько часов он сам, выступая перед высокими чинами СС, обрушился на евреев, которые, по его словам, намерены уничтожить Германию и потому должны быть «беспощадно» изгнаны из рейха. Если Германия не победит в этой всеобщей битве против еврейства, «для истинного тевтона,— кричал глава СС,— не останется ни одного прибежища, всех ждет смерть от еврейских рук».

А его главный помощник Гейдрих пошел еще дальше. После полуночи он разослал срочные депеши всем подразделениям СД и полиции, приказав им сотрудничать с лидерами партии и СС в организации демонстраций. Кроме того, он распорядился арестовать столько евреев, особенно богатых, сколько их могут вместить тюрьмы. Хватать рекомендовалось только здоровых мужчин, которых после ареста ждал концлагерь.

Это была страшная для немецких евреев ночь. Полиция не вмешивалась, а просто наблюдала, как их бьют и громят их дома и магазины. По официальным данным, были уничтожены 814 магазинов и 171 дом, подожжена 191 синагога, убиты 36 человек и столько же ранено. Но, как признал сам Гейдрих, «подлинные цифры были намного выше».

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» сообщал, что он оказался очевидцем беспрецедентной волны погромов. «Начавшись рано утром почти в каждом городе страны,— писал он,— бесчинства, грабежи и поджоги продолжались целый день. Большие толпы молча наблюдали за всем этим, а полиция регулировала уличное движение и осуществляла массовые аресты евреев якобы с целью их защиты».

Заграница отреагировала немедленно. Эти погромы получили название «Хрустальная ночь» по громадному числу разбитых окон. Весь мир осуждал Германию, называя ее страной варваров.

Многие немцы тоже не одобряли погромы, в их числе были и некоторые известные партийные функционеры. По словам фрау Функ, жены министра экономики, ее муж кричал Геббельсу: «Ты что, сошел с ума? Просто стыдно быть

немцем! Наш престиж за границей летит ко всем чертям. День и ночь я стараюсь сохранить национальное богатство, а ты швыряешь его под ноги толпе. Если этот бардак немедленно не прекратится, ты понесешь за него ответственность».

Геринг жаловался самому фюреру: «Я делал все возможное, чтобы четырехлетний план развития экономики был выполнен. Я призывал собирать и утилизировать каждый тюбик от зубной пасты, каждый ржавый гвоздь, каждую железку, а тут безответственный человек создает мне помехи, уничтожает материальные ценности, дестабилизирует экономику». Гитлер же защищал Геббельса, но, по словам Геринга, «в целом согласился, что такие вещи надо прекращать».

Публично Гитлер возмущался, делая вид, что якобы ничего не знал о «Хрустальной ночи». Однако Фриц Хессе, которого тогда спешно вызвали из Лондона в Мюнхен, утверждал, что слышал от самого фюрера совсем иное. На обеде Гитлер хвастался, как он сумел с помощью блефа сломить англичан и французов. Подошел адъютант и что-то шепнул Геббельсу. Тот повернулся к Гитлеру и стал излагать ему план нападения на еврейские магазины и синагоги. Версию Хессе подтвердил министр финансов Пруссии Иоганнес Попиц. Когда в разговоре с Герингом он выразил мнение, что организаторов «Хрустальной ночи» надо наказать, рейхсмаршал спокойно заметил: «Попиц, вы что, хотите наказать фюрера?»

Когда на следующий день Хессе пришел к Риббентропу, тот раздраженно сказал ему: «Экая скотина этот Геббельс! Вы слышали, что натворила его банда? Идиоты разгромили еврейские магазины, а ведь они тоже арийская собственность. Они испортили мне игру». Об ответственности Геббельса за погромы позднее говорил и его советник Леопольд Гуттерер. По его словам, в 1942 году в кругу своих близких Геббельс вспоминал: «Влиятельные круги в экономическом руководстве партии утверждали тогда, что невозможно устранить евреев из экономической жизни Германии. Поэтому мы решили: хорошо, тогда придется мобилизовать улицу и покончить с этой проблемой за двадцать четыре часа».

Погромы продолжались, и к 12 ноября до 20 тысяч евреев были отправлены в концлагеря. В этот день на заседании кабинета министров Геринг заявил: «Я получил письмо от

Бормана, написанное по указанию фюрера, в котором говорится, что еврейский вопрос должен решаться комплексно. Вчера фюрер позвонил мне и сказал, что решительные и согласованные меры должны быть приняты немедленно». И «меры» были приняты: члены кабинета постановили, что убытки, причиненные экономике страны в результате погромов, должны возместить... сами евреи. На них был наложен штраф в один миллиард марок. «Если в ближайшем будущем,— продолжал Геринг,— германскому рейху предстоит вступить в конфликт с другими державами, мы сначала должны разделаться с евреями». Он сообщил министрам, что фюрер намерен предложить державам, озабоченным судьбой немецких евреев, депортировать последних на остров Мадагаскар. А еще, сказал в заключение Геринг, он хочет задать вопрос другим странам: «Почему вы все время говорите о евреях? Заберите их».

«Хрустальная ночь» для многих немцев оказалась настоящим потрясением. Среди тех, кто был глубоко возмущен бесчеловечностью подобных акций, было немало и членов нацистской партии. Но свое отношение к этому они позволяли себе выражать лишь в частных беседах. К примеру, Герхард Гауптман с горечью говорил другу, что Гитлер губит Германию, что «эта сволочь принесет всему миру войну, этот жалкий коричневый комедиант, этот нацистский палач толкает нас к войне и гибели». Почему же тогда сам Гауптман не эмигрировал в знак протеста, как Манн и Цвейг? На этот вопрос знаменитый драматург ответил: «Потому что я трус, ты понимаешь? Я трус».

Зато возмущение мировой общественности не знало предела. Почти все газеты и радиостанции в Соединенных Штатах с негодованием передавали подробности кошмаров «Хрустальной ночи». Из Вашингтона германский посол Дикхоф сообщил в Берлин, что до «Хрустальной ночи» большинство американцев весьма равнодушно относились к антигерманской пропаганде, но теперь возмущены все, даже американские немцы. «Особенно поражает тот факт,— передавал он,— что респектабельные патриотические круги, которые являются последовательными антикоммунистами и в значительной мере — антисемитами, тоже начинают отворачиваться от нас. Я говорю не о реакции еврейских газет — она вполне понятна, а о том, что такие люди, как Гувер, Херст и многие другие, кто ранее проявлял стремление к сотрудничеству с нами и в какой-то мере

даже симпатию к Германии, ныне занимают резкую и жесткую позицию. В общей атмосфере ненависти расширяется кампания по бойкоту немецких товаров, и в данный момент невозможно вести какие бы то ни было торговые переговоры».

15 ноября президент Рузвельт заявил на пресс-конференции: «Я с трудом мог поверить, что такие вещи могут происходить в цивилизованной стране в двадцатом веке». В знак протеста против погромов он отозвал американского посла из Берлина «для консультаций». Но в целом официальное осуждение еще не шло дальше словесных протестов, и США продолжали торговать с Германией.

Вполне возможно, что протесты за рубежом определенным образом подействовали на Гитлера, ибо неделю спустя после «Хрустальной ночи» была принята «первая поправка к закону о гражданстве», которая разделила так называемых неарийцев на две категории. Евреем считался тот, кто состоял в прямом родстве (имелись в виду бабушка, дед, отец, мать) с тремя евреями или с двумя, если он сам являлся членом религиозной общины или состоял в браке с евреем (еврейкой). Затем следовала странная категория — «смешанные»: к ним относились люди, у которых евреями были отец и мать или кто-то один из родителей. Но чтобы попасть в данную категорию, «смешанный» не должен был состоять в браке с евреем (еврейкой), не должен был исповедовать еврейской религии. На практике это разделило неарийцев на две различные группы, при этом «смешанные» не подвергались репрессивным мерам. Так одним росчерком пера Гитлер дал возможность значительной части ненавистных ему «недочеловеков» избежать его гнева. Трудно сказать, чем при этом руководствовался фюрер. Возможно, это была сознательная или подсознательная попытка спасти себя, так как не исключено, что один из его прародителей был евреем. Правило о «смешанных» регулировало также его отношения с церковью, поскольку выводило из-под удара также Иисуса Христа, который по логике Гитлера имел мать-еврейку, но не исповедовал еврейской религии и не был женат на еврейке.

2

Гитлер, видимо, знал, что многие из старых друзей осуждали его за еврейские погромы, но это не повлияло на его настроение накануне Нового года, когда он, по настоянию Евы Браун, стал гораздо больше внимания уделять своему внешнему виду. «Моя сестра,— писала Ильза Браун в своем дневнике,— всегда старалась убедить Адольфа одеваться прилично. «Посмотри на Муссолини,— говорила она,— у него новая форма. А у тебя фуражка почтальона». И потому Новый год в Бергхофе Гитлер решил встречать во фраке. Он поцеловал руку Ильзе, галантно заметив, что все сестры Браун — красавицы. Приняв поздравления от гостей и помощников, фюрер принял участие в древней тевтонской церемонии. В таз с водой лили расплавленный свинец, и когда он застывал, по его очертаниям определяли будущее. Гитлер, очевидно, был недоволен предсказаниями, и его настроение резко изменилось. Он сел в кресло, рассеянно глядя на огонь, и за весь вечер не произнес ни единого слова. Ева была очень расстроена этим.

Его скверное настроение усугубил «бунт» банкиров, выступивших против его программы перевооружения. В меморандуме, подписанном президентом рейхсбанка Шахтом и всеми членами правления, говорилось: «Чрезмерные расходы банка представляют серьезную угрозу финансовой системе. Их рост обрекает на неудачу любую попытку упорядочить бюджет». Инфляционная экономика, предупреждал Шахт, подрывает стабильность валюты, и требовал положить этому конец.

Шахт знал, что Гитлер будет разгневан, потому что это заявление фактически требовало сокращения военных расходов. Он рассказал о своем поступке Шверину фон Крозигу и заметил, что, наверное, будет уволен. (Шахт уже потерял пост министра экономики, его занял Вальтер Функ, у которого Геринг как администратор четырехлетнего плана отобрал ряд функций.) Министр финансов заявил, что если Шахт уйдет, он тоже подает в отставку, и отправил фюреру соответствующий меморандум.

Шли дни, а Гитлер молчал. Наконец в полночь 19 января 1939 года у Шахта зазвонил телефон. Ему было приказано на следующий день в 9.00 явиться к фюреру. По словам

Шахта, фюрер без всякой преамбулы сказал: «Я вызвал вас, чтобы уволить в отставку с поста президента рейхсбанка». Шахт взял протянутую ему бумагу. «Вы не являетесь членом национал-социалистской партии»,— продолжал Гитлер, упрекая Шахта за осуждение «Хрустальной ночи». «Если бы я знал, что вы одобряете подобные действия,— сказал Шахт,— я, возможно, промолчал бы». От возмущения у Гитлера перехватило дыхание. «В любом случае я слишком расстроен, чтобы продолжать с вами разговор»,— резко оборвал он собеседника. В итоге оба согласились, что Шахту необходимо покинуть Германию.

Вскоре после увольнения Шахта в зимний сад вызвали Видемана. Гитлеру, жившему после «Хрустальной ночи» в воображаемом мире, не имеющем ничего общего с реальностью, явно надоели критические замечания адъютанта, и Видеман понял, что от него тоже хотят избавиться. «Мне не нужны люди, не согласные с моей политикой,— заявил ему Гитлер.— Я увольняю вас с поста личного адъютанта и назначаю генеральным консулом в Сан-Франциско. Можете согласиться с этим назначением или отказаться». Видеман без колебаний дал согласие, но выразил надежду, что его материальное положение не ухудшится. Немного подобрев, Гитлер проворчал: «Я всегда забочусь о благосостоянии своих людей». Итак, после четырех лет совместной работы товарищи по оружию без сожаления и горечи расстались друг с другом.

Уход Шахта и Видемана знаменовал «реабилитацию» Йозефа Геббельса, который из-за своих сексуальных приключений попал в опалу. Еще в молодости он признавался: «Каждая женщина воспламеняет мою кровь. Я рыскаю за ними, как волк». Женитьба на Магде не утихомирила его. В то же время любвеобильный министр держал свои многочисленные амурные похождения в тайне, не доводя дело до огласки. Но так было до тех пор, пока он не влюбился в чешскую актрису Лиду Баарову, с которой познакомился летом 1936 года во время Олимпийских игр. Магда полагала, что это обычное увлечение мужа, но в конце концов потеряла терпение и два года спустя потребовала развода. Гитлер проявлял удивительную терпимость к гомосексуализму, но резко осуждал коллег по партии, бросавших спутниц жизни. Он потребовал, чтобы Геббельс оставил актрису. Тот не согласился и сам предложил уйти в отставку, но, подумав, уступил давлению и расстался со своей

«великой любовью». Как только Баарова по «совету» полиции вернулась в Чехословакию, Гитлер пригласил семью Геббельсов в Бергхоф. В газетах были опубликованы снимки супругов и их троих детей у входа в «Чайный дом», как доказательство того, что все в порядке.

Возвращение в фавор Геббельса совпало с новым подходом Гитлера к еврейскому вопросу. Началось с того, что фрау Троост попросила Гитлера восстановить на работе композитора Артура Пихлера, еврея по национальности. О евреях надо судить индивидуально, доказывала она, те немногие, с которыми она знакома,— не только специалисты в своей области, но и хорошие люди. «Это ваши личные суждения,— обозлился Гитлер.— Еврей живет по своим законам, а не по законам народа или страны, гражданином которой является. Он не принадлежит к немецкой нации и поэтому в Германии может считаться всего лишь гостем. В 1918 — 1933 годах евреи захватили все ключевые посты в искусстве, прессе, торговле и банках. Мой долг — позаботиться о том, чтобы под будущее нашей страны был подведен здоровый и сильный фундамент, основанный на национальных приоритетах. Я поставил задачу обеспечить безопасное существование и будущее немецкого народа и особенно немецких рабочих». Это было прелюдией к отказу удовлетворить просьбу фрау Троост «из принципа». Но в следующий приезд в Мюнхен он изменил свое решение и согласился восстановить профессора Пихлера на работе.

Подобно тому, как ложные обвинения о продвижении войск к чешской границе в начале 1936 года побудили Гитлера к преждевременным действиям, буря протестов за рубежом по поводу «Хрустальной ночи», возможно, усилила его ненависть к евреям. 21 января в беседе с чешским министром иностранных дел Хвалковским фюрер заявил, что никакие гарантии со стороны Германии не будут даны государству, не покончившему с евреями. «Наша доброта — не что иное, как слабость, и мы сожалеем об этом,— сказал он.— Евреи — наши заклятые враги, и к концу года в Германии не останется ни одного еврея. День расплаты наступил».

Через несколько дней всем дипломатическим миссиям и консульствам был разослан циркуляр министерства иностранных дел по еврейскому вопросу. «Конечной целью еврейской политики Германии,— говорилось в нем,— является эмиграция всех евреев, проживающих на германских

территориях». Далее следовали рассуждения о том, что западные страны (США, Франция, Голландия, Норвегия и другие), несмотря на моральное осуждение Германии, закрывают свои границы, не желая принимать немецких евреев-эмигрантов. В циркуляре без обиняков раскрывалась суть новой немецкой политики, цель которой состоит в «международном решении еврейского вопроса, продиктованном не фальшивой симпатией к «изгоняемому еврейскому религиозному меньшинству», а зрелым осознанием всеми народами опасности, которую представляют евреи для расовой чистоты наций».

Выступая 29 января в рейхстаге по случаю шестой годовщины прихода нацистов к власти, Гитлер уже не скрывал своих намерений. «Еврейские и нееврейские агитаторы постоянно возбуждают в Англии, Америке и Франции ненависть к Германии и немецкому народу,— заявил он,— и это в то время, когда рейх хочет лишь мира и спокойствия». Лживые, по его словам, попытки спровоцировать войну ни в коей мере не могут повлиять на политику Германии в еврейском вопросе. «Я часто высказывал пророческие мысли, но обычно надо мной смеялись. Буду пророком еще раз,— вещал фюрер, прямо называя конечную цель нацистов,— если международным еврейским финансистам в Европе и вне ее удастся снова развязать мировую войну, результатом будет не большевизация мира и победа еврейства, а уничтожение еврейской расы!»

3

1939 год начинался для Гитлера более чем удачно. 1 января Муссолини решился наконец принять немецкое предложение о превращении антикоминтерновского пакта из пропагандистской ширмы в подлинный военный союз. Причина, по словам Чиано, состояла в том, что Муссолини пришел к выводу о неизбежности войны с Западом.

В новогоднем обращении к немецкому народу Гитлер объявил, что германское правительство желает лишь одного: «добиться в предстоящем году успехов в умиротворении мира по-немецки». Следующим шагом в этой программе

«умиротворения» был полный контроль над Чехословакией. Гитлер успел пожалеть о заключении Мюнхенского пакта, считая, что упустил возможность аннексировать всю страну. Теперь ему нужен был подходящий предлог для нового вторжения.

В феврале фюрер дал указание Геббельсу развернуть массированную пропагандистскую кампанию против чешского правительства, которое, по его словам, терроризирует этнических немцев, сосредоточивает войска в Судетской области, вступает в сговор с Советами и принимает дискриминационные меры по отношению к словацкому населению. Последнее обвинение оказалось самым удачным, поскольку радикальные словацкие националисты клюнули на приманку и выдвинули требование полной независимости. Ситуация складывалась взрывоопасная, и нужен был лишь какой-нибудь просчет со стороны чешских руководителей, чтобы вызвать очередной кризис и тем самым дать Гитлеру необходимый предлог.

В Лондоне настроения против политики умиротворения усилились после получения от сотрудника германського министерства иностранных дел Эриха Кордта сообщения о том, что Гитлер намерен в ближайшем будущем подвергнуть бомбардировке Лондон. (Это была умышленная попытка антигитлеровской группы в Германии подтолкнуть Англию к войне с Германией). Чемберлен отнесся к этой угрозе серьезно и созвал специальное заседание кабинета. Из Берлина для доклада был вызван посол Гендерсон, который всеми силами пытался убедить постоянного заместителя министра иностранных дел Кадогана, что немцы не собираются ничего предпринимать в ближайшее время и «их компас указывает на мир». Проницательный Кадоган не был таким беспечным. Он высказал мнение, что намерения Гитлера— «сугубо бесчестные». Но и Кадоган сомневался в том, что Гитлер собирается проглотить Чехословакию.

Но из Праги вскоре стали поступать другие вести. Английский посол Ньютон докладывал, что отношения между чехами и словаками, «по-видимому, движутся к кризису».

4

Вечером 9 марта президент Чехословакии Эмиль Гаха, не раз признававшийся, что в политике смыслит мало, дал наконец Гитлеру предлог, которого тот давно ждал: Гаха распустил словацкое правительство и приказал ввести войска в Словакию.

Гитлер отреагировал мгновенно. Он отменил поездку в Вену, связанную с празднованием годовщины аншлюса, и начал подготовку к очередному вторжению. Опасение, что на помощь Праге придут Советы, рассеялось. Когда Гаха объявил о введении военного положения, Сталин заявил на восемнадцатом съезде партии, что Москва будет соблюдать осторожность и не позволит Западу использовать СССР, чтобы загребать жар чужими руками. Это соответствовало советской линии: публично заявлять, что СССР — единственный верный союзник Чехословакии, и в то же время ничем не рисковать. Предлогом для бездействия явился тот факт, что по договору с чехами Советы должны были оказать помощь только после вмешательства Франции.

В субботу Гитлер начал действовать. Прежде всего он дал указание генералу Кейтелю составить ультиматум с требованием, чтобы чехи согласились на германскую оккупацию Богемии и Моравии, а чуть позже отдал распоряжение агентам организовать беспорядки на чешской и словацкой территориях.

В тот же вечер два австрийских деятеля в сопровождении пяти немецких генералов отправились в Братиславу и появились на заседании нового словацкого кабинета, которому предложили объявить о независимости Словакии, однако новый премьер-министр, не решаясь сделать это, предложил обсудить положение с пражским правительством. В это время на политической сцене вновь появился его предшественник — католический священник Йозеф Тисо, который был подвергнут домашнему аресту в монастыре и бежал оттуда. Тисо потребовал созвать утром 12 марта заседание нового словацкого кабинета.

На нем Тисо сообщил, что получил «приглашение» встретиться с Гитлером в Берлине и принял его под угрозой оккупации Словакии немецкими и венгерскими войсками. 13 марта Риббентроп привел Тисо в кабинет фюрера, где

находились также Браухич и Кейтель. Уже были отданы приказы армии и авиации быть готовыми к вторжению в Чехословакию в шесть утра 15 марта.

«Чехословакия,— резко сказал Гитлер,— обязана Германии тем, что не была наказана раньше». То ли искренне, то ли ради внешнего эффекта он повысил голос и задал вопрос, что за игру ведут словаки, если только благодаря ему венгры не захватили словацкую территорию. Затем фюрер прямо спросил Тисо: желает ли Словакия остаться независимой или нет? «Завтра в полдень,— сказал он,— я начну военные действия против чехов, их возглавит генерал фон Браухич. Германия не намерена включать Словакию в свое жизненное пространство, и поэтому вы должны либо немедленно объявить независимость Словакии, либо мне будет безразлична ее судьба. Для выбора я даю вам срок до завтрашнего полудня, когда чехи будут раздавлены немецким катком».

Тисо подумал, потом позвонил в Братиславу и сообщил по-немецки, что говорит из кабинета фюрера, предложив на следующее утро созвать словацкий парламент. Удостоверившись, что ошеломленные министры поняли смысл его слов, он положил трубку. Тисо успел вернуться вовремя и зачитал собравшимся депутатам декларацию о независимости, составленную Риббентропом. Родилась новая Словакия, независимая лишь по названию.

В Лондоне Чемберлен пережил несколько неприятных минут в палате общин, отбиваясь от сердитых вопросов о неспособности правительства противостоять Гитлеру. «А как насчет английских гарантий Чехословакии?» — ехидно спрашивали его оппоненты. Премьер же объяснял, что гарантии касаются лишь неспровоцированного нападения, а такой агрессии не произошло.

Пока Чемберлен оправдывался, Гитлер действовал и, как обычно, создавал видимость, что принимает лишь ответные меры. Его жертвой в последнем акте драмы стал президент Чехословакии Гаха, который был так ошеломлен событиями последних дней, что обратился к Гитлеру с просьбой о срочной встрече.

Несколько часов фюрер заставил Гаху униженно ждать ответа и лишь потом согласился его принять. Затравленный, психологически сломленный президент в сопровождении дочери и министра иностранных дел сел в берлинский поезд. Лететь самолетом он не мог из-за болезни сердца.

Его отъезд видел только что прибывший в Прагу английский журналист Сефтон Делмер. К его удивлению, посетители в привокзальном кафе спокойно пили кофе, не зная, что происходит. Внезапно в сумерках по Вацлавской площади пошли колоннами судетские немцы в белых гетрах, с нацистскими флагами, скандируя: «Зиг хайль! Зиг хайль! Один рейх, один народ, один фюрер!» За ними следовали их чешские единомышленники. Но как только закончили работу заводы и на площадь высыпали рабочие, настроение изменилось. Они отказались пропустить демонстрантов, и возникла потасовка. Иначе выглядела ситуация в Остраве, городе чешских металлургов, расположенном неподалеку от польской границы. Ночью он был занят дивизией СС.

Тем временем в Берлине Гитлер и его гости собрались в гостиной на просмотр кинофильма. Рядом с фюрером сидел Кейтель на случай, если понадобится отдать официальный приказ о вторжении. В 22.40 на вокзал прибыл поезд из Праги, но только в час ночи Гаха был вызван к фюреру. Ожидание усилило беспокойство президента, и когда он с министром иностранных дел Хвалковским, обойдя почетный караул СС, вошел в кабинет Гитлера, на нем, как говорится, лица не было.

Гаха заверил фюрера, что он никогда не занимался политикой, и униженно попросил поддержать его. Как это отражено в немецких записях встречи, Гаха выразил убеждение в том, что «судьба Чехословакии находится в руках фюрера и потому — в руках надежных». Но даже такое подобострастие не произвело никакого впечатления на Гитлера. Фюрер разразился гневной тирадой, обвиняя во всем Масарика и Бенеша, затем заявил, что «подспудно дух Бенеша все еще живет в Чехословакии». Хрупкий Гаха весь съежился и выглядел жалко. То ли из жалости, то ли из тактических соображений Гитлер сказал, что у него нет повода не доверять Гахе. По его словам, приезд президента в Берлин несомненно послужит на благо его стране, «поскольку через несколько часов Германия введет в Чехословакию войска».

Гаха и Хвалковский оцепенели, но Гитлер обнадежил их, заметив, что в лояльности Гахи он убежден. Однако этот луч надежды погас, когда фюрер заявил, что наследие Бенеша все еще живо и что жребий будет брошен в воскресенье. Приказ на вторжение в Чехословакию немецких войск и о включении ее в германский рейх уже отдан. Чехи потеряли

дар речи, услышав, что немецкие войска вступят в их страну в 6.00. «Чехословакия будет уничтожена»,— закончил Гитлер.

Чехов отвели в соседнюю комнату, а Риббентроп начал звонить в Прагу. Линия была не в порядке, и он попросил Шмидта попробовать еще раз. Набирая номер, переводчик услышал крик Геринга, что Гаха упал в обморок. Позвали доктора Мореля, который на всякий случай находился поблизости. Если что-нибудь с Гахой случится, думал Шмидт, весь мир завтра поднимет шум, что его убили немцы. Как раз в этот момент линия на Прагу заработала. Шмидт пошел к Гахе и, к своему удивлению, увидел, что тот пришел в себя. Гаха сообщил кабинету о случившемся и посоветовал капитулировать.

Между тем Шмидт перепечатал набело составленное заранее короткое официальное коммюнике. В нем говорилось, что президент Чехословакии вручает судьбу чешского народа и страны фюреру германского рейха. Фактически это означало капитуляцию, и Гаха попросил Мореля сделать ему еще один укол, но подписать коммюнике, несмотря на уговоры Риббентропа и Геринга, отказался. Чехов безжалостно обрабатывали: подталкивали к столу, совали им ручки, угрожали, что если они не подпишут коммюнике, через два часа половина Праги будет уничтожена.

Наконец Гаха сдался и, красный как рак, в 3.55 дрожащей рукой подписал документ. Как только из его ослабевших пальцев выпала ручка, фюрер выбежал в комнату, где сидели две его секретарши. «Дети, поцелуйте меня, быстро! — с жаром воскликнул он.— Гаха только что подписал акт о капитуляции. Это величайший триумф моей жизни! Я войду в историю как самый великий немец!»

Несмотря на поздний час, Гитлер остался, чтобы отметить свою победу. «Мне жалко было старика,— говорил он Хофману и другим приближенным.— Но сентиментальность при подобных обстоятельствах неуместна, она бы повредила успеху». Морель заметил, что если бы не он, коммюнике, возможно, не было бы подписано. «Идите вы к черту со своими уколами!— воскликнул Гитлер.— Вы так оживили этого старика, что я боялся его отказа». Вошел Кейтель и сообщил, что приказ о вторжении в Чехословакию отдан, но с условием не открывать огня, если войска не встретят сопротивления.

5

В Лондоне лорд Галифакс узнал о вторжении от посла в Праге. Через несколько часов раздался звонок из Берлина: Гендерсон советовал своему шефу отложить визит министра торговли в Германию. Через час он снова позвонил и зачитал соглашение между Гитлером и Гахой, а в 11.00 продиктовал текст обращения Гитлера к немецкому народу, в котором тот оправдывал ввод немецких войск в Чехословакию «дикими эксцессами» против немцев и просьбами последних о помощи.

В тот же день Гитлер в сопровождении Кейтеля специальным поездом отбыл в Прагу, заявив: «Я должен быть там первым». Около трех часов дня, когда поезд подошел к границе, он и его свита пересели в машины. Шел сильный снег. Они проехали под открытыми шлагбаумами таможен и вскоре нагнали колонну войск, с трудом продвигавшуюся по обледенелой дороге. До Праги удалось добраться только к ночи. Когда кавалькада достигла президентского дворца, никто ее не встретил. Гитлер и его сопровождение разместились во дворце, кого-то послали в город купить ветчины, хлеба, сыра, фруктов и пльзенского пива. Первый раз Кейтель видел, что фюрер пьет пиво.

Реакция на германскую агрессию была бурной. Французское и английское правительства дали военные гарантии Польше, Румынии, Греции и Турции и одновременно начали политические и военные переговоры с Советами. В Рим фюрер спешно отправил принца Филиппа фон Гессена с письмом для дуче, выражая надежду, что Муссолини правильно воспримет его акцию. Дуче ворчливо сказал Чиано: «Итальянцы будут смеяться надо мной: каждый раз, когда Гитлер захватывает очередное государство, он шлет мне послание». Тем не менее итальянский диктатор решил поддержать союзника. «Мы не можем сейчас менять политику,— заявил он,— в конце концов, мы не политические проститутки». Но Муссолини считал для себя унизительным быть всего лишь младшим партнером. Чиано никогда не видел своего тестя таким расстроенным.

Всеобщее возмущение в мире Гитлер игнорировал. Из окна древнего королевского дворца, над которым развевался нацистский флаг, он 16 марта с удовлетворением обозре-

вал город, с которым было связано так много событий в немецкой истории. К нему подошел адъютант и сообщил, что ни Франция, ни Англия не проводят мобилизации. «Я предвидел это,— заметил фюрер.— Через две недели никто и говорить об этом не будет». Его больше заинтересовало сообщение о том, что местные нацисты ходят по улицам Праги и на еврейских магазинах малюют краской: «Еврей».

Окончательный распад Чехословакии наступил в конце дня, когда Тисо из Братиславы прислал Гитлеру телеграмму с объявлением независимости Словакии и с просьбой о защите. Туда немедленно были введены немецкие войска. Ту часть страны, в которую входила Закарпатская Украина, Гитлер позволил оккупировать венграм. Независимая Чехословакия прекратила свое существование.

Хотя англичане и воздержались от всеобщей мобилизации, они были возмущены. «Я хорошо понимаю вкус герра Гитлера к бескровным победам,— предупредил Галифакс германского посла,— но когда-нибудь он попадет отнюдь не в бескровную ситуацию». Какое-то время вместе с решительным Кадоганом он возражал против некоторых аспектов политики умиротворения Чемберлена, хотя и поддерживал премьера из чувства лояльности. Но наступил момент занять определенную позицию, и министр иностранных дел ясно дал понять Чемберлену, что страна, партия и палата общин требуют публичного и бескомпромиссного осуждения агрессии Гитлера.

Чемберлен последовал этому совету. 18 марта Гендерсон был временно отозван из Берлина, и вечером того же дня премьер-министр произнес речь в Бирмингеме, которая свидетельствовала об изменении внешнеполитического курса. По его словам, было бы большой ошибкой считать Великобританию страной, которая «настолько утратила свой характер, что не в состоянии ответить на вызов». Вряд ли выступление Чемберлена можно было назвать призывом к оружию, но учитывая, что выступал старый «миротворец», аудитория восприняла его слова с энтузиазмом. Это означало фактический конец политики умиротворения.

Гитлер допустил серьезный просчет, захватив Чехословакию, она бы и так попала в его орбиту рано или поздно. Но нарушив пакт, подписанный им самим, он полностью восстановил против себя общественное мнение во Франции и Англии. Чемберлен и его союзники больше не верили фюреру. Он нарушил правила игры.

Почему же Гитлер поступил столь недальновидно? Прежде всего, он не ожидал такой бурной реакции. Разве Запад не проглотил его доводы о необходимости восстановления законности и порядка в Австрии? Фюрер попросту считал, что имеет полное право ради будущего немецкого народа захватить любую территорию, поскольку военная мощь Германии превосходит силы ее противников.

Глава 19. ЛИСА И МЕДВЕДЬ (январь — август 1939 г.)

1

В тот день, когда Гитлер объявил в Праге о создании протектората Чехии и Моравии, английское министерство иностранных дел получило предупреждение от румынского посла, который со ссылкой на секретные источники сообщил, что в ближайшие месяцы Гитлер намерен захватить Румынию и Венгрию. В еще большее заблуждение лидеры британской дипломатии были введены тревожной депешей посла в Париже сэра Эрика Фиппса, в которой, кстати, была масса ошибок: ради секретности посол печатал сам. Фиппс писал, что Гитлер в июне или июле намерен начать войну против Англии. Подобного рода информация исходила, вероятно, от антигитлеровской группы в Германии, продолжающей попытки вызвать вооруженный конфликт. В действительности Гитлер не собирался воевать с Англией, а планы, связанные с Румынией и Венгрией, касались лишь экономической сферы. Его в то время больше всего занимали разногласия с Польшей, получившей независимость после первой мировой войны. Чтобы дать Польше выход к морю, согласно Версальскому мирному договору, по реке Висле до порта Данциг был создан так называемый «польский коридор». И ничто так не возмущало немецких шовинистов, как этот «коридор», который отрезал Восточную

Пруссию от остальной части фатерланда. Центром возмущения являлся Данциг с его преимущественно немецким населением.

Удивительно, что самый ярый германский националист в «Майн кампф» и первых своих речах почти не касался отношений с Польшей. И дело было совсем не в том, что он питал дружеские чувства к полякам, — по его меркам, «недочеловекам». Гитлер был одержим идеей покорить Советский Союз — страну, которая вполне могла удовлетворить немецкие потребности в жизненном пространстве. После прихода к власти он в 1934 году подписал с Варшавой договор о ненападении сроком на десять лет. Официально фюрер заявлял о германо-польской дружбе, а в Мюнхене любезно пригласил поляков принять участие в разделе Чехословакии. Они приняли это приглашение с радостью, не понимая, что гости на таком банкете в итоге сами платят по счету. Этот счет был представлен месяц спустя после Мюнхена, когда посол Липский получил приглашение на завтрак к Риббентропу в Берхтесгаден. Пришла пора урегулировать их разногласия, сказал Риббентроп и в дружеской манере предложил возвратить Данциг Германии и разрешить ей создать собственный «коридор», который соединит Восточную Пруссию с рейхом. В обмен Германия даст право Польше использовать Данциг как свободный порт, гарантирует незыблемость существующих границ и продлит срок действия договора о ненападении. Риббентроп также предложил сотрудничать в переселении евреев из Польши и в согласовании «совместной политики по отношению к России на основе антикоминтерновского пакта».

Поскольку многие влиятельные поляки разделяли страх Гитлера перед Россией и ненависть к евреям, перспективы мирного урегулирования казались обнадеживающими. Но польский министр иностранных дел Юзеф Бек упорно уклонялся от приглашений в Германию, стремясь укрепить связи с Россией. В результате в конце 1938 года появилось совместное заявление о русско-польской дружбе и начались торговые переговоры.

Но с такими людьми, как Гитлер, невозможно было до бесконечности вести двойную игру, и Беку пришлось воспользоваться его приглашением. В начале января 1939 года польский министр прибыл в Бергхоф. Если Бек опасался, что с ним будут обращаться так же высокомерно, как с Шушнигом, Тисо и Гахой, то его ждал приятный сюрприз.

Угроз не было, зато делались соблазнительные предложения, связанные с предстоящей ликвидацией Чехословакии. Но такой подход потерпел неудачу. Дипломатично, вежливо, но твердо Бек отказался даже обсуждать вопрос о возвращении Данцига.

Через несколько недель Риббентроп сам отправился в Варшаву, где повторил немецкие предложения. Его приглашали на балы, в театры, на охоту, щедро угощали икрой и водкой, но за столом переговоров он не получил ничего. В Берлине ходили слухи, что возмущенный отказом Бека Гитлер кричал, что с поляками можно говорить только языком силы. Эта тактика, с успехом примененная в Австрии и Чехословакии, была использована в марте, когда Риббентроп предупредил Варшаву, что репрессии поляков против немецкого меньшинства становятся нетерпимыми. В прессе началась пропагандистская кампания с утверждениями, что на улицах Данцига поляки пристают к немецким женщинам и детям, а немецкие магазины и дома мажут дегтем. Но Бека это не испугало, он вызвал германского посла и предупредил его, что любая попытка изменить статус Данцига будет рассматриваться как акт агрессии против Польши. «Вы хотите вести переговоры под штыком!» — воскликнул германский посол. «Это ваш метод»,— ответил Бек.

Решимость поляков была вознаграждена неожиданным предложением Англии о военной помощи в случае нацистской агрессии. Бек без колебаний принял его, и в последний день марта Чемберлен сделал в палате общин следующее заявление: «В случае любых действий, угрожающих независимости Польши, правительство Его Величества окажет немедленную поддержку польскому правительству». Франция, добавил премьер, уполномочила его заявить, что она присоединяется к Англии. Когда Чемберлен сел, раздались возгласы одобрения.

На следующий день, 1 апреля, фюрер произнес «ответную» речь. Какое право имеет Англия, патетически вопрошал он, вмешиваться в жизнь Германии? «Если сегодня английский премьер требует, чтобы права немцев сначала обсуждались в Англии, тогда я могу потребовать, чтобы любая английская проблема сначала обсуждалась с нами,— заявил он, переходя к угрозам.— Германский рейх не потерпит запугивания». Это его высказывание прозвучало сравнительно мягко, но в узком кругу фюрер себя не сдерживал. Получив от адмирала Канариса сообщение об анг-

лийских гарантиях Польше, он рвал и метал, бегая по кабинету с искаженным от ярости лицом, стуча кулаком по мраморному столу и выкрикивая ругательства: «Я сварю их в соусе, которым они подавятся».

Возможно, самообладание Гитлера на публике объяснялось убеждением, что сила на его стороне. Победой Франко закончилась гражданская война в Испании, внимание Англии было отвлечено слухами о давлении Италии на Албанию. Все это вполне отвечало интересам фюрера.

Гитлер в тот момент не осознавал, что Англия покончила с политикой умиротворения и на словах, и на деле. 3 апреля он издал секретную военную директиву и лично передал ее высшему командованию вермахта. «Так как положение на восточной границе Германии стало нетерпимым и все политические возможности мирного урегулирования исчерпаны,— говорилось в ней,— я пришел к выводу разрешить эту проблему силой». Начало «Белой операции» — вторжения в Польшу — намечалось на 1 сентября, ответственность за враждебные действия на Западном фронте возлагалась на Англию и Францию. «Право отдать приказ о наступательных операциях,— подчеркивал фюрер,— остается исключительно за мной, так же как и принятие решения о воздушных налетах на Лондон».

Утверждение Гитлера о том, что политические возможности урегулирования с Польшей исчерпаны, имело под собой все основания. Полковник Бек не только избегал переговоров с Гитлером, но и отпрвился в Лондон, чтобы заключить союз с англичанами. Его тепло приняли и правительство, и общественность. Но будучи замкнутым и подозрительным, польский министр начал переговоры в весьма официальном тоне. Когда Чемберлен, проглотив собственное недоверие к России, предложил привлечь ее к антигитлеровскому фронту, Бек решительно выступил против. Боясь нападения русских больше, чем нацистов, он отказался идти на какие бы то ни было действия, которые могут спровоцировать войну с Гитлером. Ни на какие уступки он не шел, и временное соглашение о военной помощи с англичанами, подписанное 6 апреля, исключало какое-либо советское участие.

Большинство стран, как известно, проводят внешнюю политику, исходя из предпосылки, что поддерживать жар в двух утюгах гораздо предпочтительнее, чем в одном. Советский Союз в этом плане не был исключением и вел перего-

воры одновременно и с Англией, и Германией. Настоятельная необходимость в союзниках частично объяснялась опасным ослаблением Красной Армии, командный состав которой сильно пострадал в результате двухлетней кровавой сталинской «чистки». Были расстреляны маршал Тухачевский и другие высшие военные руководители. Впоследствии Гейдрих хвастался, что «кастрация» Красной Армии была его работой. Информацию о том, что клика Тухачевского организовала заговор против Сталина, Гейдрих переслал кремлевскому диктатору через президента Бенеша. Вскоре в Берлин приехал советский представитель и вступил в контакт с Гейдрихом на предмет получения материалов, компрометирующих Тухачевского и других военных. Гейдриху выплатили три миллиона рублей купюрами, которые, очевидно, были мечеными, потому что агентов, пытавшихся тратить их в России, тотчас же задерживали. Более того, имено по указанию Сталина были сфабрикованы эти так называемые компрометирующие советских военачальников «документы», которые якобы случайно попали к ничего не подозревающему Гейдриху.

Хотя об этом мало кто знал, Германия тайно укрепляла Красную Армию в течение почти двух десятилетий. И Германия, и Россия были исключены из переговоров, приведших к заключению Версальского договора, и поскольку отверженные страны, как правило, тяготеют друг к другу, они тайно начали широкое военное сотрудничество. В конце 1920 года командующий немецкой армией генерал Ганс фон Сект создал в министерстве обороны административное подразделение с отделениями в Берлине и Москве. Компания «Юнкерс» вскоре получила концессию на производство авиамоторов в пригороде Москвы, а совместная компания «Берсоль» приступила к производству боевых отравляющих веществ в Самарской области. Немецкие технические эксперты оказывали Советам помощь в строительстве трех заводов по производству боеприпасов, а шестьдесят немецких военных и гражданских инструкторов обучали эскадрилью красных летчиков, немцев по происхождению. Танкисты вермахта, в свою очередь, проходили подготовку на полигоне под Казанью.

Взаимовыгодное тайное сотрудничество переросло в политическое сближение, закрепленное Рапалльским договором 1922 года. Союз против держав Версаля давал гарантию Советам в том, что Германия не примет участия в ка-

ком-либо враждебном им блоке, а немцев избавлял от угрозы полного окружения. Но приход к власти Гитлера знаменовал поворотный пункт в советско-германских отношениях, которые к 1938 году практически зашли в тупик. Положение, однако, коренным образом изменилось, когда без консультации с Советами Франция и Англия подписали Мюнхенское соглашение.

Игнорируемый Западом, Советский Союз снова повернулся к Германии. В начале 1939 года Сталин принял предложение Гитлера обсудить новый торговый договор. В Москву был приглашен помощник Риббентропа. Несколько дней спустя в лондонской газете «Ньюс кроникл» появилось сенсационное сообщение о том, что Сталин вскоре подпишет с нацистами договор о ненападении. Советы эту версию опровергать не стали. На восемнадцатом съезде партии Сталин во всеуслышание заявил, что Советский Союз не позволит Западу втянуть себя в войну с Германией, выразив суть советской внешней политики в следующих словах: «Мы стоим за мир и укрепление деловых отношений со всеми странами». Немецкая пресса, обращая внимание на слово «всеми», истолковала его как шаг навстречу Германии, а советские газеты, сообщая о реакции немцев, косвенно подтвердили это.

Через месяц эксперт Риббентропа по Польше и балтийским государствам Петер Кляйст получил указание наладить контакты с сотрудниками советского посольства в Берлине. Через несколько дней он и эксперт министерства иностранных дел Германии по экономике стран Восточной Европы появились в советском посольстве. Их пригласил на чай советский поверенный в делах Георгий Астахов, обходительный человек с аскетической внешностью. После ничего не значащей беседы о французском импрессионизме Астахов предложил перейти к делу. Называя нелепой вражду между Германией и Советским Союзом из-за идеологических различий, он осторожно перешел к вопросу о возможностях выработки общей для обеих стран международной политики.

Кляйст вышел из посольства в раздумье: Кремль давал сигнал Риббентропу. Но шеф, к удивлению Кляйста, приказал избегать дальнейших контактов с Астаховым. «Я не думаю, что фюрер захотел бы продолжения этих контактов»,— сказал он.

Следующий шаг сделал Сталин. 17 апреля советский по-

сол Алексей Мерекалов посетил первого заместителя Риббентропа барона фон Вейцзекера. Это был его первый визит за последние десять месяцев, причем по делу, которое обычно решается дипломатами более низкого ранга. К концу беседы Мерекалов поинтересовался мнением Вейцзекера о русско-германских отношениях. Тот ответил, что Германия всегда желала взаимовыгодных торговых отношений с Россией. Следующее высказывание Мерекалова было явным сигналом к сближению: Россия не видит оособых препятствий для дальнейшей нормализации отношений с Германией.

Между тем Советы продолжали обхаживать и другую сторону. Но Чемберлен не стремился к более тесным отношениям с Россией, будучи убежденным, что союз с ней усилит раздоры между балканскими странами и ослабит их сопротивление Германии. Поэтому он поспешил предложить Румынии те же гарантии, что и Польше.

19 апреля министр иностранных дел Румынии посетил рейхсканцелярию и смог воочию увидеть реакцию Гитлера на предложение Лондона. При одном упоминании об Англии фюрер вскочил с места и начал нервно вышагивать по кабинету. Неужели англичане не видят, кричал он, что Германия хочет достичь с ними соглашения? Если Англия желает войны, она ее получит. «И это будет война неслыханной уничтожающей силы,— предупредил он.— Как могут англичане думать о войне, если им не под силу выставить на поле боя хотя бы две полностью оснащенные дивизии?»

20 апреля Гитлеру исполнилось 50 лет. Время, по мнению фюрера, уходило неумолимо, и у него оставалось лишь несколько лет для выполнения великой миссии. День его рождения, как всегда, был отмечен крупным военным парадом. Величественный спектакль замышлялся как предупреждение врагам. По личному указанию Гитлера были продемонстрированы новейшие образцы полевой артиллерии, тяжелых танков, зенитных орудий и прожекторов противовоздушной обороны. В небе проносились эскадрильи истребителей и бомбардировщиков. Эта самая крупная демонстрация германской военной мощи произвела на присутствовавших иностранных дипломатов тяжелое впечатление.

Юбилей сопровождался потоком славословия в адрес Гитлера. Школьники, напрмер, разучивали такую песню: «Адольф Гитлер — наш спаситель, наш герой, Он самый благородный человек в мире. Ради Гитлера мы живем. Ради

Гитлера мы умираем. Наш Гитлер — это наш Бог. Он смело правит новым миром».

Гитлер запретил употреблять термин «третий рейх» и в своем кругу выражал неудовольствие ростом культа собственной личности, который порой приобретал самые нелепые формы. Как вспоминают очевидцы, на одном из партийных семинаров прозвучал поразительный по своей нелепости рассказ женщины-лектора об опытах с говорящей собакой. По словам этой женщины, на вопрос: «Кто такой Адольф Гитлер?»— собака отвечала: «Мой фюрер». Рассказчицу перебил возмущенный член партии, потребовавший от нее прекратить нести чепуху. У бедной женщины выступили слезы на глазах, и она ответила: «Это умное животное знает, что Адольф Гитлер принял законы против опытов над животными и ритуальных убийств животных евреями, и из чувства благодарности мозг этой собаки признал Адольфа Гитлера фюрером».

Церковь хотя и не считала Гитлера Богом или мессией, но его 50-летие отметила подобающим образом. В каждой немецкой церкви были отслужены специальные молебны, а епископ Майнцский призвал католиков своей епархии помолиться за «фюрера и канцлера — вдохновителя и защитника рейха». Прислал свои поздравления и римский папа.

Но все эти почести не умерили гнева Гитлера на встрече с румынским министром. Поводом для этого были не только английские гарантии. Фюрер был разъярен появлением в США без его разрешения перевода «Майн кампф». Издатели восстановили выброшенные им самим места, а в редакционном комментарии обращали внимание на допущенные «автором» искажения. Книга продавалась по 10 центов. За первые десять дней было распродано полмиллиона экземпляров. На ее обложке красовалась надпись: «Ни цента гонорара для Адольфа Гитлера». За этим оскорблением последовало другое — со стороны президента Рузвельта. Он направил послания Гитлеру и Муссолини (последний только что вторгся в Албанию), требуя прекращения любых агрессивных действий в настоящем и будущем.

Разгневанный Гитлер дал ответ 28 апреля на заседании рейхстага. Никогда раньше его выступления не собирали такой громадной аудитории, поскольку речь передавалась по радио не только по всей Германии и в Европе, но и в США. В далекое прошлое ушли дни, когда в Вене Гитлер разглагольствовал перед любым, кто соглашался его слу-

шать. Тогда его игнорировали или высмеивали. Теперь же мир дрожал.

Фюрер говорил весьма красноречиво. Он начал с защиты своей внешней политики, затем перешел к обсуждению нового внешнеполитического курса Англии, которая, по его утверждению, ликвидировала основу военно-морского соглашения 1935 года. Вслед за этим последовали резкие нападки на Польшу и объявление о расторжении пакта о ненападении под предлогом, что поляки «в одностороннем порядке» нарушили его. Разорвав два договора, Гитлер заявил, что приветствовал бы новые переговоры при условии, если они будут вестись на равноправной основе.

Затем он обрушился с нападками на Рузвельта. Это был, по крайней мере для немецкой аудитории, шедевр иронии и сарказма. Гитлер словно вспомнил свою молодость, когда он, заядлый спорщик, покорял мюнхенские пивные. Фюрер разбирал послание президента по пунктам, как школьный учитель. Его едкие остроты вызывали смех и бурные аплодисменты. Однако вопрос, намерен ли он напасть на Польшу, так и остался без ответа.

Гитлеру нужно было время, чтобы подготовиться и решить польский вопрос надлежащим образом. Уединившись в Бергхофе, он все лето отказывался возобновить контакты с Польшей, зато к России был необычайно благосклонен. Робкий флирт, начатый за чашкой чая в советском посольстве, перерастал в настоящий роман.

Вскоре после взрывной речи в рейхстаге на последних страницах советских газет появилось малозаметное сообщение: Литвинова сменил Молотов. Это была сенсационная новость, и ее по достоинству оценили в германском посольстве. В тот вечер германский поверенный в делах сообщил в Берлин, что народный комиссариат иностранных дел не дает никаких объяснений по этому поводу, но увольнение, по-видимому, является результатом разногласий между Сталиным и Литвиновым, женатым на англичанке. Уход Литвинова, выступающего за коллективную безопасность против держав «оси», означал, что Сталин отказывается от этой линии. Важное значение придавали немцы и замене еврея неевреем. Это, по их мнению, свидетельствовало о том, что Сталин, не доверяя Англии, приоткрывает дверь своему коллеге-антисемиту в Берлине. Тот неприятный для нацистов факт, что жена Молотова — еврейка, от Гитлера скрыли.

Новость о замене Литвинова Молотовым обрушилась на фюрера, как гром среди ясного неба. Он уже давно восхищался жестокими методами Сталина, но еще не был убежден в разумности сотрудничества с ним. 10 мая Гитлер вызвал в Берхтесгаден эксперта по русским делам, чтобы разобраться, готов ли Сталин к сближению с Германией. Густав Хильгер, атташе по экономическим вопросам в германском посольстве в Москве, отвечая на этот вопрос, напомнил Гитлеру о заявлении Сталина на восемнадцатом съезде партии. К удивлению Хильгера, ни Гитлер, ни Риббентроп не могли вспомнить сути этого заявления.

Выслушав пространные рассуждения эксперта об отсутствии у Советского Союза агрессивных намерений по отношению к Германии, Гитлер после его ухода заметил, что Хильгер — сам немножко русский и, возможно, находится под влиянием советской пропаганды. «Но если он прав, — добавил фюрер,— я должен как можно быстрее помешать внутреннему укреплению этого гиганта» — и приказал Риббентропу затягивать переговоры с Советами.

Со своей стороны Сталин дал указание Астахову возобновить торговые переговоры с немцами. 20 мая Молотов пригласил в Кремль посла фон Шуленбурга. Обычно суровый Молотов на этот раз был более чем любезен, но за его внешней обходительностью скрывалось железное упрямство. Как только речь зашла о серьезных вещах, он заявил, что явное нежелание Гитлера заключить новое экономическое соглашение создает впечатление о несерьезности немцев, которые, по его мнению, лишь играют в переговоры.

Фюрера в тот момент больше интересовало укрепление связей с Муссолини. Огорченный внезапным нападением дуче на Албанию (Гитлера там больше устраивал отвлекающий маневр, а не настоящее вторжение), он с этого времени добивался заключения более обязывающего договора «оси». 22 мая в Берлине такой договор был подписан. Названный «стальным пактом», он прочно привязал судьбу Италии к Германии. Для Гитлера «стальной пакт» был дипломатической победой, так как он обязывал обе стороны оказывать поддержку друг другу в случае войны всеми военными силами на суше, на море и в воздухе.

По сути это развязывало фюреру руки, и уже на следующий день он созвал совещание высшего военного командования. Связав решение экономических проблем Германии с польским вопросом, Гитлер заявил оторопевшим генера-

лам: «Дело не в Данциге. Главное — это расширение жизненного пространства на Востоке, обеспечение поставок продовольствия и урегулирование балтийских проблем», в связи с чем Польша должна быть сначала изолирована, а затем уничтожена. «Ожидать повторения чешского варианта нельзя,— предупреждал он.— Будет война, которая закончится успешно лишь в том случае, если Запад останется в стороне.

Это озадачило слушателей. Большинство присутствующих потрясли слова Гитлера, однако верный Кейтель попытался убедить себя, что опасения генералов напрасны и войны не будет. Он старался не слушать, как фюрер говорит о грядущей войне «не на жизнь, а на смерть» с Англией и Францией.

Это не были безумные проповеди человека, одержимого жаждой завоеваний, а глубокое убеждение, что такая великая страна, как Германия, не может существовать без войны. Только безграничные ресурсы Востока могли, по мнению Гитлера, спасти рейх, а альтернатива — соглашение с Западом — была связана с неприемлемым риском. Если бы фюрер признался, что блефует, немецкий престиж лопнул бы, как мыльный пузырь.

За исключением, возможно, Кейтеля и Редера, генералы вышли из зимнего сада в состоянии шока. Что же касается фюрера, то он отправился к себе в Бергхоф в хорошем настроении, остановившись по пути в Аугсбурге послушать «Лоэнгрина» в местном исполнении. Но и в Бергхофе Гитлера не оставляло беспокойство в связи с продолжающимися переговорами англичан в Москве. А что, если они опередят его в заключении соглашения с большевиками? Как поведет себя Сталин, если Германия нападет на Польшу?

Гитлер дал указание Шуленбургу убедить Москву в том, что русским не следует опасаться «стального пакта», который направлен исключительно против англо-французского альянса, и что применение военной силы против Польши ни в коей мере не коснется Советского Союза. Сталину, по мнению фюрера, необходимо было внушить, что нормализация советско-германских отношений даст России несравненно больше, чем сближение с «коварным Альбионом», который готов, как всегда, загребать жар чужими руками. За дипломатическими иносказаниями таилось предложение о разделе Польши. Гитлер был уверен, что это произведет должное впечатление на Сталина.

2

Англичане в «играх» со Сталиным преуспели не больше, чем Гитлер. Лорд Галифакс терял терпение из-за нежелания Кремля перейти к делу. Он внушал послу Майскому, что нельзя вести переговоры, говоря все время «нет», это «очень похоже на нацистские методы решения международных вопросов». В ответ в «Правде» появилась статья, в которой утверждалось, что английское и французское правительства «не хотят заключить равноправный договор с СССР». Москва подозревала, что англичане стремятся втянуть Россию в войну с Гитлером, а собственный вклад свести к минимуму. Так же скептически настроенный японский посол в Лондоне сообщал в Токио, что англичане ведут свою обычную двойную игру: используют переговоры с Советским Союзом как угрозу Гитлеру и в то же время шантажируют Сталина своими планами урегулирования отношений с Германией.

Большую часть лета Гитлер оставался в Бергхофе, не проявляя дипломатической активности и не делая никаких заявлений. Возможно, его молчание объяснялось неопределенностью ситуации, а возможно, фюрер считал, что большинство проблем решится само собой. Во всяком случае, подобная тактика сбивала с толку как его противников, так и союзников. Гитлер терпеливо отнесся к предупреждению Муссолини, который постоянно напоминал ему о том, что для Германии и Италии в настоящее время мир важнее войны. Фюрер не счел нужным возражать дуче, рассчитывая локализовать войну путем изоляции Польши.

Его личная жизнь отошла на второй план, в ней оставалось мало места для Евы Браун. Только в начале 1939 года Гитлер привез свою подругу в Берлин и поселил в жилой части рейхсканцелярии. Она занимала бывшую спальню фельдмаршала Гинденбурга, главным украшением которой был громадный портрет Бисмарка. Шторы в ней, по указанию фюрера, никогда не открывались. Эта мрачная комната вместе с соседним будуаром примыкала к библиотеке, но Ева должна была пробираться в покои фюрера через вход для прислуги.

Хотя они жили как муж и жена, оба тщательно скрывали эту связь, маскируя ее под «добрую дружбу». По утрам Ева

обращалась к своему покровителю «мой фюрер» и так привыкла к этому обращению, что, по собственному признанию, употребляла его даже в интимной обстановке. Однако круг людей, посвященных в их тайну, начал расширяться из-за одного промаха. Однажды утром капитан Видеман вошел в комнату фюрера, чтобы передать срочную бумагу, и, к своему удивлению, увидел у двери на полу изящные туфельки Евы и рядом — сапоги Гитлера, оставленные для чистки, как это принято в отелях. «Я не мог не рассмеяться, когда сошел вниз»,— писал адъютант позднее в мемуарах.

Когда в рейхсканцелярию или в Бергхоф, где покои Евы также примыкали к апартаментам Гитлера, прибывали важные гости, она вынуждена была сидеть у себя, что ей трудно было вынести. Любовница фюрера горела желанием познакомиться с венгерским диктатором Хорти, бывшим президентом США Гувером, румынским королем Каролем и другими знаменитостями. Особенно огорчилась Ева, когда Гитлер отказался представить ее герцогине Виндзорской. И только мысль о том, что великие мира сего приезжают со всего света, чтобы воздать должное ее любовнику, делала ее «незаконное» существование терпимым. Все же это было лучше, чем прежние дни одиночества и страданий, которые привели ее к двум попыткам самоубийства.

В конце июля Риббентроп дал указание Петеру Кляйсту возобновить беседы с Астаховым, а Шуленбергу поручил снова встретиться с Молотовым и предложить серьезные политические переговоры. Он спешил, стремясь подготовить такой договор с Советами, который поставит Англию в патовое положение. Встреча состоялась 3 августа и оставила у германского посла впечатление, что Советы преисполнены решимости подписать соглашение с Англией и Францией, «если те согласятся на советские предложения». Именно этого Молотов и добивался. И он, и Сталин обратили внимание на нетерпение Берлина, на его стремление договориться и набивали себе цену, одновременно ведя игру с англичанами.

К этому времени Гитлер стал проявлять куда большее нетерпение, чем Риббентроп. До начала кампании против Польши оставалось меньше месяца, и ему нужно было получить от Сталина надежные гарантии.

В те дни наконец разразился ожидаемый нацистами кризис в Польше. Началось с того, что данцигские нацисты сообщили польским таможенным властям об отказе от их ус-

луг. Польша ответила гневным протестом, после чего президент сената Данцига обвинил Польшу в том, что она ищет предлог для захвата города. 9 августа Берлин предупредил Варшаву, что ее давление на Данциг может усилить напряженность в отношениях между Германией и Польшей. Польша ответила, что любое германское вмешательство будет рассматриваться как агрессия.

Немецкая пресса неистовствовала: «Польша! Берегись!», «Варшава грозится бомбить Данциг!». Пока Геббельс вопил, дипломаты тихо делали свое дело. Экономический эксперт Риббентропа Юлиус Шнурре убеждал Астахова, что немецкие интересы в Польше ограничиваются лишь Данцигом и с советскими никак не могут столкнуться.

Из Бергхофа Гитлер послал в Данциг личный самолет за находившимся там комиссаром Лиги Наций Карлом Буркхардтом. Тот прибыл 11 августа и был представлен Гитлеру в «Чайном доме».

Перед встречей с ним Гитлер сказал Шпееру: «Возможно, скоро произойдет нечто чрезвычайно важное». Как будто разговаривая с самим собой, он что-то пробормотал о направлении Геринга с важной миссией. «Но если будет нужно, поеду сам, я ставлю все на кон». Как оказалось, он имел в виду договор со Сталиным, но когда вошел Буркхардт, переключился на Польшу. «Если что-то случится,— бушевал Гитлер,— я нанесу полякам удар, как молния, всей мощью механизированных сил, о которых они и представления не имеют! Вы меня понимаете?» — «Да, господин канцлер,— отвечал Буркхардт,— я полностью сознаю, что это означает всеобщую войну». На лице Гитлера появилась гримаса боли и гнева.

«Если меня вынуждают к этому конфликту, я предпочитаю начать сегодня, а не завтра,— сказал он.— Я буду драться беспощадно, до самого конца».

Затем он успокоился и заверил гостя, что не имеет никакого желания воевать с Англией и Францией: «У меня нет романтических устремлений, нет стремления к господству. Я ничего не ищу на Западе ни сегодня, ни завтра,— продолжал Гитлер.— Но я должен иметь свободу действий на Востоке, чтобы получить для Германии достаточное количество пшеницы и леса». Фюрер подтвердил, что, если ему дадут свободу действий на Востоке, он с радостью заключит договор с Англией и гарантирует неприкосновенность ее владений. «Все мои помыслы направлены против России.

Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, я вынужден буду договориться с русскими и сокрушить Запад, а потом, после его разгрома, поверну все силы против Советского Союза. Мне нужна Украина, чтобы нас не морили голодом, как в прошлой войне».

3

Буркхардт не знал, что англичане уже сделали секретное предложение Гитлеру через ближайшего помощника Чемберлена сэра Хораса Уилсона. В частной беседе последний заверил представителя Риббентропа Фрица Хессе, что премьер-министр готов предложить фюреру оборонительный союз на двадцать лет, который мог бы предусмотреть экономические льготы для рейха и возвращение в «надлежащее вне отказаться от дальнейших агрессивных действий в Европе. «На месте Гитлера,— заметил ошеломленный Хессе,— я бы принял ваше предложение. Но примет ли он — никто не может сказать».

Хессе сообщил о предложении в Берлин и вскоре сам вылетел туда на специальном самолете с отпечатанным на машинке текстом предложений, переданным ему Уилсоном. Они произвели впечатление на Рибоентропа, перед которым возникла нелегкая проблема: как убедить Гитлера отнестись к ним всерьез? Действительно ли Хессе думает, что англичане будут в войне на стороне Гитлера, если Советы нападут на Германию? Прекратят ли они переговоры в Москве, прежде чем начнут их с Германией? Хессе ответил утвердительно.

По словам Хессе, Гитлер был вне себя от радости, выслушав эти предложения. «Это величайшее событие!»— воскликнул он. Еще бы! Осуществляется мечта всей его жизни — союз с могущественной Англией! Но почти сразу же у фюрера появились сомнения, и он обвинил Уилсона в том, что тот ставит ловушки, чтобы спасти поляков от заслуженного возмездия. «Чего же Гитлер хочет?»— спросил Хессе сотрудника Риббентропа Вальтера Хевеля. Тот ответил: фюрер полностью настроился на то, чтобы заставить поляков капитулировать.

Через два дня Риббентроп сказал Хессе, что, по мнению Гитлера, война с Англией неизбежна, ибо англичане готовы пойти на военный конфликт из-за такой «мелочи», как Данциг. Тем не менее Риббентроп пообещал еще раз поговорить с Гитлером. Такой разговор состоялся, и министр был удивлен, что шеф отнесся к соображениям Хессе «удивительно спокойно». Однако фюрер опасался, что английское предложение — просто трюк, и потребовал твердых гарантий в том, что англичане сдержат свое слово.

Эта ужесточившаяся позиция повлияла и на Риббентропа, что проявилось на его встрече с итальянским министром иностранных дел 11 августа в Зальцбурге. Чиано приехал с твердым указанием дуче настаивать на отсрочке нападения на Польшу и на решении проблемы путем переговоров. Риббентропу, как и фюреру, не понравилось, что Муссолини прислал своего зятя, а не приехал сам. Кроме того, они терпеть не могли Чиано за его пьянки и сексуальные похождения, которые повторялись всякий раз, когда тот появлялся в Германии. Риббентроп подробно изложил позицию фюрера и пренебрежительно отмахнулся от увещеваний и призывов Чиано к мирному решению конфликта. Наконец итальянец спросил, чего же хочет Риббентроп: «коридора» или Данцига? «Не только,— ответил тот,— мы хотим войны».

На следующий день в Бергхофе Чиано снова попытался убедить Гитлера, предупреждая, что война с Польшей вызовет цепную реакцию и Запад на этот раз наверняка объявит войну Германии. Он напомнил, что к такой войне Италия не готова, ее ресурсов хватит лишь на шесть месяцев. Гитлер выслушал Чиано и вежливо предложил прервать беседу до утра. Он повез гостя в «Чайный дом», где водил его от окна к окну, заставляя любоваться живописными окрестностями, к чему Чиано отнесся довольно равнодушно и вскоре ушел в свои покои. Тестю по телефону он сообщил: «Ситуация серьезная».

Но к утру Чиано сдался. На второй встрече с Гитлером он уже ни слова не сказал о неспособности Италии участвовать в войне и равнодушно выслушал заверения фюрера в том, что Англия и Франция никогда не пойдут на войну из-за Польши. «Вы так часто оказывались правы,— сказал Чиано,— что, возможно, и на этот раз видите вещи иначе, чем мы».

Сразу же после беседы с фюрером расстроенный и подав-

ленный Чиано вылетел в Рим. «Я возвращаюсь домой,— писал он в дневнике,— питая глубокое отвращение к немцам, их лидеру и его политике. Они втянули нас в авантюру, которой мы не хотели и которая может скомпрометировать нашу власть и нашу страну».

Вскоре после отъезда Чиано Риббентроп вызвал Хессе. «Я только что был у фюрера,— сообщил он.— К сожалению, он не в состоянии обсуждать предложение Чемберлена. У него другие намерения, хотя предложение Чемберлена и не отвергается. К нему мы вернемся в свое время». Риббентроп приказал Хессе немедленно возвращаться в Лондон и следить за развитием событий: «Фюрер собирается сыграть в очень опасную игру. Не знаю, удастся она или нет. В любом случае мы не хотим войны с Англией. Дайте нам знать, если опасность станет очевидной».

Крайняя самоуверенность Гитлера была в значительной мере показной. На самом деле он был глубоко обеспокоен поведением Сталина, который тянул время. Эта тревога усугубилась после получения сообщения о том, что в Москву прибыла англо-французская делегация с намерением успешно завершить переговоры с Советами. В действительности же русские не были настроены вести такие переговоры, поскольку были убеждены, что союзники просто ведут с ними игру. Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что англо-французская делегация добиралась до Москвы шесть дней — сначала на грузо-пассажирском пароходе, затем на поезде, хотя для прибытия в советскую столицу достаточно было и одного дня. Кроме всего прочего, глава английской военной делегации прибыл без соответствующих полномочий, а когда переговоры наконец начались, англичане повели себя попросту несерьезно: в ответ на советское предложение выставить 136 дивизий для общей обороны против нацистской Германии они заявили, что могут выделить лишь одну механизированную и пять пехотных дивизий.

Но Гитлер обо всем этом не знал и приказал Риббентропу усилить давление на Кремль. Шуленбург поспешил к Молотову. Вечером 15 августа народный комиссар внимательно выслушал германского посла, но быстрого ответа не дал. Сначала, сказал он, надо достигнуть понимания по нескольким пунктам. Могут ли немцы повлиять, например, на Японию, чтобы она изменила отношение к СССР? Желают ли они заключить договор о ненападении? Если да, то на каких условиях?

Гитлер терял терпение. Он приказал Риббентропу немедленно найти с Молотовым общий язык. Этим тотчас воспользовался Сталин. Через Молотова он ответил, что до подписания политического договора необходимо заключить экономическое соглашение. Риббентроп дал указание Шуленбургу поспешить, напомнив, что подготовка к экономическому соглашению уже закончена. Его инструкции стали почти истеричными. На следующей встрече с Молотовым, приказывал он послу, следует «настоятельно подчеркнуть необходимость быстрой реализации моего визита и выступить против любых возможных русских возражений. В этой связи вы должны иметь в виду тот решающий факт, что в ближайшее время вероятен открытый германо-польский конфликт и что мы крайне заинтересованы в моей поездке в Москву немедленно».

Сталин понимал, что каждый час промедления работает против Гитлера (возможно, его агенты знали о дате 1 сентября), и приказал Молотову, как обычно, тянуть время. На следующей встрече с Шуленбургом 19 августа, несмотря на неоднократные и настоятельные просьбы посла действовать быстро, народный комиссар тягуче спорил по каждому пункту. Однако через полчаса после ухода Шуленбурга Советы внезапно изменили тактику. Молотов снова пригласил посла в Кремль. Тот прибыл к концу дня, и стало ясно, что у Молотова хорошие новости. Извинившись за беспокойство, народный комиссар заявил, что уполномочен передать проект договора о ненападении и принять герра фон Риббентропа в Москве. Естественно, он не объяснил, что англо-франко-советские военные переговоры в Москве зашли в тупик и Сталин потерял терпение. Однако вполне вероятно, что Сталин сразу решил договориться с Гитлером, а переговоры с англичанами и французами использовал лишь как маневр с целью добиться от Германии больших уступок.

Но даже и теперь русские действовали медленно. Молотов сказал Шуленбургу, что может принять Риббентропа лишь через неделю после подписания экономического соглашения. Если это произойдет в день подписания, датой визита будет 26-е, если завтра — 27 августа.

Гитлер воспринял сообщение Шуленбурга со смешанным чувством: торжествуя по поводу вероятности заключения договора и с раздражением — из-за требования Сталина подписать сначала экономическое соглашение. Это был прямой шантаж, но Гитлер посчитал, что у него нет выбора.

В два часа ночи соглашение было спешно подписано в Берлине. По нему Советский Союз получал кредит в 200 миллионов марок при пяти процентах годовых иа закупки в Германии станков и промышленного оборудования, а также оптических приборов и броневой стали, но в незначительных количествах. В счет оплаты кредита предусматривались поставки советского сырья.

Фюрер спешно составил личное послание Сталину, которое было отправлено из Берлина в 16.35 20 августа. В нем подписание нового германо-советского соглашения приветствовалось как первый шаг на пути нормализации германо-советских отношений. Гитлер в целом принял советский проект пакта о ненападении, хотя и отметил, что есть ряд связанных с ним вопросов, нуждающихся в скорейшем уточнении. Затем он перешел к сути дела. Быстрота в заключении пакта, писал он, крайне важна, так как напряжение между Германией и Польшей становится нетерпимым и кризис может разразиться в любой день.

Шуленбург, доставивший это послание в Кремль, получил ответ уже через два часа. Сталин благодарил Гитлера за письмо и выражал надежду, что пакт о ненападении означает поворот к серьезному улучшению германо-советских отношений. «Народы наших стран нуждаются в мире»,— писал Сталин, соглашаясь на встречу с Риббентропом 23 августа.

Весь день двадцать первого Гитлер молча вышагивал по большому залу в Бергхофе, с нетерпением ожидая вестей из Москвы. Вид у него был такой, что никто не решался к нему подступиться. Он уже послал в Атлантику линкор «Граф Шпее», двадцать одна подводная лодка заняла наступательные позиции вокруг Британских островов.

По словам Шпеера, телеграмму Гитлеру принесли во время обеда. Фюрер прочитал ее и задумчиво уставился в окно. Потом он вдруг стукнул обоими кулаками по столу так, что зазвенели стаканы, и воскликнул: «Я добился своего!»

О том, что Германия заключает пакт о ненападении с Россией, Гитлер сообщил присутствующим уже после кофе. «Вот, почитайте,— сказал он,— это телеграмма от Сталина». Сообщение фюрера вызвало всеобщий восторг, мажордом Канненберг принес шампанского. Отметив эту «блестящую дипломатическую победу», гости спустились в маленький кинозал в подвале, где им был показан документальный

фильм о военном параде в Москве. Хорошо, заметил Гитлер, что такая военная мощь теперь нейтрализована нами.

Хофман выразил беспокойство по поводу реакции верных национал-социалистов, которые десятилетиями дрались с красными. «Партия, конечно, будет ошеломлена, как и остальной мир,— ответил Гитлер,— но члены моей партии верят мне. Они знают, что я никогда не отойду от своих главных принципов, и поймут, что конечная цель этой последней игры — устранить восточную угрозу и облегчить — под моим руководством, конечно,— более быстрое объединение Европы». Несмотря на внешнюю непохожесть, между Сталиным и Гитлером было много общего. Один преклонялся перед Петром Великим, другой считал себя наследником Фридриха Великого. Оба они были приверженцами беспощадной силы и руководствовались идеологиями, которые по существу ничем одна от другой не отличались. И коммунистов, и нацистов делали крайне похожими друг на друга фанатизм и догматизм, убежденность, что цель оправдывает любые средства.

Гитлер давно восхищался Сталиным, считая его выдающейся личностью. Однажды он шокировал своих приближенных заявлением, что со Сталиным у него много общего, так как оба вышли из низших классов. Фюрер никогда не считал Сталина последовательным коммунистом. «На самом деле Сталин продолжает дело русских царей и просто воскресил традиции панславизма. Для него большевизм — лишь средство, маскировка, чтобы надуть германские и латинские народы»,— таково было мнение Гитлера.

И Сталин, и Гитлер считали, что могут использовать друг друга в собственных целях. Оба диктатора, конечно, ошибались, но в то бурное лето 1939 года не было ни одной страны, которая не действовала бы, исходя из той или иной ошибочной концепции. Европа была средоточием недоверия, обмана и двурушничества. Даже когда Риббентроп готовился ехать в Москву, Сталин не терял надежды на англо-франко-советский союз против Гитлера. А склонявшиеся нехотя к такому союзу англичане, тайно приглашали в Англию Геринга. Все страны интриговали за спиной друг друга, и банальности перемежались с угрозами.

4

Гитлер чувствовал себя победителем. После того как Риббентроп покинул Бергхоф, направляясь в Москву, он созвал специальное совещание высшего командования, хотя на совещание оно было мало похоже: говорил только Гитлер, сидя за столом. Конфликт с Польшей, заявил он, рано или поздно разразится, и по ряду причин следует действовать как можно быстрее. «Прежде всего — это личные факторы: я и Муссолини. По сути дела все зависит от меня, от моего существования, от моих политических талантов. Вероятно, никому больше и никогда не будет так доверять немецкий народ. Поэтому моя жизнь — фактор огромной ценности. Но меня может в любое время устранить какой-нибудь преступник или идиот»,— таковы были первые слова фюрера, обращенные к генералитету. Вторым после себя он назвал дуче, подчеркивая, что верность Италии союзу с рейхом будет поколеблена, если с Муссолини что-нибудь случится.

С другой стороны, ни в Англии, ни во Франции нет выдающейся личности. «У наших врагов руководители — ниже среднего. Не личности, не люди действия». Кроме того, сейчас благоприятная политическая ситуация для соперничества на Средиземноморье и на Востоке. Через два-три года этих удачных обстоятельств может не быть. «Никто не знает, сколько я проживу. Поэтому конфликт лучше развязать сейчас».

Затем он перешел к конкретным вопросам. Отношения с Польшей, сказал он, стали невыносимыми. «Мы стоим перед выбором: либо мы ударим рано или поздно, либо нас уничтожат». Что может сделать Запад? Либо атаковать с линии Мажино, либо объявить блокаду рейха. Первое просто невероятно, а второе будет неэффективно, так как поставлять нам зерно, скот, уголь, свинец и цинк теперь будут Советы. Я только боюсь, что в последний момент какая-нибудь свинья предложит посредничество».

Генералы бурно зааплодировали. По одному свидетельству, Геринг даже вскочил на стол и сплясал победный танец. «Мой фюрер,— заявил он,— вермахт исполнит свой долг!» Тем не менее Геринг и другие военные были единодушно против войны, считая, что Германия к ней еще не го-

това. Боеприпасов, по их мнению, могло хватить лишь на шесть недель, так же обстояло дело со сталью, нефтью и другими стратегическими материалами.

Гитлер все это знал, но рассчитывал на войну особого рода — «блицкриг», внезапный, молниеносный удар такими силами и такой мощью, которые обеспечили бы быструю победу. Эта концепция была и стратегической, и тактической. Воспоминания о длительной, кровопролитной окопной войне, не говоря уже о лишениях в тылу, все еще были кошмаром для Гитлера. Фюрер поклялся, что никогда больше Германия не пройдет через муки длительного конфликта. Поэтому вся экономика Германии была нацелена на сравнительно высокое производство готовых вооружений, а не на ведение долгой войны против экономически мощных держав.

Блицкриг отвечал не только его инстинктам азартного игрока, но и его положению диктатора. Демократия вряд ли смогла бы выдержать такие взрывоподобные скачки в экономической политике, как, например, сосредоточение усилий на выпуске танков, а затем резкий переход к гражданской продукции. Но то, что могло погубить демократию, не относилось к тоталитарному национал-социалистскому государству со слабыми и сильными сторонами его экономики. Выбрав блицкриг, Гитлер поставил в тупик некоторых своих генералов, мыслящих традиционно. В отличие от фюрера они не понимали, что Германия намного лучше подготовлена к войне, чем Англия и Франция. Гитлер был убежден, что ему не придется скрестить мечи с Англией или Францией, если с Польшей будет покончено быстро. Ему нужно было нейтрализовать Запад угрозами или оружием с тем, чтобы к 1943 году достичь своей подлинной цели — разгромить Россию. Навстречу своей судьбе Адольф Гитлер шел с открытыми глазами.

Ни один из военных чинов, посвященных в его планы, не высказал ни слова критики. Не было возражений и со стороны армейских офицеров. Фюрер призвал их быть беспощадными. «Все решает сила»,— заявил он и предупредил, что нападение, вероятно, начнется на рассвете в субботу — 26 августа.

Вечером 22 августа Риббентроп со своей свитой вылетел в Москву. Атмосфера в самолете была крайне напряженной. «Никто не мог гарантировать,— вспоминал Петер Кляйст,— что Советы не сунут нам текст только что подпи-

санного соглашения с Англией и Францией». Нельзя было исключить и того, что русские, по своему обыкновению, втянут Риббентропа в затяжные, изматывающие переговоры.

Известие о поездке Риббентропа застало японского посла Осиму врасплох, и в полночь он посетил Вейцзекера, чтобы выразить свое неудовольствие. Обычно Осима всегда держался невозмутимо, но на этот раз лицо его было жестким и серым. Как, спросил он, прикажете объяснить такой неожиданный поворот?..

На следующий день, 23 августа, после обеда, Гендерсон вручил фюреру письмо от Чемберлена. В нем подчеркивалось, что Англия преисполнена решимости выполнить свои обещания Польше. В то же время Чемберлен вновь призвал к миру, предагая провести прямые переговоры между Германией и Польшей. Гендерсон выразил надежду, что можно найти решение, если обе страны будут сотрудничать. Гитлер заметил, что об этом надо было думать раньше. Английский посол напомнил ему о гарантиях, данных Польше, которые правительство Англии обязано будет соблюдать. «Ну что ж, соблюдайте»,— отрезал фюрер и перешел к угрозам в адрес Польши, заявив, что в случае, если поляки позволят себе бряцать оружием и посягать на Данциг, Германия немедленно вмешается.

Напрасно Гендерсон убеждал Гитлера, что Чемберлен всегда отстаивал интересы Германии. От себя лично посол добавил, что в англо-франко-русский пакт он не верит. Чемберлен, сказал он, не изменил своего отношения к Германии, а с русскими у Гитлера будут трудности. «Я сужу по делам»,— возразил фюрер. Но когда Гендерсон предупредил его, что любые прямые действия Германии будут означать войну, Гитлер разразился руганью, граничащей с истерикой. «В такой войне,— кричал он,— Германии нечего терять, а Англия потеряет все». Затем он внезапно прекратил беседу, сказав, что скоро Гендерсон получит письменный ответ. Как только дверь за послом закрылась, фюрер хлопнул себя по бедру и рассмеялся — его гнев в разговоре с англичанином был явно показным. «Чемберлен не переживет этой беседы,— сказал он торжествующе.— Сегодня вечером его кабинет падет».

Через несколько часов английского посла снова пригласили к Гитлеру. Тот говорил уже спокойно, но не менее решительно, обвиняя Англию в том, что она «стремится унич-

тожить Германию». Он снова повторил свои угрозы в адрес Польши. «При очередной польской провокации я начну действовать»,— заявил фюрер.

Несколько часов спустя два немецких «кондора» приземлились в московском аэропорту, и Риббентроп с удовольствием увидел, что свастика развевается рядом с серпом и молотом. После обхода почетного караула гостя повезли в резиденцию — бывшее австрийское посольство. Граф фон Шуленбург сообщил Риббентропу, что его будут ждать в Кремле к 18.00, но не знал, кто конкретно — Сталин или Молотов.

В 18.00 Риббентроп предстал перед Сталиным. Тот был любезен и добродушен, Молотов — невозмутим. Риббентроп заговорил первым — о желании своей страны установить германо-советские отношения на новой основе. И Россия, как он понял из мартовской речи Сталина, стремится к этому.

Ответное слово взял Сталин. «Многие годы мы выливали друг на друга ушаты грязи,— сказал он.— Это не должно помешать нам прийти к соглашению. Таков был смысл моего доклада в марте, и вы его совершенно правильно поняли». Заглядывая в лежащий перед ним блокнот, Сталин перешел к практическим вопросам. Были определены сферы влияния между Германией и СССР: в русскую орбиту вошли три прибалтийских государства, Финляндия и Бессарабия. Предполагалось также в случае войны между Германией и Польшей разграничить сферы интересов обеих стран в Польше.

Сталин был настроен по-деловому, и через три часа они с Риббентропом согласовали все, кроме вопроса о двух балтийских портах, которые Сталин хотел заполучить. Риббентроп сказал, что должен сначала посоветоваться с фюрером, и переговоры были прерваны. Гитлер, как и Сталин, был человеком дела. Через час Риббентроп получил телефонограмму из Берлина: «Ответ — да, согласен».

Министр иностранных дел Германии возвращался в Кремль в отличном настроении, прихватив с собой большую свиту, в том числе и двух фотографов. Сталин уже ждал их. Быстро был согласован окончательный текст пакта о ненападении. Обе стороны обязались воздерживаться от всяких агрессивных действий в отношении друг друга и не поддерживать третью державу, напавшую на одну из сторон. Договор заключался на десять лет и мог действо-

вать еще пять лет, если ни одна из сторон не денонсирует его за год до истечения срока. Таким образом, один из важнейших в мировой истории договоров был согласован и подписан всего за несколько часов. Внешне он выглядел вполне обычно, если бы не секретный протокол к нему, который перекраивал всю карту Восточной Европы.

Затем один за другим последовали тосты и самым любопытным из них оказался тост Сталина, о котором, конечно же, советскому народу не сообщили. «Я знаю, как немецкий народ любит своего фюрера,— сказал кремлевский диктатор.— Поэтому я бы хотел выпить за его здоровье».

Гитлер считал это своей победой. Похоже, он забыл собственное предсказание в «Майн кампф» о том, что любой германо-русский союз неизбежно приведет к войне, которая станет для Германии началом конца. О своих надеждах на то, что сближение с Советами будет «искренним, если не дружественным», Гитлер впоследствии говорил Борману. Он предполагал, что прагматик Сталин отбросит несостоятельную марксистскую идеологию, сохранив ее лишь для внешнего употребления. «В духе непреклонного реализма с обеих сторон мы,— заметил он,— могли бы создать ситуацию, в которой было бы возможно прочное согласие,— согласие, контролируемое орлиным глазом и пальцем на курке».

Получив сообщение о подписании договора, Гитлер радостно воскликнул: «Мы победили!» Хотя он и пожертвовал возможностью захватить всю Польшу, но в главном добился большего — нейтрализовал Россию. Теперь до нападения на Польшу оставались считанные дни. Без Советского Союза, по мнению фюрера, ни Англия, ни Франция не пойдут дальше словесных угроз, а Германия будет получать с Востока сырье, которого лишилась бы из-за возможной английской блокады.

Гитлер платил Сталину за то, что кремлевский вождь, несомненно, готов был сделать даже и при отсутствии каких-либо договоров. Экономика Советского Союза, его армия после репрессий были в таком плачевном состоянии, что Сталин и думать не мог о войне с рейхом. Советам был нужен нейтралитет: пакт с Германией дал им не только передышку, но и приблизил к цели — спровоцировать войну между капиталистическими державами. Для Сталина нацистская Германия была просто одним из империалистических врагов.

Примерно в 3 часа утра 24 августа Гитлер повел своих гостей в Бергхофе на веранду. Небо на севере и северо-западе пылало всеми цветами радуги. Над легендарной горой Унтерберг разливалось багровое сияние. «Последний акт «Гибели богов» не мог быть поставлен более эффектно. Такой же красный свет омывал наши лица и руки»,— вспоминал Шпеер. Гитлер резко повернулся к адъютанту. «Похоже, будет много крови,— сказал он.— На этот раз мы не обойдемся без насилия».

Глава 20. «БЕДСТВИЕ, КАКОГО НЕ ЗНАЛА ИСТОРИЯ» (24 августа — 3 сентября 1939 г.)

1

Когда мир проснулся 24 августа, сообщение о заключении германо-советского пакта ошеломило не только простых людей, но и дипломатов. «Я предвижу ультиматум Польше,— сообщал Гендерсон из Берлина.— И очень сомневаюсь, принесет ли пользу попытка польского правительства восстановить контакт с немцами. Но считаю это последней надеждой на мир».

Для поляков пакт оказался настоящим ударом, несмотря на попытки прессы преподнести его как признак германской слабости. Правительство Польши выражало уверенность, что в случае войны с Гитлером стране будет оказана помощь со стороны Англии и Франции. Французские коммунисты, по-видимому, разрывались между верностью своей стране и коммунистической России. Разброд был еще более велик среди их американских коллег. Без особых угрызений совести большинство крайне левых «прогрессивных» деятелей послушно приняли новую линию партии: соглашение с Гитлером необходимо для того, чтобы Россия могла подготовиться к конечной битве с фашизмом. Президент Рузвельт послал Гитлеру очередную телеграмму с

призывом «воздержаться от каких-либо актов враждебности», но, как и прежние послания, она осталась без ответа.

В Москве Сталин поздравлял самого себя. Убежденный в том, что англичане пойдут на компромисс, он считал, что добыча достанется ему без крови. Другие союзники Гитлера не были настроены так оптимистично. Итальянцы, признавая, что Гитлер нанес «мастерский удар», нервничали, а японцы опасались, что пакт поощрит Сталина усилить давление на Маньчжурию. Премьер-министр Хиранума был настолько потрясен, что вместе с кабинетом ушел в отставку.

Немцы, однако, были довольны: благодаря фюреру угроза окружения и войны на два фронта была снята.

Гитлер вылетел в Берлин на встречу с героем дня Риббентропом и провел вечер в рейхсканцелярии, слушая восторженный рассказ министра о хозяевах Кремля, которые заставили его чувствовать себя так, «будто он находился среди старых партийных товарищей». Гитлер не прерывал Риббентропа, но его больше занимали сделанные Хофманом фотографии. Особенно интересовали фюрера уши советского лидера: не еврейские ли они? Рассмотрев внимательно профиль Сталина, он успокоился: его товарищ по оружию, судя по всему, не был евреем.

Но дойдя до снимков церемонии подписания, Гитлер укоризненно покачал головой. На них Сталин был с трубкой во рту. «Подписание пакта — торжественный акт»,— проворчал он и дал указание фотографу заретушировать трубку, прежде чем передавать снимки прессе.

Следующий день, 25 августа, был очень напряженным. Гитлер направил письмо Муссолини. Заверив дуче в том, что договор лишь укрепляет «ось», он выразил надежду, что тот поймет, почему Германия вынуждена пойти на такой шаг. Затем Гитлер попросил Шмидта перевести важные места речи Чемберлена в палате общин. Он внимательно выслушал признание Чемберлена о том, что пакт с Москвой оказался «сюрпризом очень неприятного свойства», и его предупреждение, что если немцы считают, будто англичане и французы не выполнят своих обязательств перед Польшей, они предаются опасным иллюзиям. Эти слова, как вспоминал Шмидт, заставили Гитлера задуматься. Нападение на Польшу было намечено на раннее утро следующего дня, но фюрера начали одолевать сомнения, и около полудня он распорядился пока не отдавать приказ о вторжении.

Затем Гитлер пригласил в рейхсканцелярию английского посла.

Гендерсон прибыл в 13.30. Фюрер был настроен внешне миролюбиво и заявил, что готов «сделать шаг навстречу Англии, такой же решительный, как и договор с Россией». Но когда Гитлер заговорил о Польше, он распалился, гневно осуждая мнимые прегрешения поляков. Проблема Данцига и «польского коридора», подчеркнул фюрер, должна быть решена немедленно. Последняя речь Чемберлена может привести к «кровавой и непредсказуемой войне между Германией и Англией», но на этот раз Германии не предется воевать на два фронта. «Россия и Германия больше никогда не станут воевать друг с другом!» — патетически воскликнул Гитлер. Когда Гендерсон повторил, что Англия не может нарушить свое слово Польше, его собеседник сбавил тон. Как только будет решен польский вопрос, он будет готов уважать статус Британской империи. Но если англичане отвергнут его предложение, зловеще сказал Гитлер в заключение, «будет война».

Через полчаса, в 15.02, он подтвердил приказ о нападении на Польшу на рассвете. А в Риме его посол Ганс Георг фон Макензен в этот момент вручил письмо Муссолини, составленное Гитлером утром. Пакт с Россией произвел сильное впечатление на дуче, который, как все политики, достойно оценил этот неожиданный ход. Но он был реалистом и видел, что его армия, не очень проявившая себя в Албании, не обладала ни достаточно высоким моральным духом, ни подготовкой, ни искусством ведения настоящей войны. Макензену он об этом не сказал, лишь заявил о поддержке фюрера и пакта, подписанного в Москве, хотя и остается «непоколебимым антикоммунистом». Но как только германский посол ушел, Муссолини, по словам Чиано, посоветовавшись с зятем, написал письмо Гитлеру, в котором признал, что Италия к войне не готова, и может принять в ней участие лишь при условии, если Германия поддержит союзницу в случае нападения на нее французов и англичан.

Примерно в это же время Гитлеру принесли сообщение, что Англия и Польша заключили договор о взаимопомощи. Известие явно обеспокоило фюрера. Подписание договора постоянно откладывалось по разным причинам, и вот стороны пришли к соглашению, причем через несколько часов после того, как он сделал англичанам свое «последнее» предложение. Это не простое совпадение. Гарантия воен-

ной помощи, хотя и не будет выполнена, может настолько взбодрить поляков, что они откажутся вести переговоры с Германией.

В 17.30 Гитлер принял французского посла Кулондра. Позлословив по адресу несговорчивых поляков, фюрер выразил сожаление в связи с возможной войной между Францией и Германией. Он встал, дав понять, что беседа закончена. Но Кулондр не мог уйти без ответа и твердо сказал: «В такой критической ситуации, как эта, недоразумения особенно опасны. Я хочу внести в это дело полную ясность. Даю слово чести французского офицера, что если на Польшу будет совершено нападение, французская армия будет сражаться на ее стороне». Затем он заверил фюрера, что его правительство готово сделать все для сохранения мира до конца. «Почему же вы тогда выдали Польше карт-бланш? — сердито воскликнул Гитлер.— Мне больно начинать войну с Францией, но решение зависит не от меня»,— закончил он и, махнув рукой, отпустил посла.

Через минуту, в 18.00, вошел итальянский посол Аттолико с письмом от Муссолини, которое Чиано продиктовал ему по телефону. Сообщение, что Италия не готова к войне, сразу после англо-польского пакта и твердого заявления Кулондра, произвело на фюрера впечатление разорвавшейся бомбы. Такого решения от союзника он не ожидал.

В приемной обменивались домыслами и слухами. Война казалась неизбежной. А в своем кабинете Гитлер кричал Кейтелю: «Остановите все немедленно. Найдите Браухича. Мне нужно время для переговоров». Кейтель выскочил в приемную. «Приказ о выступлении должен быть отсрочен»,— приказал он адъютанту. Все вздохнули с облегчением: фюрер снова идет на переговоры! Но главный адъютант Гитлера Рудольф Шмидт мрачно сказал Варлимонту: «Не радуйтесь, это лишь отсрочка». Его поддержал армейский адъютант майор Энгель. Никогда еще он не видел фюрера таким растерянным.

Геринг был убежден, что англичане готовы поддержать Польшу в ее кофликте с Германией, и вел тайные переговоры о мире. Будучи человеком действия, он уже вступил в контакт с Англией без консультации с Риббентропом, которому не доверял, но намеревался держать фюрера в курсе дела. Его стремление к мирному урегулированию конфликта отнюдь не было продиктовано альтруистическими соображениями. Любитель роскоши с повадками громилы, он

стремился наслаждаться радостями жизни и, используя свое привилегированное положение, сколотил значительное состояние. Война могла положить конец его сибаритскому существованию. Гитлер же руководствовался принципами, какими бы извращенными они ни были, и подкупить его было невозможно. Фюрер мог пойти на компромисс только во имя достиженияч главной цели. Понимая все это, Геринг вел свою линию очень осторожно. В качестве посредника он выбрал богатого шведского предпринимателя Биргера Далеруса, имевшего интересы в рейхе и разделявшего желание Геринга предотвратить войну между Германией и Англией. К тому же у шведа были влиятельные английские друзья.

После совещания в Бергхофе 22 августа Геринг позвонил Далерусу в Стокгольм и сказал, что положение осложнилось и шансы на мирное решение назревающего конфликта стремительно уменьшаются. Он убедил шведа немедленно вылететь в Англию с неофициальным посланием Чемберлену, которому предлагалось начать переговоры между Германией и Англией.

Утром 25 августа Далерус вылетел в Лондон и в тот же день встретился с Галифаксом. Поскольку министр иностранных дел был настроен весьма оптимистично, узнав, что Гитлер отсрочил нападение на Польшу, он не счел необходимым воспользоваться услугами посредника из нейтральной страны. Далерус позвонил Герингу и спросил, что делать. Ответ рейхсмаршала был тревожным: «Война может разразиться в любой момент». Утром следующего дня Далерус повторил эти слова Галифаксу и предложил передать Герингу личное послание, в котором содержалось бы уверение в возможности компромисса. Посоветовавшись с Чемберленом, Галифакс написал письмо, с которым Далерус поспешил в аэропорт.

Тем временем итальянский посол Аттолико прибыл в рейхсканцелярию с очередным посланием от Муссолини, где содержалась просьба поставить в Италию определенное количество материалов, необходимых для участия в войне: шесть миллионов тонн угля, семь миллионов тонн нефти, два миллиона тонн стали и множество другого стратегического сырья. Так как Аттолико был против войны, он умышленно сделал условия Муссолини невыполнимыми. На изумленный вопрос Риббентропа, когда должно быть поставлено такое громадное количество материалов, посол

ответил: «Конечно, сразу, до начала военных действий». Это было явно невыполнимое требование, но Гитлер сумел сдержать себя, и в 15.06 по телефону был передан его ответ Муссолини, в котором фюрер в целом согласился удовлетворить просьбу дуче и выразил сожаление, что по техническим причинам выполнить ее до начала войны невозможно. Гитлер выразил понимание позиции дуче и попросил его просто отвлекать англо-французские войска активной пропагандой и военными демонстрациями. Несмотря на пакт со Сталиным, сказал Гитлер в заключение, он «не уклонится от решения восточного вопроса, даже рискуя осложнить свои отношения с Западом».

Это не было простой угрозой. Вермахт был готов вступить в бой 1 сентября и лишь ждал приказа фюрера. В этот субботний день в Берлине стояла жара, и, несмотря на газетные заголовки типа «В «польском коридоре» пылают дома немецких крестьян» и «Польские солдаты движутся к германской границе», многие берлинцы наслаждались отдыхом на берегах близлежащих озер.

В тот же день из Рима поступила новая телефонограмма. Муссолини извинялся, что посол неверно истолковал его просьбу, — имелись в виду поставки в течение годового периода. Дуче выражал сожаление, что в такой критический час не в состоянии оказать союзнику более весомую помощь, и неожиданно призвал к мирному разрешению конфликта. Гитлеру стало ясно, что этот союзник его покидает. Тем не менее фюрер сумел сохранить хладнокровие и дал дуче примирительный ответ.

Разочарованный и уставший рейхсканцлер ушел отдыхать раньше обычного, но после полуночи его разбудил Геринг, сказав, что прибыл шведский посредник с посланием от Галифакса. В 0.30 27 августа Далеруса ввели в кабинет Гитлера. Геринг стоял с самодовольным видом, фюрер пристально уставился на нейтрала-миротворца. Он пространно заговорил о своем желании достичь понимания с Англией, упомянул о своих последних предложениях Гендерсону и, размахивая руками, хвастался военным превосходством вермахта. Далерус заметил, что Англия и Франция тоже усилили свою военную мощь и могут подвергнуть Германию блокаде. Гитлер ничего не ответил, начал шагать взадвперед и, как вспоминал Далерус, заговорил, словно впадая в транс: «Если начнется война, я буду строить подлодки, строить подлодки, строить подлодки. Я буду строить само-

леты, самолеты, я уничтожу своих врагов!»

Далерус в ужасе смотрел на человека, способного взорвать мир в Европе. «Война меня не пугает,— продолжал Гитлер.— Окружить Германию невозможно, мой народ весь пойдет за мной». Его глаза стали стеклянными. «Если не будет масла, я первый не стану его есть. Если враг продержится несколько лет, я со своей властью над немецким народом продержусь на год дольше. Я знаю, что я сильнее всех». Вдруг, словно очнувшись, фюрер поинтересовался, почему англичане не хотят прийти к соглашению с ним.

Далерус ответил, что они с недоверием относятся к германскому руководству. Гитлер ударил себя в грудь. «Идиоты!— закричал фюрер.— Разве я лгал когда-нибудь в своей жизни?» Он снова начал возбужденно ходить из угла в угол. Внезапно остановившись перед Далерусом, рейхсканцлер велел ему срочно возвращаться в Англию и передать его слова Чемберлену. «Не думаю, что Гендерсон понял меня, я действительно хочу взаимопонимания». Далерус возразил, что он всего лишь частное лицо и отправится в Англию только в том случае, если этого пожелает английское правительство. Но сначала нужно прояснить важнейшие пункты, по которым можно достичь согласия. Например, какой точно «коридор» к Данцигу нужен Гитлеру. Тот улыбнулся. «Гендерсон меня об этом не спрашивал»,— сказал он, повернувшись к Герингу. Тот вырвал из атласа страницу и красным карандашом очертил требуемую Германией территорию.

Затем началось уточнение вопросов, затронутых в предложениях Гитлера Гендерсону. Германия добивается договора, который устранит все спорные политические и экономические проблемы; Англия должна помочь Германии вернуть Данциг; взамен Германия гарантирует сохранение Польши в прежних границах и разрешит ей иметь выход к балтийскому побережью; немецкое меньшинство в Польше должно быть защищено; наконец, Германия в случае необходимости окажет военную помощь Англии.

Далерус не был профессиональным дипломатом, но искренне желал мира и обладал удивительной настойчивостью. По возвращении в отель он заказал телефонный разговор с Англией и вскоре услышал, что правительство готово его принять. Рано утром в этот воскресный день он вылетел из аэропорта Темпельгоф в Лондон.

В это воскресенье Гитлер работал, как в будний день. Он

отменил намеченные торжества в Нюрнберге, которые планировалось провести под лозунгом «Съезд партии ради мира», ввел рационирование продовольствия и одежды, вооруженные силы были приведены в состояние боевой готовности.

В такой предгрозовой атмосфере в тайный контакт с одним из высокопоставленных чиновников германского МИДа Петером Кляйстом вошли два польских дипломата. Они дали понять, что министр иностранных дел Бек вынужден занимать воинственную позицию в отношении Германии, чтобы удовлетворить непримиримую группу польских патриотов, и что ему лишь нужно время, чтобы улеглись страсти. Кляйст доложил об этом Риббентропу и вскоре был вызван к Гитлеру. Фюрер нетерпеливо выслушал его и с раздражением заметил, что если Бек не может утвердить себя даже в Польше, нечего ему помогать. Фюрер приказал Кляйсту прекратить какие-либо неофициальные контакты с поляками. Тот понял, что будет война.

В этот день Гитлер дал ответ французскому премьеру Даладье, который в своем недавнем послании призывал германского рейхсканцлера найти мирное решение конфликта. «Как старый фронтовик я испытал на себе все ужасы войны»,— писал фюрер. Между Германией и Францией нет больше спорных вопросов, главный интриган — это Англия, которая развязала «разнузданную кампанию в прессе против Германии» вместо того, чтобы убедить поляков проявить благоразумие. Гитлер просил Даладье поставить себя на его место. Что если бы в результате поражения в войне, например, Марсель был оторван от Франции, в результате чего живущих там французов преследовали и зверски убивали? Гитлер утверждал, что он не может бросить на произвол судьбы два миллиона своих соотечественников. Данциг и «коридор» должны быть возвращены Германии.

Вскоре после обеда самолет с Далерусом прибыл в Лондон. В аэропорту было пусто, так как воздушное сообщение между Англией и континентом было прервано. В Лондоне витрины магазинов были крест-накрест заклеены полосками бумаги, была приведена в действие система противовоздушной обороны. Далеруса привезли на Даунинг-стрит. Там его ждали Чемберлен, Галифакс и Кадоган. Далерус рассказал им о своей встрече с Гитлером и почувствовал скептическое отношение слушателей. Чемберлен явно потерял доверие к фюреру. Он спросил Далеруса, какое впе-

чатление на него произвел Гитлер. Тот ответил: «Я бы не хотел быть его деловым партнером». Чемберлен улыбнулся — единственный раз за всю беседу. Англичане выразили сомнение в том, что швед правильно понял Гитлера. Далерус предложил позволить ему вернуться в Берлин и сообщить о реакции англичан. Чемберлен ответил, что находящийся в Лондоне посол Гендерсон должен вылететь в Берлин с ответом на предложения Гитлера. Далерус предложил задержать вылет посла на один день, а он тем временем сообщит англичанам о реакции Гитлера, прежде чем Лондон даст отрицательный ответ на основании оценок Гендерсона. Он также вызвался позвонить Герингу и спросить, согласны ли немцы подождать еще день до официального ответа Гендерсона.

Чемберлен согласился, и Далерус тут же позвонил Герингу. Тот сказал, что должен посоветоваться с фюрером. Через полчаса Далерус позвонил снова. На этот раз Геринг сообщил, что Гитлер принимает план «при условии, если он подлинный».

В 23.00 швед был уже у Геринга. Заверив его в своей убежденности, что англичане искренне стремятся к миру, Далерус передал рейхсмаршалу ответ Лондона на предложения Гитлера. Геринг выразил сомнение в том, что фюрер положительно воспримет этот документ, и снова отправился консультироваться с Гитлером. Далерус нервно ждал в номере отеля. В 1.30 ночи Геринг наконец позвонил Далерусу и сообщил, что Гитлер приветствует желание англичан достичь мирного соглашения. Он также с пониманием относится к позиции Лондона в германо-польском конфликте. Далерус был особенно доволен последней уступкой, так как она означала, что Гитлер отложил в долгий ящик свои планы в отношении Польши.

2

Часто дипломаты-любители портят все дело, но на этот раз Далерус преуспел. К тому времени, когда в 21.00 самолет Гендерсона приземлился в Берлине, появился проблеск надежды. Посол прибыл с официальным текстом

предложений, которые Далерус уже передал неофициально. В ноте также содержался пункт о согласии Бека немедленно вступить в прямые переговоры с Германией.

Английский посол ехал по темным улицам — в Берлине была объявлена светомаскировка. Он чувствовал себя опустошенным: у него обнаружили рак, операция не помогла. Но старый дипломат держался мужественно и продолжал работать как обычно. Не успел Гендерсон сесть за ужин, как позвонили из рейхсканцелярии: Гитлер хочет видеть его немедленно. Гендерсон тотчас же выехал из посольства.

Гитлер прочитал перевод английской ноты спокойно, хотя она завершалась в стиле самого фюрера — и обещанием согласия, и угрозой: справедливое урегулирование между Германией и Польшей откроет путь к миру; если этого не произойдет, между Германией и Англией вспыхнет конфликт, который втянет мир в войну. Такой исход будет бедствием, какого не знала история.

Гитлер молча передал текст ноты Риббентропу, что удивило присутствовавших на церемонии чиновников германского МИДа. Но Гендерсон удивил их еще больше: посол был резок как никогда. Гендерсон заявил, что Англия дала слово чести и никогда его не нарушит. Британский посол привел цитату из обращения фельдмаршала фон Блюхера к своим войскам с призывом поспешить на помощь Веллингтону в битве при Ватерлоо: «Вперед, дети мои, я дал слово своему брату Веллингтону и не могу его нарушить». Гитлер заметил, что сто двадцать пять лет назад ситуация была совсем иной, и еще раз подтвердил свою готовность урегулировать разногласия с Польшей на разумной основе. Но поляки продолжают политику дискриминации по отношению к живущим там немцам, а англичане относятся к этому безразлично.

Гендерсон резко ответил, что сделал все для предотвращения войны и кровопролития. Герр Гитлер, сказал он, должен сделать выбор между дружбой с Англией и чрезмерными претензиями к Польше, выбор между войной и миром. Сохраняя спокойствие, Гитлер заметил, что это неверная оценка ситуации. Его выбор — либо защищать права немецкого народа, либо поступиться ими ради соглашения с Англией. И его выбор ясен — защищать права немцев. В конце беседы Гитлер снова выразил желание достичь соглашения с Англией. Это придало Гендерсону оптимизма.

Но в рейхсканцелярии царил пессимизм. Как записал в

своем дневнике один из ее сотруднков, «фюрер, раздраженный, резкий и сердитый», не принимал никаких советов от военных по вопросам войны и мира.

Атмосфера депрессии и нервозности несколько усилилась, когда дневные газеты сообщили, что в Польше убито несколько немцев. Трудно сказать, было ли это сообщение верным, но Гитлер пришел в ярость. И когда Гендерсон снова появился вечером, настроение в приемной и коридорах рейхсканцелярии было подавленным: теперь только чудо могло предотвратить войну. Посол все же надеялся на лучшее. Под пристальными взглядами Гитлера и Риббентропа он начал читать немецкую ноту. Начало было обнадеживающим: немцы соглашались на английское посредничество в урегулировании конфликта; Гитлер выразил готовность принять польского эмиссара с полномочиями вести переговоры. Но последующие слова были совершенно неприемлемыми: «Польский представитель должен прибыть в среду 30 августа 1939 года».

«Это похоже на ультиматум,— возразил Гендерсон.— Вы даете полякам лишь двадцать четыре часа». Однако фюрер отклонил этот протест. «Времени осталось мало,— объяснил он,— потому что есть опасность, что новые провокации приведут к конфликту». Гендерсон не был в этом уверен, продолжая настаивать на смягчении условий, предъявляемых польской строне. Гитлер уверял, что на него оказывает давление генеральный штаб. «Мои солдаты требуют определенности: да или нет,— отрезал фюрер, давая понять, что разговор окончен.— Вермахт готов к началу операции, а командиры считают, что мы и так потеряли целую неделю...»

Но посол не уступал, и Гитлер наконец потерял самообладание. Он закричал, что Гендерсону и его правительству наплевать, сколько немцев убьют в Польше. Гендерсон резко ответил, что не желает выслушивать грубости ни от Гитлера, ни от кого-либо еще. Казалось, посол тоже потерял самообладание, но в своем сообщении в Лондон он писал, что это был трюк: он просто решил отплатить нацистскому диктатору той же монетой. Глядя оппоненту в глаза, он прокричал, что если Гитлер хочет войны, он ее получит. Англия к войне готова и может продержаться «немножко дольше, чем Германия». Гитлер воспринял этот необычный для английского дипломата выпад довольно спокойно и, как только Гендерсон закончил, подтвердил желание нала-

дить дружбу с Англией, уважение к империи и вообще к англичанам. Но при всем при том Гендерсону было ясно, что переговоры зашли в тупик, и, выходя из рейхсканцелярии, он был полон «дурных предчувствий».

Поздно вечером Геринг пригласил Далеруса и сообщил, что фюрер готовит «великодушное предложение» Польше, в частности прочное и справедливое решение вопроса о «коридоре» путем плебисцита. Снова Геринг вырвал лист из атласа и зеленым карандашом обвел территорию, судьба которой будет решена с участием немецкого населения Польши, а красным — территорию, по мнению Гитлера, исконно польскую. Геринг попросил Далеруса немедленно вылететь в Лондон и там сделать упор на решимость Германии вести переговоры и «конфиденциально намекнуть», что Гитлер намерен сделать полякам щедрое предложение, которое они просто не смогут отвергнуть.

Утро следующего дня осветилось проблеском надежды для Чемберлена.

Английский премьер был настолько преисполнен решимости дать отпор Гитлеру, что даже не спросил поляков, уступят ли они германскому шантажу, и когда Далерус прибыл на Даунинг-стрит, переговоры казались невозможными. Чемберлен, Уилсон и Калоган выслушали шведа, но сочли, что «великодушное предложение» Гитлера — пустая болтовня, попытка выиграть время. «Почему же тогда не позвонить Герингу и не предложить ему изложить это предложение в письменном виде?» — спросил Далерус. Через несколько минут он уже говорил с рейхсмаршалом, который заверил его, что нота Польше уже готова и что ее условия «щедрее», чем предполагалось.

Воодушевленный Далерус делал все, чтобы рассеять подозрения англичан, показав им карту, размеченную Герингом. Англичане сочли все это разумным, но их беспокоило выдвинутое перед поляками условие прибыть в Берлин 30 августа, т.е. в этот же день. Кроме того, Чемберлен и его коллеги возражали против места переговоров. «Вы что, не знаете, что случилось в Берлине с Тисо и Гахой?»— последовал вопрос Далерусу.

Швед позвонил Герингу и предложил провести переговоры с Польшей не в Берлине, а в нейтральной стране. «Чепуха,— раздраженно отрезал Геринг.— Переговоры должны состояться в Берлине, где у фюрера штаб-квартира, и я не вижу оснований, почему поляки не могут послать своих

эмиссаров в Берлин». Несмотря на этот отпор, англичане решили держать двери открытыми. Они предложили Далерусу вернуться в Берлин и заверить фюрера, что Англия готова к переговорам. Галифакс послал телеграмму в Варшаву, советуя полякам не поддаваться на провокации и прекратить поджигательские передачи по радио.

Поляки ответили приказом о всеобщей мобилизации. Гитлер негодовал, тем более что его министерство иностранных дел целый день занималось подготовкой документа, который должен был хотя бы для видимости смягчить ультиматум Польше. Помимо предложения о плебисците, полякам разрешалось проложить международную автомагистраль и железнодорожный путь через территорию, которая должна была стать немецкой. Несмотря на свой гнев по поводу польской мобилизации, Гитлер приказал Браухичу и Кейтелю отложить нападение еще на сутки. «Это последняя отсрочка»,— добавил фюрер. Если Варшава не примет его требований, вторжение начнется в 4.30 1 сентября. К ночи известий из Варшавы не было, из Лондона поступило сообщение, что здесь внимательно изучают последнюю ноту Гитлера и к концу дня пришлют ответ. В то же время англичане посоветовали полковнику Беку «незамедлительно» вступить в переговоры с немцами. Это звучало издевательски после их собственных проволочек. Возможно, что спешка англичан была вызвана тем, что в этот день они получили от связанного с вермахтом Эвальда фон Клейста ряд военных секретов, а также информацию о том, что Гитлера поразил нервный паралич и военные собираются захватить власть.

Только в 22.00 Гендерсон получил указание вручить немцам меморандум английского правительства. Он позвонил Риббентропу и предложил встретиться в полночь. Назначенное время совпадало с окончанием срока, определенного для прибытия в Берлин польского представителя, и Риббентроп решил, что это сделано умышленно. Но умышленного в этом ничего не было — просто требовалось время для расшифровки ответа из Лондона, но тем не менее атмосфера для беседы сложилась неблагоприятная. После того как Гендерсон предложил, чтобы немцы в соответствии с обычной процедурой передали свои предложения через польское посольство в Берлине, Риббентроп вскочил с места. «После того, что случилось, об этом не может быть и речи!— закричал он, потеряв самообладание.— Мы требу-

ем, чтобы их полномочный представитель для ведения переговоров прибыл в Берлин!»

Гендерсон побагровел. Лондон просил его сохранять спокойствие, и руки посла дрожали, когда он зачитывал официальный ответ на последний меморандум Гитлера. Риббентроп был в гневе. Несомненно, он знал содержание ответа, так как телефонные разговоры из английского посольства прослушивались немецкой разведкой. Сама нота, хотя и примирительная по тону, не содержала ничего принципиально нового по сравнению с предыдущими посланиями.

«Это просто неслыханно!» — гневно воскликнул Риббентроп, имея в виду предложение о том, чтобы в период переговоров не совершалось никаких агрессивных военных действий. Воинственно скрестив руки на груди, он вызывающе уставился на Гендерсона: «Что у вас еще?» Англичанин ответил, что у его правительства есть сведения о том, что немцы совершают в Польше диверсионные акты. На этот раз Риббентроп дал волю своему гневу. «Это подлая ложь польского правительства!— закричал он.— Могу лишь сказать вам, герр Гендерсон, что положение чертовски серьезное». Английский посол привстал и тоже повысил голос: «Вы сказали: «чертовски»? Такое слово не подобает произносить государственному деятелю в столь опасной ситуации»,— и даже укоризненно погрозил собеседнику пальцем.

Риббентроп опешил, словно ему в лицо плеснули холодной водой. Выслушивать выговор от высокомерного англичанина! Он вскочил с места. «Что вы сказали?!» Гендерсон тоже был на ногах, и оба исподлобья смотрели друг на друга, как бойцовые петухи. «По дипломатическим обычаям,— вспоминал переводчик Шмидт,— мне тоже надо было встать. Но, честно говоря, я не знал, как себя вести переводчику, когда собеседники переходят от слов к действиям, а я действительно опасался, что на этот раз они подерутся».

Беседа возобновилась сравнительно спокойно. Потом Риббентроп вынул из кармана бумагу. Это было предложение Гитлера Польше, которое удивило Шмидта.

Министр иностранных дел начал зачитывать все шестнадцать пунктов документа. Как позднее сетовал Гендерсон, ему было трудно разобрать немецкую скороговорку Риббентропа, и он попросил текст документа, чтобы передать его своему правительству. Это была обычная дипломатическая процедура, но Риббентроп ответил, что дать текст

не может. Он не пояснил, что фюрер запретил передавать документ кому-либо. Удивленный Гендерсон повторил свою просьбу, и снова Риббентроп отказался выполнить ее. «В любом случае он уже устарел, так как польский представитель не прибыл»,— объяснил он.

Переводчик понял, что Гитлер ведет двойную игру, опасаясь, что поляки могут принять немецкие предложения, если их передадут англичане. Шмидт не мог вмешаться, но устремил на Гендерсона красноречивый взгляд, надеясь, что тот догадается попросить английский перевод. Риббентроп вряд ли откажется, и тогда Шмидт будет медленно переводить с тем, чтобы посол все записал. Но Гендерсон не понял его взгляда. Тем и закончилась эта бурная беседа. Несмотря на поздний час, Риббенроп отправился к Гитлеру сообщить о встрече с Гендерсоном. Он предложил дать англичанам немецкие предложения в письменном виде, но фюрер отказался.

3

Рано утром Гендерсон позвонил секретарю польского посольства и предупредил его, что согласно достоверной информации разразится война, если в ближайшие два-три часа Польша не попытается ее предотвратить. Каждое слово записывалось немецкими агентами. Было также прослушано сообщение Гендерсона в Лондон, в котором содержалась та же информация с комментарием, что это скорее всего не блеф. Хотя немцы не имели английских шифров, неосторожность Гендерсона в пользовании телефоном облегчала им работу. (Кстати, безопасность в английском посольстве в Риме была еще менее надежной. Сейф посла, лорда Перта, регулярно вскрывался профессиональным медвежатником, нанятым итальянской разведкой. С секретных материалов снимались копии, а однажды вор даже прихватил диадему супруги посла. Но даже этот случай не очень встревожил англичан. К счастью для Англии, Муссолини не пришло в голову поделиться с союзником секретом английских шифров.)

Далерус получил разрешение от Гендерсона позвонить в

Лондон и сразу после полудня сообщил сэру Хорасу Уилсону, что предложения Гитлера «весьма разумны». Сославшись на Геринга, он сообщил, что фюрер сделал их с единственной целью — показать англичанам, что он стремится к взаимопониманию. Заподозрив, что их подслушивают, Уилсон попросил Далеруса передать свою информацию Гендерсону, но швед не понял намека и продолжал говорить. Раздраженный Уилсон молча положил трубку.

Пока профессиональные дипломаты и дилетанты лихорадочно искали пути к мирному решению конфликта, подготовка к войне продолжалась. В полдень Гитлер отдал приказ о вторжении в Польшу. По словам помощника рейхсканцлера по связям с прессой Берндта, это решение ускорила грубая фальшивка. Берндт посчитал, что число убитых поляками немцев очень мало, и добавил ноль. Гитлер посчитал эту цифру сомнительной, но когда Берндт ответил, что она, возможно, преувеличена, но все равно в Польше совершаются чудовищные преступления против немцев, Гитлер воскликнул: «Они заплатят за это! Никто не помешает мне преподать этим негодяям урок, который они никогда не забудут! Я не позволю убивать немцев, как скот!» Фюрер тут же подошел к телефону и в присутствии Берндта приказал Кейтелю ввести в действие директиву номер один.

В директиве говорилось: «Поскольку ситуация на восточной границе Германии стала нетерпимой и все политические возможности мирного урегулирования исчерпаны, я принял решение применить силу». Нападение на Польшу должно было произойти на следующий день, в пятницу, 1 сентября, и со стороны Запада никаких действий не предвидилось. Директива была передана посыльными всем командующим, которые в свою очередь с соблюдением строжайшей секретности передали приказ по армии. В 16.00 он был подтвержден, и войска начали выдвигаться на исходные рубежи. Одновременно начальник службы безопасности СД Гейдрих отдал приказ специальному подразделению у польской границы о проведении «операции Гиммлер», целью которой было создать предлог для начала боевых действий против Польши. Подразделения СД, переодетые в польскую военную форму, должны были разрушить таможенный пост и радиостанцию в приграничном немецком городке Глейвице. Прокричав по микрофону антигерманские лозунги, «поляки» должны были вернуться на свою терри-

торию, оставив несколько трупов как доказательство того, что здесь шел бой. О трупах «позаботились» заранее: Гейдрих уже подобрал жертвы — их называли «консервами» — в концлагерях.

В Берлине польский посол Липский, которого немцы заставили ждать пять с половиной часов, наконец в 18.30 попал к Риббентропу. Усталый и взвинченный Липский зачитал короткое сообщение о том, что его правительство «в благоприятном духе» изучает английские предложения о прямых переговорах между Германией и Польшей и даст официальный ответ по этому вопросу «в ближайшие несколько часов». Посол упрекнул Риббентропа в том, что встречи с ним пришлось ждать с часу дня. Тот холодно поинтересовался, имеет ли посол полномочия вести переговоры. Липский ответил, что пока лишь получил указание передать только что зачитанное им послание. «Но есть ли у вас полномочия вести с нами переговоры по немецким предложениям?»— настаивал министр. Липский ответил отрицательно. «Ну, тогда нет смысла продолжать беседу»,— оборвал поляка Риббентроп.

Так закончилась одна из самых коротких бесед в переводческой практике Шмидта. Посол следовал указанию своего правительства «не вступать в переговоры по конкретным вопросам». Очевидно, поляки были настолько уверены, что с помощью союзников смогут одолеть немцев, что не проявили интереса к предложению Гитлера. В свою очередь, Англия и Франция старались убедить поляков вступить в переговоры. Когда Липский вернулся в посольство, он попытался позвонить в Варшаву. Но связи не было, немцы ее отключили. Им и так все было ясно.

В 19.00 Гитлер принял итальянского посла Аттолико, который предложил посредничество дуче в мирных переговорах по «польскому вопросу». Не согласится ли фюрер на посредничество дуче? «Сначала надо посмотреть, как будут развиваться события»,— ответил Гитлер. А они развивались по сценарию, разработанному в германском генштабе. В 20.00 произошло запланированное Гейдрихом «польское» нападение на радиостанцию в Глейвице. Через час все немецкие радиостанции прервали свои обычные программы и передали официальное сообщение о «миролюбивом» предложении фюрера, направленном на урегулирование отношений с Польшей. Многим иностранным наблюдателям оно показалось вполне приемлемым.

Но поляки и не думали принимать ультиматум Гитлера. Им стоило бы настоять на возобновлении переговоров и тем самым сбить немцев с толку. Но они предпочли действовать непримиримо, и в 23.00 по радио зазвучали призывы к разоблачению немецкой политики: «Слова больше не могут скрыть агрессивных целей новых гуннов. Германия стремится к господству в Европе и с беспрецедентным цинизмом попирает права народов. Это наглое предложение ясно показывает, насколько были своевременны мобилизационные меры, предпринятые польским правительством».

Риббентроп направился в рейхсканцелярию, чтобы узнать о реакции Гитлера на польскую радиопередачу. Ничего уже нельзя поделать, сказал Гитлер, машина пущена в ход. Он был спокоен. После недель волнений и сомнений курс наконец намечен. Он ушел спать убежденный в том, что Англия и Франция не предпримут никаких решительных мер. Возможно, фюрера больше всего успокоило (он недавно сказал военным, что его договор со Сталиным — это «пакт с сатаной») короткое сообщение из Москвы, что Верховный Совет СССР после «блестящей» речи Молотова ратифицировал договор с Германией.

Вторжение в Польшу Гитлер считал не войной, а ударом с целью «освобождения исконно немецких земель». Это была локальная акция, которую Англия и Франция после словесных протестов в конце концов примут как свершившийся факт. Снова и снова его адъютанты слышали за обеденным столом: «Англичане бросят поляков, как в свое время чехов».

Хотя разведывательные донесения ясно показывали, что в случае германо-польской войны Англия и Франция, вполне возможно, вступят в нее, Гитлер не мог этому поверить, так как, по словам его личного адъютанта Шауба, это «не укладывалось в рамки его интуиции». Он предпочитал больше полагаться на личное убеждение в том, что ни Англия, ни Франция не ввяжутся в военный конфликт. «Англия блефует,— сказал он своему фотографу,— и я тоже».

Геринг получил известие о начале боевых действий, находясь в своем личном поезде. Разгневанный, он позвонил Риббентропу. «Ну что, добились наконец своей проклятой войны? Это все из-за вас!» — крикнул он и положил трубку. Упрек рейхсмаршала был явно не по адресу: никто так часто не предупреждал фюрера, как Риббентроп, что Англия будет драться, если ее загонят в угол.

4

В 4.45 утра в пятницу 1 сентября прибывший накануне в Данциг с «визитом вежливости» немецкий крейсер «Шлезвиг-Гольштейн» открыл огонь по маленькому полуострову, на котором Польша содержала военный склад и восемьдесят восемь солдат. Одновременно артиллерия открыла огонь на протяжении всей германо-польской границы, затем на восток устремились немецкая пехота и танки. Официального объявления войны не было, но через час Гитлер обратился по радио к войскам. Фюрер заявил, что у него нет иного выбора, кроме как «ответить ударом на удар».

В Риме дуче был внешне спокоен. Несколькими часами ранее он принял мудрое, но неприятное для немцев решение: Италия будет соблюдать нейтралитет. Муссолини позвонил Аттолико и поручил своему послу в Берлине попросить Гитлера прислать ему телеграмму, освобождающую дуче от союзнических обязанностей. Гитлер быстро составил ответ, едва скрывая свой гнев: «Я убежден, что мы можем выполнить возложенную на нас задачу военными силами Германии». Тем не менее фюрер поблагодарил Муссолини за все, что тот может сделать в будущем «ради общего дела фашизма и нацизма». Рейхсканцлер подписал этот документ в 9.40, затем поехал в оперный театр, чтобы выступить перед рейхстагом. На сцену он вышел в серой полевой военной форме. Гитлер выразил сожаление по поводу того, что западные державы сочли затронутыми свои интересы: «Я неоднократно предлагал Англии нашу дружбу и, если нужно, тесное сотрудничество. Любовь, однако, предполагает взаимность». Сидящая в зале Ева Браун повернулась к сестре и прошептала: «Ильза, это же война, если он уйдет, что станет со мной?»

Гитлер обещал не вовлекать в боевые действия мирное население и заявил, что польские солдаты начали стрелять первыми, вынудив вермахт ответить ударом на удар. «Они попытались нас ужалить, но мы вырвем это ядовитое жало,— угрожал фюрер с трибуны.— Кто игнорирует правила войны, того ждет возмездие. Я готов продолжать борьбу, пока не будут обеспечены безопасность рейха и его права. С этого момента вся моя жизнь принадлежит народу. Я хочу

быть лишь первым солдатом германского рейха. Поэтому я снова надел этот мундир, который не сниму до самой победы».

Зал встретил эти слова бурей оваций, однако Ева Браун плакала, закрыв лицо. «Если с ним что-то случится,— сказала она сестре,— я тоже умру». А Гитлер объявил, что в случае гибели его преемником будет Геринг. А если и рейхсмаршал падет, его место займет Гесс. Это было одностороннее решение, сделанное под влиянием момента. Оно свидетельствовало о том, что в действительности германского правительства как такового не было. Вся власть принадлежала фюреру.

Ликование в оперном театре не выплеснулось на улицы города. Люди были молчаливы и озабочены. Все выглядело иначе, чем в тот августовский день двадцать пять лет назад, когда кайзер объявил войну. Немцы словно предчувствовали, что эта война будет трагедией для Германии.

Когда расстроенная Ева Браун выходила из театра, доктор Брандт попытался ее приободрить: «Не беспокойтесь, фройляйн Браун. Фюрер мне сказал, что через три недели воцарится мир». Она заставила себя улыбнуться.

Гендерсон сообщил в Лондон, что сразу после выступления Гитлер вернулся в рейхсканцелярию и заявил генералам, что политические усилия оказались бесполезными и теперь будут говорить только пушки. После обеда он пригласил к себе Далеруса и поблагодарил его за работу, возложив на Англию вину за то, что усилия посредника оказались безуспешными. Какой-либо надежды на соглашение больше нет. Затем фюрер разразился антипольской филиппикой, заявив, что уничтожит Польшу как государство. Но если Англия намерена вести переговоры, он готов к компромиссу. Затем начал кричать, размахивая руками: «Если Англия хочет воевать год, я буду драться два. Если понадобится, я буду драться десять лет!»

Когда Гитлер снова появился в приемной рейхсканцелярии, он был в приподнятом настроении. Фюрер ликующим тоном сказал Риббентропу, что успехи немецких войск просто потрясающие. Вся кампания закончится раньше, чем Запад успеет составить ноты протеста. Эксперт по Франции Отто Абец заметил, что, по его мнению, Франция выступит на стороне Польши. Повернувшись к Риббентропу, Гитлер с деланным ужасом поднял руки. «Пожалуйста, избавьте меня от прогнозов ваших экспертов»,— воскликнул

он и начал высмеивать немецких дипломатов, которые получают самую высокую зарплату, имеют самые современные средства связи, однако всегда дают нелепые советы. Они предсказывали войну из-за присоединения Рейнской области, аншлюса Австрии, судетского кризиса и оккупации Праги. У военных атташе мозги, видимо, тоже не работают «из-за сидения в креслах, или их не устраивает моя политика, и они дают фальшивую картину ситуации и ставят помехи на моем пути,— продолжал Гитлер.— Вы должны понять, Риббентроп, что я решил не считаться с мнением людей, которые десятки раз вводили меня в заблуждение. Отныне я намерен полагаться на собственный ум, который во всех этих случаях оказывался лучшим советчиком, чем ваши так называемые компетентные эксперты».

В Лондоне польский посол Эдвард Рачинский по своей инициативе посетил лорда Галифакса и заявил, что его правительство квалифицирует германское вторжение как неприкрытую агрессию.

«Я в этом не сомневаюсь»,— ответил Галифакс. Когда они вышли в зал, появились министры, собравшиеся на чрезвычайное заседание кабинета. Министр финансов Джон Саймон схватил Рачинского за руку и сказал: «Мы все в одной лодке. Англия не имеет привычки бросать в беде своих друзей». На заседании кабинета Чемберлен предложил объявить Гитлеру последнее предупреждение: если он не прекратит враждебных действий, Англия выполнит свои обязательства перед Польшей. Послание, указал он, следует сформулировать осторожно, чтобы оно не выглядело ультиматумом. Иначе немцы начнут топить английские суда.

Мир был потрясен внезапным нападением на Польшу, хотя оно и ожидалось. Из Ватикана через кардинала Глонда оказывалось давление на польское правительство с целью заставить его начать переговоры с Гитлером. Президент Рузвельт обратился к воюющим сторонам с призывом не подвергать бомбардировке гражданские цели и неукрепленные города. Заявление Рузвельта вызвало у Гитлера раздражение. Фюрер расценил его как враждебный акт американских евреев, контролирующих прессу и окруживших президента Розенфельда, как нацистская пропаганда окрестила Рузвельта. Тут же было издано распоряжение о запрещении евреям как врагам государства выходить из своих домов после 20.00 зимой и 21.00 летом, им предписыва-

лось также немедленно сдать радиоприемники.

К концу дня Гендерсон получил из Лондона ноту с указанием немедленно вручить ее Риббентропу. Вместе с французским послом, который получил от своего правительства такое же предписание, он поздно вечером явился в министерство иностранных дел. Но Риббентроп отказался принять их вместе. Вначале он принял английского посла и был с ним очень вежлив. Министр заявил, что поляки спровоцировали Германию на применение силы, и возложил на них всю ответственность за военный конфликт. Французскому послу Риббентроп повторил свои обвинения по адресу Польши и обещал передать ноту Гитлеру.

В Лондоне Чемберлен сообщил об этой ноте в палате общин. Он заявил, что ссора Англии с Германией сводится лишь к тому, что немцы позволили управлять собой нацистскому правительству. «Пока это правительство существует и пользуется методами, которым оно так упорно следовало последние два года, в Европе не будет мира,— продолжал английский премьер.— Мы просто будем идти от одного кризиса к другому и наблюдать, как одна страна за другой подвергается нападению... Мы преисполнены решимости положить этому конец». Речь премьера была встречена одобрительными возгласами.

5

Несмотря на все признаки того, что Гитлер был против посредничества Муссолини в организации переговоров по урегулированию конфликта, дуче предложил утром следующего дня провести встречу представителей великих держав на Вильгельмштрассе. Но фюрер отнесся к этой идее без особого восторга, в то время как Англия и Франция колебались. Германский посол позвонил из Лондона и сказал: «Есть лишь один шанс — немедленно уйти из Польши и предложить выплатить компенсацию за ущерб. Если Гитлер сделает это, появится один шанс из миллиона, что катастрофы удастся избежать». Через два часа последовал новый звонок, на этот раз трубку взял сам Риббентроп. «Немедленно идите к своему другу (он имел в виду Уилсона) и

передайте ему следующее: фюрер готов уйти из Польши и выплатить компенсацию при условии, если мы получим Данциг с «коридором» и если Англия будет действовать как посредник в германо-польском конфликте. Фюрер дает вам полномочия представить это предложение английскому кабинету и начать немедленно переговоры».

Хессе был ошарашен. Неужели в последний момент фюрер наконец осознал грозящую ему опасность? Или же это просто розыгрыш, чтобы посмотреть, как далеко англичане могут пойти в уступках под нависшим над ними мечом войны? Хессе позвонил на Даунинг-стрит, но Уилсона на месте не оказалось. В 19.44 Чемберлен сделал заявление в палате общин. От него ожидали решительного тона, но премьер, заверив депутатов в том, что правительство считает себя обязанным действовать, если Гитлер не выведет войска из Польши, ошарашил их утверждением, что соглашение об этом вернет ситуацию к состоянию, существовавшему до 1 сентября. Тем самым будет открыт путь к переговорам между Германией и Польшей по спорным вопросам «при том понимании, что урегулирование обеспечит жизненные интересы Польши и будет закреплено международными гарантиями». Иными словами, Чемберлен все еще колебался. (Позднее, по словам американского посла Кеннеди, британский премьер сказал, что «американцы и евреи мира втянули его в эту войну».) Послышались возгласы возмущения. Выступивший следующим лидер лейбористской партии Артур Гринвуд заявил: «Сколько же времени мы будем колебаться в то время, как в опасности Англия и все, за что она стоит?»

Назревал бунт в парламенте, многие требовали немедленно, не дожидаясь реакции Франции, предъявить Гитлеру ультиматум. Но Чемберлен настоял на согласовании действий с Францией. В 21.50 он позвонил Даладье и предложил компромисс. Даладье уклонился от прямого ответа: его кабинет настаивает на том, чтобы потребовать от Гитлера вывода войск из Польши до завтрашнего полудня.

Уилсон положительно отнесся к новому предложению Гитлера об уходе из Польши, но не решился передать его кабинету. Ситуация, сказал он, коренным образом изменилась после их последней встречи: Рузвельт тайно обещал помогать Чемберлену, если тот объявит войну, а Россия определенно не станет воевать на стороне Германии.

Германский посол настаивал на своем, заявив, что это

предложение дает единственный шанс избежать войны и свидетельствует о том, что Гитлер признал свою ошибку. Уилсон не мог поверить в это и потребовал, чтобы Гитлер принес публичные извинения за акты насилия. Хессе возразил, что такое предложение — психологическая ошибка. Ведь Гитлер считает, что ответственность за этот кризис ложится не только на него. «Если это предложение провалится только потому, что Гитлер не извинится,— сказал Хессе в отчаянии,— то мир сочтет, что Чемберлен хочет войны, так как он упустил шанс избежать ее».

Уилсон подумал и согласился довести предложение до сведения кабинета. Вошедший в это время чиновник подал Уилсону записку, которую тот прочитал и тут же сжег. «Я не могу передать ваше предложение кабинету»,— сказал он Хессе. В записке, вероятно, сообщалось, что Чемберлен решил действовать. В 23.30 собрался кабинет, и премьер заявил, что хочет завтра в полдень выступить с обращением к народу. «Я предлагаю,— сказал он,— поручить сэру Невилу Гендерсону посетить завтра утром в 9 часов герра фон Риббентропа и заявить, что если до полудня не будет получен ответ, с этого часа между Англией и Германией возникает состояние войны». Возможно, добавил он, этот шаг г торопит и французов. Все с этим согласились, и заседание закончилось. В этот момент за окнами прогремел гром...

Фюрер провел этот вечер в рейхсканцелярии, спокойно обсуждая ход польской кампании. Но прочитав донесение Хессе о встрече с Уилсоном — это было в два часа ночи,— он вспылил и обрушился на Риббентропа за отказ Италии вступить в войну. Неприятности для министра иностранных дел на этом не закончились. Примерно в 4.00 позвонили из английского посольства и сообщили, что английский посол хотел бы видеть Риббентропа в 9 часов утра, чтобы передать важное сообщение. Понимая, что скорее всего речь идет об ультиматуме, Риббентроп перепоручил прием Гендерсона одному из своих сотрудников.

6

Воскресенье 3 сентября выдалось солнечным и теплым. Обычно такие дни берлинцы проводили за городом. Но сегодня они были подавлены, оказавшись на пороге войны.

Утром со Шмидтом случилась неприятность — он проспал. Поймав такси, он подъехал к зданию министерства иностранных дел и заметил входящего в подъезд британского посла, которого он должен был принимать. Промчавшись через служебный вход, Шмидт вбежал в кабинет Риббентропа, тут часы ударили девять и появился Гендерсон. Посол поздоровался со Шмидтом за руку, но сесть отказался. «Я сожалею, что по указанию моего правительства,— сказал он, пытаясь справиться с волнением,— вынужден вручить вам ультиматум для передачи германскому правительству». Он зачитал заявление, в котором Германии объявлялась война, если ее правительство не даст заверений, что все войска будут выведены из Польши к одиннадцати часам по британскому летнему времени. Гендерсон протянул бумагу. «Я искренне сожалею,— повторил он,— что должен вручить такой документ вам, так как вы лично всегда были готовы нам помочь».

Через несколько минут Шмидт был в рейхсканцелярии, проталкиваясь через толпу в приемной к кабинету Гитлера. Тот сидел за столом, Риббентроп стоял у окна. Оба выжидательно смотрели на вошедшего. Шмидт стал медленно переводить английский ультиматум. «Что теперь?»— спросил Гитлер Риббентропа, когда документ был дочитан до конца. «Думаю, в течение часа французы тоже предъявят такой же ультиматум»,— последовал ответ.

В приемной на Шмидта обрушился град вопросов. Но как только он сообщил, что через два часа Англия объявит войну, наступило гробовое молчание. Наконец Геринг произнес: «Если мы проиграем эту войну, тогда спаси нас Бог!» У всех были серьезные лица. Даже обычно жизнерадостный Геббельс стоял в углу мрачный и задумчивый.

Но один человек не потерял надежды. Далерус нашел Геринга в его личном поезде. Почему бы рейхсмаршалу не вылететь в Лондон и не вступить в переговоры с англичанами? Швед уговорил Геринга позвонить Гитлеру. Радостным то-

ном тот сообщил, что фюреру идея понравилась, но сначала англичане должны дать на это свое согласие. Далерус позвонил советнику английского посольства, который ответил, что немцы сначала должны принять ультиматум. Но и это не остановило Далеруса: он позвонил в английское министерство иностранных дел, однако получил тот же ответ. Тогда он отправился к Герингу и попросил его еще раз побеспокоить Гитлера, предложив послать англичанам примирительный ответ. Далерус ждал у поезда, нервно прохаживаясь, пока Геринг говорил с фюрером. Наконец Геринг вышел из вагона, и по его разочарованному лицу Далерус понял, что фюрер отказался от предложенного варианта. Так завершились упорные, хотя и безуспешные усилия Далеруса в его попытке остановить войну.

В 11.15 посол Гендерсон получил срочный вызов от Риббентропа. Через пятнадцать минут ему был передан ответ Германии на ультиматум — категорический отказ. Прочитав документ, посол заметил, что «история рассудит, кто в этом виноват». Риббентроп ответил, что «никто так упорно не стремился к миру и хорошим отношениям с Англией, как герр Гитлер», и пожелал английскому послу личного благополучия.

В полдень громкоговорители на берлинских улицах объявили ошеломленным слушателям новость о войне с Англией.

В Лондоне стояла по-летнему теплая погода. Было 11 часов, и Чемберлен готовился к выступлению по радио с обращением к народу. Через пятнадцать минут он объявил, что Англия находится в состоянии войны с Германией. Английское правительство, сказал премьер-министр, сделало все для сохранения мира, и совесть его чиста. «А теперь да благословит вас Господь Бог и да защитит он правое дело»,— закончил он.

Примерно в это же время французский посол вручил Риббентропу ультиматум своего правительства. Германский министр заявил, что Франция является агрессором. Но гнев Гитлера был направлен прежде всего на Англию. Ведь он вроде бы распознал английскую слабость, но совершенно недооценил ее силу. Локальная война из-за этого просчета перерастала в мировую. Это был просчет, рожденный первой фатальной ошибкой фюрера — решением захватить всю Чехословакию. Если бы он этого не сделал и подождал, пока она сама не упадет к нему в руки, сомни-

тельно, чтобы англичане так отреагировали на угрозу Польше.

Для Кремля решение Англии оказалось неожиданностью. Как сообщал московский корреспондент лондонской «Дейли телеграф», «новость о войне удивила русских. Они ожидали компромисса». Советы не проявили желания присоединиться к нападению на Польшу, и Риббентроп в телеграмме послу Шуленбургу предложил им сделать это. «По нашей оценке,— писал Риббентроп,— это отвечало бы смыслу московских соглашений, а также советским интересам».

Гитлер со свитой собирался выехать в специальном поезде на фронт. За девять минут до отъезда из Берлина он направил послание Муссолини, который не поддержал его в самый критический момент. Послание изобиловало высокопарными фразами о «борьбе не на жизнь, а на смерть», о «сознательном выборе» и «вере, твердой как сталь». Однако когда поезд точно в 21.00 тронулся, лицо фюрера не излучало особого оптимизма. Секретарша Герда Дарановски заметила, что он тих, бледен, задумчив, никогда таким она его раньше не видела. Другая секретарша, Криста Шредер, слышала, как Гитлер сказал Гессу: «Все мое дело рушится, напрасно я писал свою книгу».

Часть 7. СИЛОЙ ОРУЖИЯ

Глава 21. Победа на Западе (3 сентября 1939 — 25 июня 1940 г.)

1

Наступление в Польше развивалось стремительно. Польские кавалеристы с длинными пиками не могли противостоять немецким танкам, и оборона поляков вскоре рухнула под массированными ударами вермахта. Постоянно подвергаясь воздушным налетам, польские сухопутные силы таяли под давлением полуторамиллионной армии, поддерживаемой мобильной артиллерией. Особенно эффективными оказались танки. Они рассекали оборону и опустошали тыл. Для иностранных наблюдателей блицкриг — молниеносная война — был почти таким же ужасающим, как и для его жертв, ибо он знаменовал поворотный пункт в истории военного искусства. К утру 5 сентября польская авиация была уничтожена, а два дня спустя почти все из тридцати пяти польских дивизий были либо разгромлены, либо окружены.

Гитлер следил за ходом военных действий из специального поезда, названного ставкой фюрера. Как только он надел военную форму, коренным образом изменился его образ жизни. Вернувшись к старой роли солдата-фронтовика, он внедрил в своей ставке казарменный режим. «Войска должны знать, что командир делит с ними все лишения». Каждое утро, продиктовав секретарше очередной приказ, Гитлер отправлялся в ближайшее расположение войск. При хорошей погоде он ездил в открытой машине, чтобы его узнавали солдаты, которым адъютанты разбрасывали пачки сигарет. Фюрер вникал в мельчайшие детали операций, часами осматривал полевые кухни и столовые, тиранически навязывал офицерам солдатский паек. Вскоре такая мелкая опека прекратилась, но его интерес к боевым делам не

уменьшился — за одним характерным исключением: фюрер отклонил просьбу одного из своих приближенных поговорить с ранеными в санитарном поезде. «Я не выношу чужих страданий»,— признался он.

Гитлера тяготило нежелание Советского Союза присоединиться к вермахту для совместных действий по «разделу» Польши. Вероятно, Сталин решил ждать до последнего, чтобы свести к минимуму потери Красной Армии. Лишь в 2 часа ночи 17 сентября Сталин лично сообщил германскому послу в Москве, что через несколько часов Красная Армия перейдет польскую границу. В На рассвете она это сделала. В одном месте польские пограничники вдруг увидели, как из утреннего тумана показались конные фуры с солдатами. «Не стреляйте!— кричали красноармейцы.— Мы пришли защитить вас от немцев». На передних повозках были вывешены белые флаги. Защитники были настолько сбиты с толку, что красные прошли во многих местах без какого-либо отпора.

В первый же день между союзниками возник спор о содержании совместного коммюнике с оправданием захвата Польши. Сталин высказал замечания по немецкому проекту («в нем факты представлены слишком откровенно») и собственноручно написал новый вариант. Не успел Гитлер согласиться с этим изменением, как Сталин внес новое предложение — о полном разделе добычи даже без видимости сохранения польской государственности. Внешне русское предложение было для Германии выгодным, но подозрительность Гитлера была так сильна, что только через четыре дня он уполномочил Риббентропа объявить Москве о своем согласии со сталинским вариантом.

Министр иностранных дел прибыл в советскую столицу 27 сентября для заключения нового договора. Момент был выбран удачно: только что капитулировала Варшава. Правда, после прибытия Риббентроп получил предупреждение из Берлина о намерении Советов присоединить к СССР сопредельные прибалтийские государства. Поэтому он поздно вечером направлялся в Кремль с некоторыми опасениями. Риббентроп уже знал, что Сталин сделает ему соблазнительное предложение, но боялся, что тот запросит слишком высокую цену. Встреча началась в 22.00. Как и ожидалось, Сталин официально предложил Германии в полное владение территорию Польши восточнее Вислы. Взамен он потребовал Литву. Через три часа встреча закончилась. Риб-

бентроп по телефону передал информацию Гитлеру. Предложение Сталина, подчеркивал он, имеет одну очень привлекательную сторону, а именно: контролируя основную часть населения Польши, «Германия сможет решить польскую национальную проблему по своему усмотрению».

Помимо того, что он нуждался в хороших отношениях с Советами, фюрер хотел завладеть этим «рассадником еврейства». Он уполномочил Риббентропа подписать договор и преподнес Сталину последнее прибалтийское государство. Это была высокая цена за сохранение безопасности тыла на Востоке, чтобы собрать силы для нанесения удара по Западу. Внешне это выглядело как явная уступка Москве. Но Гитлер был настолько уверен в слабости Красной Армии, что, должно быть, считал возвращение отданного лишь делом времени. На следующий день Советы предложили Риббентропу позвонить Гитлеру, чтобы получить от него одобрение всех пунктов договора. Гитлер ответил согласием, хотя Риббентроп уловил в голосе фюрера нотки сомнения. «Я хочу установить по-настоящему прочные и тесные отношения»,— сказал фюрер, и когда Риббентроп повторил эти слова Сталину, тот лаконично ответил: «Гитлер знает, о чем говорит».

Сталин сиял, глядя на Молотова и Риббентропа, когда они в 5 часов утра 29 сентября подписали договор. Однако замечание Риббентропа о том, что русские и немцы никогда не должны воевать друг с другом, было встречено неловким молчанием. Наконец Сталин прервал затянувшуюся паузу: «Так должно быть». Холодность его тона и необычная формулировка вынудили Риббентропа попросить переводчика повторить ее. Второе замечание Сталина было столь же туманным. Когда Риббентроп спросил, готовы ли Советы пойти дальше договора о дружбе и заключить союз для предстоящих схваток с Западом, ответом было: «Я никогда не допущу ослабления Германии». Эти слова были произнесены так непосредственно, что Риббентропу даже не пришло в голову усомниться в их искренности.

Пока Сталин готовился захватить балтийские государства и Восточную Польшу, Гитлер превращал остальную часть этой страны в гигантскую бойню. Он приказал вывезти всех евреев из рейха в польские города, имеющие железнодорожное сообщение. Как разъяснил Гейдрих командованию СС 21 сентября, целью является «окончательное решение еврейского вопроса, что потребует некоторого вре

мени». Он имел в виду физическое уничтожение евреев, что уже не было секретом для многих высокопоставленных деятелей партии.

Эти зловещие замыслы были дополнены «чисткой» среди польской интеллигенции, духовенства и аристократии, чем занимались пять истребительных подразделений, именуемые «айнзацгруппен» («специальные группы»). Ненависть к полякам появилась у Гитлера сравнительно недавно, под влиянием сообщений о зверствах, якобы совершаемых в Польше по отношению к немецкому меньшинству. «Десятки тысяч были выселены, подвергнуты издевательствам и убиты самым зверским образом,— говорил он на митинге в Данциге 19 сентября.— Эти садисты выплеснули наружу извращенные инстинкты, а демократический, религиозный мир смотрел на это с преступным безразличием». Однако, добавил он, «всемогущий Бог теперь благословил наше оружие». К середине осени были ликвидированы три с половиной тысячи представителей польской интеллигенции, которых Гитлер считал «разносчиками польского национализма». «Только таким путем,— утверждал он,— мы можем заполучить необходимую нам территорию. В конце концов, кто сейчас помнит об истреблении армян?» Террор сопровождался безжалостным выселением более чем миллиона простых поляков с их земель и размещением там немцев из других частей Польши и Прибалтики. Это проходило зимой, и при переселении от холода погибло больше поляков, чем в результате казней.

2

Захватив основную часть Польши, Гитлер попытался так или иначе закончить войну с Францией и Англией. Прежде всего он начал наступление в прессе и по радио, одновременно пробуя разыграть английскую карту по неофициальным каналам — через Хессе, Геринга и Далеруса.

В конце сентября Гитлер предложил шведу совершить очередную поездку в Лондон, заверив его, что хочет заключить мир с англичанами как можно скорее. Но в тот же день на встрече с высшим генералитетом он объявил о своем ре-

шении перейти в решительное наступление на Западе, «так как англо-французская армия еще не готова», и назначил дату: 12 ноября. По словам полковника Варлимонта, все были «явно ошарашены», в том числе Геринг. Фюрер заявил, что не собирается повторять план Шлиффена времен первой мировой войны и совершит вторжение через Бельгию и Люксембург в северо-западном направлении, чтобы перекрыть Ла-Манш. Гитлеру никто не возразил.

Далерус, получив свободу передвижения, 28 сентября был уже в Лондоне и встретился с Кадоганом, но тот не проявил особого интереса к его рассказу. В своем дневнике Кадоган записал, что швед «не сказал ничего существенного. Он как оса на пикнике — никак его не отгонишь». Столь же холодный прием ожидал Далеруса и у главы английского правительства.

Но Гитлер не унимался. 6 октября он в очередной раз выступил с призывами к миру. «Судьба польского государства — это дело России и Германии, а не Запада,— сказал он. — Не лучше ли решать спорные проблемы за столом переговоров, а не жертвовать миллионами человеческих жизней и уничтожением богатств?» Затем Гитлер перешел к мрачным прогнозам: «Судьба решит, кто прав. Одно лишь можно сказать точно. В ходе мировой истории никогда не было двух победителей, а очень часто — лишь побежденные». Он молит Бога указать правильный путь рейху и другим странам. «Однако если победят мнения господина Черчилля и его последователей, это мое заявление будет последним,— заверил он.— Тогда мы будем драться. Повторения ноября 1918 года в немецкой истории не будет!»

Гитлер, очевидно, не рассчитывал добиться постоянного мира с двумя великими державами, способными угрожать безопасности рейха. Он надеялся на перемирие хотя бы с одной из них, чтобы внести раскол между Францией и Англией и таким образом одолеть их поодиночке. Немцы реагировали на призыв фюрера к миру с чувством облегчения. Правда, на следующий день Даладье заявил, что Франция никогда не сложит оружие, пока не будут обеспечены «подлинный мир и всеобщая безопасность». Но англичане молчали, и это вселяло надежду в сторонников перемирия. Фюрер, однако, готовился к худшему. 9 октября он издал директиву номер шесть, в которой был изложен план вторжения через Люксембург, Бельгию и Голландию.

На следующий день в 11.00 фюрер вызвал в рейхсканце-

лярию семерых командующих войсковыми соединениями. Перед тем как ознакомить их с новой директивой, Гитлер зачитал составленный им меморандум, который свидетельствовал о том, что он потратил немало времени на изучение военной и политической истории фатерланда. Германия и Запад, писал фюрер, были врагами со времени первого рейха в 1648 году, и эту борьбу надо довести до конца. Он не возражает против немедленного прекращения войны при условии, если будут признаны завоевания в Польше. Он созвал военных, чтобы разъяснить цель Германии в войне: «уничтожение мощи и способности западных держав когда-либо снова противостоять государственному укреплению и дальнейшему развитию немецкого народа в Европе».

Гитлер соглашался с тем, что нельзя допустить поспешности при подготовке наступления. Но время работает на противника. Благодаря договору с Россией и великой победе в Польше Германия наконец впервые за многие годы получила возможность воевать на одном фронте. Вермахт теперь может все свои силы бросить против Англии и Франции. Такая ситуация не вечна. «Никаким договором или пактом нейтралитет Советской России не может быть надежно обеспечен». Самая прочная гарантия против советского нападения — это эффектная демонстрация германской мощи». Кроме того, надежда на поддержку Италии зависит прежде всего от того, как долго будет оставаться у власти Муссолини. Ситуация в Риме может измениться мгновенно. Бельгия, Голландия и Соединенные Штаты могут отказаться от своего нейтралитета. Время работает против Германии. В настоящее время она обладает военным превосходством, но Англия и Франция преодолевают отставание, так как их военная промышленность использует ресурсы почти со всего мира. Длительная война представляет большую опасность. Рейх располагает ограниченными продовольственными и сырьевыми ресурсами, а центр военного производства — Рур уязвим для атак авиации и дальнобойной артиллерии.

Затем Гитлер перешел к чисто военным вопросам. Наш козырь, сказал он,— новая тактика массированного применения танков и авиации, проверенная в Польше. Фюрер призвал военачальников проявлять инициативу, максимально использовать возможность прорыва слабых мест обороны противника.

Это была блестящая лекция, но почти все командующие

были убеждены, что вермахт еще не готов к войне с Западом. Однако никто не высказал ни единого возражения, даже когда фюрер объявил, что наступление начнется этой осенью.

Тем временем в Лондоне Чемберлен все еще размышлял над ответом на последнее предложение Гитлера о мире. Английский премьер считал, что в нем нет ничего принципиально нового. На заседании кабинета он высказал мнение, что ответ должен быть «жестким». Министры согласились, но решили повременить с ответом еще два дня.

Утром 11 ноября в Берлине прошел слух, что правительство Чемберлена пало и скоро будет заключено перемирие. Как сообщал из Берлина один американский корреспондент, уличные торговки овощами на радостях бросали вверх кочаны капусты. Однако вскоре берлинское радио опровергло эти домыслы.

На следующий день, после почти недельного молчания, Чемберлен наконец ответил Гитлеру. Он заявил в палате общин, что немецкие предложения отвергаются как «туманные и неопределенные». За уверениями Гитлера в его миролюбии «должны последовать дела», он должен представить «убедительные доказательства» того, что действительно стремится к миру.

Ответ разочаровал фюрера, но не был для него неожиданным. Он вызвал Геринга и двух военных, связанных с авиационной промышленностью,— фельдмаршала Эрхарда Мильха и генерал-полковника Эрнста Удета — и заявил им: «Мои попытки заключить мир с Западом не удались. Война продолжается. Теперь мы можем и должны производить бомбы».

3

Когда политика Гитлера привела к войне, различные группы Сопротивления в Германии начали составлять планы захвата власти. Одни предлагали убить фюрера, другие — похитить его и передать власть военным либо демократическому правительству. Составлялись списки министров, проводился зондаж в Соединенных Штатах и других нейт-

ральных государствах. Самая серьезная группа заговорщиков сложилась в самом ОКВ («оберкоммандо дер вермахт» — верховном командовании вооруженных сил). Вдохновителем заговора был импульсивный кавалерийский офицер полковник Ганс Остер, помощник начальника абвера (военной разведки) адмирала Канариса. У него были широкие связи в вермахте, министерстве иностранных дел и даже в СС.

Остер нашел ценного помощника в лице мюнхенского юриста Йозефа Мюллера, ярого противника Гитлера. Мюллер, набожный католик, в начале октября совершил поездку в Рим, чтобы выяснить, согласятся ли англичане заключить мир с антинацистским режимом. Он встретился с папой Пием XII, который согласился оказать заговорщикам посреднические услуги. Папскому секретарю удалось вызвать на откровенность английского посланника, который дал понять, что Англия не против «мягкого мира» с антигитлеровской Германией.

Эта новость вдохновила группу Остера. Он попытался привлечь к участию в заговоре главнокомандующего сухопутными войсками Браухича, но тот колебался, считая, что народ «за фюрера». Однако заговорщикам удалось убедить генерала Гальдера в случае необходимости возглавить путч. Они надеялись, что и Браухич со временем примкнет к антигитлеровской коалиции.

5 ноября — в день, когда войска должны были выдвинуться на передовые рубежи в западном направлении,— Браухич в беседе с фюрером высказал мнение, что в осеннюю распутицу организовать массированное наступление невозможно. «А что, на противника дождь не льет?»— съязвил Гитлер. В отчаянии Браухич признался, что польская кампания выявила недостаточный боевой дух немецкой пехоты, были даже случаи неподчинения солдат приказам командиров. Это вывело Гитлера из себя. «В каких частях это было? Где? Какие меры были приняты к виновным? Сколько было вынесено смертных приговоров?»— кричал фюрер, обвиняя армию в трусости, а генералов — в саботаже. Свой приказ о выдвижении войск в западном направлении Гитлер не отменил, подтвердив, что наступление начнется 12 ноября в 7.15 утра.

Браухич был в состоянии шока и долго не мог прийти в себя. В подавленном состоянии были и другие армейские заговорщики. Никто не подал сигнала к мятежу. Вместо

этого генералы сожгли все компрометирующие материалы. Лишь Остер не запаниковал. Через одного из своих друзей он даже предупредил бельгийскую и нидерландскую миссии о готовящемся наступлении германских войск на рассвете 12 ноября.

Но вскоре Гитлер согласился перенести начало боевых действий на более поздний срок. Авиации требовалось по крайней мере пять дней хорошей погоды для уничтожения французских ВВС, а метеорологический прогноз, начиная с 7 ноября, был неблагоприятным для полетов.

Хотя Гитлер ничего не знал о военном заговоре, Геринг предупредил его насчет Браухича и Гальдера, посоветовав фюреру избавиться от этих «черных птиц». Более определенное предупреждение поступило от швейцарского астролога Карла Эрнста Крафта, которого наняла служба Гиммлера. Он составил прогноз, согласно которому в период с 7 по 10 ноября на Гитлера будет организовано покушение. Однако документ был упрятан в архив, потому что астрологические прогнозы в отношении фюрера были запрещены.

Когда утром 8 ноября Гитлер прибыл в Мюнхен на ежегодную встречу «старых борцов», архитектор фрау Троост на правах давнего друга упрекнула фюрера в легкомысленном отношении к мерам безопасности: в ее студию он пришел лишь с двумя охранниками. Гитлер, прижав руку к сердцу, сказал: «Надо слушать внутренний голос и верить в свою судьбу. Я знаю, что судьба выбрала меня для блага немецкого народа. Пока я нужен людям и отвечаю за жизнь рейха, я буду жить».

Потом Гитлер посетил в больнице свою старую знакомую, английскую журналистку Юнити Митфорд, которая, услышав об объявлении войны между Германией и Англией, выстрелила себе в висок и теперь лежала в больнице с застрявшей в голове пулей. К этому времени она уже пришла в сознание и попросила фюрера отправить ее домой. Гитлер тут же распорядился транспортировать раненую журналистку, как только она достаточно окрепнет, специальным поездом в Швейцарию.

Затем он засел за текст речи с очередными нападками на Англию для предстоящего выступления в пивном зале «Бюргербройкеллер».

Тем временем здесь кипела подготовительная работа: развешивались флаги и пропагандистские лозунги, проверялись микрофоны. Во время приготовлений в зал вошел

низенький бледный мужчина с большим лбом и ясными глазами. Это был мастер-умелец Георг Эльзер, недавно освобожденный из концлагеря в Дахау, где сидел за сочувствие коммунистам. Он пришел убить Гитлера. В коробке, которую Эльзер сжимал в руках, был часовой механизм, соединенный с динамитными шашками. Пока организаторы занимались своими делами, Эльзер незаметно поднялся на галерку, где спрятался за колонной, возвышающейся над сценой. Еще несколько дней назад он сделал здесь тайник для взрывного устройства.

Наконец свет потушили, дверь закрыли. Эльзер подождал еще полчаса, потом заложил бомбу в тайник и поставил взрыватель на 23.20. Фюрер должен был начать свою речь в 22 часа, и взрыв был рассчитан примерно на ее середину. (Кстати, это было не первое покушение на Гитлера. Одно из первых было предпринято еще в 1929 году, когда чем-то обозленный на фюрера охранник-эсэсовец подложил бомбу под трибуну перед выступлением своего хозяина во Дворце спорта в Берлине. Во время речи Гитлера эсэсовцу вдруг срочно понадобилось выскочить в туалет. Кто-то случайно запер дверь, и незадачливый организатор покушения не смог привести в действие взрывное устройство. «Это была шутка века,— вспоминал позднее один из друзей охранника.— Если бы ему не приспичило в туалет, ход мировой истории мог бы пойти по иному руслу».)

Перед началом выступления Гитлер вызвал адъютанта Макса Вюнше и спросил, можно ли выехать из Мюнхена раньше запланированного времени. Адъютант тут же распорядился подготовить к отправке один из двух спецпоездов, обслуживающих рейхсканцлера.

В «Бюргербройкеллере» фюрера встретили таким бурным ликованием, что он начал свою речь только в 22.10. Аудитория часто аплодировала, и Вюнше поглядывал на часы, опасаясь, как бы фюрер не опоздал на поезд. В 23.07 он вдруг закончил свою тираду, насыщенную язвительными выпадами против англичан. На расстоянии нескольких метров, внутри колонны, тикали часы Эльзера. Через тринадцать минут бомба должна была взорваться. Обычно после речи Гитлер еще оставался поболтать с товарищами по путчу. Однако сегодня в сопровождении Гесса и нескольких адъютантов он быстро вышел из зала и сел в ожидавшую его машину. По дороге Вюнше услышал отдаленный взрыв.

В «Бюргербройкеллере» тем временем царил переполох

— ревели сирены полицейских машин и «скорой помощи», слышались стоны раненых. Бомба убила семерых и ранила шестьдесят три человека, в том числе отца Евы Браун. А его дочь с подругой Гертой Шнайдер приехала на вокзал, когда поезд Гитлера тронулся. О взрыве никто не знал.

В Нюрнберге Геббельс вышел из вагона, чтобы отправить несколько писем и узнать новости. Вернувшись в купе фюрера, он дрожащим голосом сообщил о взрыве. Гитлер помрачнел и произнес: «Все ясно. То, что я ушел из «Бюргербройкеллера» раньше, чем предполагалось, лишь подтверждает волю провидения, которое благоволит мне в достижении цели». Получив информацию о раненых, фюрер поручил одному из своих адъютантов оказать им помощь, затем начал строить догадки о возможных заговорщиках. Гитлер почти не сомневался в том, что это дело рук двух английских агентов — Беста и Стивенса, которые вели тайные переговоры с агентами Гейдриха, выдающими себя за участников антинацистского заговора. Услужливый Гиммлер сошел с поезда и по телефону дал распоряжение схватить двух англичан в Голландии.

На следующий день они были взяты и переправлены в Германию. Через несколько часов у швейцарской границы был арестован и доставлен в Мюнхен подлинный организатор покушения. На допросе в гестапо Эльзер признался, что он действовал в одиночку, без сообщников, и сделал это, чтобы покончить с войной. Прочитав донесение гестапо, Гитлер пришел в негодование: «Что за идиот вел допрос?» Он не мог поверить, что Эльзер действовал один,— вне всякого сомнения, это был широкий заговор его злейших врагов: англичан, евреев, масонов и Отто Штрассера. Гиммлер лично попытался выбить «правду» из заключенного. Дико ругаясь, он пинал ногами узника, скованного наручниками, хлестал его плетью. Но тот упрямо стоял на своем. Не помог и гипноз. Это убедило Гейдриха в том, что у Эльзера действительно не было сообщников. Но Гитлер был недоволен результатами расследования, резко упрекая Гиммлера за то, что тот не нашел подлинных преступников. Возможно, поэтому шеф СС на всякий случай сохранил Эльзеру жизнь, поместив его в концлагерь. Эльзер был объявлен «коммунистическим прихвостнем, ставшим орудием английской секретной службы».

4

Ни Гитлер, ни Муссолини не знали, что англичане серьезно рассматривают возможность объявления войны СССР из-за вторжения в Финляндию — в значительной мере под давлением различных религиозных групп и общественных организаций, которые считали, что действительный враг мировой цивилизации — красная Россия, а не Германия.

Между тем боевые действия союзников против Гитлера были войной только по названию. Они принимали такой странный характер, что когда кто-то из военных предложил подвергнуть бомбардировке лесные районы Юго-Западной Германии, британский министр авиации воскликнул: «Ну что вы, это же частная собственность. Эдак вы предложите бомбить Рур!»

В первые же дни «странной войны» Геббельс развернул широкую пропагандистскую кампанию против французов с целью поссорить их с англичанами. Шеф нацистской пропаганды совершал регулярные поездки к Западному валу, чтобы на месте определить, что испытывает французский солдат за линией Мажино. Он пришел к выводу: французы настолько устали и испытывают такие лишения, что их сопротивление нетрудно будет сломить. «Геббельс был уверен,— вспоминал его секретарь Вернер Науман,— что простой французский солдат мечтает лишь о возможности провести время с хорошенькой женщиной в теплой постели». Поэтому министр пропаганды дал указание немецким солдатам вести «окопный диалог» с французами. По громкоговорителям агитационные команды вели передачи, направленные на то, чтобы доказать, что Франция и Германия на самом деле не являются врагами. По вечерам звучали сентиментальные французские песни, а в завершение передачи диктор говорил примерно следующее: «Спокойной ночи, дорогой противник, нам эта война не нравится, как и вам. Кто ее начал? Не ты и не я. Так зачем стрелять друг в друга? Закончился еще один день, и мы хорошо отдохнем ночью». После этого звучала колыбельная. В дневное время французов забрасывали листовками, на которых, к примеру, изображались дрожащий от холода французский солдат на фронте и его жена в постели с английским солдатом.

К гражданскому населению Франции подход был другой. По тайному радиопередатчику людям твердили о коррупции в правительстве, произволе евреев и несокрушимости вермахта. В ходу была подготовленная нацистскими специалистами по дезинформации листовка о якобы предсказанном Нострадамусом завоевании Франции соседями-германцами.

Английские солдаты относились к измышлениям подобного рода довольно равнодушно. Война в какой-то степени превратилась в пародию. Ее называли «сидячей» и «странной». В парламенте во время зачитывания Чемберленом еженедельных сообщений о ходе военных действий многие депутаты дремали.

Тем временем Гитлер с нетерпением ожидал летной погоды. Геринг находился в затруднительном положении. Шеф авиации должен был создать впечатление, что рвется в бой, и в то же время втайне молил Бога о продолжении нелетной погоды, так как опасался, что его люфтваффе еще не готовы вести настоящую войну. Пока военно-воздушные силы Германии сохраняли превосходство в воздухе, но оно сокращалось по мере поступления в Англию и Францию самолетов из США.

10 января 1940 года нетерпеливый Гитлер установил новую дату наступления: ровно через неделю, за пятнадцать минут до рассвета. Но этот план провалился из-за нелепой случайности. В приграничной полосе сбился с курса и совершил вынужденную посадку в Бельгии немецкий самолет. На его борту находился майор Хельмут Райнбергер с портфелем оперативных планов воздушного десанта па территорию Бельгии. Когда майор сжигал бумаги, его схватили бельгийские солдаты. Правда, из германского посольства в Брюсселе пленник сообщил в штаб люфтваффе, что ему удалось почти все уничтожить, остались лишь «мелкие обрывки». Но Гитлер все равно встревожился и отменил приказ о наступлении, предполагая, что противник мог разгадать план. Он оказался прав. Бельгийцы передали полученную информацию в Лондон, но там ее восприняли скептически. Генеральный штаб решил, что это провокация. Тем более, что англичане уже начали подготовку к высадке экспедиционного корпуса в Норвегии. Новый военно-морской министр Черчилль активно отстаивал эту операцию и добился одобрения ее кабинетом.

Гитлер тоже готовил вторжение в Норвегию, хотя и не

сразу пришел к этому решению: в конце концов, норвежцы — нордический народ, и можно полагаться на их нейтралитет, проверенный в годы первой мировой войны. Но, напав на Финляндию, Сталин расстроил его планы. Гитлер опасался, что союзники используют финскую войну как предлог для ввода войск в Норвегию и таким образом «нависнут» над Германией с фланга. В конце февраля, после получения тревожных сообщений о предстоящей высадке англичан в Скандинавии, фюрер забеспокоился: эта акция перекроет Балтику для немецких подводных лодок. Кроме того, важную роль играли и экономические соображения: свыше половины железной руды Германия получала из Норвегии и Швеции, и прекращение ее поставок парализовало бы военное производство. Поэтому 1 марта 1940 года Гитлер подписал директиву, предусматривающую одновременный захват Дании и Норвегии. Как говорилось в документе, предстоящая акция должна иметь «характер мирной оккупации, направленной на защиту силой оружия нейтралитета северных стран», однако сопротивление будет «подавлено всеми средствами». Фюрер решил провести эту операцию до наступления на Западе и назначил ее начало на 15 марта.

Одновременно Гитлер был обеспокоен ухудшением отношений с союзниками. Трудно стало разговаривать с Россией. Вскоре после завоевания Польши начались переговоры о советско-германском торговом соглашении. За поездкой экономической делегации в составе 37 человек в Москву последовал ответный визит еще более многочисленной советской делегации, которая привезла с собой список заказов на промышленное и военное оборудование на сумму свыше полутора миллиардов марок. Немцы пришли в ужас: выполнить эти заказы можно было лишь за счет ограничения собственных военных нужд. Затяжные и резкие переговоры до предела обострил Сталин. Он сварливо заявил, что если немцы не уступят, «соглашение не будет заключено».

Этого Гитлер допустить не мог и в начале февраля дал указание Риббентропу послать Сталину личное письмо с настоятельной просьбой пересмотреть свою позицию. Вероятно, Сталин, успевший вырвать значительные уступки, понял, что зашел слишком далеко, и внезапно прекратил пререкания. Он согласился увеличить сроки германских поставок до двадцати семи месяцев, пообещав советские поставки осуществить за восемнадцать месяцев. Все трудно-

сти были устранены, и через три дня торговые переговоры успешно завершились. Немецкая делегация была в восторге. «Соглашение,— сообщил ее глава,— означает для нас широко открытые двери на Восток».

Остался доволен и Гитлер. Его все больше интриговал кремлевский партнер. Сталин был единственным мировым лидером, о котором фюрер хотел знать все. Нацистский диктатор расспрашивал вернувшихся из России представителей о мельчайших подробностях, характеризующих его нового «союзника». Как вспоминала Криста Шредер, он иногда перебивал собеседника, хлопая себя по колену: «Этот Сталин — скот, но вы должны признать, что он — выдающийся человек».

Другой заботой фюрера была Италия. Муссолини раздражал Гитлера: вечно этот напыщенный дуче лезет с непрошеными советами... Однако запоздалый ответ с оправданием своих действий надо было вручить как можно более торжественно. Гитлер поручил это Риббентропу, и 9 марта тот выехал из Берлина с большой свитой, в которую входили советники, секретари, парикмахеры, врач, инструктор по гимнастике и массажист. На вопрос Риббентропа, примет ли Италия участие в войне, Муссолини ответил утвердительно, добавив, однако, что время для этого он выберет сам. Риббентроп пытался получить более конкретный ответ, но дуче уклонился от него, сославшись на необходимость встречи с Гитлером для принятия окончательного решения.

18 марта оба диктатора встретились в охотничьем домике на одном из альпийских перевалов. Гитлер, по его словам, приехал с намерением «просто объяснить ситуацию», чтобы дуче мог принять собственное решение. Муссолини заявил, что непременно вступит в войну и ждет лишь подходящего момента. Оба расстались дружески. Однако Гитлер распорядился не давать итальянцам запись беседы: «Никто не знает, кто будет читать этот документ». Со своей стороны, Муссолини, казалось, усомнился в собственной клятве вступить в войну. Глядя на падающий снег, он заметил, что итальянцы станут воинами не раньше, чем снежный сугроб достигнет Этны... Раздраженный тем, что почти все время говорил фюрер, Муссолини был, однако, убежден: Гитлер не решится начать массированные боевые действия против объединенных сил Англии и Франции.

5

Как-то, зайдя в библиотеку рейхсканцелярии, глава «гитлерюгенд» Бальдур фон Ширах и его жена застали там своего кумира, который читал книгу, водрузив на нос очки. Фюрер поспешно снял их (Хофману он запретил фотографировать его в очках) и протер глаза. «Вы видите,— сознался Гитлер,— мне уже нужны очки. Я старею, поэтому предпочитаю вести войну в пятьдесят, а не в шестьдесят лет». Кстати, секретарши Гитлера печатали на машинке со специальным крупным шрифтом, чтобы фюрер мог публично выступать без очков.

Гитлер решил опередить противника, заняв Норвегию первым, и 2 апреля приказал начать вторжение ровно через неделю в 5.15 утра. Участники заговора против Гитлера хотели помешать этому. Гальдер обещал помочь, но теперь колебался, и, чтобы убедить генерала, ему показали записку Мюллера об участии папы римского в тайных мирных переговорах с англичанами. Начальник генерального штаба был потрясен и даже заплакал. Его совесть, оправдывался старый служака, не позволяет ему действовать против рейха.

Но это не смутило неутомимого полковника Остера. В начале апреля он тайно сообщил голландскому военному атташе о предстоящем нападении на Норвегию. Информация была передана сотруднику норвежской миссии в Берлине, который почему-то не счел нужным переслать ее в Осло. Англичане тоже не верили подобным сообщениям, полагая, что Гитлер дезинформирует их, чтобы спутать карты противника. На Даунинг-стрит царила атмосфера самоуспокоенности.

Утром 7 апреля немецкая флотилия отплыла к норвежским берегам. В трех портах — Нарвике, Тронхейме и Ставангере — ее ждали немецкие торговые суда, в трюмах которых прятались солдаты. Готовясь к вторжению, английские корабли устанавливали мины в норвежских водах ниже Нарвика, и один из них заметил два немецких эсминца. В Лондоне сочли, что это часть ограниченных сил, намеревающихся захватить Нарвик. И только утром 8 апреля кабинет узнал, что вражеские корабли подходят еще по крайней мере к трем норвежским портам. Англичане были оше-

ломлены, но помешать Гитлеру было уже невозможно.

9 апреля Нарвик был захвачен двумя батальонами специальных горнострелковых войск под командованием генерал-майора Эдуарда Дитля, старого приятеля фюрера со времен «пивного путча». К полудню пали еще четыре важных порта, но нападавшие были задержаны защитниками древней крепости Оскарберг, что позволило королевской семье, правительству и членам парламента выехать из Осло специальным поездом, а также вывезти на двадцати трех грузовиках золотой запас страны и секретные документы.

В Дании немцы почти не встретили серьезного отпора, и операция проходила точно по плану. К полудню все было кончено. Король капитулировал, приказав прекратить всякое сопротивление. Он заверил начальника штаба немецкого соединения, что сделает все для поддержания мира и порядка в стране. Глава государства, в течение одного дня утратившего свою независимость, униженно преподнес оккупантам комплимент: «Вы, немцы, снова совершили невероятное. Нужно признать, это великолепная работа».

К концу дня казалось, что и в Норвегии Гитлер одержал полную победу. Однако внезапно вступил в действие английский флот. 10 апреля пять эсминцев прорвались к Нарвику и потопили два немецких эсминца и несколько транспортных судов. Через три дня подошли другие корабли и пустили ко дну остальные немецкие суда.

Эта новость привела Гитлера в ярость. На совещании 17 апреля он просто бушевал, распекая военных. Вечером генерал-майор Дитль получил приказ фюрера: «Держитесь как можно дольше». 19-го наступил новый кризис. Из своего убежища на севере страны король Хокон VII, единственный монарх, избранный на трон всеобщим голосованием, отказался назначить правительство во главе с Квислингом, лидером норвежской фашистской партии и последователем Розенберга.

К этому времени англичане высадили у Нарвика и Тронхейма две бригады численностью 13 тысяч человек. Они перешли в наступление, получая подкрепления, и к концу недели немцы были в отчаянном положении. На помощь подоспел Мильх, лично возглавивший операции люфтваффе. Он послал в Нарвик два больших гидросамолета с горными войсками, затем организовал бомбардировки, ослабившие сопротивление англичан и норвежцев в центральной части

страны. К 28 апреля англичане были вынуждены эвакуировать основную часть своих войск. На следующий день король Хокон и члены правительства на английском крейсере перебрались в Тромсе, заполярный город, который стал временной столицей.

Теперь основная часть Норвегии была под немецким контролем, кроме Нарвика, где шеститысячный гарнизон генерала Дитля отчаянно отбивался от 20-тысячного британского корпуса. В последний день апреля Гитлеру доложили, что наземная связь между Осло и Тронхеймом восстановлена. За обедом фюрер был вне себя от радости и осыпал похвалами Дитля и Мильха, которые тут же получили более высокие звания. Особенно восторгался он Мильхом, подчеркнув его роль в организации авиационной поддержки, когда все, казалось, было потеряно. «А почему?— вопрошал фюрер и сам же отвечал:— Потому что нашелся такой человек, как я, который не знает слова «невозможно».

Обезопасив свой северный фланг, Гитлер снова переключил внимание на Запад. Ему не нравился первоначальный замысел нападения, который был разновидностью плана, использованного в первой мировой войне, а именно — наступление через Северную Францию и Бельгию.

«Этот старый план Шлиффена,— заявил он Кейтелю и Йодлю,— предлагает затяжную войну», а он, фюрер, поклялся, что никогда не позволит нынешнему поколению страдать так, как четверть века назад немцы страдали во Фландрии. Гитлер замыслил смелый удар в южном направлении через Арденны, с внезапным бронетанковым прорывом у Седана и броском к Ла-Маншу. Главные силы затем повернут на север — в отличие от плана Шлиффена — для удара в тыл отступающей англо-французской армии. Вечерами он сидел над специальной рельефной картой и выверял свой план.

В этом же направлении работал, возможно, самый блестящий стратег вермахта генерал-полковник Фриц Эрих фон Манштейн. Он представил свой план Браухичу, но тот отверг его, сочтя слишком рискованным. Фюрер прослышал об этом и пригласил к себе Манштейна. К удивлению генерала, его стратегические идеи привели Гитлера в восторг. Этот план не только подтвердил собственный замысел фюрера, но и содержал ряд существенных дополнений. Верховному командованию уточненный план Гитлера понра-

вился не больше, чем версия Манштейна. Военные единодушно возражали, но фюрер отмахнулся от них, назвав оппонентов «поклонниками Шлиффена», застрявшими в «закоснелой» стратегии.

План Гитлера—Манштейна был формально принят в конце февраля, и сразу же после окончания битвы за Норвегию к Западному фронту были переброшены 136 дивизий, готовых к бою. Ждали лишь хорошей погоды. Гитлер назначил дату вторжения на 5 мая, потом перенес ее на 7-е, затем на 8-е. Геринг просил еще больше времени, но поступили тревожные сведения из Голландии: офицерам отменены отпуска, происходит эвакуация населения из приграничных районов, появились дорожные заграждения. Взволнованный Гитлер согласился на очередную отсрочку до 10 мая, «но ни на день позже». «Удержать готовых к атаке два миллиона человек на фронте,— сказал он,— становится все труднее».

Он решил действовать, не дожидаясь устойчивой погоды,— ожидание ее стоило трех месяцев промедления. Он всецело полагался на оправдавшую себя в прошлом интуицию. Утром 9 мая командир корпуса в районе Ахена доложил о густом тумане, который, согласно прогнозу, должен был скоро рассеяться. Гитлер приказал готовить свой поезд и держал в строгом секрете цель и место поездки, скрывая их даже от собственной свиты. Поезд остановился неподалеку от Ганновера, где предстояло получить последнюю метеосводку. Главный метеоролог Дизинг — позднее он получил в награду золотые часы — предсказал на завтрашний день хорошую погоду. Гитлер подтвердил приказ о наступлении и рано ушел спать.

Однако более непредсказуемой, чем погода, оказалась его собственная разведывательная служба. Из тех немногих, кому фюрер доверил информацию о начале наступления, был адмирал Канарис, который сообщил об этом своему помощнику Остеру. После обеда тот заехал в штаб ОКВ и узнал, что отсрочки не будет. «Свинья отправляется на Западный фронт»,— сказал он голландскому атташе, который сообщил об этом бельгийскому коллеге, а затем по телефону дал шифровку в Гаагу: «Завтра на рассвете. Держитесь!»

В 4.25 утра 10 мая поезд фюрера прибыл на станцию назначения — в городок Ойскирхен близ границы с Бельгией и Голландией, и Гитлер отправился в свою новую став-

ку «Фельзеннест» («Горное гнездо»). Светало. Взглянув на часы, Гитлер был неприятно удивлен: рассвет наступил на пятнадцать минут раньше ожидаемого.

А в сорока километрах к западу его войска устремились вперед через бельгийскую, голландскую и люксембургскую границы. Небо потемнело от бомбардировщиков люфтваффе: для воздушной атаки было собрано 2500 самолетов — намного больше, чем у союзников. Волна за волной, они летели на запад бомбить более семидесяти аэродромов противника. Воздушно-десантные войска захватили ключевые пункты в Голландии, а для внезапного захвата бельгийских крепостей были пущены планеры. Фюрера особенно интересовал форт Эбен-Эмель. Он лично дал указания участникам планерной операции и с нетерпением ждал сведений из района боевых действий. К полудню 11 мая эта считавшаяся неприступной крепость и мост через реку Маас были в руках немцев. Узнав об этом, Гитлер был вне себя от радости. Позднее поступили еще более важные сведения: противник наносит ответные удары. «Когда я получил донесение, что противник выдвигается по всему фронту,— вспоминал Гитлер,— я был готов плакать от радости. Они попали в ловушку! Они поверили, что мы остались верны старому плану Шлиффена».

6

10 мая Англия и Франция были застигнуты врасплох: их генеральные штабы проигнорировали предупреждения из Брюсселя и Гааги и донесения собственных разведывательных служб. Еще в 1938 году английская «Интеллидженс сервис» купила у польского математика секрет немецкой шифровальной машины, названной «Энигма» («Загадка»). Ему заплатили 10 тысяч фунтов, дали английский паспорт и разрешили жить с женой во Франции. Он воспроизвел чертежи главных частей машины и в своей парижской квартире собрал рабочую модель «Энигмы», которая была установлена в особняке Блечли-парк, в шестидесяти километрах севернее Лондона. Когда Англия в 1939 году объявила войну, машина под кодовым названием «Ультра» уже дей-

ствовала. Это позволило предупредить английский генеральный штаб о гитлеровском плане вторжения на Запад.

Чемберлен подал в отставку и предложил назначить премьер-министром Галифакса. Но было ясно, что только Черчилль пользуется доверием страны, и вскоре король пригласил его во дворец. Гитлер считал Черчилля своим злейшим врагом, орудием английских евреев, сорвавших англо-германский союз. Эта ненависть к Черчиллю как-то странно сочеталась с восхищением, которое фюрер испытывал по отношению к Сталину.

Пока немецкие войска и танки продвигались в глубь Голландии и Бельгии, Геббельс стремительно раскручивал колесо своей пропагандистской машины. На совещании сотрудников своего министерства 11 мая он говорил, что надо опровергать все неверное в материалах противника или «даже верное, но опасное для нас. Нет никакой необходимости проверять, верны факты или нет — главное, чтобы они были полезны для нас». Еще более важно — это твердить и твердить французам и англичанам, что во всем виноваты их правительства: «Они сами навлекли на себя войну и являются агрессорами».

Наступление в Западной Бельгии было наиболее успешным. Этот маневр отвлек внимание противника от главного удара через Арденны. К 13 мая войска на этом направлении перешли в нескольких местах реку Маас и подошли к Седану, где Гитлер надеялся прорваться через слабое звено в укрепленной линии Мажино.

Наряду с успешным продвижением на севере, наступающие немецкие части встретили упорное сопротивление голландских войск. Утром 14 мая фюрер отдал приказ преодолеть это сопротивление. Самолеты люфтваффе поднялись с бельгийских аэродромов и сбросили 98 тонн бомб на Роттердам. Бомбы обрушились на центр города, убив 814 мирных жителей. В демократической прессе факты подавались в гипертрофированном виде: число убитых возросло до 30 тысяч. Западные газеты также не сообщили, что негласное соглашение обеих сторон ограничить объекты бомбардировок военными целями впервые было нарушено англичанами. За три дня до этого события, несмотря на решительное возражение французов, 35 английских бомбардировщиков совершили налет на промышленный город в Рейнской области. В результате налета погибли четыре мирных жителя, в

том числе одна англичанка. Несмотря на ужасное возмездие Гитлера в Голландии, он отверг предложения о бомбардировке самого Лондона. Нацистский диктатор пока не решался заходить так далеко.

Роттердамская трагедия сломила сопротивление голландцев. Через несколько часов главнокомандующий вооруженными силами Голландии приказал сложить оружие. В тот же день немецкие танки прорвали французскую оборону в районе Седана. При поддержке пикирующих бомбардировщиков три длинные колонны танков двинулись в направлении Ла-Манша.

На следующее утро Черчилля разбудил телефонный звонок из Парижа. «Мы разгромлены!»— сообщил премьер-министр Рейно. Черчилль не мог этому поверить. Не могли представить этого и его генералы: Франция — не Польша, там нечем было сдержать немецкие танки, но французы имели мощную линию обороны!..

Ужас, охвативший Францию, подогревался Геббельсом. 17 мая он заявил своим сотрудникам: «Отныне задача секретной радиостанции — использовать все средства для создания во Франции паники. Надо намекать на опасность «пятой колонны», в которую входят все немецкие беженцы. Надо утверждать, что в нынешней ситуации даже евреи из Германии — просто немецкие агенты».

Утром этого дня Гитлер выехал в Арденны. «Весь мир смотрит на нас!»— торжествующе заявил он. Фюрер посетил штаб группы армий, возглавляемой генералом Гердом фон Рундштедтом, чтобы обсудить ход продвижения к Ла-Маншу.

Германия ликовала. В непогрешимость Гитлера поверили даже те, кто боялся, что фюрер затеял чересчур рискованную игру...

К утру 19 мая несколько бронетанковых дивизий были уже в восьмидесяти километрах от Ла-Манша, а вечером следующего дня 2-я дивизия вступила в Абвиль в устье Соммы. Ловушка захлопнулась, и в ее гигантских сетях оказались бельгийцы, все английские экспедиционные силы и три французские армии. Когда Браухич сообщил фюреру о взятии Абвиля, Гитлер был так обрадован, что едва не потерял дар речи.

Обстановка складывалась так, как он хотел. Через три дня немецкие танки повернули на север в направлении портов Кале и Дюнкерк, захват которых лишал англичан воз-

можности эвакуации. Услышав это сообщение, Геринг изо всей силы хватил своим увесистым кулаком по столу. «Это отличная работа для люфтваффе!— воскликнул он.— Я должен поговорить с фюрером. Соедините меня с ним!» Он заверил Гитлера, что люфтваффе под силу без участия сухопутных войск уничтожить попавшего в западню врага. Единственное, что просил рейхсмаршал авиации,— это отвести немецкие танки, чтобы не поразить своих. Гитлер дал согласие Герингу на то, чтобы обрушиться на врага с воздуха.

«Мы добились своего!— удовлетворенно сказал Геринг Мильху, вернувшись в штаб ВВС.— Мы прикончим англичан на пляжах. Я уговорил фюрера остановить армию». Но Мильх не разделял его энтузиазма и возразил, что бомбы перед взрывом слишком глубоко зароются в песок. Кроме того, люфтваффе не готовы к столь ответственной операции. «Оставьте это мне, — отрезал Геринг.— Армия всегда хочет воевать по-джентльменски. Эти сухопутные крысы собираются взять англичан в плен живыми и невредимыми. Но фюрер преподаст им урок, который они вряд ли забудут».

Утром 24 мая Гитлер отправился в штаб группы армий под командованием Рундштедта. В приподнятом настроении фюрер предсказал, что война закончится через шесть недель, после чего откроется путь к соглашению с англичанами. Все, что нужно Германии от них,— это признание ее доминирующего положения на континенте. Рундштедт не возражал против использования авиации для полного разгрома противника под Дюнкерком. Он предложил остановить танки южнее осажденного города. Гитлер согласился, заметив, что танки надо сохранить для операций против французов. В 12.45 от имени фюрера был отдан приказ 4-й армии остановить наступление.

Вечером четыре бронетанковые дивизии были остановлены у незначительной водной преграды. Танкисты были в недоумении. Огня по ним не вели, впереди виднелся тихий Дюнкерк. Что там, в штабе, с ума сошли? Командиры дивизий знали, что могут взять Дюнкерк без особых проблем, так как англичане были все еще втянуты в тяжелые бои у Лилля. Почему им не разрешают захватить этот последний порт, откуда противник может бежать?

Они повторили свою просьбу двинуть на Дюнкерк танки и пехоту, но Гитлер и слушать об этом не хотел. Только 26

мая, после получения донесения о большом скоплении судов в Ла-Манше (неужели англичане готовятся эвакуировать свои войска?), фюрер нехотя согласился на продвижение к Дюнкерку с запада. Но в тот же день Геринг заверил его, что люфтваффе уничтожили дюнкеркскую гавань.

Когда английские и другие союзные войска попали в котел, из английских портов устремилась к континентальному побережью странная флотилия. В ней было почти 900 судов: военные корабли и парусники, катера, прогулочные яхты с экипажами из моряков и любителей водного спорта. Так началась операция «Динамо» по эвакуации 45 тысяч осажденных бойцов английского экспедиционного корпуса за два дня. Разношерстная группа любителей и профессионалов блестяще справилась с задачей. К 30 мая в Англию вернулись 126 606 человек.

Когда немецкое командование наконец осознало масштабы эвакуации, начались массированные бомбардировки. Но на помощь англичанам пришел туман, опустившийся на Дюнкерк и на немецкие аэродромы.

Пикирующие бомбардировщики 8-го воздушного корпуса не причинили ущерба флотилии малых судов, а сброшенные на пляжи бомбы зарывались перед взрывом так глубоко в песок, что поражающий эффект был невелик. Сюрпризом для немцев оказались также новые английские истребители «Спитфайр», которые наносили большой урон истребителям Геринга.

Странно, но английская эвакуация, казалось, не очень встревожила Гитлера. На совещаниях в эти дни нервозность проявлял не он, а генералы. Обычно в таких случаях фюрер стучал кулаком по столу, угрожал, призывал к срочным мерам, а сейчас был удивительно спокоен...

Зыбкая линия обороны Дюнкерка держалась до 4 июня, но к этому времени в Англию была перевезена треть миллиона английских и союзных солдат. По обе стороны Ла-Манша строили догадки о странном поведении Гитлера. Почему он дал Герингу санкцию бомбить окруженную армию, а потом фактически содействовал ее бегству? Борману Гитлер признался, что умышленно пощадил англичан. «Черчилль,— сетовал он,— был неспособен оценить мой джентльменский жест. Я не хотел углублять пропасть между нами и англичанами».

Военные не очень-то верили этой версии. «То, что фюрер умышленно дал англичанам сбежать,— сказка»,— позже

утверждал Путткамер, один из адъютантов Гитлера. Другие же близкие к Гитлеру люди, наоборот, были уверены, что он питал уважение к Англии и поэтому пожалел англичан. Фюрер, например, говорил фрау Троост, жене своего давнего приятеля-архитектора: «Кровь каждого англичанина слишком ценна, чтобы ее проливать. Наши два народа традиционно и в расовом отношении очень похожи. Их сближение всегда было моей целью, даже если наши генералы не могут этого понять». Компетентные иностранные наблюдатели считают эту теорию правдоподобной. Например, бывший французский посол в Германии Франсуа-Понсэ был убежден, что Гитлер на самом деле не хотел войны с Англией, он хотел лишь нейтрализовать могущественного соперника.

Возможно, поэтому Гитлер отправил Юнити Митфорд домой специальным поездом через Цюрих. Он признался своему адъютанту Энгелю, что глубоко сожалел о ее судьбе: «Она растерялась — и это как раз в тот момент, когда впервые я мог бы использовать наше знакомство». Бывшая журналистка вернулась на родину, которая враждебно встретила фаворитку нацистского диктатора. Муж ее сестры Освальд Мосли вместе с другими лидерами Британского союза фашистов был заключен в тюрьму через три дня после вторжения Гитлера в Бельгию. И это несмотря на то, что Мосли призывал своих чернорубашечников оставаться верными родине. Его позиция заключалась в словах: «Я до конца жизни буду бороться за дружбу Англии с Германией и предотвращение войны между ними. Но в тот момент, когда будет объявлена война, я отправлюсь воевать за свою страну». По приказу своего родственника премьер-министра леди Диана Мосли вскоре последовала за мужем в тюрьму, хотя у нее на руках были двое малолетних детей: старшему исполнилось всего полтора года, а младшему не было и трех месяцев. По закону мать могла взять с собой только одного ребенка, но она не захотела их разлучать. Узников поместили в сырой камере, где не было даже кровати. Когда Мосли через три года серьезно заболел, его с женой освободили из-под стражи. А Юнити Митфорд умерла восемь лет спустя в состоянии глубокой депрессии.

Глава 22. «И ПОБЕДИТЕЛЕЙ ГУБИТ ПОБЕДА» (июнь — октябрь 1940 г.)

1

Этим летом Гитлер дал ясно понять, что его больше интересуют переговоры, чем сражения. Он разыгрывал роль великодушного победителя: «Я не хочу, чтобы мои солдаты вели себя во Франции, как французы в Рейнской области после первой войны!» Хофману он сказал, что любой солдат, уличенный в мародерстве, будет расстрелян на месте.

Войска, вступившие в Париж, не занимались грабежом и насилием. Немцы честно платили за каждую покупку и в открытых кафе Елисейских полей наслаждались июньским солнцем бок о бок с французами. Это было неловкое, часто молчаливое и безразличное соседство, но страх постепенно покидал парижан, ожидавших, что их женщин будут насиловать, а их магазины и банки грабить. Все знали, что вермахт действительно помогает беженцам, возвращающимся в Париж, и нельзя считать большим преувеличением расклеенный по всему городу плакат, изображающий ребенка на руках улыбающегося немца, с надписью: «Французы! Доверяйте немецкому солдату!»

Немецкие солдаты и офицеры были опрятны и вежливы. Они останавливались, сняв фуражки, у могилы Неизвестного солдата, вооруженные только фотоаппаратами. Они вели себя как туристы и уж никак не походили на завоевателей. Это была умная реклама, часть программы, рассчитанной на то, чтобы превратить Францию в послушного и продуктивного вассала.

Сам Гитлер в сопровождении своих адъютантов два дня ездил по полям былых сражений. Это доставляло фюреру удовольствие. Он показывал спутникам места битв во Фландрии, где когда-то был сущий ад. Но фюрер не смотрел на траншеи скорбно и торжественно, а беспрерывно говорил, объясняя в мельчайших подробностях, что происходило здесь в первую мировую. Когда он проезжал через Лилль, который запечатлел на своей акварели, одна женщина узнала его. «Дьявол!»— в ужасе закричала она. Это развеселило Гитлера, но минуту спустя он помрачнел и по-

клялся, что сотрет этот образ из умов побежденных.

Сентиментальное путешествие закончилось 26 июня, и мысли фюрера обратились к неприятной задаче — покорению Англии. Это нелегкая миссия, говорил он адъютантам, потому что война с Англией — это война братьев, и уничтожение Британской империи причинит боль Германии. Поэтому он не испытывает особого желания воевать с Англией. «Я не хочу ее завоевывать,— повторил фюрер.— Я хочу с ней договориться».

У Гитлера еще не было определенных планов вторжения на Британские острова. Казалось, он ждал, что Англия сама сделает шаг к примирению. Но эти ожидания рассеялись 3 июля, когда английские корабли в отместку за перемирие, заключенное бывшими союзниками с гитлеровской Германией, внезапно атаковали французскую флотилию, стоящую на якоре в алжирском порту Мерс-эль-Кебир. За тридцать минут был потоплен линкор «Бретань», при этом погибло 977 французских моряков, серьезно повреждены еще три корабля. Остальной части флота удалось выйти из-под огня.

Этот инцидент укрепил позиции тех, кто считал, что сотрудничество с Гитлером — единственный путь к спасению Франции. По условиям перемирия страна была разделена на две зоны: оккупированную на севере и неоккупированную на юге с правительством в Виши во главе с маршалом Петэном. Акция англичан затруднила его попытки помешать своему премьер-министру Лавалю идти на более тесное сотрудничество с Гитлером и упростила задачу Жана Жироду и фашиствующих интеллектуалов. Как писал Альфред Фабр-Люс, «за один день Англия погубила больше французских моряков, чем Германия за всю войну». Инцидент также сокрушил надежды Гитлера на возможное урегулирование отношений с Англией и одновременно подчеркнул его неспособность контролировать французский флот и нейтрализовать английский.

Гитлер мучительно колебался между переговорами и применением силы. «Я не должен отступаться,— сказал он Путткамеру.— В конечном счете англичане пойдут на соглашение». Но когда 13 июля в Бергхоф прибыли Браухич и Гальдер, фюрер с готовностью одобрил их план вторжения в Англию. Однако тут же заявил, что война «лишь привлечет шакалов, жаждущих разделить добычу». «Почему же Англия не хочет идти на мир?— спрашивал он себя и нахо-

дил единственный ответ:— Англия все еще питает какие-то надежды на вмешательство России».

Три дня спустя Гитлер издал директиву о подготовке вторжения на Британские острова. Операция получила название «Морской лев». В своем выступлении 19 июля фюрер подверг резким нападкам Черчилля, пригрозив, что война приведет к уничтожению Англии, и завершил речь туманной фразой: «Я не вижу никаких оснований для продолжения войны». Через час по лондонскому радио выступил Сефтон Делмер, долго работавший в Берлине и не раз встречавшийся с фюрером. Он заявил, что англичане «швыряют обратно» предложение Гитлера, «прямо в его дурно пахнущий рот».

Показное миролюбие нацистского диктатора не произвело впечатления и на президента Рузвельта. Выступая по случаю своего согласия баллотироваться в президенты на очередной срок, он заявил, что есть только один путь вести дела с тоталитарной страной — отпор, а не умиротворение. Как сообщал в Берлин посол Дикхоф, эта речь с предельной ясностью продемонстрировала «соучастие» США в войне на стороне Англии.

Но официального отказа из Лондона не поступило, и когда Гитлер 21 июля вызвал на совещание своих военачальников, он казался больше озадаченным, чем воинственным. «Положение Англии безнадежное,— начал фюрер.— Войну мы выиграли». Потом впал в раздумье, но вдруг встрепенулся и потребовал «быстрого прекращения войны». «Морской лев» — самый эффективный путь к этому. Однако тут же самоуверенность фюрера или видимость ее начала ослабевать. Он говорил о трудностях форсирования Ла-Манша, где безраздельно господствует противник. Это не Норвегия, заявил Гитлер, элемента внезапности не будет. А как решить проблему снабжения войск? Адмирал Редер, делавший записи, молча со всем соглашался. Фюрер продолжал доказывать, что очень важно добиться полного превосходства в воздухе, высадку надо произвести не позже середины сентября, пока погода благоприятствует люфтваффе. Он повернулся к Редеру. Когда завершится подготовки к вторжению? Когда флот установит береговую артиллерию? Как защитить войска при форсировании канала? Смущенный адмирал думал о других проблемах: придется перевозить большую часть войск на речных баржах, которые предстоит доставить из рейха. А как его ослабевший германский флот

сможет противостоять английскому? После потерь в Норвегии боеспособность сохранили всего лишь 48 подводных лодок, 1 тяжелый крейсер, 4 эсминца и 3 торпедных катера. Редер ответил, что надеется сообщить о технических деталях через несколько дней. Но нельзя начать практическую подготовку к вторжению, пока не будет достигнуто превосходство над противником в воздухе. Заместитель Геринга заявил, что ждет лишь приказа о массированных воздушных налетах. Ничего на это не сказав, Гитлер приказал Редеру представить доклад как можно скорее: «Если подготовка не будет завершена без гарантий на успех к началу сентября, надо будет рассмотреть другие планы».

Оставшись наедине с Браухичем, Гитлер сказал ему: «Сталин флиртует с Англией, чтобы та продолжала войну и связала нам руки. Он хочет выиграть время».

Хотя Гитлер одержал на Западе стремительную победу, она не принесла ему политической стабильности, необходимой для начала войны против Советского Союза. Его удары по Англии лишь делали эту упрямую страну более упрямой, а попытки привлечь к крестовому походу вишистскую Францию одобрялись на словах, но на деле саботировались.

Несмотря на эти неудачи, Гитлер все же сохранял уверенность, что может помешать перерастанию конфликта в мировую войну. Он был убежден, что Англия на грани капитуляции, и приказал развернуть усиленную пропагандистскую кампанию против нее. Геббельс тут же распорядился передавать по радио на английском языке «прогнозы» Нострадамуса, которые якобы предрекали уничтожение Лондона в 1940 году...

В ситуации мучительной неопределенности Гитлер выбрал время для очередной встречи со своим старым другом Кубичеком, которому он послал билеты на Вагнеровский фестиваль 1940 года. Они встретились 23 июля на оперном спектакле «Гибель богов». Тепло поздоровавшись с другом, Гитлер посетовал, что война помешала его планам реконструкции германских городов. «У меня столько дел, а я вынужден вести войну, тратить на нее свои лучшие годы,— жаловался фюрер.— Да, стареем мы, Кубичек, и мало времени остается на то, чтобы завершить все дела».

Отношения Гитлера с Евой Браун все больше походили на супружеские. Война, чувство постоянной опасности сблизили их. Все больше времени фюрер проводил в Бергхофе. Потеряли смысл изощренные попытки убедить всех,

что они просто друзья. Обслуживающий персонал относился к любовнице диктатора с уважением, между собой называя ее «хозяйкой». Ева открыто обращалась к Гитлеру на «ты», и он отвечал ей тем же, иногда называя ее «крошкой». На глазах у других фюрер иногда гладил любовницу по руке и выказывал другие знаки симпатии. Их сексуальные отношения были умеренными. Гитлеру было уже за пятьдесят, и он был поглощен работой. Став общепризнанной хозяйкой Бергхофа, Ева избавилась от прежней скованности. Какой бы трудной ни была жизнь, осознание того, что у нее больше нет соперниц, служило достаточным утешением.

Этим летом Гитлер пришел к выводу, что наступило время для расширения жизненного пространства и уничтожения большевизма. Он дал указание генеральному штабу провести подготовительную работу, и 29 июля 1940 года начальник оперативного управления Йодль решил обсудить этот вопрос с начальником отдела планирования операций вермахта полковником Варлимонтом. Ожидая начальство в вагоне-ресторане, Варлимонт и еще три офицера полагали, что генерал собирается вручить им награды. Каково же было их удивление, когда вошедший Йодль прежде всего проверил, закрыты ли все двери и окна, а потом сухим тоном объявил, что Гитлер «раз и навсегда» решил избавить мир от большевизма. К маю 1941 года будет совершено внезапное нападение на Советский Союз. «Эффект его слов был ошеломителен»,— вспоминал Варлимонт, который в тот момент, по его словам, судорожно вцепился в стул, не веря своим ушам. «Это невозможно!— воскликнул полковник Лосберг.— Как может фюрер воевать с Россией до разгрома Англии?» Йодль ответил: «Фюрер опасается, что настроение народа после победы над Англией вряд ли позволит ему начать новую войну, на этот раз против России». Присутствующие едва сдерживали свое недоумение. Это же будет война на два фронта, которая привела к поражению Германии в первой мировой войне. И зачем этот внезапный поворот после Московского пакта? Разве Сталин нарушил свои обещания поставлять сырье и продовольствие? Йодль коротко ответил на все возражения: столкновение с большевизмом неизбежно; лучше напасть сейчас, когда германская военная мощь способна сокрушить любого врага. Ответы не убедили Варлимонта, но Йодль, который высказывал точно такие же возражения Кейтелю, прервал прения. «Господа,— сказал он,— этот вопрос не для дискуссий, это

решение фюрера!» Он приказал Варлимонту подготовить соответствующие документы под кодовым названием «Пролог — Восток».

В последний день июля фюрер вызвал военачальников в Бергхоф на совещание, официально посвященное операции «Морской лев». Первым выступил адмирал Редер. Он доложил, что подготовка в полном разгаре, материальная часть доставляется по плану, переоборудование барж будет завершено к концу августа. С другой стороны, положение с торговым флотом неблагополучное в результате потерь в Норвегии. Началось траление мин, но этому препятствует авиация противника. Поэтому, сказал в заключение адмирал, лучше отложить вторжение до мая следующего года.

Гитлер не согласился. Такая отсрочка, сказал он, даст возможность Англии усилить свою военную мощь и получить крупные поставки из Америки, а возможно, и из России. Поэтому он назначил начало операции на 15 сентября. Но тут же обусловил этот срок тем, что сначала люфтваффе должны нанести существенный ущерб английской авиации, флоту и портовым сооружениям на юге Англии. «В противном случае операция будет отложена до 15 мая 1941 года».

Это устраивало адмирала Редера, поскольку бремя ответственности возлагалось на люфтваффе. Как только Редер и военно-морской адъютант Путткамер вышли, Гитлер критически отозвался о шансах «Морского льва». «Наш маленький флот,— вздохнул он,— это только пятнадцать процентов тоннажа противника. А Ла-Манш — более грозная преграда, чем она выглядит на карте».

Временами фюрер был близок к тому, чтобы отказаться от вторжения в Англию. «России стоит только намекнуть, что она не хочет сильной Германии, и англичане воспрянут,— говорил Гитлер.— Но если уничтожить Россию, последняя надежда Англии рухнет. Тогда Германия станет хозяином Европы и Балкан. Поэтому решение таково: Россия должна быть уничтожена весной 1941 года». Колебания окончились. Снова это был прежний фюрер, человек судьбы. «Чем скорее мы уничтожим Россию, тем лучше,— продолжал он.— Операция имеет смысл, если мы поразим сердце большевистской империи одним ударом. Простого завоевания территории будет недостаточно». Наступление должно быть проведено как единая, непрерывная операция. Он не повторит ошибки Наполеона и не попадет в русскую

зиму. «Мы подождем до мая,— сказал он.— На подготовку остается пять месяцев».

План увлек его. «Цель — уничтожение жизненно важных центров России»,— с воодушевлением подчеркнул Гитлер, обрисовывая направления сокрушительных ударов: во-первых, поход на Киев, во-вторых, бросок через Прибалтику на Москву, наконец, соединение сил с севера и юга и операция по захвату Бакинского нефтяного района...

2

Через сутки Гитлер издал две директивы: одна требовала скорейшей оккупации Англии, другая выражала сомнение в успехе операции. Первая начиналась самоуверенно: «С целью создания необходимых условий для окончательного подчинения Англии я намерен усилить воздушную и морскую войну против этой страны». Люфтваффе должны были как можно быстрее уничтожить английскую авиацию и подключиться к операции «Морской лев». «Я оставляю за собой право,— подчеркивал фюрер,— принять решение о налетах возмездия в качестве ответных мер».

Вторая директива, подписанная Кейтелем от имени фюрера, предусматривала завершение приготовлений к операции «Морской лев» к середине сентября. «Через 8—14 дней после начала воздушного наступления на Англию, намеченного на 5 августа,— говорилось в ней,— фюрер решит, состоится ли вторжение в этом году или нет. Это решение будет в значительной мере зависеть от исхода воздушного наступления».

Кейтель вспоминал, что когда речь заходила об операции «Морской лев», Гитлера охватывали сомнения в ее осуществимости, и он не отказывался от мысли уладить конфликт с Англией дипломатическими средствами. Кейтелю, очевидно, не приходила в голову мысль, что дело не только в колебаниях фюрера: операция «Морской лев» была просто маскировкой для подготовки нападения на Россию.

А Гитлеру было невдомек, что суть двух его директив от 1 августа была расшифрована английской секретной службой. А вскоре был расшифрован и приказ Геринга о начале

13 августа операции «Орел» — массированных воздушных бомбардировок Англии.

Воздушное наступление началось по расписанию, но из-за плохой погоды в нем приняла участие только одна 3-я воздушная армия. Было сделано почти 500 вылетов, но ущерб оказался невелик, а потери люфтваффе серьезные: 45 против 13 английских истребителей. Следующий день был снова неудачным для Геринга. 15-го он бросил на англичан все свои три воздушные армии. На этот раз английская контрразведка точно установила, какие силы Геринг введет в действие и где примерно они нанесут удары. С этой информацией королевские воздушные силы сумели послать в воздух свои истребители куда надо и на нужных высотах. Волны немецких самолетов каждый раз встречали сильное сопротивление. В этом самом крупном воздушном сражении англичане сбили 75 самолетов, потеряв 34. Операция «Орел» развивалась неудачно: 17-го счет был 70:27. Немцам пришлось вывести из боя свои тихоходные пикирующие бомбардировщики «Штука», которые совсем недавно хозяйничали в небе над Францией. Здесь они просто ничего не могли поделать со скоростными «Спитфайрами».

Четыре дня — с 19 по 22 августа — погода была нелетная, и бомбардировщики люфтваффе оставались на аэродромах. Воспользовавшись затишьем, Геринг созвал своих командиров. Рейхсмаршал авиации объявил, что отныне налеты на стратегические цели будут совершаться только по ночам.

Первый из них состоялся в ночь на 23 августа. Одна эскадрилья из двенадцати самолетов сбилась с курса и вместо авиазаводов и нефтехранилищ на окраине Лондона сбросила бомбы на город. Погибло девять мирных жителей, и английская авиация, решив, что это сделано преднамеренно, ответила на следующую ночь бомбежкой Берлина. Ущерба было причинено мало, но берлинцы были потрясены. Ведь Геринг заверял их, что они могут спать спокойно. Через три ночи английские бомбардировщики вернулись снова: на этот раз 10 жителей были убиты и 29 ранены. Гитлер был в ярости, так как немецкий налет на Лондон был следствием навигационной ошибки. Но фюрер все еще не решался дать санкцию на бомбардировку Лондона. А на Берлин было совершено еще два налета. На этот раз Гитлер решил действовать. 4 сентября он выступил во Дворце спорта на конференции медсестер и пригрозил Англии суровым возмездием.

Под одобрительные возгласы слушателей фюрер заявил: «В то время как они грозятся усилить налеты на наши города, мы сотрем их города с лица земли. С божьей помощью дадим отпор этим воздушным пиратам! Наступит час, когда кто-то из соперников падет, но это не будет национал-социалистская Германия!» Ответом было оглушительное: «Никогда! Никогда!»

3

Через два дня адмирал Редер во время очередного доклада Гитлеру осмелился задать вопрос: «Каковы будут политические и военные директивы фюрера в случае, если операция «Морской лев» не состоится?» Гитлер воспринял этот вопрос спокойно, и Редер с удовлетворением сообщил своим коллегам: «Решение фюрера о высадке в Англии ни в коем случае не окончательное... Вместе с тем операция остается в силе как средство победоносного окончания войны. Однако фюрер не помышляет о проведении высадки, если риск окажется слишком велик». Было очевидно, что Гитлер не мог допустить провала операции «Морской лев»,— это резко повысило бы престиж Великобритании. Он хотел мгновенной победы, но без риска. Фюрера особенно удручало сообщение Путткамера, присутствовавшего на маневрах у побережья Франции, где десантные баржи во время прилива чуть не перевернулись. По мнению Путткамера, морской десант может закончиться катастрофой.

Если нельзя гарантировать успех вторжения, решил Гитлер, остается воздушная война. 7 сентября фюрер санкционировал массированные налеты на Лондон. Бомбардировщики, волна за волной, устремились к берегам Англии. В конце дня армада из 320 бомбардировщиков под прикрытием большого количества истребителей прошла над Ла-Маншем и обрушила свой смертоносный груз на оружейные склады, электростанцию и доки на Темзе. Как только Геринг получил донесение, что город охвачен «морем огня», он поспешил к микрофону и, захлебываясь от восторга, заверил радиослушателей, что Лондон вот-вот будет уничтожен. Сокрушительные налеты продолжались до рассвета и

возобновились к вечеру. За эти два дня погибли 842 лондонца. Исполняя угрозу «стереть с лица земли их города», Гитлер санкционировал еще один массированный налет на Лондон.

Британская контрразведка предупредила об этом Черчилля, и за четыре дня до налета он обратился по радио к стране: «Несомненно, герр Гитлер не щадит свою авиацию, и если это продлится еще несколько недель, он погубит свои военно-воздушные силы». В то же время Черчилль предупредил, что немцы со всей тщательностью и методичностью готовят широкомасштабное вторжение. «Поэтому мы должны рассматривать следующую неделю как самый ответственный период в нашей истории»,—заключил премьер-министр свое выступление, укрепившее боевой дух англичан.

Публично Гитлер выражал полную уверенность в победе, но на совещании с военными 14 сентября фюрер не смог скрыть тревогу. Похвалив люфтваффе за «потрясающий» эффект операции «Орел», он тем не менее признал, что предпосылки для операции «Морской лев» «еще не созрели». Из-за плохой погоды авиация не добилась господства в небе. Однако вторжение не отменялось. Военные эксперты считали, что налеты ужасающе действуют на английские нервы, и через 10—12 дней разразится массовая истерия. Заместитель Геринга воспользовался случаем, чтобы протолкнуть свой проект воздушного террора по отношению к гражданскому населению. Редер, который с радостью поддерживал любые предложения, если они не предусматривали нападения с моря, с похвалой отозвался об этом проекте, но Гитлер настоял, чтобы люфтваффе ограничивались жизненно важными военными целями. «Бомбардировки с целью вызвать массовую панику должны быть последним средством»,— заявил он.

Было решено начать операцию «Морской лев» 17 сентября. К этому времени потери немцев стали весьма ощутимыми. Только за один день 15 сентября англичане сбили 60 самолетов. И 17 сентября Гитлер был вынужден признать, что бомбардировки, вероятно, никогда не поставят англичан на колени. Он сделал заявление в узком кругу: учитывая, что добиться воздушного превосходства не удалось, операция «Морской лев» откладывается на неопределенный срок... Британская контрразведка и английские летчики нанесли Адольфу Гитлеру первое военное поражение. Англия была спасена.

После принятия этого решения Гитлер сказал Путткамеру: «Мы завоевали Францию ценой 30 тысяч жизней. За одну ночь при попытке форсировать Ла-Манш мы можем потерять во много раз больше». По мнению военно-морского адъютанта, Гитлер был доволен, что операция «Морской лев» положена в долгий ящик.

В тот же день английская контрразведка установила, что Гитлер распорядился демонтировать десантное оборудование на всех голландских аэродромах. Вечером Черчилль созвал начальников штабов. Начальник штаба ВВС сообщил, что Гитлер отменил проведение операции «Морской лев», по крайней мере, в этом году. Черчилль широко улыбнулся, зажигая свою массивную сигару, и предложил всем выйти подышать свежим воздухом...

4

Гитлер все еще надеялся побудить Англию к переговорам если не воздушными налетами и высадкой с моря, то путем захвата ее важного стратегического пункта — Гибралтара. Это отрезало бы английскому флоту путь в Средиземное море, позволив немцам оккупировать Северную Африку и Ближний Восток.

В то время в Берлине находился испанский министр внутренних дел Рамон Серрано Суньер, женатый на свояченице генералиссимуса Франко. Ему предстояло оговорить вступление Испании в войну и, в частности, возможное нападение на Гибралтар. Направляясь в рейхсканцелярию, Суньер был в тревожном настроении. Вчерашняя встреча с Риббентропом оставила у него неприятный осадок: тот вел себя слишком высокомерно.

Испанец был приятно удивлен вежливостью и уважительным отношением к нему Гитлера. Европа, заявил фюрер, должна быть объединена в континентальную политическую систему путем установления собственной «доктрины Монро» и протектората над Африкой. Однако его намеки на возможность участия Испании в войне были «косвенны и туманны». Но когда гость сказал, что Испания нуждается в немецкой помощи, чтобы усилить свою артиллерию в райо-

не Гибралтара, Гитлер заговорил более конкретно. Оперируя цифрами, он доказывал, что там более эффективной была бы авиация, особенно пикирующие бомбардировщики, и заверил Суньера, пораженного техническими познаниями фюрера, что Германия сделает все для укрепления Испании.

Испанский министр уехал, довольный столь дружеским приемом. Он советовал Франко принять предложение Гитлера о встрече двух глав государств на испанской границе для более детальных переговоров. Со своей стороны, Гитлер направил Франко личное послание, в котором выразил пожелание о вступлении Испании в войну на стороне держав «оси», и предложил приурочить ее к захвату Гибралтара. В этом случае Германия окажет Испании военную и экономическую помощь. В своем ответе от 22 сентября Франко, казалось, согласился с предложением Гитлера, но на состоявшейся через два дня встрече Серрано Суньера с Риббентропом обнаружились противоречия: Испания вежливо, но твердо отклонила претензии Германии на несколько стратегически важных островов у побережья Африки.

Если Риббентропа огорчил родственник Франко, то спустя несколько дней и он имел все основания для торжества: в Берлине состоялось подписание трехстороннего пакта между Германией, Японией и Италией, по которому Япония признавала руководящую роль Германии и Италии в Европе, а те соглашались с ее господством в Азии. Три державы обещали «оказывать друг другу помощь всеми политическими, экономическими и военными средствами».

Для англичан и американцев это было еще одним свидетельством того, что Япония не лучше нацистской Германии и фашистской Италии и что три государства-агрессора объединили силы для завоевания мира. Советский Союз выразил беспокойство по этому поводу, но Риббентроп заверил Молотова, что договор направлен исключительно против засилья американцев. «Почему бы не сделать пакт четырехсторонним?»— предложил он и написал пространное письмо Сталину, в котором выразил мнение, что исторической миссией четырех держав — Советского Союза, Японии, Италии и Германии — является выработка совместной долгосрочной политики и разграничение интересов и сфер влияния в различных регионах мира.

Весь октябрь Гитлер посвятил дипломатии. В начале месяца он встретился с Муссолини. «Война выиграна! Осталь-

ное — вопрос времени»,— заявил фюрер. Признав, что германская авиация пока не добилась превосходства в воздухе, он утверждал, что потери английских ВВС втрое превышают германские. По непонятной причине англичане продолжают упорствовать, хотя положение их безнадежно. Гитлер спросил: «Почему же они держатся?» И сам ответил: «Они надеются на американскую и русскую помощь».

Но это, по его словам, было иллюзией. Трехсторонний пакт уже «отрезвляюще подействовал» на трусливых американских лидеров, а сорок немецких дивизий на Восточном фронте способны отбить у русских охоту вмешаться. Поэтому пришла пора нанести новый удар по Британской империи — захватить Гибралтар. Затем последовала тирада против испанцев, которые потребовали 400 тысяч тонн зерна и значительное количество бензина. А когда, посетовал Гитлер, он поднял вопрос об оплате, Франко имел наглость заявить, что «не надо путать идеализм с материализмом». Вне себя от гнева Гитлер воскликнул, что его представляют «каким-то жалким евреем, который торгуется, когда речь идет о самых святых вещах».

Два диктатора тепло расстались, и Гитлер удалился в Бергхоф. У него созрело решение «прозондировать» французов перед встречей с Франко.

Его специальный поезд, имевший странное название «Америка», отправился из Германии 22 октября и вечером остановился в Монтуаре, в Центральной Франции. Вице-премьер вишистской Франции Лаваль нанес Гитлеру визит для обсуждения вопросов, которые должны были стать предметом переговоров фюрера с Петэном. Гитлер был намерен сделать маршала активным союзником в войне с Англией. Разговор с Лавалем убедил фюрера, что это возможно, и в приподнятом настроении он отправился на встречу с Франко.

Им предстояло встретиться на следующий день у маленького пограничного французского городка Андей в курортном районе Юго-Западной Франции.

Гитлер был убежден, что сумеет обработать Франко, как это было с Чемберленом и Лавалем. Разве мог бы генералиссимус прийти к власти без немецкой помощи?

Наконец показался испанский поезд. Он опоздал на час, и, как оказалось, опоздание было умышленным. «Это самая важная встреча в моей жизни,— сказал Франко одному из своих приближенных.— Я готов использовать любой трюк,

и это — один из них. Если я заставлю Гитлера ждать, у меня с самого начала будет психологическое преимущество». Низкорослый и тучный каудильо с темными, пронзительными глазами очень походил на Санчо Панса. К власти он пришел по воле случая. Будучи выходцем из провинции Галисия, жители которой славятся своей деловитостью, он смотрел на жизнь как трезвый и хитрый прагматик.

Несмотря на неприятные воспоминания о недавней поездке в Берлин, Серрано Суньер, только что ставший министром иностранных дел, был убежден в непобедимости Германии и считал, что Испания должна быть на ее стороне. Однако Франко оставался скептиком. «Англичане никогда не сдадутся,— сказал он своим генералам.— Они будут воевать и воевать, а если их вытеснят с острова, они привлекут на свою сторону Америку. Германия еще не выиграла войну». В то же время он не хотел испытывать терпение Гитлера и содействовать тому, чтобы Испания разделила судьбу Чехословакии и других малых стран, вставших на пути фюрера.

Франко понимал, что его стране лучше держаться подальше от конфликта в Европе. Гражданская война разорила экономику Испании, а прошлогодний урожай был низкий, и народу угрожал голод. Но позволит ли Гитлер испанцам сохранять нейтралитет? Если ответить ему категорическим отказом, что может удержать Германию от вторжения в Испанию? Единственный способ удержаться у власти — это создать впечатление, что он готов присоединиться к «оси», и в то же время уклониться от активного участия в агрессивном союзе.

На встрече с Гитлером Франко произнес речь, полную комплиментов и словесных обещаний. Каудильо утверждал, что Испания всегда была «духовно единой с немецким народом» и вместе с государствами «оси» с радостью будет сражаться на стороне Германии. Но есть трудности, хорошо известные фюреру. Поэтому Испания, подчеркнул генералиссимус, должна действовать осмотрительно. В ответ Гитлер заявил, что в случае присоединения Испании к войне Германия позволит ей заполучить Гибралтар, а также некоторые колониальные территории в Африке.

Франко сидел с невозмутимым видом, а затем заговорил о нуждах Испании. Его стране, утверждал каудильо, нужно несколько сотен тысяч тонн зерна — и немедленно. Готова ли Германия поставить это количество? А как насчет тяже-

лой артиллерии, которая нужна Испании для защиты побережья от английского флота? Он также сказал, что не может принять Гибралтар как чужеземный подарок, эта крепость должна быть взята самими испанцами. В довершение ко всему каудильо выразил сомнение в способности фюрера покорить Англию.

Гитлер был явно раздражен и, едва сдерживая себя, пытался заставить Франко подписать договор. Но тот продолжал настаивать на выполнении своих условий. Переговоры были прерваны.

Вечером немцы устроили прием в честь испанцев в вагоне-ресторане. Франко был в приподнятом настроении, и Гитлер попробовал еще раз уговорить каудильо принять его предложения. Тот улыбался, но по-прежнему уклонялся от прямого ответа. Фюрер ушел с банкета мрачный, как туча. В разговоре с адъютантом он сказал, что в Германии этот испанский генералиссимус не продвинулся бы выше сержанта. Ничего не получилось и у Риббентропа с Серрано Суньером. Соглашение так и не было подписано. Риббентроп рвал и метал, называя Франко «неблагодарным трусом».

После неудачных переговоров с Франко Гитлер поехал в Монтуар на встречу с Петэном, который незадолго до этого возвысил себя в сан «главы государства». Престарелый маршал в сопровождении Лаваля прибыл в вагон Гитлера. Как и в беседе с Франко, Гитлер заявил, что война выиграна, Англия разбита и рано или поздно признает это. Но, многозначительно добавил он, кто-то должен платить за проигранную войну. «Это будет либо Франция, либо Англия. Если Англия покроет расходы, Франция займет подобающее ей место в Европе и может полностью сохранить свое положение колониальной державы». Для этого ей надо защищать свою империю от агрессии, а также отвоевать территории, которые перешли к де Голлю. И тут он спросил, что намеревается сделать Петэн, если англичане будут продолжать атаковать французский флот, как это было в Мерс-эль-Кебире и недавно в Дакаре.

Признав, что эти нападения возмутили большинство французов, маршал ответил, что Франция не в состоянии вести еще одну войну. Он выразил желание заключить мирный договор «с тем, чтобы Франция была уверена в своем будущем и чтобы два миллиона французских военнопленных как можно скорее вернулись в свои семьи». Гитлер этот

вопрос обошел, а Петэн, в свою очередь, не отреагировал на его намек о вступлении Франции в войну.

Настроение в поезде фюрера было мрачным: Гитлер ничего не добился ни от Испании, ни от Франции. Вскоре наступило новое разочарование: фюреру доставили письмо Муссолини, в котором тот резко отзывался о французах, считая, что о сотрудничестве с ними не может быть и речи. Опасаясь, как бы боевое настроение дуче не поставило под угрозу его планы вовлечения правительства Виши в крестовый поход, Гитлер дал указание Риббентропу организовать встречу с Муссолини 28 октября во Флоренции.

Накануне отъезда в Италию фюрера ожидал новый сюрприз: поступило сообщение от германского военного атташе в Риме, что на рассвете следующего дня Италия нападет на Грецию. Гитлер был вне себя. Риббентроп заметил за ужином: «Итальянцы ничего не добьются в Греции: впереди дождливая осень и снежная зима... Последствия войны на Балканах совершенно непредсказуемы. Фюрер намерен любой ценой остановить эту безумную затею дуче». Однако Гитлер отказался подписать проект ответа итальянскому диктатору с осуждением его агрессивных планов.

Утром 28 октября в 10.00, когда «Америка» проезжала через Болонью, Гитлер узнал, что войска дуче только что вступили в Грецию. Он резко обрушился на итальянцев за их двуличие. «Это месть за Норвегию и Францию!»— воскликнул фюрер и посетовал, что «каждый второй итальянец либо предатель, либо шпион». Успокоившись, он начал более трезво анализировать ситуацию. Дуче, полагал Гитлер, пошел на Грецию, чтобы противодействовать растущему экономическому влиянию Германии на Балканах. «Меня это сильно беспокоит»,— сказал он и выразил опасение, что нападение итальянцев даст англичанам повод создать на Балканах военно-воздушную базу.

Но на встрече с Муссолини во Флоренции фюрер сдержал свои эмоции, решив, что дело сделано и протестовать бесполезно. Дуче был в хорошем настроении. Чувство вины, которое он, возможно, испытывал за свои действия, уравновешивалось его собственным раздражением в связи с недавним вводом Гитлером войск в Румынию. И это несмотря на то, что на последней встрече на Бреннерском перевале они обещали друг другу сохранить мир на Балканах. «Гитлер всегда ставит меня перед свершившимся фактом,— жаловался дуче своему министру иностранных дел Чиано.— На

этот раз я отвечу ему той же монетой. Он прочитает в газетах, что я оккупировал Грецию. Таким образом, равновесие будет восстановлено».

Вероятно, Муссолини это удалось. Гитлер не стал упрекать его за военную авантюру в Греции. Он остановился на итогах своих переговоров с Франко и Петэном, признав, что беседы с каудильо были мукой. В следующий раз, добавил фюрер, он «предпочтет вырвать три-четыре зуба», чем пройти через такое испытание. Франко, жаловался Гитлер, говорил «очень туманно» о вступлении в войну. По всему видно, что каудильо стал главой Испании по недоразумению.

Гитлер повторил свое обещание, данное на Бреннерском перевале, что не пойдет на заключение мирного договора с Францией, «если не будут полностью удовлетворены претензии Италии». Однако в поезде он снова обрушился на новую авантюру дуче, которая неизбежно закончится катастрофой. Какого черта, бушевал он, Муссолини не напал на Мальту или Крит? Война с Англией на Средиземном море была бы несомненно полезна, особенно учитывая тяжелое положение итальянских войск в Северной Африке. Ведь они даже просили послать на помощь немецкую бронетанковую дивизию...

Возвращение домой было для фюрера невеселым. За шесть с небольшим месяцев он завоевал пол-Европы. У его ног были Норвегия, Дания, Люксембург, Бельгия, Голландия, Франция. Фюреру казалось, что он превзошел Александра Македонского и Наполеона. Но за цепью побед последовали неудачи в Андее, Монтуаре и Флоренции. Какой-то жалкий правитель второстепенной страны и глава побежденного государства не желают присоединиться к крестовому походу против Англии, а его самый надежный союзник оголил средиземноморский фланг «оси» из-за тщеславного желания захватить Грецию. И, вдобавок ко всему, воздушное наступление с целью побудить Англию сесть за стол переговоров явно провалилось, причем с тяжелыми потерями для германской авиации...

Не в состоянии скрыть свое раздражение, Гитлер обрушился на «обманщиков-союзников» и на неблагодарных, ненадежных друзей. Каудильо надо было втянуть в войну, ведь захват Гибралтара означал бы крах Британской империи и развязал бы фюреру руки для крестового похода на Восток.

Глава 23. «МИР ЗАТАИЛ ДЫХАНИЕ» (12 ноября 1940 — 22 июня 1941 г.)

1

Хотя Гитлер без особого восторга согласился на заключение Тройственного пакта с Японией и Италией, главный инициатор этого договора Риббентроп убедил его предложить Советскому Союзу сделать соглашение четырехсторонним. 12 ноября 1940 года народный комиссар иностранных дел Молотов прибыл в Берлин обсудить вопрос о такой коалиции. Встреча началась в новой резиденции Риббентропа — бывшем президентском дворце. Хозяин, расточая улыбки, делал все, чтобы гости чувствовали себя как дома. «Лишь изредка,— вспоминал Шмидт,— Молотов отвечал взаимностью, когда на его умном лице появлялась ледяная улыбка». Он невозмутимо слушал Риббентропа, заверявшего, что Тройственный пакт не направлен против Советского Союза. На самом деле, заметил Риббентроп, Япония столетиями будет занята расширением своего влияния в Юго-Восточной Азии. «Сфера наших интересов,— подчеркнул Риббентроп,— тоже простирается на юг, по направлению к Центральной Африке, где находятся бывшие германские колонии». Он предложил Советам обратить внимание на Персидский залив и другие районы, которые в данный момент не интересуют Германию. Это был явный намек на Индию, но Молотов, не выказывая никаких эмоций, спокойно смотрел на него через свое старомодное пенсне. Озадаченный Риббентроп предложил Советскому Союзу присоединиться к трехстороннему пакту. Но Молотов хотел изложить свою позицию лично Гитлеру. Во второй половине дня фюрер принял посланца Москвы. Молотов так же невозмутимо выслушал длинный монолог фюрера, но как только тот наконец остановился, вежливо посетовал, что заявления Гитлера носят слишком общий характер. Его интересуют более конкретные вопросы. Что означает «новый порядок» в Европе и Азии и какая роль в нем отводится СССР? Какова позиция Германии в отношении Болгарии, Румынии, Турции? Как обстоят дела с обеспечением интересов Москвы на Балканах и на Черном море?

Ни один иностранец так смело не выражал свои мысли, и переводчик Шмидт подумал: не выскочит ли рассерженный фюрер из кабинета, как это было два года назад, когда сэр Хорас Уилсон вручил ему письмо Чемберлена. Но Гитлер дал успокаивающие ответы. Тройственный пакт, сказал он, будет лишь регулировать отношения между государствами в Европе и Азии.

Молотова это не удовлетворило. «Если с нами будут обращаться как с равноправными партнерами,— сказал он,— мы в принципе могли бы присоединиться к Тройственному пакту. Но сначала надо тщательно определить его цели и задачи. Я хотел бы получить более точную информацию о границах восточноазиатского пространства». Явно озадаченный такой атакой Гитлер внезапно закончил разговор, объявив, что они должны прервать дискуссию из-за возможного объявления воздушной тревоги.

На следующий день фюрер послал главе советской делегации приглашение на завтрак. Это проявление сердечности не смягчило настойчивого гостя. Молотов вновь поднял вопрос о Финляндии, которую Гитлер втайне намеревался использовать в качестве военного союзника в случае войны с Россией. Упоминание о Финляндии превратило фюрера из гостеприимного хозяина в раздраженного спорщика. «У нас там нет политических интересов»,— доказывал он. Но Молотов не был убежден в этом. «При добром согласии между Германией и Россией,— сказал советский министр с внешним спокойствием,— финский вопрос можно было решить без войны. Из Финляндии должны быть выведены немецкие войска, и в этой стране не должны проходить политические демонстрации против советского правительства». Гитлер холодно ответил, что немецкие войска находятся там временно, их цель— Норвегия.

Подозрения Молотова развеять не удалось, и Гитлер был так раздражен, что начал повторяться. «Мы должны сохранить мир с Финляндией из-за ее никеля и древесины»,— упрямо твердил фюрер. Но следующая фраза, возможно, невольно раскрыла его конечную цель: «Конфликт в Балтийском море стал бы серьезным камнем преткновения для германо-советских отношений и привел бы к непредсказуемым последствиям». Однако Молотов не увидел в этом угрозу, он ее игнорировал, тем самым сделав серьезную дипломатическую ошибку. «Речь идет не о Балтийском море, а о Финляндии»,— заметил он. «Войны с Финляндией быть не

должно»,— упрямо отрезал Гитлер. «Тогда вы отходите от нашего прошлогоднего соглашения»,— так же твердо заявил Молотов.

«После победы над Англией,— продолжал Гитлер,— Британская империя может быть поделена как гигантское всемирное имущество банкрота площадью в 40 миллионов квадратных километров». Затем он нарисовал соблазнительную для московского гостя картину: «Здесь мне видится путь России к Мировому океану. Меньшинство, состоящее из 45 миллионов англичан, до сих пор правило 600 миллионами жителей Британской империи. Я намереваюсь ликвидировать эту несправедливость». Германия, по его словам, не хочет отвлекать силы от своей борьбы против сердца империи — Британских островов. Поэтому она против любой войны в Балтике.

Эти доводы не убедили Молотова. «Вы дали гарантии Румынии, которая вызывает у нас недовольство,— без обиняков заявил советский министр, имея в виду то обстоятельство, что Германия недавно гарантировала новые границы Румынии.—Не направлены ли они против нас?» В дипломатии считается ошибкой загонять оппонента в угол. «Они направлены против любого, кто нападет на Румынию»,— жестко ответил Гитлер и вскоре прервал встречу, снова сославшись на возможный воздушный налет англичан.

В этот вечер Гитлер не пошел на банкет в советском посольстве, который был прерван появлением английских самолетов как раз в тот момент, когда Молотов произносил тост. Риббентроп проводил гостя в свое бомбоубежище и там воспользовался возможностью показать советскому министру иностранных дел проект четырехстороннего пакта, который констатировал, что Германия, Россия, Япония и Италия будут уважать естественные сферы влияния и возникающие в этой связи проблемы будут обсуждаться «дружественным путем». Территориальные устремления Советского Союза страны «оси» определяли в направлении Индийского океана.

На Молотова эти посулы не произвели впечатления. Россию, сказал он, больше интересуют европейские дела и Дарданеллы, чем Индийский океан. «Следовательно,— заявил он,— бумажные соглашения для Советского Союза недостаточны, моей стране нужны прочные гарантии безопасности. В сфере наших интересов — нейтралитет Швеции, доступ в Балтийское море, судьба Румынии, Венгрии,

Болгарии, Югославии и Греции».

Риббентроп был настолько ошарашен, что, согласно записи этой беседы, мог лишь снова и снова повторять: «Решающий вопрос заключается в том, будет ли Советский Союз сотрудничать с нами в ликвидации Британской империи». Молотов, по своему обыкновению, уклонился от прямого ответа. Когда же Риббентроп заметил, что Англия разбита, только не осознает этого, гость ответил: «Если так, почему же тогда мы сидим в этом бомбоубежище? И чьи это бомбы падают так близко, что взрывы слышны даже здесь?»

Молотов выиграл спор, но проиграл дело. Когда Гитлер прочитал запись беседы в убежище, он был разъярен. Убедившись в том, что русских не удалось соблазнить четырехсторонним пактом, он отбросил колебания и принял бесповоротное решение напасть на Россию. Фюрер привык считать себя избранником судьбы, гений и воля которого способны сокрушить любого противника. Ослепленный своими политическими и военными победами, Гитлер както похвастался в кругу близких людей, что он — единственный из смертных, которому удалось почувствовать себя «сверхчеловеком». Его сущность «скорее божественная, чем человеческая», и поэтому он первый из новой расы сверхлюдей не связан никакими условностями человеческой морали и стоит выше закона.

2

Однако Гитлер держал в строгом секрете свое решение напасть на СССР, заставляя военных считать, что Англия остается его главной целью. В день прибытия Молотова в Берлин фюрер наметил новую стратегию. Отменив форсирование Ла-Манша, он решил захватить Гибралтар, Канарские острова, Мадейру и часть Марокко, что должно было отрезать Британские острова от остальной части империи и заставить ее капитулировать.

Это был стратегически точный, но нереальный план, поскольку он предполагал военное сотрудничество с нерешительными союзниками. Никто не осознавал трудности этой

сложной операции лучше, чем сам ее автор, но, несмотря на последние неудачи, он был уверен в способности совладать с Петэном, Муссолини и Франко. Фюрер начал с каудильо и 18 ноября сообщил его министру Серрано Суньеру: «Я решил атаковать Гибралтар. Нужен лишь сигнал к началу операции».

Убежденный в том, что в конце концов Франко вступит в войну, в начале декабря фюрер провел совещание по захвату Гибралтара. Он сообщил генералам, что в ближайшем будущем получит согласие Франко, а затем послал к нему своего личного представителя. Но выбор фюрера оказался катастрофическим: это был адмирал Канарис, работавший против Гитлера с 1938 года. Он изложил Франко официальные аргументы Гитлера, а затем неофициально посоветовал ему не ввязываться в войну, которую «ось» неизбежно проиграет.

Канарис доложил, что Франко вступит в войну тогда, «когда Англия окажется на грани краха». Гитлер потерял терпение и 10 декабря распорядился отменить операцию «Феликс» — такое кодовое название получил план захвата Гибралтара. Но через несколько недель фюрер направил пространное послание Франко, в котором обещал немедленно поставить Испании обещанное зерно, если каудильо согласится участвовать в атаке на Гибралтар. В своем ответе Франко не скупился на обещания, но практически ничего не предпринял для их реализации. Это привело к срыву операции «Феликс». Если бы Гибралтар пал, возможно, что вся Северная Африка и Ближний Восток были захвачены Гитлером. Арабский мир с энтузиазмом поддержал бы немецкую экспансию из-за своей ненависти к евреям. Помимо тяжелого экономического положения Испании и опасений оказаться в стане проигравшего, у Франко был и личный мотив, побуждавший его отказаться от союза с Гитлером: в жилах каудильо была примесь еврейской крови.

3

Сталин медлил почти две недели, прежде чем сообщить немцам, что готов присоединиться к предложенному Гитлером четырехстороннему пакту, но на определенных условиях, одним из которых был вывод немецких войск из Финляндии. Требования не казались чрезмерными, но, к удивлению министерства иностранных дел Гитлер даже не захотел их обсуждать и, более того, не удосужился ответить Москве.

Фюрер взял курс на войну, и в конце ноября его генералы начали серию штабных учений, связанных с нападением на Россию. 5 декабря начальники штабов трех групп армий, участвовавших в в этих учениях, встретились с Гитлером, Браухичем и Гальдером. Одобрив в принципе предложенный Гальдером план операции, фюрер заметил, однако, что не следует подражать Наполеону и считать главной целью Москву. Взятие столицы, сказал он, «не столь важно для нас». Браухич возразил, что Москва имеет большое значение не только как центр советской сети коммуникаций, но и как центр военной промышленности. На это Гитлер раздраженно ответил: «Только полностью закостеневшие мозги, воспитанные на идеях прошлых веков, ни о чем не думают, кроме как о захвате столицы». Его больше интересовали Ленинград и Сталинград, эти рассадники большевизма. После их уничтожения большевизм будет мертв, а это главная цель предстоящей кампании. «Господство над Европой,— продолжал Гитлер,— будет достигнуто в битве с Россией».

Через пять дней Гитлер начал готовить свой народ к крестовому походу. Он произнес в Берлине страстную речь о несправедливости в распределении природных богатств. «Разве это справедливо,— спрашивал он, обращаясь к залу,— когда на одном квадратном километре живут 150 немцев? Мы должны решить эти проблемы, и мы их решим».

Одновременно Геббельс готовил Германию к новым испытаниям. Выступая перед своими сотрудниками, он заявил, что предстоящие рождественские праздники должны быть ограничены двумя днями и отмечать их надо скромно, в соответствии с требованиями текущего момента и боевым духом немецкого народа.

17 декабря Гитлеру был представлен разработанный генштабом план нападения на Россию. Фюрер внес в него некоторые изменения, которые предусматривали задержку наступления на Москву, пока не будут очищены балтийские государства и взят Ленинград. Фюрер также присвоил предстоящей операции, которая прежде называлась «Отто», новое название — «Барбаросса» («Рыжая борода»). Так называли императора Священной Римской империи Фридриха I, который в 1190 году начал крестовый поход на Восток. Главные силы Красной Армии, сосредоточенные на западной границе, указал фюрер, «будут уничтожены в результате сокрушительных ударов глубоко проникающими танковыми клиньями». Сохранившие боеспособность войска, будут окружены с тем, чтобы они не смогли отступить в глубь страны. «Окончательная цель операции — воздвигнуть барьер против азиатской части России по общей линии Волга — Архангельск. Последний оплот СССР на Урале затем при необходимости может быть ликвидирован авиацией».

Гальдер считал, что Гитлер блефует, и спросил Энгеля, насколько серьезен этот план. Адъютант фюрера ответил, что Гитлер сам еще, по-видимому, не уверен в точности своих прогнозов. Но жребий был брошен. Гитлер не терпел тех, кто призывал к умеренности. Большая часть Европы под властью Германии, утверждали они, и если немного подождать, Англия признает немецкую гегемонию. Но для Адольфа Гитлера такая пассивная политика была неприемлемой. Целью национал-социализма было уничтожение большевизма. Мог ли он, избранник судьбы, изменить своей великой миссии?

4

Внешне ничто не омрачало отношения между двумя соперничающими союзниками. Вскоре после утверждения плана «Барбаросса», 10 января 1941 года, Гитлер утвердил два соглашения с Москвой: одно экономическое — о взаимных поставках товаров, другое — секретный протокол, по которому Германия отказывалась от своих претензий на

полосу литовской территории за 7,5 миллиона долларов золотом.

Однако за фасадом дружбы усилились раздоры между союзниками. Сырье из Советского Союза поступало в Германию строго по графику, а немецкие поставки постоянно срывались. Бывали случаи, когда станки для России были уже готовы, но появлялся какой-нибудь инспектор из военного ведомства, хвалил изделие и затем «по соображениям обороны» увозил станки. Такая практика распространилась и на корабли. Сам Гитлер распорядился приостановить работы над предназначенным для Советов тяжелым крейсером: Германии нужно было ускорить производство подводных лодок. Немцы предложили отбуксировать корпус корабля в Ленинград и вооружить его 380-миллиметровыми пушками Круппа, но стороны разошлись в вопросе о цене, и корабль так и оставался в Вильгельмсхафене.

В это время как Сталин стремился к миру, — по крайней мере, пока Красная Армия не будет доведена до боеспособного уровня, Гитлер продолжал готовить свой народ к войне. Зловещим было его выступление 30 января во Дворце спорта: «Я убежден, что 1941 год будет началом великого нового порядка в Европе». Но противником он назвал лишь Англию, лидера «плутодемократий», которые, утверждал Гитлер, находятся под контролем международной еврейской клики. Антибританские выпады служили прикрытием для планов нападения на Советский Союз.

Спустя четыре дня, выслушав сообщение Гальдера о том, что численность немецких войск скоро сравняется с русской, а по оснащенности они превзойдут любого противника, Гитлер воскликнул: «Когда начнется «Барбаросса», мир затаит дыхание!» Аппетиты фюрера распространялись за пределы континента, и 17 февраля он дал распоряжение готовить план вторжения в сердце Британской империи — Индию. Затем затем должно было последовать завоевание Среднего и Ближнего Востока охватывающим маневром: слева — из России через Иран и справа — из Северной Африки к Суэцкому каналу. Хотя эти грандиозные планы были прежде всего направлены на то, чтобы заставить Англию уступить Германии, они свидетельствовали об утрате Гитлером чувства реальности. В его воображении Россия была уже покорена, и он искал для завоевания новые миры, новых врагов, которых надо было поставить на колени.

Поражение итальянских войск в Албании и Греции, по

словам Гитлера, «нанесло удар по вере в нашу непобедимость как среди друзей, так и среди врагов». И потому, прежде чем начать операцию «Барбаросса», надо было сокрушить Грецию и восстановить порядок на Балканах. Гитлер считал, что поражение итальянцев на Балканах расчищало ему путь к завоеванию новых территорий и приобретению экономических выгод.

Задача Гитлера усложнялась географическими условиями. Между Германией и Грецией лежали четыре страны — Венгрия, Румыния, Болгария и Югославия. В первых двух, ставших германскими сателлитами, уже несколько месяцев находились немецкие войска. Третья под сильным давлением присоединилась 1 марта к трехстороннему пакту. Хотя это открывало немецким войскам прямой путь в Грецию, Гитлера не оставляла в покое стратегически важная Югославия. Ее лидеры не желали ни немецкого, ни русского военного присутствия на Балканах, и после того как скрытые угрозы и туманные обещания не помогли добиться присоединения непокорных югославов к «оси», Гитлер пригласил главу государства князя Павла в Бергхоф.

Хотя югославского регента соблазняло обещание Гитлера гарантировать территориальную целостность страны, он сказал, что решение о присоединении к «оси» представляет для него личную трудность: его жена — гречанка, симпатизирующая Англии, а ему очень неприятен Муссолини. Князь уехал, не дав ответа, но через три дня — бесконечно долгий срок для Гитлера — сообщил о готовности Югославии присоединиться к трехстороннему пакту при условии, что он получит право воздерживаться от оказания военной помощи кому бы то ни было и не будет обязан пропускать немецкие войска через территорию своей страны. С трудом сдерживая раздражение, Гитлер сообщил, что принимает условия. Этот примирительный жест неожиданно натолкнулся на решительный отпор: югославы заявили о нежелании предпринять какие-либо действия, которые могут вовлечь их в войну. Но 17 марта положение в Югославии внезапно изменилось. Королевский совет согласился на присоединение к трехстороннему пакту. Это вызвало бурю протестов, и после отставки трех министров высокопоставленные офицеры военно-воздушных сил подняли мятеж. 27 марта повстанцы свергли правительство, и малолетний наследник престола Петр был провозглашен королем.

В Берлине в то утро Гитлер поздравлял себя с благопо-

лучным завершением югославского эпизода: он только что получил сообщение о том, что местное население «в основном одобряет» присоединение Югославии к пакту и что правительство «полностью владеет ситуацией». Без пяти минут двенадцать, когда фюрер готовился принять министра иностранных дел Японии Мацуоку, из Белграда поступила новая телеграмма: бывшие члены югославского правительства арестованы. Вначале фюрер подумал, что это шутка. Но затем его охватило негодование. Мысль о том, что в последний момент у него отобрали победу, была невыносимой. Он считал, что ему нанесли личное оскорбление. Гитлер потребовал немедленно вызвать Риббентропа, который в это время беседовал с Мацуокой, ворвался в зал совещаний, где ждали приема Кейтель и Йодль, и, размахивая телеграммой, орал, что уничтожит Югославию раз и навсегда. Фюрер поклялся, что отдаст войскам приказ немедленно вторгнуться в Югославию. Кейтель возразил, что такая операция сейчас вряд ли возможна: срок начала «Барбароссы» близок, переброска войск на восток проходит в соответствии с максимальной пропускной способностью железных дорог. Кроме того, армия Листа в Болгарии слишком слаба, а на помощь венгров трудно надеяться.

«Вот поэтому я вызвал Браухича и Гальдера,— раздраженно ответил Гитлер.— Они должны найти какое-то решение. Теперь я намерен очистить Балканы».

Вскоре прибыли Браухич, Гальдер, Геринг, Риббетроп и их адъютанты. Гитлер резко заявил, что уничтожит Югославию как государство. На замечание Риббентропа, что, возможно, лучше сначала направить югославам ультиматум, Гитлер ответил ледяным тоном: «Так вы оцениваете ситуацию? Да югославы поклянутся, что черное — это белое. Конечно, они говорят, что у них нет агрессивных намерений, а когда мы войдем в Грецию, они всадят нам нож в спину». Нападение, воскликнул он, начнется немедленно. Удар по Югославии должен быть нанесен безжалостно, в стиле блицкрига. Это напугает турок и греков. Герингу фюрер поручил уничтожить югославскую авиацию на аэродромах, а потом разбомбить их столицу «волновыми налетами». Срочно были вызваны венгерский и болгарский посланники. Первому Гитлер обещал, что если Венгрия поможет ему в решении югославского вопроса, она получит спорные территории, на которые претендовали соседи-румыны. Второму фюрер посулил Македонию.

Отдав приказы о нападении и заполучив двух союзников, Гитлер наконец нашел время принять японского министра. Фюрер выразил надежду, что Америку можно будет удержать от вступления в войну, и лучше всего это сделать путем захвата Японией Сингапура. Такого шанса, заключил Гитлер, в будущем может не представиться. Японии, добавил он, нечего опасаться, что Красная Армия вторгнется в Маньчжурию: ей противостоит мощь немецкой армии.

Мацуока, окончивший Орегонский университет, медленно и обдуманно отвечал по-английски. Он считает немецкое предложение верным, сказал японский министр иностранных дел, а затем добавил: «Но в данный момент я не могу дать твердых обещаний от имени Японии». Мацуока не скрывал, что собирается скоро подписать со Сталиным договор о нейтралитете, и был удивлен, когда Риббентроп, отец идеи четырехстороннего пакта, выразил удивление по этому поводу: «Как вы можете заключать договор в это время? Ведь СССР ничего не дает даром».

После встречи с японским министром Гитлер подписал директиву об одновременном нападении на Югославию и Грецию и в полночь стал готовить послание Муссолини. Фюрер сообщил ему, что принял все необходимые меры по разрешению кризиса в Югославии. Гитлер советовал дуче не проводить в Албании в ближайшие дни дальнейших операций, предостерегая его от новых авантюр.

К этому времени изменился характер взаимоотношений между двумя диктаторами. После неудачных действий в Греции и Африке Муссолини больше не был «старшим партнером». В глазах фюрера он был просто неудачником. Поражение итальянцев в Греции не только вдохновило англичан на успешное наступление в Ливии и отбило охоту у Франко поддержать операцию по захвату Гибралтара, но и вынудило Германию заняться непослушной Югославией в самый неподходящий для этого момент. Операцию «Барбаросса» пришлось отложить по крайней мере на месяц.

5

Хотя Гитлер объяснял отсрочку «Барбароссы» кампанией в Югославии, решающим фактором, очевидно, была нехватка вооружений для вермахта. Фюрера постоянно преследовала навязчивая мысль, что русские могут напасть первыми. Но когда 30 марта в рейхсканцелярию были приглашены командиры, причастные к «Барбароссе», он казался спокойным. Америка, рассуждал фюрер, достигнет пика военной мощи не раньше, чем через четыре года. За это время надо очистить Европу. Война с Россией неизбежна, и бездействие было бы катастрофой. Боевые действия должны начаться 22 июня.

Откладывать нельзя, продолжал Гитлер, так как никто из его преемников не обладает достаточным авторитетом, чтобы взять на себя ответственность за эту операцию. Только он один может остановить большевистский каток, прежде чем тот пройдет по всей Европе. Гитлер призвал к уничтожению большевистского государства и Красной Армии, заверив слушателей, что победа будет быстрой и эффективной. Единственная проблема, зловеще добавил он,— это способ обращения с военнопленными и гражданским населением.

Военные слушали фюрера в напряжении. Их коробили жестокие методы Гитлера после завоевания Польши в отношении польских евреев, интеллигенции, духовенства и аристократии. А фюрер продолжал: «Война против России — это борьба идеологий и расовых различий, и ее нужно будет вести с беспрецедентной, безжалостной и непреклонной жестокостью». Протестов не последовало.

Между тем подготовка к вторжению в Югославию и Грецию была завершена. В Белграде ежедневно проходили патриотические демонстрации, некоторые из них были инспирированы просоветски настроенными местными коммунистами. Россия действительно стремилась поддержать югославов перед лицом угрозы немецкого вторжения и 5 апреля подписала договор с новым правительством. Однако это не смутило Гитлера. На следующее утро значительные силы немецких войск перешли югославскую границу. В ходе операции, которой фюрер дал многозначительное название «Наказание», бомбардировщики начали методично

уничтожать Белград. Советские лидеры, только что подписавшие договор с Югославией, реагировали на это с удивительным безразличием, поместив сообщение о нападении на Югославию и Грецию на последней странице «Правды». Лишь мимоходом упоминалось о разрушительных воздушных налетах на Белград, которые продолжались круглые сутки.

Гитлер предупредил Геббельса, что вся кампания продлится максимум два месяца, и эта информация была опубликована. Однако уже через неделю немецкие и венгерские войска вошли в разрушенный Белград. Погибло 17 тысяч мирных жителей. 17 апреля остатки югославской армии капитулировали. Десять дней спустя, когда немецкие танки вошли в Афины, кампания в Греции фактически завершилась. В зоны боев с громадными расходами энергии, топлива и времени было переброшено 29 немецких дивизий. Из этих дивизий в боевых действиях на протяжении шести дней участвовало лишь десять.

Издержки операции на Балканах был смягчены неожиданным развитием событий в Северной Африке. Имея лишь три дивизии, генерал Эрвин Роммель прошел через пустыню почти до египетской границы. Эта победа была для Гитлера не меньшей неожиданностью, чем для противника. Англия теряла контроль над восточной частью Средиземного моря. Это нанесло ущерб английскому престижу и убедило Сталина в необходимости сохранения прежних отношений с немцами, несмотря на их постоянные провокации. Советский руководитель упорно игнорировал усиливающиеся слухи о планах Гитлера напасть на его страну. Предупреждения поступали из многочисленных источников, в том числе из государственного департамента США. Иностранные дипломаты в Москве открыто говорили о предстоящей схватке.

Советская разведка в последние месяцы тоже неоднократно предупреждала свое руководство о готовящемся нападении на СССР. Но Сталин не доверял никому. Убежденный в том, что Гитлер не настолько глуп, чтобы напасть на Россию до нейтрализации Англии, он считал, что это слухи, фабрикуемые капиталистическим Западом, который стремится спровоцировать войну между ним и Гитлером. На одном таком предупреждении агента-чеха он написал красным карандашом: «Это английская провокация. Найти, откуда поступило сообщение, и наказать виновного».

Сталин стремился умиротворить Японию. Как почетного гостя он принимал министра иностранных дел Мацуоку, только что побывавшего в Берлине, и не скрывал своей радости, когда был подписан договор о нейтралитете. На банкете в Кремле в день, когда пал Белград, Сталин подносил японским гостям тарелки с угощениями, обнимался и целовался с ними и даже сплясал. Договор был победой его дипломатии, убедительным доказательством того, что слухи о немецком нападении на Россию следует игнорировать. Разумеется, рассуждал советский руководитель, Гитлер никогда не позволил бы Японии заключить этот договор, если бы собирался напасть на Росиию...

Захмелевший Сталин был в таком приподнятом настроении, что даже поехал на вокзал проводить японскую делегацию. Он расцеловал генерала Нагаи, затем сжал в медвежьих объятиях маленького Мацуоку, поцеловал его и сказал: «Теперь, когда есть советско-японский договор о нейтралитете, Европе нечего бояться».

Когда поезд с японцами тронулся, он обхватил рукой германского посла фон Шуленбурга и сказал: «Мы должны оставаться друзьями, и вам надо все сделать для этого».

А между тем немецкие самолеты совершали многочисленные нарушения границы, летая над западными районами СССР. Лишь за последние две недели число таких нарушений достигло 50. Вскоре на советской территории, почти в 150 километрах от границы, совершил вынужденную посадку немецкий самолет, на борту которого оказалась фотокамера, непроявленные ролики пленки и карта этого района СССР. Москва направила официальный протест Берлину, посетовав на то, что с конца марта было совершено 80 других нарушений советского воздушного пространства. Но протест был составлен в довольно мягкой форме, и Сталин продолжал упорно игнорировать новый поток предупреждений, в том числе от английского посла Криппса, который предсказал, что Гитлер нападет на СССР 22 июня.

Хотя в германском министерстве иностранных дел все подозревали, что день нападения на Россию близок, только в середине апреля Гитлер посвятил Риббентропа в план «Барбаросса». Удрученный министр хотел предпринять еще один дипломатический демарш в Москве, но Гитлер запретил ему это. А Шуленбурга фюрер заверил: «Я не планирую войны с Россией».

Несомненно, Германия вступала в схватку с сильнейшей военной силой в мире без надежных союзников. Япония находилась на другом конце континента. Италия была скорее обузой, чем помощницей, Испания уклонялась от каких-либо конкретных обязательств, так же вело себя и вишистское правительство Франции. Завоевания Гитлера пугали всех его друзей, в том числе малые страны, такие как Югославия, Венгрия и Румыния. Его единственная сила заключалась в вермахте, а ставка только на силу погубила не одного завоевателя.

Единственным шансом Гитлера выиграть войну на Востоке мог быть союз с миллионами потенциальных противников сталинского режима. Именно к этому призывал Розенберг, но фюрер проигнорировал его доводы. Это имело для нацистского диктатора фатальные последствия.

6

Хотя вначале руководители вермахта отвергали саму мысль о нападении на Россию, теперь они почти единодушно разделяли уверенность фюрера в быстрой победе. Общее мнение сводилось к тому, что кампания будет успешно завершена в течение трех месяцев, а фельдмаршал фон Браухич предсказывал, что крупные сражения закончатся через четыре недели и война превратится в бои местного значения при «незначительном сопротивлении». Твердолобый Йодль оборвал Варлимонта, который поставил под сомнение его категорическое заявление о том, что «русский колосс окажется мочевым пузырем свиньи: проткнешь — и он брызнет».

По словам генерала Гудериана, фюреру удалось заразить свое ближайшее военное окружение необоснованным оптимизмом. Командование было уверено, что кампания закончится до наступления зимы. Теплое обмундирование имел лишь каждый пятый солдат. В высших кругах, конечно, оставалось немало скептиков. С самого начала против плана «Барбаросса» высказывались Риббентроп и адмирал Редер. У Кейтеля тоже были серьезные сомнения, но он держал их при себе. Была оппозиция и в «семейном кругу» Гитлера.

Рудольф Гесс — второй после Геринга преемник фюрера — всецело одобрял теорию расширения «жизненного пространства», но он был против нападения на Россию, пока продолжалась война с Англией. Он считал, что только большевики извлекут выгоды из этого конфликта. Встретившись с геополитиком профессором Карлом Хаусхофером, Гесс загорелся идеей тайной встречи с каким-нибудь влиятельным англичанином в нейтральном городе. Это, по мнению Хаусхофера, могло бы способствовать заключению мира с Англией.

Взволнованный перспективой секретной миссии, Гесс изложил план Гитлеру в надежде на то, что это восстановит его пошатнувшееся положение в нацистской иерархии. Гитлер нехотя согласился с предложением Гесса поговорить на эту тему со старшим сыном профессора Хаусхофера Альбрехтом, работавшим в министерстве иностранных дел.

Молодой Хаусхофер, в течение ряда лет входивший в тайную антигитлеровскую группу, сказал Гессу, что, возможно, лучше всего организовать встречу с его хорошим английским другом герцогом Гамильтоном, имеющим тесные связи с Черчиллем и королем. Гесс ушел воодушевленный, но Альбрехт написал отцу, что «это дело — глупая затея».

В то же время как немец-патриот он решил сделать все, что может, и написал письмо Гамильтону с предложением организовать встречу с Гессом в Лиссабоне. Он подписался «А» и послал письмо некоей миссис Робертс в Лиссабоне, переславшей его в Англию, но письмо было перехвачено английским цензором и передано разведке. Время шло, никакого ответа не поступало, и Гесс решил действовать самостоятельно, без ведома Хаусхоферов и Гитлера. Он решил, что прилетит к имению герцога Гамильтона, выбросится на парашюте и под вымышленной фамилией проведет переговоры. Это был опытный летчик, летавший на фронтах первой мировой войны, победитель опасных соревнований 1934 года по облетам высочайшего пика Германии Цугшпитце. Одиночный полет через вражескую территорию в отдаленный уголок Шотландии, думал он, определенно произведет впечатление на молодого Гамильтона, такого же азартного летчика-спортсмена, первым поднявшегося над высочайшей вершиной мира Эверестом. «Я столкнулся с очень трудным решением,— признавался позднее Гесс на допро-

се.— Не думаю, что я отважился бы на это, если бы передо мной не представала картина бесконечного ряда детских гробов и плачущих матерей». Гесс был убежден, что только таким оригинальным способом он мог воплотить в жизнь мечту фюрера о коалиции Германии и Англии. Если это не удастся, он не втянет в сомнительное дело Гитлера, а если удастся, то все заслуги будут отнесены на счет фюрера. Он отдавал себе отчет в том, что шансов на успех мало, но игра стоила свеч.

Гесс был уверен, что Гитлер одобрил бы такую своеобразную попытку разрешения конфликта, но никогда не позволил бы ему так рисковать. Поэтому очень важно было соблюсти секретность. Так думал наивный, не слишком умный наци, который, по словам адъютанта Видемана, был «самым преданным приверженцем» Гитлера.

Гесс тщательно готовился к осуществлению своего замысла. Он уговорил авиаконструктора Вилли Мессершмитта дать ему на время двухместный истребитель «Ме-110». Но у этого самолета был небольшой радиус действия. На каждое крыло, согласно желанию Гесса, было установлено по одному дополнительному бензобаку объемом в 100 литров. Затем он попросил конструктора установить специальную радиостанцию. Совершив двадцать пробных полетов, Гесс решил, что освоил переоборудованный самолет. В нарушение правил военного времени он приобрел новую кожаную куртку и уговорил личного пилота фюрера Баура дать ему секретную карту запретных воздушных зон.

Вполне возможно, писал он позднее жене из тюрьмы, «я не совсем нормальный. Полет и его цель захватили меня, как навязчивая идея. Все остальное отошло на задний план».

Рано утром 10 мая, прослушав прогноз погоды, который оказался благоприятным, Гесс начал собираться в полет. Никогда прежде он не был так нежен с женой. После завтрака он поцеловал ей руку и остановился в дверях детской с задумчивым выражением лица. Жена спросила, когда его ждать, предполагая, что муж летит на встречу с кем-нибудь вроде Петэна. «Самое позднее — в понедельник»,— был ответ.

Жена выразила сомнение: «Не верю. Так скоро ты не вернешься». Гесс подумал, что она, очевидно, обо всем догадывается, в последний раз посмотрел на спящего сына и вышел.

В 18.00, передав адъютанту письмо для фюрера, он взлетел с аэродрома в Аугсбурге и взял курс на Северное море. Англия была покрыта дымкой. Маскируясь, Гесс резко пошел вниз, не зная, что на хвосте у него висит «Спитфайр». Но преимущество в скорости помогло — английский истребитель отстал. Гесс летел очень низко над землей со скоростью до 700 километров в час, едва не задевая за деревья и дома. Впереди появилась гора. Это был его ориентир. Около 23.00 пилот повернулся на восток и увидел железнодорожное полотно и небольшое озеро, которое, как он помнил, должно было находиться чуть южнее имения герцога. Поднявшись на высоту 1800 метров, Гесс выключил двигатель и открыл кабину. Он вдруг вспомнил, что никогда не прыгал с парашютом, полагая, что это легко. Когда истребитель начал терять высоту, Гесс вспомнил слова одного приятеля, что лучше всего прыгать, когда самолет перевернут. Он перевернул машину. Пилота прижало к сиденью, и он начал терять сознание. Последним усилием выдавив себя из кабины, дернул за кольцо парашюта и, к своему удивлению, медленно начал опускаться вниз.

При столкновении с землей Гесс потерял сознание. Его обнаружил фермер и отвел к ополченцам, которые доставили пленного летчика в Глазго. Назвав себя обер-лейтенантом Альфредом Хорном, он попросил встречи с герцогом Гамильтоном.

Его письмо было доставлено Гитлеру в Бергхоф утром в воскресенье 11 мая. Во время доклада Энгеля вошел брат Мартина Бормана Альберт и сообщил, что адъютант Гесса хочет видеть фюрера по очень срочному делу. «Вы что, не видите, что я занят? Я же слушаю военную сводку!»— вспылил Гитлер. Но через минуту Альберт появился снова, сказав, что дело очень серьезное, и подал Гитлеру письмо Гесса. Тот надел очки и начал безразлично читать, но первая же строчка ошеломила его: «Мой фюрер, когда Вы получите это письмо, я буду в Англии». Гитлер упал в кресло с криком: «О Боже, о Боже! Он улетел в Англию!» Цель Гесса, читал Гитлер, — помочь фюреру добиться союза с Англией, но он держал полет в секрете, так как знал, что фюрер не даст на него согласия. «И если, мой фюрер, этот проект, который, я признаю, имеет мало шансов на успех, закончится неудачей и судьба отвернется от меня, это не будет иметь губительных последствий для Вас или Германии; всегда вы можете отказаться от любой ответственно-

сти. Просто заявите, что я сошел с ума».

Фюрер, белый как мел, приказал соединить его с рейхсмаршалом. «Геринг, немедленно приезжайте сюда!»— прокричал он в трубку. Затем приказал Альберту найти и вызвать своего брата и Риббентропа. Тут же распорядился арестовать несчастного адъютанта Гесса и начал возбужденно вышагивать по комнате. Когда вбежал запыхавшийся Мартин Борман, Гитлер потребовал узнать, мог ли Гесс долететь до Англии на «Ме-110». Ответ на этот вопрос дал знаменитый ас первой мировой войны генерал люфтваффе Удет. «Никогда!»— воскликнул он. «Надеюсь, он упал в море»,— пробормотал фюрер.

Гнев Гитлера усиливался. Как эту историю преподнести миру? А если японцы и итальянцы заподозрят, что Германия замышляет сепаратный мир? Не скажется ли это сообщение на боевом духе солдат? Хуже всего, не выдал ли Гесс план «Барбаросса»? После рассмотрения разных версий было наконец составлено сообщение для печати, в котором говорилось, что Гесс самовольно отправился в полет и исчез. Предполагается, что он разбился. Указывалось также, что оставленное им письмо, «к сожалению, свидетельствует о признаках умственного расстройства и вызывает опасение, что Гесс стал жертвой галлюцинаций».

Фрау Гесс смотрела кино, когда ее вызвали из зала. Узнав, что по радио передали сообщение о гибели ее мужа, она сердито ответила: «Чепуха!» — и позвонила в Бергхоф, надеясь поговорить с фюрером. Ей ответил Борман, сказавший, что у него нет абсолютно никакой информации по этому вопросу. Хорошо зная помощника своего мужа, она ему не поверила. Затем позвонила в Берлин брату мужа Альфреду Гессу — он тоже не верил, что Рудольф погиб.

Из Англии не поступало никаких сообщений, хотя Гесс, признавшийся, кто он на самом деле, рассказал герцогу Гамильтону о своей миротворческой миссии и о том, как он с Альбрехтом Хаусхофером пытался организовать встречу в Лиссабоне. Гамильтон поспешил к Черчиллю, но тот сказал: «Ну, Гесс или не Гесс, а я иду смотреть фильм с братьями Марксами». (Братья Маркс были популярными в то время комическими актерами американского кино).

Через несколько часов после немецкого сообщения об исчезновении Гесса англичане наконец сообщили о его прилете в Англию. Не указывалось никаких подробностей. Но эта новость заставила немцев уточнить официальную вер-

сию невероятного поступка ближайшего сподвижника Гитлера.

13 мая было опубликовано коммюнике, в котором признавался факт перелета Гесса в Англию. Дальше говорилось: «Как было хорошо известно в партийных кругах, в течение ряда лет Гесс страдал серьезным физическим недомоганием. В последнее время он искал облегчения с помощью различных методов, практикуемых экстрасенсами, астрологами и т.п. Принимаются меры к установлению факта, в какой мере эти лица несут ответственность за создание условий для умственного расстройства, которое побудило его решиться на столь необдуманный шаг».

Эта версия вызвала всеобщее недоумение. Геббельс заявил сотрудникам своего аппарата: «В настоящее время наше дело — держать язык за зубами, никому ничего не объяснять, ни с кем не вступать в полемику. Это дело прояснится в течении дня, и я дам соответствующие указания». Он пытался заверить своих подчиненных, что полет Гесса в будущем будет рассматриваться как незначительный эпизод.

На чрезвычайном совещании гауляйтеров и рейхсляйтеров Гитлер сказал, что полет Гесса — чистое безумие: «Гесс прежде всего дезертир, и если он мне попадется, он заплатит за это как обычный предатель. Мне кажется, к этому шагу его подтолкнули астрологи, которых Гесс собрал вокруг себя. Поэтому пора покончить с этими звездочетами». Слушатели знали об интересе Гесса к гомеопатической медицине и астрологии и были готовы поверить в его умственное расстройство. Однако они задавались вопросом: почему же Гитлер столь долго держал его на таком высоком посту?

На совещании фюрер ни слова не сказал о предстоящем нападении на Россию и своем опасении, что Гесс выдал этот секрет англичанам. Ему нечего было беспокоиться. На допросе Гесс утверждал, что нет «никаких оснований для слухов о том, что Гитлер собирается напасть на Россию». Он хотел говорить о мире с Англией. Он прибыл без согласия Гитлера, чтобы «убедить ответственных людей: самым разумным курсом было бы заключение мира».

Как только Альбрехт Хаусхофер узнал о перелете Гесса в Англию, он поспешил к отцу. «И с такими дураками мы делаем политику!»— воскликнул он. Отец печально согласился, что «эта ужасная жертва была принесена напрасно». Молодой Хаусхофер был вызван в Бергхоф, взят под стра-

жу и получил приказ написать сообщение для фюрера, который отказался принять его. Он написал все, что знал, но не упомянул о своих друзьях по антигитлеровской группе. Альбрехт Хаусхофер сообщил о своих связях с герцогом Гамильтоном, о письме, написанном им по просьбе Гесса, добавив, что сам он был бы очень полезен для дальнейших контактов с англичанами. Прочитав бумагу, Гитлер решил не спешить. Он приказал передать Хаусхофера гестапо для дальнейших допросов. Отца преступника фюрер пощадил, гневно сказав о нем: «Гесс — на совести этого связанного с евреями профессора».

Были арестованы и другие люди из окружения Гесса — его брат Альфред, адъютанты, ординарцы, секретари и шоферы. Ильза Гесс осталась на свободе, но Мартин Борман всячески старался ее унизить. Став преемником Гесса, он сделал все, чтобы стереть о нем память: были уничтожены все фотоснимки с Гессом, литература с его фотографиями. Он даже попытался конфисковать дом Гесса, но Гитлер не подписал это распоряжение.

Английское правительство решило не публиковать материалы допроса Гесса, чтобы сбить немцев с толку. Ночью 16 мая его тайно перевезли в лондонский Тауэр, где он оставался на положении военнопленного до конца войны.

Перелет Гесса очень встревожил Сталина, который в свете слухов о готовящемся нападении на СССР со стороны ненадежных союзников заподозрил, что англичане вступили в сговор с Гитлером.

Как ни был расстроен и зол Гитлер, он как-то признался в узком кругу, что уважает Гесса за такое самопожертвование. Гитлер не верил, что Гесс свихнулся, он считал, что тот был просто недостаточно умен и не осознавал катастрофических последствий своей ошибки.

Из Тауэра Гесс писал жене, что не жалеет о своем поступке: «Правда, я ничего не добился. Я не смог остановить эту безумную войну. Я не смог спасти людей, но я счастлив, что попытался это сделать».

7

12 мая Гитлер издал два репрессивных приказа. В одном объявлялось, что русские гражданские лица, которые применят оружие против вермахта в предстоящей войне, должны расстреливаться без суда. Другой уполномочивал Гиммлера выполнять «специальные задания, вытекающие из борьбы между двумя противоположными политическими системами». Шеф СС должен был действовать независимо от вермахта «под свою собственную ответственность». Никто не имел право вмешиваться в его деятельность на оккупированной русской территории, которая должна быть «очищена» от евреев и смутьянов специальными эсэсовскими подразделениями «айнзацгруппен» («войска специального назначения»).

Обе директивы обеспокоили Альфреда Розенберга, который незадолго до этого был назначен «имперским комиссаром по контролю над восточноевропейскими территориями». Выходец из Прибалтики, он считал, что к советским людям надо относиться лояльно. Он уверял Гитлера, что население встретит немцев как освободителей от большевистско-сталинской тирании, и на оккупированных территориях бывшего СССР можно будет в известных пределах разрешить самоуправление. При этом каждый регион требует избирательного подхода. Например, Украина могла бы быть «независимым государством в союзе с Германией», но Кавказ должен управляться германским «уполномоченным».

Убежденный в том, что жесткая политика на Востоке помешает освоению «жизненного пространства», Розенберг представил Гитлеру меморандум с возражениями против обеих директив. Как можно создавать гражданскую администрацию на оккупированных территориях, доказывал он, без использования советских комиссаров и должностных лиц, управляющих ими в настоящее время? Розенберг рекомендовал «ликвидировать» только высокопоставленных деятелей. Гитлер не дал определенного ответа. Он привык к тому, что Розенберг соперничал с Гиммлером в борьбе за влияние на фюрера.

Между тем продолжались последние приготовления к реализации плана «Барбаросса». 22 мая Редер сообщил Гит-

леру, что он прекращает поставки в Россию стратегических материалов, хотя поставки с Востока шли регулярно. Помимо 1 500 000 тонн зерна, Советский Союз поставил Германии 100 000 тонн хлопка, 2 000 000 тонн нефтепродуктов, 1 500 000 тонн древесины, 140 000 тонн марганца и 25 000 тонн хрома. Несмотря на подозрения, вызванные перелетом Гесса, Сталин так старался умиротворить Гитлера, что распорядился дать «зеленую улицу» поездам, доставляющим в Германию важные сырьевые материалы.

Состоявшаяся в тот же день встреча фон Шуленбурга с Молотовым убедила германского посла в том, что недавнее сосредоточение власти в руках Сталина укрепило его контроль над внешней политикой Советского Союза. В надежде помешать осуществлению «Барбароссы» Шуленбург сообщил в Берлин, что за последние недели отношение СССР к Германии заметно улучшилось. А 30 мая, три дня спустя после захвата немецкими парашютистами стратегически важного для англичан острова Крит, адмирал Редер попытался отвлечь внимание Гитлера от Востока, посоветовав ему организовать крупное наступление на Египет с целью захвата Суэцкого канала. Именно теперь, утверждал он, наступил хороший момент для удара. После получения подкреплений генерал Роммель может одержать решающую победу. Но Гитлера уже ничто не могло остановить: план «Барбаросса» был приведен в действие. Встретившись с Муссолини на Бреннерском перевале 2 июня, Гитлер говорил обо всем — о подводной войне против Англии, о Гессе и ситуации на Балканах. Но ни слова не сказал он о «Барбароссе». И не только из соображений секретности: дуче в недвусмысленных выражениях предостерегал его от нападения на Россию.

Автомобильные и железные дороги работали на полную мощность. 6 июня Гитлер вызвал в Бергхоф японского посла Осиму и сообщил ему, что из-за советских нарушений границы на Восток перебрасывается значительное количество войск. «При таких обстоятельствах война между нами может оказаться неизбежной»,— уверенно сказал он. Для Осимы это означало объявление войны, и он немедленно предупредил Токио, что в ближайшее время произойдет нападение на Россию.

8

14 июня советский агент Зорге послал предупреждение из Токио: «Война начнется 22 июня». Но Сталин продолжал упрямо игнорировать тревожные сообщения. Он внушил себе, что война не может начаться раньше 1942 года, и в тот же день приказал опубликовать сообщение ТАСС, опровергающее многочисленные слухи о войне. Это авторитетное сообщение успокоило в армию.

17 июня был утвержден час «зет» — 3 часа утра 22 июня. В этот день немецкий унтер-офицер, которому грозил расстрел за драку с офицером, перебежал к русским. Он сообщил, что немецкое наступление начнется на рассвете 22 июня. Это встревожило военных, но их успокоили: «Нечего паниковать».

Час «зет» приближался, но Гитлер казался спокойным и самоуверенным. 20 июня он вызвал Франка, своего бывшего адвоката, а ныне генерал-губернатора оккупированной немцами Польши. «Мы вступаем в войну с Советским Союзом,— сказал он и, заметив ужас в глазах собеседника, добавил: — Успокойтесь». Фюрер сообщил, что немецкие войска скоро двинутся через территорию Польши, и отмахнулся от попытки Франка возразить. «Я хорошо понимаю ваши проблемы, но должен потребовать от вас достичь взаимопонимания с Гиммлером». Фюрер имел в виду их разногласия по методам управления оккупированными территориями. Вечером в войсках был оглашен приказ Гитлера, и под покровом ночи штурмовые подразделения выдвинулись на исходный рубеж. К рассвету 21 июня трехмиллионная армия заняла боевые позиции.

В Лондоне прибывший из Москвы для консультаций посол Криппс сделал очередное предупреждение о предстоящем нападении гитлеровской Германии на СССР. «Мы располагаем надежной информацией, что оно состоится завтра, 22 июня, или самое позднее — 29 июня»,— сказал он советскому послу Майскому. Тот послал срочную шифровку в Москву.

Наконец Сталин санкционировал приведение войск в боевую готовность. Он также дал указание своему послу в Берлине вручить ноту Риббентропу с решительным протестом против 180 нарушений советского воздушного про-

странства немецкими самолетами, которые «приняли систематический и преднамеренный характер».

В рейхсканцелярии Гитлер готовил письмо Муссолини, пытаясь объяснить причину нападения на Россию. Советы сконцентрировали вдоль границ рейха громадное количество войск, утверждал он, и время работает на противника. «Поэтому после долгих мучительных размышлений я наконец принял решение разорвать петлю, прежде чем она затянется».

В Москве Молотов срочно вызвал германского посла Шуленбурга, чтобы придать вес ноте протеста, которую его посол в Берлине так и не смог пока вручить Риббентропу. «Есть ряд признаков,— сказал он Шуленбургу,— что германское правительство недовольно нашими действиями. Ходят даже слухи, что Германия и Советский Союз близки к войне».

Все, что Шуленбург мог сделать,— это обещать передать в Берлин заявление советского правительства. Он вернулся в посольство, не зная, как и Молотов, что через несколько часов начнется война.

Командиры зачитывали обращение Гитлера к войскам. «Обремененный многие месяцы тревогой, вынужденный хранить молчание, я наконец могу открыто говорить с вами, мои солдаты». Фюрер утверждал, что русские готовятся к нападению на Германию и повинны в многочисленных нарушениях ее границы. «Немецкие солдаты!— обращался к ним Гитлер.— Вам предстоит вступить в битву, тяжелую и важную битву. Судьба Европы и будущее германского рейха, существование нашей страны находятся теперь только в ваших руках». Вдоль всей извилистой линии фронта протяженностью в 1500 километров, от Балтийского до Черного моря, три миллиона человек слушали фюрера и верили ему.

Это была самая короткая ночь года, пора летнего солнцестояния. Но для тех, кто ждал бледного рассвета, чтобы ринуться в наступление, она казалась бесконечной. В полночь по пограничному мосту на немецкую территорию прогрохотал экспресс «Москва—Берлин». За ним проследовал длинный грузовой состав, груженный зерном,— это была последняя поставка Сталина своему союзнику Адольфу Гитлеру.

В Берлине в этот вечер царила атмосфера ожидания. В зале для представителей иностранной прессы собрались зарубежные журналисты в надежде получить информацию от

группы сотрудников министерства иностранных дел, но, поскольку к полуночи не поступило никакого официального сообщения, все начали расходиться по домам. А в рейхсканцелярии наблюдалась такая необычная активность, что даже пресс-секретарь Гитлера Дитрих, который ничего не знал о плане «Барбаросса», был уверен, что «готовится какая-то грандиозная акция против России». Гитлер не сомневался в успехе. «Самое позднее через три месяца,— сказал он адъютанту,— Россию постигнет такой крах, какого мир никого прежде не видел». Тем не менее в эту ночь он не смог сомкнуть глаз.

В 3 часа утра 22 июня, ровно через год после капитуляции Франции в Компьене, немецкая пехота двинулась вперед. Через пятнадцать минут по всей линии фронта заполыхали пожарища. От вспышек орудий бледное ночное небо стало светлым, как днем: операция «Барбаросса» началась.

За пятнадцать минут до часа «зет» германский посол в Италии фон Бисмарк передал Чиано пространное письмо Гитлера. Чиано немедленно позвонил Муссолини. Дуче был рассержен и тем, что его потревожили в столь поздний час, и тем, что его проинформировали с таким опозданием. «Я по ночам не беспокою даже слуг,— ворчливо сказал он своему зятю,— а немцы заставляют меня вскакивать в любое время».

В Москве Шуленбург отправился в Кремль, чтобы сообщить, что в ответ на намерение Советского Союза «ударить Германии в спину» фюрер приказал вермахту «противостоять этой угрозе всеми средствами». Молотов молча выслушал германского посла и с горечью в голосе произнес: «Это война. Ваши самолеты только что бомбили около десяти наших городов. Неужели вы считаете, что мы этого заслуживаем?»

В Берлине Риббентроп приказал вызвать советского посла к 4.00. Никогда раньше переводчик Шмидт не видел министра иностранных дел таким взволнованным. Расхаживая по комнате, как зверь в клетке, Риббентроп повторял: «Фюрер абсолютно прав, напав на Россию сейчас». Казалось, он убеждал самого себя: «Русские сами напали бы на нас, если бы мы не опередили их».

Ровно в 4.00 вошел советский посол Деканозов. Едва он начал излагать советские претензии, Риббентроп перебил его, объявив, что враждебная позиция СССР вынудила рейх принять военные контрмеры. «Я сожалею, что ничего боль-

ше не могу сказать,— заявил Риббентроп.— Несмотря на серьезные усилия, мне не удалось установить разумные отношения между нашими странами».

Овладев собой, Деканозов выразил сожаление по поводу случившегося, возложив ответственность за последствия на немецкую сторону. Он встал, небрежно кивнул и вышел, не протянув Риббентропу руки.

Глава 24. «ДВЕРЬ В ТЕМНУЮ КОМНАТУ» (22июня — 19 декабря 1941 г.)

1

Рано утром 22 июня на берлинских улицах по громкоговорителям передавалось обращение фюрера к народу и продавались экстренные выпуски газет. Хотя люди были ошеломлены нападением на союзника, большинство немцев испытывало чувство облегчения. Мало кто мог понять сам факт заключения договора с красными. Разъяснительной работой занялся Геббельс. Шеф пропаганды сразу начал давать установки подчиненным: «Теперь, когда фюрер разоблачил предательство большевистских правителей, национал-социализм и, следовательно, немецкий народ возвращаются к принципам, которые их вдохновляли,— к борьбе против плутократии и большевизма». Фюрер, добавил он, уверен, что русская кампания завершится через четыре месяца. «Но я вам говорю: она завершится через восемь недель»,— самонадеянно заявлял Геббельс.

Он повторил этот прогноз на приеме в министерстве пропаганды. Повернувшись к кинозвезде Ольге Чеховой, племяннице великого русского писателя, он сказал: «У нас здесь эксперт по России. Как вы думаете, будем ли мы в Москве к Рождеству?» Раздраженная его бесцеремонностью, актриса холодно ответила: «Вы знаете, Россия — беспредельная страна. Даже Наполеон был вынужден уйти оттуда». От неожиданности Геббельс потерял дар речи. Через десять минут его адъютант подошел к актрисе: «Думаю, мадам, вы готовы уйти. Машина ждет».

Сталин был в растерянности. За несколько часов советская авиация потеряла 1200 самолетов, оборона была дезорганизована. Отказываясь верить в серьезность первых сообщений, поступающих из района боевых действий, Сталин приказал Красной Армии не вступать на немецкую территорию, а авиации ограничить свои действия приграничной полосой. Он был убежден, что нацистское нападение всего лишь досадная ошибка и можно остановить войну дипломатическими средствами, а потому оставил открытой радиосвязь с министерством иностранных дел Германии и попросил Японию посредничать в урегулировании политических и экономических разногласий между Германией и Советским Союзом.

Советский посол в Англии не питал таких иллюзий. Майский посетил министра иностранных дел Идена и прямо спросил, не собирается ли английское правительство ослабить свои военные усилия и, возможно, прислушаться к «мирному наступлению» Гитлера. Иден ответил категорическим «нет». Вечером Черчилль подтвердил это в страстном обращении к стране: «Мы преисполнены решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Мы никогда не будем вести переговоры с Гитлером или с кем-либо из его клики». Черчилль обещал оказать всевозможную помощь СССР.

Президент Рузвельт осуждал диктаторскую политику Сталина, его жажду территориальных приобретений. Но он опасался Гитлера и без колебаний одобрил заявление государственного департамента о том, что оказание помощи коммунизму отвечает интересам американской безопасности.

Папа римский придерживался иной позиции. Хотя он не высказался прямо об агрессивных действиях Германии, но ясно дал понять, что поддерживает борьбу нацизма против большевизма, охарактеризовав ее как «благородную отвагу в защите основ христианской культуры». А ряд немецких епископов, как и ожидалось, открыто поддержал нападение на СССР. Один из служителей церкви назвал его «европейским крестовым походом», миссией, подобной подвигам тевтонских рыцарей. Он призвал католиков бороться за «победу, которая позволит Европе снова вздохнуть свободно и откроет всем странам новое будущее».

Буквально через сутки интерес немцев к войне стал падать. Граждане занялись обыденными делами, как будто

это была всего лишь очередная военная кампания Гитлера. В 12.30 23 июня фюрер со свитой выехал из столицы. Поезд доставил его в «Волчье логово», новую ставку в лесу в нескольких километрах от Растенбурга в Восточной Пруссии. Когда по прибытии на место все стали располагаться в деревянных домах и бетонных бункерах, в ставке фюрера царила уверенность в быстрой победе. Однако Гитлера одолевали смешанные чувства. «Нам стоит лишь толкнуть дверь, и прогнившее строение рухнет»,— сказал он Йодлю. Но вскоре заметил адъютанту: «В начале каждой кампании толкаешь дверь в темную комнату. Никто не знает, что тебя ждет внутри».

Первые победы, казалось, оправдывали самые радужные надежды. За два дня было захвачено огромное количество военнопленных. Повсеместно немецкие танки прорывали советскую оборону. Казалось, организованного сопротивления противника не было. В первую неделю не сообщалось каких-либо подробностей. Зато в воскресенье, 29 июня, по радио с интервалами в один час было зачитано десять специальных сообщений, лично одобренных Гитлером. Геббельс возражал против чрезмерных доз информации, но Гитлер считал это блестящей идеей. Когда Отто Дитрих сообщил о недовольстве людей, которые были вынуждены весь воскресный день просидеть у радиоприемников, Гитлер ответил, что образ мышления и эмоции масс известны ему лучше, чем всем интеллектуалам, вместе взятым.

Войска продвигались стремительно. К 29 июня почти полмиллиона красноармейцев сдались в плен. Гальдер в своем дневнике 3 июля записал: «Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна за четырнадцать дней». Фюрер был уверен, что с Советами покончено. «Как удачно, — восторгался он,— что мы уничтожили советскую танковую мощь и авиацию в самом начале». Многие западные военные эксперты разделяли эту оценку, и в Пентагоне спорили, когда будет покончено с Красной Армией: через месяц или раньше.

2

За передовыми немецкими частями следовали четыре «айнзацгруппен» СС по три тысячи человек в каждой. Их задачей было обеспечение безопасности оперативной зоны, иными словами, репрессии против гражданского населения с целью подавить его сопротивление оккупантам. Это была полиция особого рода, подчиненная непосредственно Рейнхарду Гейдриху. «Войска специального назначения» должны были хватать не только активных большевиков, но и всех евреев, а также цыган, «азиатских недочеловеков» и «дармоедов» — умалишенных и безнадежно больных.

Для осуществления массовых убийств Гейдрих и Гиммлер лично подбирали офицеров. В их число попадали протестантский священник и врач, оперный певец и юрист. Трудно было предположить, что они годятся для такой работы. Но эти люди оправдали надежды своих шефов и, несмотря на угрызения совести, стали искусными палачами.

Большинство жертв были евреи. Они не имели представления о гитлеровской программе «расового очищения»: в советской прессе мало что сообщалось об антисемитских зверствах немцев. Поэтому многие евреи становились легкой добычей «айнзацгрупп».

Истребление евреев проводилось с холодным расчетом. Работа подразделений СС редко встречала сопротивление. «Как ни странно, приговоренные позволяют расстреливать себя спокойно,— докладывал один командир.— Это относится и к евреям, и к неевреям».

Самой серьезной проблемой Гейдриха были психические расстройства среди эсэсовцев. Некоторые из них получали нервные потрясения, ударялись в запой, страдали желудочно-кишечными заболеваниями. А были и такие, которые выполняли свою задачу с чрезмерным рвением и садистски избивали арестованных, нарушая приказ Гиммлера о том, что ликвидацию надо производить «гуманным способом».

Гиммлер сам не раз был свидетелем деморализующего эффекта ежедневных убийств. Во время своей летней поездки в Минск он попросил командира айнзацгруппы расстрелять при нем сто арестованных. Когда отделение солдат подняло винтовки, шеф СС заметил одного светловолосого молодого арестованного с голубыми глазами, который по-

казался ему типичным арийцем. Гиммлер поинтересовался, не еврей ли он. Да, еврей, ответил тот. «И родители евреи?» — продолжал допрашивать Гиммлер. «Да»,— ответил приговоренный. «Но, может быть, кто-нибудь из предков не был евреем?»— не отступался обер-палач. Услышав отрицательный ответ, он топнул ногой: «В таком случае ничем не могу помочь...»

Загремели выстрелы. Гиммлер уставился в землю и нервно переступал с ноги на ногу. Послышался второй залп. Подняв глаза, он увидел, что две женщины все еще корчатся на земле. «Не мучайте этих женщин!— крикнул он.— Прикончите их, быстро!» Сопровождавший Гиммлера обергруппенфюрер СС фон Бах-Зелевски, командующий «войсками специального назначения» в Центральной России, попросил шефа взглянуть на расстрельную команду. «Они уже конченые люди. Кого мы воспитываем? Неврастеников или скотов!»

Гиммлер приказал всем собраться и произнес речь. Ваша работа отвратительна, сказал он, однако никто не должен испытывать угрызений совести: солдаты обязаны беспрекословно выполнить любой приказ. Перед Богом и фюрером он один несет ответственность. Все, конечно, заметили, что эта кровавая работа для него очень неприятна, она потрясла его до глубины души. Но он тоже подчиняется высшему закону, выполняя свой долг.

Розенберг получил от Гитлера приказ разработать схему управления восточными территориями. Рейхсминистр хотел ввести здесь ограниченное самоуправление. Так как фюрер ранее согласился с установлением на завоеванных землях России «слабых социалистических государств», Розенберг оптимистично полагал, что Гитлер в принципе одобряет его план, который должен был обсуждаться на специальном совещании в «Волчьем логове» 16 июля. «Мы не должны оповещать мир о своих намерениях,— заявил Гитлер.— Главное, чтобы мы сами знали, чего хотим. Мы пойдем на все необходимые меры, какие мы сочтем нужными,— расстрелы, переселение и тому подобное. В принципе мы должны разрезать гигантской пирог в соответствии с нашими нуждами, чтобы, во-первых, господствовать, во-вторых, управлять и, в-третьих, эксплуатировать. Русские стали вести партизанскую войну за линией фронта. Такие действия дают нам право истреблять каждого, кто выступит против нас». Замыслы Розенберга относительно «сла-

бых социалистических государств» рухнули, словно карточный домик.

Какая трагедия, думал он, что Гитлер сохраняет ложное представление о славянах, сформировавшееся у него еще в годы венской молодости на основании поджигательских брошюр, которые изображали славян ленивой, примитивной, безнадежно второсортной расой. Обернется катастрофой и полное непонимание Гитлером структуры Советского Союза. Украинцы и другие народности под игом великороссов были потенциальными союзниками «третьего рейха» и могли бы стать оплотом в борьбе против большевизма, если с ними обращаться должным образом. Но Борман и Геринг убедили фюрера, что это враги, которыми надо управлять только при помощи кнута.

3

В начале лета 1941 года Гитлер заболел. Снова возобновились спазмы желудка. Его организм был подорван чрезмерной дозой лекарств: 120—150 антигазовых таблеток в неделю, а также десяток инъекций сильнодействующего препарата «ультрасептил». Затем у фюрера началась дизентерия, обычная болезнь в болотистой местности, где располагалось «Волчье логово». Он страдал от поноса и тошноты, его попеременно то лихорадило, то бросало в пот... Во время резкого спора с Риббентропом в конце июля Гитлер испытал сердечный приступ. Министр иностранных дел, с самого начала настроенный против «Барбароссы», не сдержался и начал громко выражать свое неодобрение восточной политики фюрера. Гитлер побледнел, сделал попытку возразить, но осекся на полуслове, схватился за сердце и рухнул в кресло. Все испуганно замолчали. «Так со мной больше не разговаривайте»,— произнес наконец Гитлер.

Доктор Морель был настолько встревожен, что послал кардиограмму фюрера директору Института сердца профессору Карлу Веберу. Тот не знал, что пациентом является сам фюрер. Диагноз был неутешителен: быстро прогрессирующий коронарный склероз, практически неизлечимая болезнь сердца. Вероятно, Морель не сообщил об этом Гит-

леру, напротив, сказал, что сердце фюрера в прекрасном состоянии.

Гитлер заболел в самый разгар конфликта со своими военачальниками. Он приказал остановить наступление на Москву, отобрав у группы армий «Центр» самые мощные бронетанковые соединения. Одно из них было направлено на север для операции по захвату Ленинграда, другое — на юг для содействия захвату Украины. По мнению Гитлера, эти два района были более важными, чем Москва. Ленинград, этот крупный промышленный центр, считался символом большевистской революции. Украина была житницей страны, а Крым — непотопляемым советским авианосцем для налетов на нефтяной район Плоешти в Румынии. Его можно было использовать и как трамплин для рывка на Кавказ.

Болезнь Гитлера дала возможность Браухичу и Гальдеру внести коррективы в стратегию фюрера. Только в середине августа, когда Гитлер почувствовал себя лучше, он полностью осознал, что творилось за его спиной: ни его директивы, ни план Гальдера не были осуществлены, выполнялся некий компромиссный вариант. Для прояснения ситуации 21 августа Гитлер издал недвусмысленный приказ: «Самой важной целью, которой необходимо достичь к зиме, является не Москва, а Крым». Наступление на Москву, по мнению фюрера, не может начаться, пока Ленинград не будет изолирован и 5-я армия противника на юге не будет разгромлена. За приказом через несколько часов последовал пространный меморандум о том, как вести войну. В нем содержались обвинения по адресу не названных по имени командующих в том, что они руководствуются «эгоистичными желаниями» и «деспотическими склонностями». Армейское командование характеризовалось как сборище пустых голов, «закостенелых в устаревших теориях».

«Черный день для армии!»— записал в своем дневнике Энгель. «Невыносимо!— вторил ему Гальдер.— Неслыханно! Это предел!» 22 августа он имел длительный разговор с Браухичем о «недопустимом» вмешательстве фюрера в армейские дела. Итогом этого разговора было предложение и тому, и другому уйти в отставку. Но подавленный, болезненный фельдмаршал отказался последовать совету начальника генерального штаба. Более того, он сделал все, чтобы подавить «бунт» в своем штабе, заверив Гальдера, что фюрер лично обещал: как только на Украине будет

обеспечена победа, все силы устремятся на Москву. «Бунт», если его можно так назвать, завершился на ноте глухого ворчания.

4

Этот кризис отошел на задний план, когда состоялся широко разрекламированный выезд Муссолини на фронт. Дуче намеревался убедить Гитлера в том, что необходимо увеличить численность итальянского экспедиционного корпуса. Римский диктатор хотел таким образом заполучить и свою долю славы в деле уничтожения коммунизма. Но он был в неважной форме и не мог спорить с Гитлером. Недавняя гибель сына в авиакатастрофе сильно травмировала Муссолини.

Гитлер встретил дуче на маленькой станции неподалеку от своей ставки и почти весь день не давал ему открыть рот. Фюрер беспрерывно говорил о предстоящей победе на Востоке, о глупости Франции и злостных махинациях еврейской клики, окружавшей Рузвельта. Когда наконец гость заикнулся о том, что хочет послать больше войск на Восточный фронт, Гитлер изменил тему разговора. Его затяжной монолог продолжался еще несколько дней, и Муссолини так надоели тирады о славе и подвигах Германии, что он постарался перевести разговор на победы Древнего Рима...

Позднее близ Умани на Украине они провели инспекцию итальянской дивизии, и когда берсальеры в украшенных перьями касках промчались на мотоциклах с криками «Дуче!», Муссолини просиял. Но после обеда Гитлер оставил гостя и отправился в воинские части. Дуче чувствовал себя оскорбленным и на обратном пути задумал «отплатить» бесцеремонному хозяину. Он прошел в пилотскую кабину и долго беседовал с пилотом Гитлера Бауром. Тот был тронут вниманием высокого гостя и разрешил ему сесть за штурвал самолета. Гитлер был шокирован.

Итоги визита расстроили Муссолини. Он испытывал беспокойство по поводу того, что война на Востоке обещает быть длительной и кровавой. Депрессия дуче сменилась яростью, когда он узнал, что Риббентроп не хочет опубли-

ковать совместное коммюнике о его визите. На этот раз Гитлер уступил Муссолини и поставил Риббентропа на место. Дуче оживился. Он вызвал своего посла в Берлине Дино Альфиери и дал ему указания по освещению его поездки на фронт. «Не забудьте упомянуть,— подчеркнул тщеславный дуче,— что значительную часть пути я сам пилотировал четырехмоторный самолет фюрера!»

В «Волчьем логове» Гитлер пересмотрел свою стратегию, придя к выводу, что наступила пора для начала наступления на Москву. За чашкой чая он сообщил секретарям и адъютантам: «Через несколько недель мы будем в Москве. В этом нет сомнений. Я сотру этот проклятый город с лица земли и построю на его месте искусственное озеро. Название «Москва» исчезнет навсегда». 5 сентября он сказал Гальдеру: «Начинайте наступление на Центральном фронте через восемь — девять дней». Его высказывания записывал Вернер Кеппен, связной Розенберга в ставке фюрера. С начала июля этого года по просьбе своего начальника он незаметно фиксировал застольные разговоры Гитлера. Кеппен украдкой делал пометки на столовых салфетках, а вечером, уединившись, записывал те части разговора, которые хорошо помнил. Оригинал и копия записи отправлялись в Берлин курьером.

Кеппен не знал, что за столом был еще один летописец. Вскоре после своего прибытия в «Волчье логово» Борман предложил своему адъютанту Генриху Хайму незаметно записывать все, что говорит фюрер. Хайм делал подробные записи на карточках, которые он держал на коленях.

Записи Хайма и Кеппена дают редкую возможность проникнуть в механизм событий, которые разворачивались на Восточном фронте.

Гитлер заверил слушателей в том, что захват русского пространства обеспечит Германии мировое господство. «Тогда Европа станет неприступной крепостью. Откроются такие перспективы, что большинство западных демократов поверит в новый порядок. В настоящее время самое важное — завоевать «жизненное пространство». После этого все будет вопросом организации». Славяне, по его словам,— прирожденные рабы, которые чувствуют потребность в господине, и роль Германии в России будет такая же, как Англии в Индии. «Как и Англия, мы будем управлять этой империей с помощью горстки людей».

Он пространно рассуждал о своих планах сделать Украи-

ну житницей Европы и осчастливить завоеванные народы шарфами и стеклянными бусами, а потом признался, что в то время, как всё другие мечтают о международной конференции по обеспечению мира, он предпочитает вести войну еще десять лет, но не лишаться плодов победы.

Взятие Киева три дня спустя вызвало в «Волчьем логове» ликование. Это означает, предсказал Гитлер, скорое завоевание всей Украины и оправдывает его настойчивость в нанесении главного удара в южном направлении. За обедом 21 сентября фюрер сиял, сообщая о взятии в плен 145 тысяч красноармейцев в окрестностях Киева. Советский Союз, утверждал Гитлер, находится на грани краха.

Во время обеда 25 сентября он заговорил о том, как опасны эти «недочеловеки с востока»; Европа не будет спокойна, пока эти азиаты не будут оттеснены за Урал. «Они скоты, и ни большевизм, ни царизм здесь ни при чем, они скоты по своей природе». Вечером Гитлер продолжал витийствовать за столом, превознос достоинства войны и сравнивая первый бой солдата с первым сексуальным опытом женщины, поскольку и то, и другое — акт агрессии. «На войне юноша становится мужчиной. Если бы я сам не был закален этим опытом, я бы не смог взвалить на себя столь грандиозную миссию, как строительство империи».

Застольные беседы касались почти исключительно войны на Востоке. На другом фронте — в Северной Африке — активных действий не велось. Английские попытки отбросить Роммеля провалились, и к началу осени в пустыне наступило затишье. Ни одна сторона не была готова к наступлению. Энергия Гитлера и мощь вермахта были сосредоточены на генеральном наступлении на Москву, но фельдмаршал фон Бок предупредил, что время выбрано неудачно. Почему бы не пережить зиму на укрепленных позициях? Гитлер ответил своего рода аллегорией: «До того как я стал канцлером, я думал, что генеральный штаб — это пес, которого надо крепко держать за ошейник, чтобы он не набросился на любого, кого заметит». Но, продолжал фюрер, этот «пес» оказался далеко не свирепым. Он был против перевооружения, оккупации Рейнской области, вторжения в Австрию и Чехословакию и даже против захвата Польши. «Именно мне приходится натравливать этого зверя»,— заключил Гитлер.

Он настоял на массированном наступлении на Москву, и операция под кодовым названием «Тайфун» началась в по-

следний день сентября. Ее целью было уничтожение советских сил на центральном фронте с помощью танковых клещей.

Советское верховное командование было застигнуто врасплох. За первые сутки 2-я танковая группа Гудериана продвинулась на 80 километров. В брешь ринулась пехота, подавляя изолированные очаги сопротивления.

Гитлер был настолько уверен в победе, что на своем специальном поезде отправился в Берлин. На следующий день он произнес речь во Дворце спорта. Гитлер начал перечислять потери противника: два с половиной миллиона военнопленных, уничтожено или захвачено 22 тысячи артиллерийских орудий, 18 тысяч танков, около 15 тысяч самолетов. Цифры впечатляли. Немецкие солдаты продвинулись на тысячу километров, свыше 25 тысяч километров разрушенных железных дорог на оккупированной территории снова введены в действие, и большинство из них уже переведено на немецкую, более узкую, колею. В то же время фюрер выразил озабоченность. Война на Востоке, подчеркнул он,— это война идеологий, поэтому все лучшие элементы в Германии должны сплотиться и стать монолитом. «Только тогда мы сможем надеяться на то, что Провидение будет с нами. Всемогущий Бог никогда не помогал ленивому. Не помогает он и трусу»,— заключил Гитлер. Свое выступление он закончил словами: «Противник уже разбит и не поднимется никогда». Зал взорвался бурными аплодисментами.

К вечеру было передано сообщение о том, что танкисты Гудериана взяли Орел.

На следующий день Гитлер вернулся в «Волчье логово», и все обитатели ставки фюрера заметили, что за ужином он был в особенно хорошем настроении. Разговор за обедом 6 октября был посвящен Чехословакии, где усилилась подпольная деятельность. И в этом, по мнению фюрера, были виноваты евреи: это источник, через который распространяется вражеская пропаганда. Тут же было принято решение о депортации евреев «далеко на Восток».

В этот день Гудериан взял Брянск и завершил окружение оборонявших его советских армий. Через два дня донесения с фронта сообщали, что Красную Армию можно «в основном считать разгромленной». Вдохновленный предстоящим взятием Москвы, Гитлер приказал, чтобы ни один немецкий солдат не входил в столицу. «Город,— сказал он,— будет

разрушен и полностью стерт с лица земли».

9 октября немецкие газеты сообщили о великой победе — окружении двух советских фронтов. Настроение немцев резко повысилось. Прежде напряженные лица теперь сияли. В ресторанах и пивных люди вставали в нацистском приветствии, когда по радио звучали «Хорст Вессель» и «Германия превыше всего». В столице распространились слухи, что Москва пала.

В тот же день фельдмаршал фон Райхенау, первый генерал, перешедший к нацистам, издал приказ по 6-й армии об усилении мер борьбы с партизанами. В нем говорилось, что идет не обычная война, а смертельная борьба между немецкой культурой и еврейско-большевистской системой. «Поэтому солдат должен полностью осознать необходимость жестоких, но справедливых мер против еврейских недочеловеков». Такие же приказы были изданы Рундштедтом, Манштейном и другими военачальниками.

Заявление Гитлера о том, что Красная Армия разгромлена и победа обеспечена, было не просто пропагандой для поднятия морального духа в стране. Он верил в то, что говорил, в отличие своего более прагматично настроенного шефа пропаганды. 14 октября Геббельс начал свое выступление перед аппаратом министерства пропаганды с оптимистического заявления: «В военном отношении война уже выиграна. Все, что остается сделать, имеет преимущественно политический характер как в стране, так и за рубежом». Потом он начал противоречить самому себе, предупредив, что немецкий народ должен быть готов продолжать войну на Востоке еще десять лет. Поэтому задача немецкой прессы — укреплять стойкость нации.

Между тем сообщения свидетельствовали о том, что дипломатический корпус переместился из Москвы в Куйбышев. Началась эвакуация из столицы высокопоставленных партийных деятелей и сотрудников секретных служб.

В Берлине в коридорах министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе говорили, что Сталин запросил мира через болгарского царя Бориса. Фриц Хессе спросил Риббентропа, верно ли это, и тот под большим секретом сказал ему, что Гитлер отверг это предложение, потому что уверен в близкой победе. Большинство военачальников разделяло его оптимизм. Например, Йодль не сомневался в том, что Советы израсходовали последние резервы.

Деморализованный Сталин наконец стал приходить в се-

бя. Появившись в Кремле, он спросил председателя Московского Совета: «Будем ли мы защищать Москву?» И, не дождавшись ответа, объявил осадное положение. Нарушения законности и порядка должны были строго караться. Все шпионы, диверсанты и провокаторы подлежали расстрелу на месте. Эти жестокие меры подняли моральный дух москвичей.

Обороняющие Москву советские войска держались стойко, и продвижение немецких танковых клиньев, подошедших к столице на расстояние в шестьдесят километров, замедлилось. Затем резко изменилась погода. Начались осенние дожди, и мощные немецкие танки Т-4 застревали в грязи, тогда как более маневренные советские Т-34 не боялись бездорожья.

Наиболее значительные победы Гитлера в последние два года были одержаны благодаря массированным танковым ударам, поддержанным авиацией. Но теперь мощная техника буксовала в море грязи, а плохая видимость вынудила люфтваффе оставаться на земле. Не было больше ни мобильности, ни огневой мощи, и молниеносная война, на которую делал ставку Гитлер, захлебнулась. Большинство военачальников считало, что главная причина неудач — отказ Гитлера начать наступление месяцем раньше. Если бы фюрер последовал их совету, доказывали генералы, Москва была бы взята, а Красная Армия разгромлена.

В конце октября дождь сменился снегом. Наступление прекратилось. Положение стало таким отчаянным, что архитектор Гизлер получил приказ прервать работу по реконструкции немецких городов. Все рабочие, инженеры, строительные материалы и техника были переброшены на Восток для прокладки автомобильных дорог, ремонта железнодорожных путей, строительства станций и локомотивных депо.

Гитлер, казалось, сохранял уверенность в близкой победе. Накануне отъезда в Мюнхен на празднование годовщины «пивного путча» он оживлял ужин шутками и воспоминаниями...

В эти часы в Москве его личный враг выступал на торжественном собрании по случаю годовщины революции в просторном вестибюле станции метро «Маяковская». Сталин признал, что потери на поле боя составили почти 1 700 000 человек. Но утверждение нацистов, что советский режим рушится, не имеет никаких оснований, сказал он. Наобо-

рот, советский тыл сегодня более прочен, чем когда-либо... В то время как немцы воюют при поддержке многочисленных союзников — финнов, румын, итальянцев и венгров, Россия стоит перед трудной задачей: ни один английский или американский солдат пока не в состоянии ей помочь. Сталин взывал к русской национальной гордости, упомянув в этой связи имена Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Горького и Чехова, Глинки и Чайковского, Сеченова и Павлова, Суворова и Кутузова. Немецкие захватчики хотят войны на истребление народов Советского Союза. Если они хотят войны на истребление, они ее получат, заключил Сталин.

На следующее утро, 7 ноября, Сталин выступил с речью перед войсками на Красной площади. Сюда доносилась артиллерийская канонада, а в небе ревели патрульные советские истребители. «Как можно сомневаться, что такой народ одолеет немецких захватчиков,— обращался к войскам Сталин.— Кто только не угрожал многострадальной земле русской! Тевтонские рыцари, татары, поляки, Наполеон... Нынешнего врага ждет та же участь — он будет разбит. И пусть вдохновляют вас на это образы наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова».

8 ноября Гитлер прибыл в Мюнхен. Он выступил на совещании рейхсляйтеров и гауляйтеров, затем произнес речь в пивном зале «Левенбройкеллер», в которой, помимо прочего, предупредил президента Рузвельта, что если американские корабли станут обстреливать немецкие суда, они поплатятся за это. Гитлер произносил грозные слова, но на самом деле он был встревожен. Восточная кампания зашла в тупик.

На следующий день Гитлер напомнил своему окружению о судьбе армии Наполеона в России. Но фельдмаршал фон Бок был настроен оптимистично. Он призвал продолжать наступление. Фельдмаршала поддержали Браухич и Гальдер.

Когда в «Волчьем логове» появился японский посол в Германии генерал Осима, периодически наносивший визиты Гитлеру, тот посетовал, что зима пришла намного раньше, чем предсказывал его метеоролог. Затем фюрер выразил сомнение в том, что Москву удастся взять в этом году.

Холода усилились. Гитлер в свое время запретил интендантским службам запасать зимнюю одежду, и солдаты

мерзли. 21 ноября Гудериан позвонил Гальдеру и сообщил, что его войска «дошли до предела своей выносливости». Он намерен посетить фон Бока и просить фельдмаршала изменить только что изданные приказы, потому что «не видит возможности их выполнения». Но фельдмаршал под прямым давлением фюрера ни за что не хотел внять просьбам Гудериана и приказал возобновить атаки. После незначительного продвижения войска снова выдохлись. Прибыв на передовой командный пункт, фон Бок приказал 24 ноября начать новую атаку. Она была остановлена снежной бурей и фанатичным сопротивлением русских.

Пять дней спустя разразился кризис на юге. Фельдмаршал фон Рундштедт был вынужден оставить Ростов, захваченный лишь неделю назад. Разгневанный Гитлер по телеграфу приказал Рундштедту оставаться на занимаемых позициях. Командующий группой армий ответил, что его войска не в состоянии сделать это. Если они не отступят, то будут уничтожены. Фельдмаршал потребовал отменить приказ и предупредил, что в противном случае он будет вынужден подать в отставку. Последнее особенно разгневало фюрера, и он тут же сообщил командующему группой армий, что удовлетворяет его просьбу. На место Рундштедта он назначил одного из старейших военачальников, фельдмаршала Вальтера фон Райхенау, а сам вылетел в Мариуполь, чтобы разобраться с положением дел на месте. Гитлер вызвал старого товарища, командира дивизии СС Зеппа Дитриха и, к своему разочарованию, узнал, что тот полностью согласен с Рундштедтом в оценке сложившейся ситуации.

Отдав Райхенау приказ держаться, он вызвал Рундштедта. Тот уже паковал вещи, собираясь домой, и полагал, что фюрер хочет извиниться перед ним. Но Гитлер и не думал делать это. Он стал распекать фельдмаршала, заявив, что в будущем не потерпит заявлений об отставке. «Я сам, например, не в состоянии пойти к Всевышнему и сказать ему: «Все, хватит,— мне надоело одному брать на себя ответственность»,— раздраженно говорил Гитлер.

Известие о сдаче Ростова вызвало мрачное настроение в Берлине. Но неудачу на юге вскоре затмила наметившаяся катастрофа на Центральном фронте. Генеральное наступление на Москву выдохлось. Хотя одно подразделение армейской разведки в начале декабря дошло до окраин Москвы и даже увидело башни Кремля, оно быстро было рассея-

но танками и отрядами народного ополчения. Фельдмаршал фон Бок, страдающий болями в желудке, признался Браухичу по телефону, что войска физически истощены. 3 декабря фон Бок позвонил Гальдеру и сообщил ему, что намерен перейти к обороне.

На следующий день столбик термометра опустился до отметки минус 31 градус. Танки можно было заводить, только разогревая двигатели. Холод вывел из строя телескопические прицелы. У солдат не было зимней одежды, шерстяных носков. 5 декабря температура опустилась еще на пять градусов. Гудериан не только прекратил наступление, но и начал отход на более удобные оборонительные позиции.

В тот же день командующий советским Центральным фронтом генерал Георгий Жуков перешел в массированное контрнаступление силами в 100 дивизий на трехсоткилометровом фронте. Эта комбинированная атака пехоты, танков и авиации застала немцев врасплох, и Гитлер не только потерял Москву, но и оказался под угрозой повторить судьбу Наполеона на снежных просторах России. Германское верховное командование охватили ужас и отчаяние. Главнокомандующий сухопутными силами фон Браухич, больной и подавленный, заявил о желании уйти в отставку.

Гитлер был близок к отчаянию. В первой мировой войне русские пехотинцы сражались плохо, теперь они стояли насмерть. Удрученный фюрер 6 декабря признался Йодлю, что «победы больше не добиться».

5

Последние два года Гитлер тщательно избегал конфронтации с Соединенными Штатами. Убежденный в том, что эта страна находится в тисках «еврейской клики», которая не только господствует в Вашингтоне, но и контролирует прессу, радио и кино, он проявлял крайнюю сдержанность перед лицом массированной американской помощи Англии. Хотя Гитлер был весьма невысокого мнения об американцах как солдатах, он признавал промышленную

мощь США и стремился удержать заокеанского соперника от прямого участия в войне.

Американская военная техника непрерывным потоком шла на Британские острова, но Гитлер, стараясь избегать инцидентов, запретил атаковать военные корабли и торговые суда США. Однако 23 июня 1941 года президент Рузвельт уполномочил и.о. государственного секретаря Самнера Уэллса сделать заявление о том, что Гитлера надо любой ценой остановить, даже если для этого понадобится оказать помощь другой тоталитарной стране. Рузвельт разморозил советские активы в сумме до 40 миллионов долларов, а затем объявил, что положения закона о нейтралитете не относятся к Советскому Союзу. Порт Владивосток оставался открытым для американских судов. Две недели спустя, 7 июля, американские войска прибыли в Исландию, чтобы заменить там английский десант, ранее высадившийся на этот остров.

Встревоженный этими событиями Гитлер в середине июля заявил японскому послу Осиме: сложившаяся ситуация меняет его прежнее мнение о том, что Япония должна сдерживать Англию и стремиться к нейтралитету Америки. «Соединенные Штаты и Англия всегда будут нашими врагами,— заявил он.— Такое понимание должно быть основой нашей внешней политики». «Мы должны совместно уничтожить их»,— добавил фюрер. В качестве приманки он предложил, чтобы Япония помогла «оприходовать имущество» разгромленного Советского Союза и занять его дальневосточные территории.

В Токио к этим предложениям отнеслись сдержанно. Японцы уже решили не нападать на Россию с востока, а продвигаться на юг, в Индокитай, который они вскоре захватили без боя. Последнее вызвало негативную реакцию США, которые в отместку за эту агрессию заморозили японские активы в Америке, тем самым лишив Японию основного источника нефти. Японские руководители восприняли этот шаг как попытку обезоружить империю и не позволить Японии занять «законное» место азиатского лидера.

Месяц спустя Рузвельт встретился с Черчиллем у побережья Ньюфаундленда и подписал «Атлантическую хартию» о целях Англии и США в войне. Ее формулировки не только не оставили сомнений в том, что Рузвельт — непоколебимый противник Гитлера, но и по иронии судьбы раз-

очаровали противников Гитлера в Германии, поскольку в документе не прослеживалась четкая грань между нацистами и антинацистами. Последние сочли хартию неофициальным объявлением войны против всех немцев. Особенно их покоробил пункт, в котором говорилось о необходимости разоружения Германии после войны.

Надежды Гитлера избежать столкновения с США рухнули в последний день октября, когда американский эсминец «Ройбен Джеймс», сопровождавший конвой в 600 милях западнее Исландии, был потоплен немецкой торпедой, в результате чего погиб 101 американец. В ответ США экспроприировали французский лайнер «Нормандия», погрузили на него 400 самолетов и отправили в Мурманск. По всей Америке прокатилась волна антигерманских выступлений, и 7 ноября управление по ленд-лизу получило указание сделать все, чтобы оказать военную и экономическую помощь Советскому Союзу. На это был выделен миллиард долларов.

На следующий день, 8 ноября, Гитлер произнес в Мюнхене воинственную речь, в которой оправдывал потопление «Ройбена Джеймса» и осудил приказ Рузвельта «стрелять по немецким кораблям, как только они будут замечены», но в то же время подчеркнул, что сам приказал немецким кораблям не стрелять по американским судам, кроме как в порядке самообороны. Эта речь должна была продемонстрировать всему миру, что фюрер стремится избежать войны с США.

Тем не менее позиция Гитлера по отношению к США ужесточалась, и это отразилось на поведении Риббентропа. 28 ноября он пригласил генерала Осиму и высказал пожелание, чтобы Япония объявила войну США и Англии. Японский посол выразил удивление по поводу этого предложения. Риббентроп обещал, что если Япония начнет воевать с Америкой, Германия ее поддержит.

Эта информация была встречена японским генштабом со вздохом облегчения. Японский флот уже плыл к Пирл-Харбору. В последний день ноября Осима получил указание немедленно сообщить Гитлеру и Риббентропу, что англичане и американцы планируют ввести военные силы в Восточную Азию, но этому будет дан отпор, что может привести к войне между Японией и англо-саксонскими странами. 5 декабря был подписан германо-японский договор, по которому Германия обещала присоединиться к Японии в

войне против Соединенных Штатов.

В «Волчьем логове» первым узнал о нападении Японии на США в Пирл-Харборе 7 декабря Отто Дитрих. Он поспешил в бункер Гитлера, который в тот момент читал удручающие донесения с Восточного фронта. Когда Дитрих сообщил, что у него важная новость, фюрер с опаской посмотрел на Дитриха, полагая, что тот принес что-то далеко не радостное. Но когда Дитрих зачитал полученное им сообщение, Гитлер просиял, схватил у него бумагу и без пальто и фуражки поспешил в бункер Кейтеля. Фюрер торжественно объявил: «Мы не можем проиграть войну. Теперь у нас есть партнер, который за три тысячи лет ни разу не потерпел поражения».

6

Отчаянные донесения с Восточного фронта побудили Гитлера 8 декабря издать новую директиву. «Суровые зимние условия,— говорилось в ней,— и, как следствие, трудности в снабжении войск вынуждают нас немедленно прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне». Поручив Гальдеру составить более конкретные указания, он выехал в Берлин, чтобы лично заняться разрешением проблемы, связанной с Пирл-Харбором. Облегчение по поводу нападения Японии на военно-морскую базу США сменилось озабоченностью. Пирл-Харбор освободил Сталина от страха перед нападением с востока, и теперь он мог направить против Германии почти все силы из Азии, перебросив их на запад.

Одним из первых, кто посетил фюрера в Берлине, был Риббентроп, сообщивший, что посол Осима просит немедленно объявить войну Америке. Риббентроп счел нужным предупредить, что он не считает Германию обязанной сделать это, так как по Тройственному пакту она должна помочь своему союзнику только в случае прямого нападения на Японию. Но Гитлер с этим не согласился. «Если мы не станем на сторону Японии,— сказал он,— пакт будет политически мертвым. Но это не главная причина. Главное в том, что Америка уже стреляет по нашим кораблям. Тем

самым она уже создала ситуацию войны».

В пользу решения объявить войну США были и более веские аргументы: помощь, полученная от Японии, значительно превосходила возможные потери, связанные со вступлением Америки в войну. С пропагандистской точки зрения приобретение такого сильного союзника, как Япония, должно было заметно поднять дух народа после неудач в России. Кроме того, Гитлер преследовал идеологические цели. Почему бы не сделать 1941 год началом тотальной войны против международного марксизма (Россия) и международного капитала (Америка), двух очагов международного еврейства?

11 декабря Гитлер выступил на заседании рейхстага. «Мы всегда наносим удар первыми»,— заявил он. Рузвельт такой же «сумасшедший», как и Вудро Вильсон. «Сначала он провоцирует войну, потом фальсифицирует причины, затем надевает на себя мантию христианского лицемерия и медленно, но верно ведет человечество к войне...» Отождествив международное еврейство с большевистской Россией и режимом Рузвельта, Гитлер объявил войну США. Это решение фюрера было встречено бурным ликованием. Начальник оперативного управления слушал речь скорее с тревогой, чем с удовлетворением. Как только Йодль вышел из оперного театра, он позвонил в «Волчье логово» своему заместителю генералу Варлимонту. Узнав, что тот слушал речь фюрера, Йодль распорядился спрогнозировать возможные акции США на Дальнем Востоке и в Европе и подготовить варианты ответных действий Германии.

Но вскоре резко осложнилась обстановка на Восточном фронте. Немецкое отступление от Москвы грозило превратиться в паническое бегство. Район западнее столицы и окрестности Тулы стали кладбищем вражеских орудий, машин и танков. К русским вернулась уверенность, утраченная в первые месяцы войны, в победе. Советы публично объявили о провале попытки Гитлера окружить Москву, а через два дня политбюро приказало главным правительственным органам вернуться в столицу.

Браухич хотел продолжать отвод войск, но Гитлер, к ужасу генералов, отменил его приказ: «Стоять твердо, ни шагу назад!» Командующий Центральным фронтом фельдмаршал фон Бок, страдающий болезнью желудка, сообщил, что больше не может выполнять свои обязанности. Он был заменен фельдмаршалом Гюнтером фон Клюге. На следую-

щий день, 19 декабря, Браухич, который только что перенес инфаркт, набрался смелости и в течение двух часов наедине спорил с Гитлером. Вышел он от него бледный и потрясенный.

— Я еду домой,— сказал он Кейтелю.— Он меня уволил. Я больше не могу.

— А что будет теперь?— спросил Кейтель.

— Не знаю, спросите сами.

Через несколько часов к Гитлеру был вызван Кейтель. Фюрер зачитал ему короткий приказ, из которого следовало, что он принимает на себя командование сухопутными силами, неразрывно связывая судьбу Германии со своей собственной. «Задача главнокомандующего — готовить армию в национал-социалистском духе, и я не знаю ни одного генерала, который может взять на себя такую ответственность. По этой причине я принял командование армией».

Фактически Гитлер и раньше руководил войсками, позволяя военным брать на себя вину за все неудачи. Теперь он стал официальным главнокомандующим и должен был лично отвечать за все, что произойдет.

Часть VIII.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВСАДНИК

И я взглянул, и вот конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть, и ад следовал за ним. И была дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором.

Апокалипсис, 6:8

Глава 25. «И АД СЛЕДОВАЛ ЗА НИМ» (1941—1943 гг.)

1

Через два дня после нападения на Советский Союз Рейнхард Гейдрих, ответственный за депортацию евреев, направил Гитлеру письмо, в котором утверждал, что депортация — не лучший способ решения «еврейской проблемы». Не имеет смысла рассматривать и другой вариант — их высылку на остров Мадагаскар. В последний день июля Гейдрих получил приказ, подписанный по распоряжению фюрера Герингом: «Осуществить все необходимые подготовительные меры по организационным и финансовым вопросам с целью окончательного решения еврейского вопроса в рамках германской сферы влияния в Европе».

Эта внешне нейтральная бюрократическая формула имела зловещий смысл. Речь шла о физическом уничтожении практически всего еврейского населения Европы. В качестве предварительного шага Гиммлер, все еще находившийся под впечатлением увиденного в Минске, осведомился у главного врача СС, какой метод уничтожения является наиболее эффективным. Последовал ответ: газовые камеры. Следующим шагом на пути к осуществлению дьявольского замысла был вызов коменданта крупнейшего в Польше кон-

центрационного лагеря Освенцим Рудольфа Гесса, которому были даны секретные устные указания. «Гиммлер сказал мне,— показал Гесс впоследствии на суде,— что фюрер дал приказ об «окончательном решении» еврейского вопроса. Мы, т.е. СС, должны выполнить этот приказ, иначе евреи уничтожат Германию». Рейхсфюрер СС предупредил, что эту операцию надо проводить в обстановке строгой секретности. Гессу было запрещено посвящать в эту тайну даже своего непосредственного начальника. За спиной инспектора концентрационных лагерей Гесс начал тайно расширять лагерную территорию, чтобы создать величайший в человеческой истории центр массовых убийств. Комендант лагеря не сказал об этом даже своей жене.

Следует заметить, что свою концепцию концентрационных лагерей и геноцида Гитлер позаимствовал у англичан и американцев. Он восхищался лагерями для пленных буров в Южной Африке и резервациями для индейцев в Америке и в узком кругу часто хвалил эффективность американской тактики истребления краснокожих дикарей...

Гитлер считал себя олицетворением Германии. Возрождение национального достоинства и военной мощи, возвращение утраченных ранее немецких территорий и завоевание жизненного пространства на Востоке — все это было встречено с горячим одобрением большинством его соотечественников. Теперь же он решил покончить с так называемым еврейским вопросом. Большинство националистически настроенных немцев просто хотело «прижать» евреев. Гитлер намеревался начать их уничтожение. Это свяжет всех немцев, рассуждал нацистский диктатор, круговой порукой, которая станет судьбой Германии. Мосты будут сожжены, слабым и колеблющимся придется сделать выбор.

Эти планы Гитлер до последнего времени держал в секрете. Но осенью 1941 года он стал откровенно говорить об этом: «С трибуны рейхстага я предупреждал евреев, что в случае войны они покинут Европу. Эта преступная раса имеет на своей совести два миллиона смертей в первой мировой войне и сотни тысяч в нынешней. Мы их отправим в русские болота. Пусть нам приписывают план истребления евреев.

Террор — полезная вещь. Я многим предъявлю счет! Это касается и евреев».

Одна из причин отсрочки «окончательного решения» состояла в стремлении удержать Рузвельта от вступления в

войну. Но после Пирл-Харбора ничто больше не останавливало Гитлера.

Фюрер довел до сведения всех, кому предстояло осуществить «окончательное решение», что уничтожение должно проводиться как можно более «организованно». Это отвечало его убеждению: евреи — убийцы Христа, он выполняет предписание Бога очистить мир от скверны. Поэтому истребление можно проводить со спокойной совестью. Он действует как «карающая рука Бога». Гиммлер приказал техническим экспертам сконструировать газовые камеры, которые будут уничтожать массы евреев «эффективно и гуманно», а пока отправлял товарные вагоны с жертвами на восток, в гетто. На 10 декабря 1941 года Гейдрихом было намечено совещание по «окончательному решению еврейского вопроса». Но в последний момент оно было отложено на шесть недель. Нетерпеливый глава генерал-губернаторства оккупированной Польши Франк в середине декабря созвал в Кракове свое совещание. «Хочу вам открыто сказать, — заявил бывший юрист Гитлера,— так или иначе мы должны будем покончить с евреями. Мы уничтожим их везде, где бы они ни были. Это гигантская задача, и мы не сможем соблюдать юридические формальности. Суды просто не справятся с задачей такого объема». По его оценке (она оказалась завышенной), только в генерал-губернаторстве три с половиной миллиона евреев. «Мы не можем ни расстрелять эти три с половиной миллиона, ни отравить их, но мы можем принять меры, которые так или иначе приведут к их уничтожению. Генерал-губернаторство должно будет освободиться от евреев, как и весь рейх. Где и как это произойдет — дело органов, которые мы создадим. В свое время я сообщу вам о принципах их работы».

20 января в здании имперского управления безопасности собрались представители «восточного министерства» Розенберга, управления Геринга по четырехлетнему плану, министерств внутренних дел, юстиции, иностранных дел и партийной канцелярии. Как только все заняли свои места, слово взял Гейдрих. Он заявил, что на него возложена «ответственность за разработку окончательного решения еврейской проблемы на всех территориях, независимо от географических границ. Предлагается решение, на которое фюрер уже дал согласие, а именно — депортация на Восток».

Затем Гейдрих повесил карту с обозначением мест, куда

предполагалось вывезти евреев. Из работоспособных должны быть сформированы трудовые бригады, но тех, кто выживет, по мнению Гейдриха, не следует освобождать, иначе они «образуют новую микробную клетку, из которой снова вырастет еврейская раса. Этому учит история».

Тридцать экземпляров стенограммы совещания были разосланы по министерствам и управлениям СС, и термин «окончательное решение» стал известен всей бюрократии рейха. Однако о подлинном его смысле знал только узкий круг лиц, непосредственно причастных к операции истребления евреев. Удивительно то, что многие из исполнителей этого чудовищного замысла считали Гитлера непричастным к планам массовых убийств. Но для подполковника СС Адольфа Эйхмана, на которого была возложена ответственность за реализацию этих планов, они не представляли никакой тайны. После совещания на Ваннзее шеф гестапо Мюллер, Гейдрих и Эйхман устроили небольшую пирушку. Пили, пели песни. «Мы вскочили на стулья и подняли бокалы,— вспоминал позднее один из участников попойки,— потом взобрались на стол и снова выпили, одним словом, повеселились на славу». Эйхман участвовал в пирушке без всяких угрызений совести. «В тот момент,— признавался он впоследствии на суде,— я чувствовал себя Понтием Пилатом, так как был свободен от вины. Кто я такой, чтобы судить? Кто я такой, чтобы иметь свои мысли в этом деле?» Он, Мюллер и Гейдрих всего лишь выполняли законы страны, как это было предписано самим фюрером...

Через несколько дней Гитлер сам невольно подтвердил, что он подлинный автор идеи «окончательного решения еврейского вопроса». «Надо действовать решительно,— сказал он во время завтрака в присутствии Гиммлера.— Когда удаляют зуб, делают это одним рывком, и боль быстро проходит. Евреи должны очистить Европу. Именно евреи мешают всему. Когда я думаю об этом, то сознаю, что мы еще слишком гуманны. Во время папского правления в Риме с евреями обращались жестоко. До 1830 года раз в год по улицам Рима возили восьмерых евреев верхом на ослах. Со своей стороны, я ограничиваюсь тем, что говорю им: вы должны уйти. Если они откажутся уйти добровольно, я не вижу иного решения, кроме истребления». Никогда раньше он не был так откровенен в своем отношении к евреям.

Свою одержимость еврейским вопросом Гитлер продемонстрировал публично через несколько дней, произнося во

Дворце спорта речь по случаю девятой годовщины прихода национал-социалистов к власти. «Я даже не хочу упоминать о евреях,— заявил он, но тут же пространно заговорил о них.— Евреи наши старые враги, их планы благодаря нам потерпели провал, и они нас ненавидят, как и мы их. Понятно, что эта война может закончиться либо уничтожением германских народов, либо исчезновением еврейства в Европе. Впервые истечет кровью не кто-нибудь другой, впервые осуществится древний еврейский закон: око за око, зуб за зуб. Наступит час, когда наш злейший в мире враг расстанется со своей ролью по крайней мере на тысячу лет».

Для тех, кто занимался созданием газовых камер, строительством «фабрик смерти» в Польше, и особенно для тех, кому предстояло управлять механизмом «окончательного решения еврейского вопроса», это заявление прозвучало призывом к геноциду. Но слова Гитлера тогда не казались предвестием катастрофы Германии.

Беспощадно проводя свои приказы в жизнь, Гитлер сплотил армию и на какое-то время сумел остановить продвижение русских. Цена была велика, но ряд генералов, в том числе Йодль, вынуждены были согласиться с тем, что фюрер спас свои войска от участи наполеоновской армии.

На других фронтах дела у немцев шли более успешно, чем на Востоке. Во Франции движение Сопротивления было безнадежно расколото, а в Средиземном море немецкие подлодки вместе с итальянскими «живыми торпедами» пустили ко дну или серьезно повредили авианосец, три линкора и два крейсера, тем самым ликвидировав английский боевой флот в восточной части Средиземноморья. Кроме того, Роммель был готов начать новое крупное наступление в Северной Африке, а японские союзники Германии продолжали одерживать победы на Тихом океане. Но в то же время Гитлер знал, что кризис на Востоке далек от завершения, и в связи с этим приказал провести всеобщую мобилизацию ресурсов промышленности и экономики рейха. Нынешние усилия недостаточны, заявил он, и стратегия блицкрига должна быть отброшена. Хотя фюрер сформулировал этот призыв к длительной войне в обнадеживающих словах, наедине с собой он испытывал гнетущий страх. Добиться победы невозможно, уже не первый раз признавался Гитлер Йодлю.

Но на публике он держался бодро: «Пока есть волевой

человек, держащий знамя, ничего не потеряно. Вера сдвигает горы. Если же немецкий народ готов ради своего самосохранения капитулировать — пусть тогда он исчезнет с лица земли!».

«Гитлер теперь совсем не тот, что был,— говорил одному из своих друзей Вальтер Хевель, сотрудник канцелярии Риббентропа.— Он стал мрачным и сварливым и не остановится ни перед чем».

Гитлера потрясла гибель 8 февраля в авиакатастрофе строителя Западного вала и сети автомобильных дорог по всей Германии Фрица Тодта. Вскоре после этого в ставке фюрера зашел разговор, кто сменит погибшего на посту министра вооружений и боеприпасов, одном из самых ответственных в рейхе. Все согласились, что Тодт незаменим, и архитектор Альберт Шпеер, который накануне весь вечер проговорил с Гитлером о реконструкции Берлина и Нюрнберга, был ошеломлен, когда на следующее утро фюрер предложил ему занять министерский пост. Возражения архитектора он даже не захотел выслушать, заявив ему: «Я верю в вас. Я знаю, вы справитесь. Да у меня больше нет никого, кто мог бы достойно занять это место».

Через несколько дней Гитлер выступал во Дворце спорта на торжественной церемонии посвящения в офицеры выпускников военных училищ. С мрачным выражением лица он говорил о катастрофе в России. «Вы, молодые офицеры,— сказал он,— едете на Восток, чтобы спасти от красных Германию и западную цивилизацию». Это была такая волнующая речь, что многие прослезились. Новый личный адъютант фюрера Рихард Шульце был настолько растроган, что тут же вызвался отправиться на фронт. Молодым офицерам было запрещено аплодировать, но когда Гитлер направился к выходу, его проводили овацией.

Этот стихийный взрыв чувств вдохновил фюрера, но когда он вернулся в «Волчье логово», его снова охватила депрессия. Он выглядел изможденным, лицо пожелтело. Зима угнетала его. «Я всегда ненавидел снег,— признавался он Борману.— И я знаю почему: снег — дурное предзнаменование».

Его привело в отчаяние донесение о потерях в России: к 20 февраля — 199 448 убитых, 70 351 раненых, 44 342 пропавших без вести, 112 627 обмороженных. «Вы не можете представить, насколько меня измотали эти последние три месяца,— признавался Гитлер.— Но худшее позади. Пусть

враг не тешит себя надеждой, что мы разделим участь Наполеона».

Тем временем подготовка к «окончательному решению еврейского вопроса» шла своим чередом, и спецгруппы Гиммлера продолжали облавы. Число убитых росло, и сотрудники Розенберга просили шефа уговорить Гитлера изменить отношение к населению оккупированных территорий. Но Розенберг дрожал при мысли вызвать недовольство фюрера. Связному Розенберга в «Волчьем логове» Кеппену все труднее было довести до сведения Гитлера подлинную картину того, что происходило на Востоке. До перелета Гесса он передавал бумаги лично Гитлеру, но теперь Борман требовал делать это через него, ссылаясь на чрезмерную занятость фюрера военными делами. По мнению Кеппена, Гитлер видел проблемы оккупированного Востока глазами своего ближайшего помощника.

Впрочем, теперь уже вряд ли можно было образумить Гитлера. В конце февраля в своем послании по случаю годовщины принятия программы партии он заявил: «Сбудется мое пророчество. Война не уничтожит арийскую часть человечества, а истребит евреев. Каков бы ни был исход битвы и сколько бы она ни длилась, это будет окончательным итогом».

Геббельс еще не осознавал масштабов запланированного геноцида. Один из его подчиненных, Ганс Фриче, узнал об убийствах, проводимых спецгруппами, из письма, присланного эсэсовцем с Украины. Автор жаловался, что получил нервное расстройство, когда ему поручили осуществить акцию по уничтожению евреев и представителей украинской интеллигенции. Он не мог чего-либо добиться по официальным каналам и просил помощи. Фриче немедленно явился к Гейдриху и прямо спросил: «Являются ли главной задачей СС массовые убийства на Украине?» Гейдрих обещал провести немедленное расследование. На следующий день он ответил Фриче, что главным виновником является гауляйтер Кох, который действует без ведома фюрера, и заверил, что убийства будут прекращены.

Только в марте Геббельс узнал, что скрывается за формулировкой «окончательное решение еврейского вопроса». Тогда Гитлер сказал ему, что Европа должна быть очищена от евреев «самыми жестокими методами, если это необходимо».

К весне на территории оккупированной Польши было со-

здано шесть гигантских «фабрик смерти»: Треблинка, Собибор, Бельзец, Люблин, Кульмхоф и Освенцим. В первых четырех евреев умерщвляли выхлопными газами автомобильных двигателей. Однако комендант громадного комплекса смерти в Освенциме Рудольф Гесс счел это слишком «неэффективным» и стал применять для этих целей газ «Циклон Б».

Весна приободрила фюрера. Улучшилось его здоровье, поднялось настроение. По всему фронту установилось относительное затишье. Это дало Гитлеру время для уточнения и ужесточения политического курса. 25 апреля он выступил в рейхстаге, осудив большевизм как «диктатуру евреев», которую надо беспощадно уничтожить. Но главный упор в речи был сделан на близость окончательной победы. Фюрер не скрывал, что положение на Восточном фронте к концу прошлого года было катастрофическим, и даже сгустил краски, чтобы возвысить свою личную роль в преодолении этого кризиса. «Депутаты! Исход всемирной борьбы был предрешен в эту зиму!»— страстно заявил он. Гитлер вспомнил Наполеона: «Мы овладели судьбой, которая сокрушила другого полководца сто тридцать лет назад». В целях недопущения кризисов, подобных пережитому этой зимой, фюрер потребовал принятия закона о предоставлении ему всей полноты власти. Отныне каждый немец был обязан выполнять его личные приказы под угрозой сурового наказания за неподчинение. Теперь Гитлер был над законом. Фактически он назначал себя наместником Бога и мог выполнять его работу: истребить скверну и создать расу «сверхчеловеков».

Пришедшие в экстаз депутаты рейхстага единодушно одобрили предложенные меры. Иностранным наблюдателям казалось, что такой закон был излишним. У Гитлера и так было больше власти, чем у Сталина и Муссолини, и даже больше, чем у Цезаря или Наполеона. По утверждению фюрера, он настоял на принятии чрезвычайного закона, чтобы покончить со спекуляцией и черным рынком и ограничить разбухание бюрократии. Однако коррупция поразила не только чиновничий аппарат, но и партию. Обогащение за государственный счет таких людей, как Геринг, наряду с повсеместной продажностью и некомпетентностью целых десять лет подрывало мощь рейха.

Спустя три дня в замке Клесхайм под Зальцбургом фюрер встретился с Муссолини. Гитлер старался преумень-

шить поражение на Восточном фронте («Немецкая армия этой зимой вписала самые замечательные страницы в историю»). Фюрер заявил, что Америка — сплошной блеф, и сравнил себя с Наполеоном. Он разглагольствовал об Индии, Японии, обо всех странах Европы... На следующий день все повторилось. Гитлер продолжал без умолку говорить час сорок минут, хотя Муссолини то и дело поглядывал на часы. Генералам это надоело. Как вспоминал Чиано, «Йодль после упорной борьбы со сном все же задремал на диване».

3

В СД не было секретом, что Гиммлер не доверяет Гейдриху, который имел подробные досье на всех в партии, в том числе на Гитлера, и шеф СД отвечал своему эсэсовскому коллеге взаимностью. Но у Гитлера были большие виды на Гейдриха: фюрер рассматривал его как своего возможного преемника, поскольку звезда Геринга померкла из-за неудач люфтваффе. Гитлер назначил Гейдриха исполняющим обязанности протектора Чехии и Моравии, сохранив за ним все другие высокие посты.

Подавив движение Сопротивления в Чехословакии волной террора, Гейдрих надел на себя мантию благодетеля простого народа. Он поднял нормы выдачи жиров для промышленных рабочих, улучшил систему социального страхования и реквизировал роскошные отели для нужд трудящихся. «Он играет с чехами в кошки-мышки,— заметил по этому поводу Геббельс,— и те глотают все без разбора». Он провел ряд весьма популярных мер, почти полностью искоренив черный рынок.

Политика Гейдриха в Чехословакии побудила чешское правительство, находившееся в изгнании, к действию. Опасаясь, что население может пассивно согласиться с господством третьего рейха под руководством такого милостивого деспота, чехи в Лондоне решили убрать Гейдриха.

Утром 27 мая Ян Кубиш и Йозеф Габчик, прошедшие подготовку в диверсионной школе в Шотландии, были сброшены на парашютах с английского самолета. В сопро-

вождении двух соотечественников они укрылись на дороге между загородной виллой Гейдриха и президентским дворцом в Праге. Когда приблизился открытый зеленый «мерседес» гитлеровского наместника, Габчик выскочил на дорогу и нажал на спуск английского автомата, но выстрелов не последовало: заело затвор. Подоспевший Кубиш бросил в машину гранату. Гейдрих крикнул шоферу: «Жми на газ!», но тот с испугу нажал на тормоз. Граната взорвалась, разворотив заднюю часть машины. Кубиш умчался на велосипеде, удалось улизнуть и Габчику. Раненый Гейдрих выскочил из машины с револьвером в руке, но выстрелить так и не смог. Его доставили в ближайшую больницу, но он отказался от помощи, пока не нашли немецкого врача. Нужна была срочная операция: осколки попали в плевру между ребрами и легкими и поразили селезенку.

Узнав о происшедшем, Гиммлер прослезился, но многие были убеждены, что это крокодиловы слезы. Рейхсфюрер СС ненавидел Гейдриха за то, что тот оказался ближе к Гитлеру. А умирающий в Праге Гейдрих прошептал своему помощнику Зирупу, чтобы они все остерегались Гиммлера...

В конце концов эсэсовцы схватили убийц и казнили их. Это было началом массовых репрессий. На оккупированную Чехословакию обрушилась волна террора. Было расстреляно более 1300 мирных жителей, в том числе все мужское население деревни Лидице по сфабрикованному обвинению в укрывательстве убийц. Сама Лидице была сожжена дотла. Это вызвало всеобщее негодование в западном мире и усилило пламя сопротивления в Чехословакии.

27 мая в Берлине были казнены 152 еврея. Три тысячи других из концлагеря в Терезиенштадте были перевезены в газовые камеры «фабрик смерти» на территории Польши.

Возможно, самым дьявольским новшеством в системе «окончательного решения» было создание «еврейских советов» по организации депортации и умерщвления своих же собратьев. Мозес Мерин, один из тех, кто сотрудничал с немцами, оправдывался: «Я не побоюсь пожертвовать 50 тысячами наших сородичей ради спасения других 50 тысяч».

К лету начались массовые акции по уничтожению евреев по письменному приказу Гиммлера. Эйхман показал этот приказ своему помощнику Дитеру Вислицени, заметив, что «окончательное решение» означает биологическое истреб-

ление еврейской расы. «Не дай Бог, чтобы наши враги поступили так же с немецким народом!»— в ужасе воскликнул Вислицени. «Не будьте сентиментальным,— упрекнул его Эйхман.— Это приказ фюрера».

В конце июля Гиммлер писал начальнику главной канцелярии СС: «Оккупированные восточные территории будут очищены от евреев. Выполнение этой чрезвычайно трудной задачи возложено фюрером на мои плечи. Никто не может освободить меня от этой ответственности. Поэтому я запрещаю любое вмешательство».

То, что узнал Курт Герштайн, начальник одной из технических служб СС, специально созданной для массового уничтожения заключенных в нацистских концлагерях, привело его в ужас. Во время летней поездки по лагерям Герштайн своими глазами увидел то; о чем до сих пор знал только понаслышке.

В Бельзеце он лично наблюдал, как действует нацистская машина уничтожения. В концлагерь доставили в товарных вагонах 6 тысяч евреев. 1450 из них умерли в дороге. Уцелевших резиновыми дубинками выгоняли из вагонов, им было приказано снять одежду, очки и сдать все ценности и деньги. Женщин тут же остригали наголо. «Эти волосы пригодятся подводникам,— пояснил эсэсовец,— из них получаются хорошие тапочки».

В ужасе Герштайн наблюдал марш в камеры смерти. Мужчины, женщины, дети — все совершенно нагие — проходили мимо дюжего эсэсовца, который объявлял им громким, как у священника, голосом, что ничего плохого с ними не случится. «Все, что надо будет делать,— это глубоко дышать. Глубокое дыхание укрепляет легкие, помогает от инфекционных болезней. Это хороший метод дезинфекции». Тех, кто робко спрашивал, что их ждет, эсэсовец заверял: мужчины будут строить дороги и дома, а женщины — заниматься домашним хозяйством и работать на кухне. Но смрад, доносившийся из камер смерти, свидетельствовал о том, что живым отсюда никто не выйдет.

Робко сопротивляющихся подталкивали сзади. Женщина с горящими ненавистью глазами стала выкрикивать проклятия убийцам. Комендант лагеря Вирт огрел ее хлыстом. Люди молились, и Герштайн про себя молился вместе с ними.

Вскоре камеры были заполнены людьми. Но заключенный, обслуживающий дизельную установку, выхлопные га-

зы которой умерщвляли евреев, никак не мог запустить двигатель. Разъяренный заминкой, Вирт начал избивать бедолагу заключенного. Только через два с лишним часа двигатель заработал. Через двадцать пять минут Герштайн заглянул через глазок в камеру. Все были мертвы. Они стояли, вспоминал Герштайн, «как базальтовые столбы: не было ни сантиметра пространства, чтобы упасть или прислониться. Целые семьи держались за руки в момент смерти». Но это было не все. Эсэсовец наблюдал, как специальная команда заключенных-смертников начала железными крючьями разрывать рты мертвецов, пока другие осматривали задний проход и половые органы. Вирт был в своей стихии. «Посмотрите,— похвалялся он, показывая на большую банку, наполненную золотыми зубами.— Сколько там золота! И это мы собрали всего лишь за два дня. Вы не можете представить, что мы каждый день находим — доллары, бриллианты, золото!»

Герштайн заставил себя посмотреть на последнюю процедуру. Тела были сброшены в траншеи длиной в сто метров каждая, вырытые вблизи газовых камер. Ему сказали, что через несколько дней тела вспухают от газов, поднимая землю на два-три метра. Как только закончится этот процесс, тела кладут на железнодорожные шпалы, обливают дизельным топливом и сжигают дотла.

На следующий день гостей из Берлина повезли в Треблинку, неподалеку от Варшавы, и они наблюдали то же самое, но в более крупных масштабах. В честь высоких гостей был устроен банкет. «Когда видишь трупы этих евреев,— сказал, провозглашая тост, профессор гигиены Пфаненштиль,— понимаешь величие работы, которую вы делаете!» Затем гостям вручили подарки — масло, мясо и бутылки спиртного. Герштайн, не сумев преодолеть отвращение, уступил профессору свою долю.

4

С наступлением весны 1942 года военное положение Германии почти не изменилось. На Восточном фронте продолжалось относительное затишье, а Роммель еще не был готов к новому наступлению в пустыне. Утешительного для

фюрера было мало, если не считать продолжающихся побед японцев. Однако и здесь энтузиазм Гитлера умерялся вежливым, но твердым отказом союзника воевать так, как он этого хотел. Риббентроп через посла Осиму настойчиво уговаривал японцев направить главный удар в сторону Индии, однако все было напрасно. Не преуспел и Гитлер, когда он пригласил Осиму в «Волчье логово» и повторил эту просьбу. Фюрер уверял японского посла, что вермахт в ближайшее время возьмет Кавказ и, как только удастся захватить источники нефти, дорога на Персию будет открыта. Тогда немцы и японцы гигантским обходным маневром смогут подчинить себе весь британский Восток. Предложение было заманчивым, но японцы уклонились от ответа. В то время они уже думали о переговорах с Западом. Премьер-министр Тодзио был вызван к императору и получил указание «не терять любой возможности для прекращения войны». Тодзио предложил германскому послу Ойгену Отту вступить в тайный контакт с Западом и выразил готовность вылететь в Берлин в качестве личного представителя императора, если Гитлер пришлет за ним бомбардировщик дальнего действия. Фюрер под благовидным предлогом вежливо, но твердо отказал японскому премьеру.

Вскоре Гитлер приступил к осуществлению плана по захвату Кавказа. Амбициозная операция под кодовым названием «Блау» неоднократно откладывалась из-за сильных весенних дождей и началась только 28 июня под командованием фельдмаршала фон Бока. 6 венгерских и 17 немецких дивизий устремились к Курску. Через два дня мощная 6-я армия, состоящая из 18 дивизий, двинулась на юг. Русские совершили ошибку, вводя в бой разрозненные танковые части, и еще через два дня две немецкие армии встретились, окружив советские войска. Впереди лежал Дон и стратегически важный город Воронеж, но фон Бок не решился продолжать наступление. Он взял город только 6 июля. Гитлер был настолько возмущен медлительностью фельдмаршала, что снял фон Бока с поста.

Стремясь закрепить успех летнего наступления, Гитлер перевел свою ставку ближе к фронту — на Украину, в леса неподалеку от Винницы. Фюрер назвал ее «Вервольф». В пустынной местности было построено несколько деревянных домов. Под безоблачным июльским небом жара была изнуряющей. Она заметно действовала на Гитлера, вызывая вспышки раздражительности и гнева.

Здесь фюрер принял ошибочное решение: начать наступление на Сталинград, продолжая при этом кавказскую операцию. Гальдер открыто возражал: невозможно одновременно взять и Сталинград, и Кавказ,— и настаивал на первом варианте. Но Гитлер был убежден, что русские «кончены».

В советском верховном командовании царила глубокая озабоченность. Сталин сменил командующего Сталинградским фронтом и приказал подготовить город к осаде. Как под Москвой и Ленинградом, тысячи рабочих начали возводить три линии оборонительных сооружений. На помощь отступающей Красной Армии были брошены внутренние войска и отряды народного ополчения.

А в «Вервольфе» споры усиливались. На совещании у фюрера 30 июля они перешли в резкую перепалку, когда Йодль заявил, что судьба Кавказа будет решена в Сталинграде и 4-ю танковую армию надо вернуть из предгорий Кавказа на Волгу. Гитлер вспылил, но потом согласился с доводами генерала. Если бы эта армия не была переброшена на юг, Сталинград, вероятно, был бы уже в руках немцев. Но к этому времени Красной Армии удалось собрать за Волгой достаточно сил, чтобы успешно противостоять противнику. Такую же фатальную ошибку Гитлер совершил год назад, когда настоял на одновременном ударе по Ленинграду и Украине и с опозданием начал наступление на Москву. Все это сопровождалось его маниакальной увлеченностью «еврейским вопросом». Аналогичным образом в нынешней дилемме — Сталинград или Кавказ — он настоял на захвате обоих с риском не взять ни одного. Это было типичное головокружение от успехов, от которого страдают многие завоеватели.

Если Гитлер и испытывал сомнения, он старался этого не обнаруживать. Через неделю фюрер заверил одного итальянского гостя, что Сталинград и Кавказ будут захвачены. Его оптимизм, казалось, имел под собой какие-то основания. В Северной Африке Роммель одержал неожиданную победу, захватив Тобрук, оплот английской обороны, и устремился к Эль-Аламейну, находящемуся лишь в 100 километрах от Александрии. За этой победой последовало сообщение о новом успехе японцев у острова Мидуэй. Японские сводки были более точными, чем американские, и Гитлер верил им. Но на этот раз оказалось, что союзник сильно преувеличил свои успехи. Япония потеряла четыре авианос-

ца и лучших летчиков, произошел перелом в войне не в ее пользу. Масштаб поражения был подтвержден известием о том, что американцы крупными силами высадились на Гуадалканале — стратегически важном острове глубоко в периметре обороны Японии.

Это было настолько неожиданно, что споры в «Вервольфе» стали еще более ожесточенными. Гальдер предложил отвести одно соединение, подвергшееся особенно сильной советской атаке. Гитлер раздраженно заметил, что его начальник штаба всегда предлагает одно и то же — отход. «Я требую,— настаивал он,— чтобы мои командиры были такими же стойкими, как войска на передовой». Гальдер возразил, что войска на передовой погибают тысячами, поскольку их командирам запрещено принимать разумные решения. Гитлер был ошарашен. Он смерил собеседника уничтожающим взглядом и хриплым голосом спросил: «Генерал-полковник Гальдер, как вы смеете так разговаривать со мной? Что вы знаете о передовой? Где вы были в первую мировую войну? И вы пытаетесь учить меня?! Я этого не потерплю! Это возмутительно!» Военные в страхе выскользнули из комнаты. Стало ясно, что дни Гальдера в ставке фюрера сочтены.

Гитлер редко прислушивался к чужим советам. Он считал, что и полевые командиры, и штабисты намеренно вводят его в заблуждение. Подозрительность фюрера в отношении и тех, и других стала поистине патологической. Подавленный летней жарой, в припадках гнева он начал принимать поспешные решения. Недовольный преемником фон Бока фельдмаршалом Листом, после совещания 31 августа фюрер начал открыто издеваться над ним. И этот опытный военачальник попал в число неугодных.

5

Убежденность Гитлера в том, что его окружают предатели, получила неожиданное подтверждение. В конце августа была раскрыта шпионская организация «Красная капелла». Этой группе удалось сообщить Москве о планах наступления на Майкоп и подробности задуманной немцами

наступательной операции под Сталинградом. После массовых арестов 46 членов организации, в том числе американская гражданка Милдред Харнак, были казнены. Но секретная информация продолжала поступать в Москву от немца Рудольфа Реслера, издателя левой католической литературы в Люцерне. Реслер (шпионская кличка — Люси) имел информаторов в самой Германии, в их числе был генерал Фриц Тиле, занимавший ключевой пост в службе связи главного командования вермахта. Его сведения были более ценными, чем донесения «Красной капеллы»: Москва знала содержание ежедневных боевых приказов по немецкой армии.

Гитлер подозревал, что в его ставке был шпион,— фюреру казалось, что все его решения становятся известными врагу. Подозрительность сделала фюрера раздражительным, и военачальники сполна испытывали на себе всю силу его гнева.

7 сентября Гитлер послал Йодля, одного из немногих высших штабных офицеров, которому он еще благоволил, на Кавказ с поручением установить, почему Лист так медленно продвигается через горные перевалы, ведущие к Черному морю. После долгой беседы с Листом и командиром горнострелкового корпуса Йодль пришел к выводу, что положение этой группы войск безнадежно. Вернувшись в Винницу, он доложил, что Лист строго следует полученным им указаниям. «Это ложь!»— закричал Гитлер и обвинил Йодля в сговоре с Листом. Никогда в жизни Йодль не видел фюрера таким разъяренным. Уязвленный, он ответил, что если Гитлер нуждался в услугах фельдъегеря, почему он не обратился к какому-нибудь молодому лейтенанту? Потерявший дар речи Гитлер, гневно оглядев присутствующих, выбежал из комнаты.

Теперь совещания стали проводиться в его домике. Гитлер демонстративно отказывался пожимать руку штабистам. Каждое слово фюрера записывалось стенографистками. На дружеских трапезах была поставлена точка. Отныне фюрер принимал пищу лишь в обществе овчарки Блонди, которую ему незадолго до этого подарил Борман.

3 сентября Гитлер уволил Листа и принял на себя командование группой армий «А». Потом пошли слухи о предстоящем увольнении Гальдера, Йодля и Кейтеля. Совещания по-прежнему проходили в ледяной атмосфере. Когда командующий группы армий «Б» генерал фон Вайхс и коман-

дующий 6-й армией генерал Фридрих Паулюс, которому предстояло взять Сталинград, предупредили о весьма протяженном и слабом северном фланге на Дону, фюрер просто отмахнулся, заверив их, что у русских больше нет резервов и сопротивление в Сталинграде — «операция местного значения». Главное, заявил он, это «сосредоточить все имеющиеся силы и как можно быстрее захватить Сталинград». Для выполнения этой задачи фюрер предложил усилить 6-ю армию еще тремя дивизиями.

14 сентября самолеты люфтваффе уже минировали Волгу за Сталинградом, а немецкие пехотинцы, выйдя к реке и захватив железнодорожный вокзал, рвались к центру города.

Внезапно советское сопротивление усилилось. Через Волгу переправлялись свежие части и с ходу вступали в бой. 15 сентября вокзал несколько раз переходил из рук в руки, и Паулюс вынужден был сузить фронт наступления. Оно выдыхалось, и это удручающе действовало на Гитлера.

«Он не доверяет ни одному генералу,— писал в своем дневнике Энгель.— Он произвел бы майора в генералы и сделал его начальником штаба, если бы подвернулся подходящий человек». Гитлер решил избавиться от Гальдера, который находил в его планах уязвимые места. 24 сентября такой случай представился. «У меня расшатаны нервы,— сказал Гитлер начальнику генерального штаба,— и это по вашей вине. Это не может больше продолжаться. Сейчас нам нужнее национал-социалистская страсть, чем профессиональные качества. Вы, к сожалению,— офицер старой школы». Гальдер молча повернулся и вышел из кабинета.

Новым начальником генштаба Гитрел решил назначить Курта Цайцлера, недавно ставшего генерал-майором. Преемник Гальдера не пользовался авторитетом в военных кругах. Но сравнительная молодость и неопытность Цайцлера как раз и привлекали фюрера, и он присвоил новичку звание генерал-полковника — сразу на две ступеньки выше.

Удовлетворенный тем, что нашел достойную замену Гальдеру, Гитлер выехал в Берлин. В последний день сентября во Дворце спорта, на собрании, посвященном организации зимней помощи фронту, все с нетерпением ожидали речи фюрера. Она оказалась короткой. Гитлер поклялся взять Сталинград и в третий раз в этом году заявил: если евреи будут подстрекать «международную войну на истребле-

ние арийских народов, уничтожены будут не арийские народы, а сами евреи».

Слушатели, как всегда, были наэлектризованы. Но их оптимизм не разделяли некоторые должностные лица, шокированные масштабами репрессий на Востоке. Особенно были озабочены сотрудники Розенберга, несмотря на нежелание шефа портить отношения с мощной группировкой Гиммлера, Бормана и рейхскомиссара Украины Эриха Коха. Розенберг заискивал перед этой троицей и уволил Георга Ляйббрандта, активно отстаивавшего либеральные принципы управления оккупированными территориями. Но другие продолжали уговаривать Розенберга напрямую, минуя Бормана, обратиться к фюреру, и предоставили ему ряд документов.

Самым резким из них был меморандум на тринадцати страницах, составленный Отто Бройтигамом, который семь лет провел в Советском Союзе. Немцев, писал он, встречали как освободителей, но оккупированные народы вскоре обнаружили, что лозунг освобождения от большевизма оказался лишь ширмой для порабощения. Вместо приобретения союзников против сталинизма немцы создают непримиримых врагов. «Наша политика,— заявлял Бройтигам,— привела к образованию единого фронта большевиков и русских националистов против нас. Сегодня русский воюет с исключительной храбростью и самопожертвованием за признание его человеческого достоинства». Есть только один выход, писал в заключение Бройтигам, а именно: «Русскому народу нужно сказать что-то конкретное о его будущем». Если Гитлер и читал этот документ, выводы, содержавшиеся в меморандуме, не привлекли его внимания. Фюрер был преисполнен решимости победить или проиграть на собственных условиях.

6

Ноябрь 1942 года оказался поистине катастрофическим для Германии: противник одержал победы и на Востоке, и на Западе. Так как завоевание Египта не входило в число приоритетных задач Гитлера, он сделал поражение в Северной Африке неизбежным, отказавшись направить

Роммелю требуемые подкрепления. «Лис пустыни» был вынужден перейти к обороне. Когда его южный сектор, удерживаемый итальянцами, был прорван английским генералом Монтгомери, Роммель по радио попросил разрешения отойти. Вечером 2 ноября фюрер прислал ответ: «Ни шагу назад, войска должны победить или погибнуть». Но даже столь грозная телеграмма уже не могла изменить ход событий.

Отступление Роммеля было предвестником полного поражения немцев в Северной Африке. А 7 ноября поступило еще одно тревожное донесение: армада союзных кораблей вошла в Средиземное море и движется к северному побережью Африки. Гитлер отнесся к этому сообщению без особой тревоги и отправился из «Волчьего логова» в Мюнхен для участия в торжествах по случаю девятнадцатой годовщины мюнхенского путча. Пока он спал в поезде, американские и английские войска высадились на пляжах Марокко и Алжира. Но и это не сильно взволновало Гитлера, который больше думал о предстоящем выступлении перед старыми товарищами в пивном зале «Левенбройкеллер», чем о баталиях в далекой Африке. Это была боевая речь. Защищаясь от обвинений в том, что его требование взять город, носящий имя Сталина, обойдется немецкой армии так же дорого, как Верден в годы первой мировой войны, фюрер заявил, что он не хотел бы уподобляться кайзеру Вильгельму, который уступил завоевания рейха на Востоке из-за желания кучки предателей договориться с Западом.

К вечеру 9 ноября сообщения из Африки стали слишком тревожными, чтобы их игнорировать, и Гитлер приказал Риббентропу договориться с Муссолини о немедленной встрече. Но дуче, разбуженный посреди ночи, не испытывал никакого желания ехать в Баварию. Сославшись на плохое самочувствие, он послал в Мюнхен Чиано. К этому времени Гитлер понял значение высадки в Северной Африке и признал, что «бог войны отвернулся от Германии». Тем не менее он резко отреагировал на предложение Риббентропа вступить в контакт со Сталиным через советского посла в Стокгольме Александру Коллонтай. Когда Риббентроп высказал мысль, что, возможно, придется отдать большинство захваченных на Востоке территорий, фюрер вскочил и гневно закричал: «Единственное, что я хочу сейчас обсуждать,— это Африка и ничего больше!»

Гитлер также отверг очередную попытку японцев до-

биться мира с Россией и их официальную просьбу о том, чтобы немцы перешли к обороне на Востоке и перебросили основную часть войск на Запад. «Я понимаю японские резоны,— сказал он послу Осиме.— Это хорошая идея, но ее осуществить невозможно. В такой холодной стране крайне трудно окапываться для обороны». Но это была лишь риторика с целью сделать отказ более приемлемым для союзника. Для человека, сделавшего ставку на борьбу с большевизмом, соглашение со Сталиным было невозможным.

В Берлине ходили упорные слухи, что Гитлер сошел с ума. На одном большом приеме жена рейхсминистра Функа якобы сказала жене другого министра, Фрика: «Фюрер ведет нас к катастрофе».— «Да,— ответила фрау Фрик,— он сумасшедший». Это мнение, очевидно, разделял известный хирург доктор Фердинанд Зауэрбрух. Он рассказал друзьям, что во время недавнего визита к фюреру тот казался старым и сломленным и бормотал какие-то бессвязные фразы: «Я должен отправиться в Индию...», «За одного убитого немца должны расстаться с жизнью десять врагов».

7

Гитлер стоял перед угрозой поражения и в Сталинграде. Неделями 6-я армия Паулюса топталась на месте. Продвижение измерялось метрами и стоило большой крови. И Паулюс, и начальник восточного отдела абвера подполковник Рейнхард Гелен предупреждали об опасном сосредоточении войск противника на севере. «Хотя невозможно сделать общую оценку положения противника,—сообщал 12 ноября Гелен,— можно ожидать в ближайшее время наступления на румынскую 3-ю армию с целью перерезать наше железнодорожное сообщение со Сталинградом и таким образом поставить под угрозу все немецкие силы на востоке, вынудив их оставить занимаемые рубежи на берегу Волги».

Гитлер был в Бергхофе и не читал этого зловещего донесения. Боясь вызвать гнев фюрера, его часто не информировали об опасных ситуациях. К тому же в отделе планирования стратегических операций были сомнения относительно

масштабов наращивания советских войск, и верховное командование, уязвленное критикой Гитлера, что оно «неоднократно переоценивало противника», боялось повторить просчеты, допущенные когда-то при планировании операций против Польши и Франции.

На рассвете 19 ноября сорок советских дивизий атаковали позиции румын. Те стойко оборонялись, но были сокрушены подавляющим превосходством русских. Командующий группой армий «Б» отреагировал немедленно. Он приказал Паулюсу прекратить атаки в Сталинграде и подготовиться к отражению удара по левому флангу. Затем, как только стало ясно, что румыны терпят поражение, он предложил немедленно отвести 6-ю армию.

Гитлер сразу же наложил на это запрет. Поверив более ранним донесениям, что советские войска истекают кровью и что контрнаступление — всего лишь последняя предсмертная судорога, он приказал войскам в Сталинграде держаться и обещал прислать подкрепление. Эти успокоительные слова были прямой противоположностью тому, что происходило в ставке Гитлера. Как записал в своем дневнике майор Энгель, никто толком не знал, что творится на фронтах, в том числе и сам фюрер. Он часами ходил по залу в Бергхофе, ругая генералов за то, что они повторяют старые ошибки.

К 21 ноября румыны, половина танков которых была выведена из строя мышами, обглодавшими изоляцию проводов, были отрезаны. «Абсолютный ужас,— поспешно записал в своем дневнике один румынский офицер.— Какие грехи совершили мы или наши предки? Почему мы должны так страдать?» Только в этот день Паулюс и его начальник штаба генерал-майор Артур Шмидт осознали свое опасное положение. Появление советских танков в нескольких километрах от их штаба подтвердило, что были захвачены важные звенья в линии коммуникаций 6-й армии. Переведя свой штаб, Паулюс попросил разрешения на отход. Командующий группой армий дал согласие и передал это предложение в Берлин. На вечернем совещании в Бергхофе Йодль предложил общее отступление 6-й армии, но фюрер снова ответил отказом. «Что бы ни случилось, мы должны удержать район вокруг Сталинграда»,— отрезал он.

Утром следующего дня, 22 ноября, две руки громадного советского охватывающего маневра встретились, окружив всю 6-ю армию Паулюса. Более 200 тысяч отборных немец-

ких войск со своими 100 танками, 1800 крупными артиллерийскими орудиями и 10 тысячами машин оказались в гигантском котле. На совещании в штабе 6-й армии в это утро кто-то предложил пробиваться на юго-запад. «Это невозможно,— ответил начальник штаба Шмидт,— потому что у нас не хватит топлива. Любая попытка подобного рода окончится такой же катастрофой, какая постигла Наполеона». 6-я армия, добавил он, должна будет перейти к маневренной обороне. После обеда положение настолько ухудшилось, что Шмидт начал сомневаться в правильности своего решения. И тут Паулюс получил новое указание: стойко держаться и ждать дальнейших приказов. Командующий армией обсудил положение с начальником штаба, и оба пришли к единому мнению: пробиваться на юго-запад.

Вечером Гитлер из «Волчьего логова» направил личное послание Паулюсу, в котором писал: «6-я армия должна знать, что я делаю все, чтобы помочь ей. Ждите дальнейших указаний». Паулюс принял решение фюрера к исполнению, но командир одного из корпусов по своей инициативе начал отход, чтобы вынудить Паулюса отдать приказ к общему отступлению. Тот мог его отстранить или арестовать, но не сделал ни того, ни другого, учитывая критическую ситуацию. По иронии судьбы Гитлер, узнав от отходе корпуса, всю вину возложил на невинного Паулюса, а подлинного виновника, которому он полностью доверял, повысил в должности. Паулюсу же фюрер больше не верил и без колебаний отверг его просьбу разрешить вырваться из западни. В то же время он предпочел поверить заверениям Геринга, что люфтваффе обеспечат окруженную 6-ю армию всем необходимым, и на следующее утро приказал Паулюсу держаться «любой ценой», так как помощь будет поступать по воздуху. Гитлер схватился за опрометчивое обещание Геринга и объявил Сталинград крепостью, таким образом решив судьбу 250-тысячной армии, которую уже ничто не могло спасти.

Потеряв доверие к непосредственному начальнику Паулюса, Гитлер передал большинство его функций фельдмаршалу Манштейну, умный план которого во время штурма Западного вала почти совпал с его замыслом. Манштейн был назначен командующим группой армий «Дон» с задачей остановить продвижение советских войск к Сталинграду. Манштейн в тот же день направил Паулюсу успокои-

тельное послание, пообещав оказать всевозможную помощь окруженным немецким войскам. Паулюс понял это так, что его армия должна держаться, пока Манштейн не создаст коридор для соединения с ним, и отказался от своего плана отхода без разрешения фюрера.

К концу дня было сбито 22 транспортных самолета со снабжением для осажденной немецкой армии, 25 ноября было потеряно еще 9 самолетов, и Паулюс получил лишь 25 тонн продовольствия и боеприпасов. В «Волчьем логове» начальник генштаба Цайцлер набрался смелости и 26 ноября предложил Гитлеру предоставить Паулюсу «свободу действий», включая право прорываться из окружения, а в случае неудачи — капитулировать. Гитлер резко отверг это предложение, согласившись лишь на проведение Манштейном операции по деблокированию Паулюса. На все протесты фюрер отвечал ссылками на неоднократные пустые заверения Геринга о том, что тот обеспечит снабжение с воздуха. «Мы в ужасе от такого оптимизма,— писал в дневнике Энгель,— его не разделяют даже офицеры штаба люфтваффе».

В этот день Паулюс послал письмо Манштейну с благодарностью за обещание помочь его осажденной армии. Он также сообщил о своей обращенной к Гитлеру просьбе предоставить ему свободу действий. Паулюс получил от фюрера ответ почти в полночь. В личном послании воинам 6-й армии Гитлер приказал стоять до конца и заверил, что сделает все для оказания помощи окруженным войскам.

Операция по деблокированию армии Паулюса под кодовым названием «Зимняя буря» предусматривала нанесение удара по противнику силами двух танковых дивизий. Первоначально ее намечалось провести в начале декабря, но операция неоднократно откладывалась, так как потребовалось немало времени для сведения в единое целое разрозненных частей, и началась она только 12 декабря.

Когда 230 танков двинулись на северо-восток по направлению к Сталинграду, от которого их отделяло сто километров, немецкая ударная группа не встретила сильного сопротивления. В ряде мест русских вообще не было, и немцы были озадачены. Но даже в этих условиях ударная группа продвинулась лишь на двадцать километров: под лучами солнца мерзлая поверхность начала подтаивать, и подъемы превратились в скользкие ловушки.

На дневном совещании Гитлер поинтересовался: «Еще

какая-нибудь беда?» И когда ему доложили, что противник атакует лишь на участке, занимаемом итальянцами, фюрер проворчал: «Из-за этого дела на юге у меня больше бессонных ночей, чем когда-либо. Не знаешь, что там происходит».

Шесть дней солдаты и офицеры 6-й армии жаждали увидеть знакомые силуэты своих танков, но все, что они смогли заметить в окулярах своих биноклей,— это нескончаемые колонны красноармейцев, идущих на запад, чтобы остановить «Зимнюю бурю». Манштейн был тоже подавлен и 18 декабря попросил разрешения прорваться к Паулюсу, чтобы спасти хотя бы часть людей. Начальник генштаба сразу же одобрил это предложение, но Гитлер оставался непреклонным, так как итальянская 8-я армия в этот день рухнула, образовав огромную дыру в линии обороны.

На следующий день Манштейн еще раз попросил Гитлера по радио дать разрешение на прорыв. Вначале Гитлер заколебался. Штабные офицеры, приободренные нерешительностью фюрера, надеялись, что под свою ответственность Паулюс сам пойдет на прорыв. Но он уже не мог этого сделать, если бы даже захотел: для его менее чем ста танков топлива хватило бы максимум на тридцать километров. Боеприпасов не хватало даже для обороны, не говоря уже о наступлении.

Но движущиеся на помощь осажденным танки были остановлены. 23 декабря Манштейн был вынужден прекратить наступление, так как одну дивизию пришлось срочно повернуть для закрытия бреши, созданной отступившими итальянцами. В 17.40 он связался с Паулюсом по радио и спросил, сможет ли тот вырваться, «если случится худшее». Означает ли это, спросил Паулюс, что он получает право начать такой прорыв? «Я не могу вам дать это право,— ответил Манштейн.— Но надеюсь, завтра будет принято решение».

В своей ставке Гитлер медлил с принятием окончательного решения, и в канун Рождества Манштейну нечего было сказать командующему осажденной армией, кроме мрачных слов и поздравлений с праздником. Вечером Манштейн связался по радио с «Волчьим логовом» и сообщил, что боеспособность войск в Сталинграде падает и через неделю они уже не смогут организовать прорыв. Но Гитлер уже никого не хотел слушать. 6-я армия была обречена. Как бы ни хотелось Паулюсу вырваться из Сталинграда, он

понимал, что теперь это было бы самоубийством.

В канун Нового года надежду обреченным попытался дать Геббельс. В речи, обращенной к фронтовикам, он пообещал, что 1943 год приблизит рейх к «окончательной победе». Но со своими сотрудниками рейхсминистр пропаганды был более откровенен: «С начала войны наша пропаганда проводила ошибочную линию. Первый год войны: мы победили. Второй год: мы победили. Третий год: мы должны победить. Четвертый год: надо заставить осознать, что мы еще способны победить при условии, если все силы и вся работа будут поставлены на службу войне». Это была мрачная картина, предвещавшая принятие через две недели декрета фюрера о тотальной мобилизации.

8

Перед самым Новым годом Гитлер послал в сталинградский «котел» своего личного пилота Баура с указанием доставить в резиденцию фюрера командира 14-го танкового корпуса Ганса Хубе. Озадаченного генерала, потерявшего руку в первой мировой войне, Гитлер попросил дать точную картину положения армии. Откровенный рассказ Хубе об отчаянном положении его товарищей произвел удручающее впечатление на Гитлера. «Многое из того, что вы сказали, для меня новость»,— хмуро сказал он и пообещал перебросить на помощь осажденным войскам танковый корпус СС из Франции и любой ценой наладить воздушный мост. Гитлер поклялся обратить неудачу в победу, как это было прошлой зимой.

Хубе вернулся на фронт с приказом вселить в своих товарищей новую надежду. Он прибыл 8 января, в день, когда советские самолеты разбросали листовки с ультиматумом: капитулировать или погибнуть. Ободренный полученными от Хубе новостями, Паулюс сказал ему, что о капитуляции не может быть и речи.

Через два дня советское наступление возобновилось, и немцы были вынуждены оставить позиции, на которых закрепилась 6-я армия. Быстро иссякали запасы продовольствия и боеприпасов: большинство крупных орудий имело

лишь по снаряду в день, каждый солдат получал считанные граммы хлеба и кусок конины. Количество грузов, поступающих по воздуху, было намного меньше обещанного Герингом, и Гитлер был так раздосадован, что называл рейхсмаршала «хвастуном» и «жирной свиньей». Фюрер поручил его заместителю фельдмаршалу Мильху реорганизовать воздушный мост и спасти 6-ю армию. Фюрер был высокого мнения о Мильхе — по его словам, тот не знал слова «невозможно». В середине января он был вызван в «Волчье логово» и получил указание от Гитлера доставлять в «котел» ежедневно 300 тонн грузов. Мильх получил чрезвычайные полномочия, в том числе право отдавать приказы любому командующему. В результате поставки увеличились с 60 до 80 тонн, но большего сделать не удалось, и фельдмаршал понял, что его задача просто невыполнима.

К 20 января войска, зажатые в «котле», стали проявлять несомненные признаки разложения, особенно на тех участках, где были сильные бои. Паулюс снова обратился к Манштейну и фюреру с просьбой дать ему полномочия «прекратить полное уничтожение» окруженной армии. И Манштейн, и Цайцлер рекомендовали Гитлеру дать положительный ответ, но тот продолжал настаивать на том, чтобы 6-я армия «сражалась до последнего человека». В последней отчаянной попытке переубедить фюрера из Сталинграда вылетел майор Цицевиц, чтобы доложить о безнадежной ситуации. Когда его представили Гитлеру, тот схватил фронтовика за обе руки и патетически произнес: «Вы прибыли из пекла» — и тут же пообещал направить на выручку осажденным танковый батальон.

Цицевиц был ошеломлен: что может сделать батальон, когда целая танковая армия ничего не добилась? Воспользовавшись паузой в тираде Гитлера, майор страстно заговорил об охватившем войска голоде, об иссякающих запасах, об ощущении, что их просто списали. «Мой фюрер,— сказал он в заключение,— позвольте мне сказать, что войска в Сталинграде больше не могут выполнять приказ сражаться до последнего патрона, потому что они просто физически на это не способны, ибо у них нет последнего патрона». Гитлер с удивлением уставился на майора и, казалось, лишился дара речи. Отпустив фронтовика, фюрер приказал послать Паулюсу распоряжение: «О капитуляции не может быть и речи. Войска будут сопротивляться до конца».

Гитлера самого одолевали сомнения, но через два дня на-

строение у него поднялось: было получено сообщение, что на конференции союзников в Касабланке Рузвельт высказался за безоговорочную капитуляцию держав «оси». Исключив возможность политического урегулирования военного конфликта, президент дал Гитлеру бесценное пропагандистское оружие для побуждения его народа сопротивляться до конца. Это был луч надежды, поскольку Гитлер сам наконец был вынужден признать безнадежность сопротивления в Сталинграде. Он приказал своему адъютанту Шмундту вылететь в Сталинград и вручить Паулюсу пистолет, о назначении которого фельдмаршалу было не трудно догадаться.

Изолированные группы немцев уже стихийно сдавались в плен, но сам Паулюс держался, выполняя приказ фюрера стоять до конца, хотя и тяжело переживал случившееся. До последнего времени боевой дух армии в целом сохранялся, люди надеялись на помощь. Но к 30 января — годовщине прихода национал-социалистов к власти — господствовало настроение безнадежности. Негде было даже размещать раненых, так как все подвалы в Сталинграде были переполнены. Запасы медикаментов быстро иссякали. Мертвых уже не хоронили в мерзлой земле. Вынужденный отметить годовщину, Паулюс радиограммой направил поздравительное послание Гитлеру: «Пусть наша борьба послужит для будущих поколений примером стойкости, каким бы отчаянным ни было положение. Тогда Германия останется победоносной». В другом, личном послании Паулюс сообщил о ранении племянника фюрера Лео Раубаля и предложил эвакуировать его самолетом. Ответ был отрицательный: как солдат он должен оставаться со своими товарищами. Таким образом, брат единственной настоящей любви Гитлера, Гели, был почти обречен на гибель. (Лео Раубаль вернулся в Германию из советского плена в 1955 году. На Восточном фронте воевал еще один племянник Гитлера, Хайнц — сын его сводного брата Алоиса. Он погиб в советском плену.)

Вечером 30 января Паулюс вооружился для последнего боя. Вскоре поступила радиограмма из «Волчьего логова» о том, что фюрер произвел его в фельдмаршалы. Это была честь, о которой мечтал любой офицер, но в тот момент она уже не имела значения.

Перед рассветом 31 января начальник штаба Шмидт выглянул из окна и в отблесках пожарищ увидел невероятное зрелище: на площади собралась толпа, в которой можно

было различить немецких и русских солдат..Шмидт бросился к Паулюсу, и оба без слов поняли, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, иначе немцы будут стрелять по своим. Паулюс согласился, что капитуляция — единственный выход. Через час оба уже сидели в советской машине, которая везла пленных немецких военачальников в штаб 64-й армии генерала М.С.Шумилова.

Когда Шумилов предложил им пообедать, Паулюс ответил, что не может есть, пока русские не пообещают кормить его солдат и оказывать им медицинскую помощь. «Все мы люди,— сочувственно сказал Шумилов.— Конечно, мы все это сделаем». Они вышли на улицу. Был сильный холод, но ярко светило солнце. Шумилов всплеснул руками: «Какой чудесный, прямо-таки весенний день!» За обедом советский генерал предложил тост за победу Красной Армии. Поколебавшись, Паулюс поднял стакан: «Я пью за победу немецкого оружия!» Получив отпор, Шумилов поставил свой стакан, но потом добродушно сказал: «Забудем об этом. За здоровье!»

Рано утром 1 февраля Москва объявила о разгроме немецких войск под Сталинградом. На дневном совещании в ставке Гитлера никто не мог этому поверить, но у фюрера на этот счет не было никаких сомнений. «Они сдались официально и абсолютно,— заметил он.— Иначе они сплотили бы ряды, образовали маневренную оборону и застрелились последней пулей».

Все еще сомневающийся начальник генштаба высказал предположение, что, возможно, Паулюс ранен и потому не может отвечать за случившееся. «Нет, я верю, что все произошло именно так, как было сообщено, — раздраженно ответил Гитлер.— Их привезут прямо в Москву, в руки ГПУ, и они отдадут приказ северному сектору тоже капитулировать». Он продолжал свой монолог, похвалив тех командиров, которые, в отличие от Паулюса, не сдаются, а пускают себе пулю в лоб: «Это же так легко. Бояться этого — трусость. Лучше быть погребенным заживо! А в такой ситуации он должен был хорошо знать, что его гибель была бы примером поведения в соседнем секторе. Если он подает такой пример, вряд ли можно ожидать, что другие будут продолжать драться». «Больше всего меня расстраивает то,— в запальчивости продолжал фюрер,— что я произвел его в фельдмаршалы. Это последний фельдмаршал, которого я сделал в этой войне. Такого я просто не могу понять.

Он мог бы прославить себя, заслужить вечную память народа, а он отправился в Москву».

На следующий день были подавлены последние очаги сопротивления немецких войск под Сталинградом. Москва сообщила о пленении 91 тысячи человек, в том числе 24 генералов и 2500 офицеров. В значительной мере из-за жестокого обращения гитлеровцев с советскими военнопленными и с пленными немцами нередко обращались бесчеловечно. По некоторым данным, в период с февраля по апрель 1943 года погибло более 400 тысяч немецких, итальянских и румынских военнопленных. Главной причиной смерти был голод, отмечались случаи людоедства. В Германию вернулись лишь несколько тысяч из плененных под Сталинградом. Одним из них был Паулюс, который угодил Советам публичным осуждением Гитлера и нацизма.

Посетив руины Сталинграда, генерал де Голль заметил одному из сопровождавших его корреспондентов: «Да, это выдающийся народ, поистине великий народ». Корреспондент полагал, что речь идет о русских. «Нет, нет,— пояснил де Голль.— Я говорю не о русских, а о немцах. Так далеко зайти!»

Глава 26. «СЕМЕЙНЫЙ КРУГ» (1943 год)

1

После бурной сцены с Йодлем Гитлер уединился в своем бункере в «Вервольфе». Здесь он ел и спал, рядом с фюрером днем и ночью оставалась только овчарка Блонди. Иногда он приглашал разделить свою скромную трапезу адъютанта или какого-нибудь высокопоставленного гостя из Берлина. Затем это приглашение распространилось на секретарей и других избранных членов «семейного круга», и трапезы снова вернулись в общую столовую. Военачальников фюрер по-прежнему игнорировал. Доходило до того,

что на совещаниях он даже не подавал руки многим из своих бывших любимцев. Со своей стороны, и они чувствовали себя скованными, считая фюрера выжившим из ума тираном.

Однако даже в самом скверном настроении фюрер обращался со своими адъютантами вежливо и предупредительно. Об этой стороне его жизни Гальдер и другие генералы не знали. Изоляция военных еще более сблизила его со своим «семейным кругом» — слугами, шоферами, секретарями.

Симпатичная и веселая Герда Дарановски, секретарша Гитлера, вышла замуж за офицера люфтваффе. На ее место взяли Траудль Хумпс, двадцатилетнюю внучку генерала. Она была наивной и впечатлительной. Первый раз, когда она печатала под диктовку Гитлера, Траудль так волновалась, что тот, заметив это, успокаивал ее, как ребенка. «Не волнуйтесь так,— уговаривал девушку фюрер.— Я сам делаю больше ошибок при диктовке, чем вы».

3 января 1943 года Гитлер спросил, согласится ли она работать постоянно его личным секретарем. Это было волнующее и лестное для девушки предложение, и Траудль без колебаний согласилась. Вскоре она привыкла к этому новому, странному для новичка миру. Работа не регламентировалась строгим расписанием, и у молоденькой секретарши было время погулять по заснеженному лесу. Девушке нравилось наблюдать, как ее хозяин по утрам играет с Блонди. Огромная овчарка прыгала через обруч, преодолевала двухметровый деревянный забор, карабкалась по лестнице. Всегда, когда Гитлер замечал Траудль, он подходил, здоровался за руку и спрашивал, как дела.

После падения Сталинграда фюрер стал весьма раздражительным. Гудериан, не встречавшийся с ним после поражения под Москвой, заметил, что фюрер легко терял самообладание, рвал и метал, был непредсказуем в своих словах и поступках.

Правда, за трапезой в «семейном кругу» ему удавалось сдерживать себя.

Другая секретарша Гитлера, Криста Шредер, вспоминала: «После Сталинграда фюрер больше не слушал музыку. Его длинные монологи стали теперь как заигранная пластинка. Всегда повторялось одно и то же. Постепенно эти монологи всем просто надоели. Но о мировых делах и событиях на фронте никогда не упоминалось: на все, что было связано с войной, был наложен запрет».

Геббельс объявил трехдневный траур в честь погибших под Сталинградом. Были закрыты все увеселительные заведения, в том числе театры и кино. Рейхсминистр пропаганды начал готовить страну к трудным временам. Повсюду — на вагонах, стенах зданий, витринах магазинов — был расклеен лозунг: «Колеса должны вращаться только для победы». 15 февраля Геббельс выпустил обращение к рейхсляйтерам, гауляйтерам и армейским штабам с призывом к тотальной мобилизации ради победы.

В тот же день, выступая в Дюссельдорфе, он объявил об «окончательном решении еврейского вопроса». Достижения двухтысячелетней западной цивилизации, сказал он, находятся под угрозой победы русских, выкованной международным еврейством. Из зала раздались крики: «Повесить их!» — и Геббельс обещал, что Германия ответит возмездием «путем тотального и радикального искоренения еврейства». Это вызвало дикий рев одобрения.

18 февраля на собрании партийного актива во Дворце спорта Геббельс снова посвятил свою речь теме тотальной войны. На трибуне рейхсминистр пропаганды был больше актером, чем оратором, и довел слушателей до такого состояния, что когда он прокричал: «Хотите ли вы тотальной войны? Хотите ли вы, чтобы она стала более тотальной и радикальной, чем можно вообразить сейчас?» — зал взревел: «Да! Да!» Геббельс продолжал: «Согласны ли вы с тем, что любой, кто против войны, должен лишиться головы?» И снова послышался гул одобрения.

Геббельс так загорелся идеей тотальной войны, что взял на себя инициативу организации специального «комитета действий», в работе которого, по его замыслу, должно было принимать участие высшее партийное руководство. В начале марта он поехал к Герингу за поддержкой этого замысла. Главный пропагандист рейха предложил Герингу взять это дело из рук фюрера: тот за войну заметно постарел, замкнулся в себе и ведет нездоровый образ жизни. Поэтому важно возместить недостаток руководства во внутренней и внешней политике. Геббельс убеждал Геринга, что войну надо вести политическими средствами и что политическое руководство рейхом надо передать «совету министров по защите рейха» из решительных людей, преданных делу победы любой ценой. Гитлеру надо помочь, и потому они будут действовать от имени фюрера.

Геринг обещал сделать все, что возможно, чтобы при-

влечь к этому делу Гиммлера, а Геббельс сообщил, что уже заручился поддержкой Функа, Лея и Шпеера,— людей, безраздельно преданных фюреру.

Через несколько дней после заговорщической встречи Геринга и Геббельса начальник управления по авиационным вооружениям фелдьдмаршал Мильх обедал наедине с Гитлером и воспользовался возможностью поднять вопрос о смещении Геринга, которого он подозревал в употреблении наркотиков. Мильх признался, что хотел бы высказать ряд советов, и выразил надежду, что фюрера не обидит его откровенность. Прежде всего он призвал Гитлера отказаться от наступления на Курск и перейти к обороне. Вермахт слаб, обеспечение ненадежное, и линию фронта лучше сократить.

— Вы не можете меня переубедить,— спокойно сказал Гитлер, давая собеседнику понять, что ставит точку в разговоре на эту тему.

Следующий совет тоже был смелым: Гитлеру следует отменить ежедневные военные совещания и назначить нового начальника штаба, например Манштейна.

— Дайте ему контроль над всеми фронтами, а не только над одним. Вы остаетесь верховным главнокомандующим, а он будет действовать как ваш помощник,— убеждал Мильх.

Гитлер ничего не ответил, лишь сделал в настольном блокноте пометку карандашом. Еще целый час фельдмаршал излагал такие же смелые предложения. Наконец он дошел до последнего и самого неприятного.

— Мой фюрер,— сказал фельдмаршал.— Сталинград стал самым серьезным испытанием и для рейха, и для вермахта. Вы должны решительно действовать, чтобы вывести Германию из войны. Уверяю вас, многие согласны со мной. Время еще есть. Вы должны действовать немедленно, сейчас!

Было уже за полночь. Мильх вспотел от напряжени.

— Спасибо за то, что вы мне сказали,— наконец произнес фюрер.— Никто еще не давал мне столь ясной картины...

2

Американский корреспондент Луис Локнер сделал несколько попыток сообщить Рузвельту о движении Сопротивления внутри рейха. Надеясь убедить американского президента, что не все немцы — нацисты, Локнер был готов дать ему радиопароль двух отдельных групп, выступающих против Гитлера, с тем чтобы Рузвельт мог прямо сообщить им, какое политическое урегулирование будет приемлемым для союзников. Но добиться приема у президента ему не удалось.

Через несколько дней журналисту сообщили, что его дальнейшие обращения нежелательны. Локнер не знал, что отказ президента принять его объяснялся тем, что Рузвельт не допускал иного исхода войны, кроме как подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии. А это исключало какие-либо контакты с немцами, если даже они были противниками Гитлера.

Но заговорщики продолжали вынашивать планы свержения диктатора. Они пришли к выводу, что прежде всего надо убить Гитлера. Генерал Остер и его группа поручили это дело генералу фон Трескову, начальнику штаба армии под командованием фельдмаршала фон Клюге. Генералу удалось убедить Гитлера совершить поездку в расположение одной из частей на Восточном фронте. Вечером 13 марта 1943 года один из адъютантов фон Трескова прибыл на аэродром с пакетом, в котором были якобы две бутылки коньяка. На самом деле там было спрятано взрывное устройство. Приведя в действие механизм детонатора, он вручил пакет полковнику из сопровождения Гитлера для передачи «бывшему однополчанину», который теперь служил в ставке фюрера. Самолет поднялся, бомба должна была взорваться где-то над Минском, но ничего подобного не произошло: самолет благополучно приземлился в Растенбурге. Заговорщики были ошеломлены. Им все же удалось вынести бомбу из самолета: оказалось, детонатор не сработал.

Несколько дней спустя заговорщики предприняли очередную попытку покушения на Гитлера. Вечером 20 марта два взрывпакета были переданы полковнику фон Герсдорфу. Во время предстоящих торжеств по случаю Дня памя-

ти героев он должен был подойти к Гитлеру и взорвать и себя, и его.

21 марта в 13 часов Гитлер со свитой прибыл на торжества. Там уже находился Герсдорф с взрывпакетами в карманах шинели. Произнеся краткую речь, Гитлер направился в зал, где экспонировались военные трофеи. Герсдорф, следуя за ним, сунул руку в левый карман и сломал кислотную капсулу детонатора, который должен был сработать через десять минут. Накануне его заверили, что фюрер пробудет на выставке полчаса, но тот не проявил к ней особого интереса и, к ужасу Герсдорфа, через пять минут покинул помещение. Шансов оказаться вблизи Гитлера у него уже не было, а до взрыва оставалось 5 минут. Выбравшись в коридор, Герсдорф опрометью бросился в туалет. К счастью, там никого не было. Он быстро вынул взрывное устройство из кармана и — за несколько секунд до взрыва — смыл его в канализацию.

Хотя гестапо и не знало об этих двух попытках покушения, оно подозревало, что в абвере действуют враги. Через две недели начались аресты, был схвачен и руководитель заговорщиков генерал Остер.

3

В начале апреля Гитлер с группой сопровождения отправился из «Волчьего логова» в Бергхоф. В поезде были все удобства, включая специальный вагон с душем и ванной. Утром за завтраком слуги и секретарши болтали о Еве Браун, которая должна была сесть в поезд в Мюнхене. Для них она была «хозяйкой Бергхофа», как и для всех гостей, за исключением жен Риббентропа, Геббельса и Геринга. Первая ее попросту игнорировала, а две другие открыто унижали, несмотря на просьбы Гитлера относиться к его избраннице с должным уважением.

Фюрер жил на втором этаже. Перед одной дверью неизменно сидели два черных шотландских терьера — четвероногие любимцы Евы. Рядом находилась спальня Гитлера; обе комнаты были соединены большой ванной. Внизу располагалась гостиная, отделенная от комнаты с окнами из

цветного стекла тяжелым бархатным занавесом. Обстановка была роскошной.

Жизнь в Бергхофе не отличалась разнообразием. В полдень Гитлер начинал совещание, которое заканчивалось около 16 часов. Затем фюрер входил в гостиную, где его ждали проголодавшиеся гости. Как по сигналу появлялась Ева в сопровождении своих собак. Гитлер целовал ей руку, потом здоровался с каждым гостем. Мужчины приветствовали Еву поклоном, женщины называли ее «фройляйн Браун». Шел оживленный разговор о детях, модах и событиях личной жизни. Банальные шутки, оживляемые аперитивом, прерывались приглашением к столу. Гитлер сопровождал одну из дам, за ними следовали Борман с Евой. Избранница фюрера не скрывала своей неприязни к Борману за его распутство. (Жена Бормана почти постоянно была беременна, и заместитель фюрера сумел ее убедить, что его супружеская неверность служит на благо национал-социализма. В одном из своих писем она даже предложила мужу привести в дом его очередную любовницу и выразила надежду, что их беременности будут чередоваться, с тем чтобы у Мартина всегда была в постели женщина.) «Любое существо в юбке — его цель,— заметил один адъютант,— кроме Евы, конечно».

Гитлер ограничивался вегетарианской пищей. Ничто не могло заставить Еву отведать его густой овсяной каши, овсяного супа или печеной картошки, приправленной льняным маслом. Он, в свою очередь, подтрунивал над ее диетой.

— Когда я встретил тебя впервые, ты была очень приятной женщиной, а теперь совсем отощала,— говорил он. И добавлял: — Женщины идут на такие жертвы лишь ради того, чтобы вызывать зависть своих подруг.

Разговор за столом был непринужденный и касался всяких пустяков, пока Гитлер не начинал пропагандировать вегетарианство, описывая ужасы скотобойни, на одной из которых он побывал. Гости бледнели, когда он рассказывал о работницах, ступающих в резиновых сапогах по лужам свежей крови. После обеда фюрер выходил на двадцатиминутную прогулку к «Чайному дому». В большой круглой комнате подавался чай. Гитлер пил яблочный чай, а Ева заводила разговор о театре и кино. Нередко в таких случаях фюрер закрывал глаза и дремал. Гости продолжали разговор, переходя на шепот, и когда фюрер

просыпался, он присоединялся к беседе.

В 19.00 в Бергхоф прибывала вереница машин, и начиналось очередное совещание. Два часа спустя Гитлер делал перерыв и вел всех в столовую, где съедал картофельное пюре и салат из помидоров, а гости предпочитали холодное мясо. После совещания Гитлер спускался вниз и подсаживался к камину рядом с Евой и ее терьерами. Когда здесь собирались и гости, подавалось спиртное, но Гитлер пил чай с яблочным пирогом. Все молча сидели, почтительно ожидая очередной «лекции» фюрера. Нередко он разглагольствовал о вреде табака. Его зубной врач сказал, что умеренное курение дезинфицирует рот и почти не приносит вреда. Но Гитлер был с этим не согласен.

— Я бы не предложил сигару или сигарету человеку, которого люблю, это было бы плохой услугой. Общеизвестно, что некурящие живут дольше, чем курильщики, и меньше болеют,— убеждал фюрер.

Он никогда не прекращал свой «крестовый поход» против никотина и обещал подарить золотые часы любому из его окружения, кто бросит курить. Даже Еве был выдвинут ультиматум: «Выбирай — либо курение, либо я».

Однажды разговор коснулся спиртного. Гитлер был уверен, что алкоголь менее опасен, чем никотин. Его личный врач Морель принял бокал портвейна и с трудом боролся со сном. Тучный эскулап закрывал глаза, адъютант толкал его локтем, тот просыпался и расплывался в широкой улыбке, полагая, что фюрер рассказывает что-то смешное.

— Вы устали, Морель?— с притворным сочувствием интересовался Гитлер.

— Нет, мой фюрер, я просто мечтал,— с таким же притворством оправдывался тот.

Гитлер стал насвистывать мелодию известной песни. Ева пыталась поправить его, уловив фальшь. Между ними начался спор. Она попросила принести пластинку. Завели граммофон, и Ева оказалась права.

— Композитор ошибся,— продолжал настаивать Гитлер.— Если бы он действительно был талантлив, он написал бы мою мелодию.

Все посмеялись этой шутке. Наконец в 4 часа утра Гитлер вызвал адъютанта и спросил, готовы ли сводки воздушных налетов. Он не может пойти спать, пока не будет уверен, что ни один вражеский самолет не пролетает в этот момент над Германией.

В надежде поднять боевой дух своего ближайшего союзника фюрер выехал на очередную встречу с Муссолини. 7 апреля в замке Клесхайм, близ Зальцбурга, два диктатора тепло приветствовали друг друга. Гитлера поразили ввалившиеся щеки и бледное лицо дуче. Беседы продолжались четыре дня, и Муссолини почти не покидал свои апартаменты. Фюрер объяснял подавленность дуче неважным здоровьем — ему было уже шестьдесят лет — и старался приободрить своего партнера. Муссолини приехал с намерением добиваться полного вывода всех итальянских войск с иностранных территорий. Но дуче был слишком слаб, чтобы настаивать на этом, и слишком подавлен, чтобы вдохновиться оптимизмом Гитлера.

Хотя в «семейном кругу» редко упоминалось о войне и политике, Гитлер не раз высказывал сожаление, что вынужден носить военную форму. «Но после войны я повешу ее на крючок, уйду на пенсию и передам власть кому-нибудь другому. Потом, на старости лет, буду писать мемуары и окружу себя умными, одаренными людьми»,— фантазировал он.

Фюрера не очень привлекло предложение превратить Бергхоф в музей после его смерти. Он предпочел бы, чтобы его сожгли в Бергхофе вместе с домом — это был бы «величественный костер»!

Неприятный инцидент произошел в Страстную пятницу. Вернувшаяся накануне из Голландии жена руководителя «гитлерюгенд» Генриетта фон Ширах описала ужасную сцену, очевидцем которой оказалась в Амстердаме: евреев хватали прямо на улицах для депортации. Наступило неловкое молчание, а она продолжала с жаром осуждать жестокие меры, направленные против евреев. Наконец Гитлер повернулся к возбужденной рассказчице и, еле сдерживая себя, раздраженно произнес:

— Вы слишком сентиментальны. Все, что касается евреев, — не ваше дело!

Генриетта фон Ширах в растерянности выскочила из комнаты. Адъютант догнал ее и укоризненно сказал:

— Зачем вы это сделали? Вы рассердили фюрера. Пожалуйста, немедленно уезжайте!

Накануне своего 54-летия Гитлер привел свою четвероногую любимицу Блонди в «Чайный дом» и продемонстрировал все, чему он ее научил. Собака дала концерт, при этом чем больше ее хвалил хозяин, тем громче она «пела».

Затем широко открылись двери, и ординарцы вошли с подносами, которые были уставлены бокалами с шампанским. Бокал Гитлера был наполнен сладким белым вином. Когда часы пробили двенадцать, все чокнулись. Гости тепло поздравили фюрера.

Вскоре после дня рождения Гитлер узнал, что Траудль, самая молодая из сотрудниц рейхсканцелярии, помолвлена с его ординарцем Юнге.

— Поистине не везет мне с персоналом,— заметил он за обедом, деланно вздохнув.— Сначала Кристиан женился на Герде и увел мою лучшую секретаршу. Я нашел ей достойную замену, а теперь и Траудль уходит от меня, к тому же забирает моего лучшего ординарца.

Фюрер предложил, чтобы они поженились немедленно: Юнге скоро предстояло отправиться на Восточный фронт. Траудль хотела повременить: ведь они совсем недавно познакомились.

— Но вы же любите друг друга,— настаивал Гитлер.— Поэтому лучше пожениться сейчас. Если вы будете замужем, я могу защитить вас от любого, кто вздумает приставать к такой хорошенькой фройляйн. Вы останетесь здесь и после замужества.

4

7 мая Гитлер вынужден был выехать в Берлин на похороны Виктора Лутце, преемника Рема. Он погиб в автомобильной катастрофе. По крайней мере, такова была официальная версия. Некоторые уцелевшие участники путча Рема подозревали нечистое. После похорон участвовавших в церемонии рейхсляйтеров и гауляйтеров пригласили в рейхсканцелярию, где был дан детальный анализ общей ситуации. Гитлер начал с заявления о том, что в 1939 году Германия — революционная держава — противостояла лишь буржуазным государствам, которые уступали ей в идейном единстве нации. Это преимущество, однако, исчезло с появлением плана «Барбаросса». Немцы столкнулись с противником, тоже сплоченным идеологией, пусть и неприемлемой для них. Фюрер воздал должное Сталину за то,

что тот избавился от «высшего общества», благодаря чему большевизм мог направить всю свою энергию на борьбу с врагом.

Другой причиной неудач на Востоке, по мнению Гитлера, была низкая боеспособность союзников Германии, особенно венгров. Стойкий отпор Советам, сказал он в заключение, может быть оказан в Европе только немцами, причем победа в бою связана с идеологической поддержкой. Следовательно, антисемитизм снова должен стать мобилизующим лозунгом для войск. Если они не будут стоять, как стена, заключил фюрер, орды с Востока захлестнут Европу.

Здоровье Гитлера заметно ухудшилось. Доктор Морель удвоил дозу гормональных инъекций и прописал пациенту новое лекарство — простакрим. Электрокардиограмма выявила ухудшение состояния сердца. Морель также рекомендовал ему подобрать нового повара. После тщательной проверки всех претендентов на столь ответственную должность выбор был остановлен на фрау Экснер из Вены. Решающим аргументом в ее пользу оказалось то, что когда-то этой женщине довелось готовить для молодого Гитлера. Но ни сам фюрер, ни все остальные, от кого зависела судьба фрау Экснер, даже не подозревали, что в ее жилах текла еврейская кровь...

12 мая Гитлер вернулся в «Волчье логово», удовлетворенный тем, что удалось остановить отступление германских войск после поражения под Сталинградом. Но на следующий день хорошее настроение фюрера сменилось унынием, когда он узнал, что союзники в Тунисе окружили две немецко-итальянские армии общей численностью до 300 тысяч человек. Это был еще один сокрушительный удар по вермахту, вполне соизмеримый со сталинградским. Через неделю пришла еще одна неприятная новость: режим Муссолини — на грани краха, а в Италии усиливается агитация за выход из войны. На улицах немецких солдат называют врагами.

В середине июня секретарша Гитлера и его ординарец сыграли свадьбу. После короткого медового месяца жених отбыл на Восточный фронт, а Траудль вернулась к своей работе в «Волчьем логове».

— Вы похудели и побледнели,— заметил Гитлер.

Он сказал это без всякой задней мысли, но Траудль смутилась, заметив двусмысленные ухмылки на лицах Линге, Шауба и Бормана. Преодолев робость, она спросила Гит-

вестись семьей. Фюрер ответил, что не хочет быть отцом: «Детям гениев трудно приходится в этом мире. Все ожидают, что такой ребенок будет копией своего знаменитого отца, и не прощают, когда из него получается ни то ни сё».

Несмотря на неудачи в Северной Африке, Гитлер все еще замышлял генеральное наступление на Курск. Гудериан прибыл в Берлин и так же, как и фельдмаршал-авиатор Мильх, высказал свои соображения, направленные против этого плана. Гитлер признался, что сама мысль о наступлении вызывает у него расстройство желудка, но Цайцлер и Клюге убедили его начать операцию. Она была названа «Цитадель», и 1 июля Гитлер обратился к своим военачальникам. Германия, сказал он, должна либо стойко удерживать захваченные территории, либо пасть. Немецкому солдату необходимо осознать, что он должен стоять насмерть и сражаться до конца. Он признал, что «Цитадель» — это риск, но надеялся на удачу. Разве он не был прав, несмотря на возражения военных, в отношении Австрии, Чехословакии, Польши и Советского Союза? Это был явный перебор: война против России мало походила на предыдущие военные кампании...

Ударная группировка Манштейна на севере состояла из 18 дивизий, но к бою были готовы менее 1000 танков и 150 самоходных артиллерийских установок. На юге у генерала Моделя было 15 дивизий и только 900 танков. Наступление началось 4 июля в три часа ночи. Стояла жара. Вдали угрожающе гремел гром. Вначале казалось, что советские войска застигнуты врасплох: артиллерия Красной Армии не отвечала на залпы вражеских орудий. Но перспектива молниеносной победы исчезла, как только полил сильный дождь. Дороги и тропы мгновенно превратились в настоящие болота. Ручьи напоминали ревущие водопады, и потребовалось двенадцать часов, чтобы навести через них мосты для танков.

К 9 июля передовые немецкие танки все еще находились в 90 километрах от Курска. Вскоре было получено сообщение о том, что англо-американские войска высадились на Сицилии и не встречают особого сопротивления. Для Гитлера это не было сюрпризом, и 13 июля он приостановил наступление на Курск с тем, чтобы послать подкрепление, в том числе танковый корпус СС, в Западную Европу. Манштейн предупреждал, что прекращение Курской операции поставит под угрозу длинный выступ, простиравшийся до

Черного моря. Но, как азартный игрок, Гитлер смирился с потерей Курска ради более вероятного успеха в другом месте. Однако операция «Цитадель» закончилась не просто неудачей — отныне инициатива в боевых действиях на Восточном фронте принадлежала Красной Армии.

5

Повернувшись спиной к Востоку, 19 июля Гитлер отправился на очередную встречу с Муссолини — тринадцатую по счету. Она состоялась на роскошной вилле Гаджиа в Северной Италии. И началась весьма своеобразно: собеседники в 10.00 уселись друг против друга, воцарилось неловкое молчание, ни один из диктаторов не спешил заговорить первым... Наконец фюрер начал излагать свое мнение по поводу общей военно-политической ситуации. Муссолини сидел на краю кресла, нога на ногу, руками обхватив колени, и равнодушно слушал. Когда Гитлер набросился на итальянцев за пораженческие настроения, дуче заерзал в кресле и нервно провел рукой по лицу, затем вынул платок и стал вытирать пот. Но Гитлер был неумолим, убеждая расстроенного собеседника, что кризис можно преодолеть, если Италия по примеру Германии проявит волю к победе. «Каждый немец,— сказал он,— исполнен такой воли. Даже пятнадцатилетние мальчишки с радостью стреляют из зенитных орудий. Нашу задачу надо выполнить при жизни теперешнего поколения. Германии для возрождения потребовалось тридцать лет. Пора подняться и Риму. Таково требование истории».

В 13.00 подошел адъютант и что-то шепнул на ухо Гитлеру. Тот раздраженно отмахнулся, но тут же оборвал свой монолог. «Встреча окончена»,— объявил он.

Подали завтрак. Итальянцы были огорчены молчанием Муссолини. Ни разу он не попытался объяснить, что в ближайший месяц у его солдат не будет ни средств, ни воли сражаться.

Через пять дней дуче был вынужден вновь выслушать упреки в свой адрес, на этот раз от собственного Высшего фашистского совета, собравшегося впервые с 1939 года. После

длительных и бурных прений большинством голосов была принята резолюция, требующая восстановления конституционной монархии и предоставления королю полномочий верховного главнокомандующего вооруженными силами. На следующий день, 25 июля, Муссолини посетил короля Виктора Эммануила и подал ему прошение об отставке. Король был готов к этому. Он заявил, что Италия потерпела поражение, солдаты больше не хотят сражаться за идеалы фашизма, и сообщил, что уже назначил главой правительства маршала Пьетро Бадольо. Когда Муссолини вышел от короля, к нему подошел офицер карабинеров и сообщил, что его величество поручил ему охранять дуче. Фактически это означало домашний арест.

Вечером Гитлер ошеломил своих военных советников сообщением об отставке Муссолини и назначении главой правительства ярого врага немцев Бадольо. Когда Йодль предложил ничего не предпринимать, пока не будет получена подробная информация из Рима, Гитлер ответил: «Конечно, но мы должны смотреть вперед. Несомненно, они заявят, что останутся верны нам, но все равно это предательство. Мы должны быть готовы прихлопнуть весь этот бардак. Я пошлю завтра человека с приказом командиру 3-й танковой дивизии направить подразделение в Рим и арестовать правительство и короля, — всю эту нечисть, особенно кронпринца, схватить всю эту мразь— Бадольо и всю его банду. Вот увидите, они будут ползать перед нами на коленях».

На ночном совещании Гитлер дал дополнительные указания. 2-я парашютно-десантная дивизия должна будет высадиться в районе итальянской столицы, захватить Рим, не выпуская никого, потом в город вступит 3-я танковая дивизия. Кто-то спросил, будет ли заблокирован Ватикан.

— Конечно,— ответил Гитлер.— Вы что думаете, меня беспокоит Ватикан? Мы его возьмем. Там будет прятаться весь дипломатический корпус. Мне на это наплевать, мы схватим всех этих свиней. Потом извинимся. Мы можем сделать все, это же война.—Он добавил: — Муссолини оказался слабее, чем я думал. Я защитил его тылы, а он струсил. Да, нельзя надеяться на итальянцев. Думаю, мы обойдемся без таких союзников.

Утром он вызвал двух соратников, на которых мог положиться,— Геббельса и Геринга. Последнего он особенно ценил за талант твердо исполнять принятое решение при любых обстоятельствах. Затем к ним присоединился Риб-

бентроп, только что переболевший воспалением легких. Гитлер сообщил, что Муссолини не ушел добровольно, его арестовали. Это значит, что фашизм — в смертельной опасности, и они должны сделать все, чтобы не допустить его краха. Фюрер посвятил своих сподвижников в план по захвату Рима и аресту короля, Бадольо и их приспешников.

За катастрофой в Италии почти сразу последовала массированная бомбардировка Гамбурга. К утру 3 августа город представлял собой гигантское пожарище. Выгорело 2500 гектаров городской застройки. Погибло 70 тысяч человек. Гитлер был в ярости, считая, что этот террористический налет — дело рук евреев. В психологическом отношении разрушение Гамбурга было для немцев таким же ударом, как и поражение под Сталинградом. Осматривая руины города, Геббельс «онемел от ужаса», после чего впервые поставил перед подчиненными вопрос: «Что будет, если мы проиграем?»

Он вооружился пистолетом. Шеф люфтваффе был потрясен еще сильнее. Один из его офицеров, Адольф Галланд, вспоминал: «Когда мы вошли в кабинет, то увидели невероятное зрелище. Склонившись над письменным столом, Геринг обхватил голову руками, стонал и бормотал что-то нечленораздельное. Наконец к рейхсмаршалу вернулось самообладание, и он признался, что мы являемся свидетелями его глубочайшего отчаяния. Фюрер разуверился в нем».

6

В министерстве иностранных дел слухи о переговорах с противником стали обычной темой, хотя и обсуждались они шепотом, особенно после получения от Сталина очередного «пробного шара» вскоре после Сталинградской битвы. Адмирал Канарис (который сам безуспешно пытался вступить в контакт с президентом США Рузвельтом через бывшего губернатора штата Пенсильвания Джорджа Эрла) был настолько убежден в серьезности этого предложения, что уговорил Риббентропа доложить о нем фюреру. Это было сделано в форме меморандума, который Гитлер с негодовани-

ем разорвал, пригрозив казнить каждого, кто попытается посредничать в переговорах с врагом по собственной инициативе. Никаких переговоров не будет, заявил он, пока вермахт не вернет утраченную инициативу на стратегически важных участках боевых действий.

Когда Риббентроп робко предложил пересмотреть программу завоеваний в Европе с тем, чтобы сделать ее более приемлемой для союзников, Гитлер патетически воскликнул: «Поверьте мне, мы победим!»

По строгому секрету Риббентроп рассказал обо всем этом Фрицу Хессе, участнику тайных переговоров с английскими официальными лицами накануне войны. В интересах безопасности беседа состоялась во время прогулки по лесу неподалеку от «Волчьего логова» в мартовский снегопад.

— Единственное, на что мы сейчас можем надеяться,— сказал Риббентроп,— это, что по крайней мере кто-нибудь из наших противников поумнеет. Ведь англичане должны понять, что было бы безумием отдавать нас в руки русских.

Через несколько дней они снова вышли на прогулку.

— Надо как-то убедить англичан и американцев в неразумности войны, которую они ведут против нас,— продолжал гнуть свою линию Риббентроп.— Неужели они не понимают, что разгром Германии лишь поможет Сталину нарушить баланс сил в Европе? Неужели они не видят, что их собственные позиции пострадают, если русские одержат победу? Советский военный потенциал уже превосходит всю совместную мощь западных союзников. Нельзя ли както убедить англичан и американцев, что победа Советов просто недопустима для всего западного мира?

Проведя много лет в Англии, Хессе считал, что предложение Риббентропа вряд ли осуществимо. Обоих союзников не очень беспокоит победа русских, поскольку они не испытали на себе ужасы большевизма.

Один из приближенных Риббентропа, Петер Кляйст, уже возобновил попытки войти в контакт с русскими, несмотря на запрет Гитлера поддерживать связи с советским послом в Стокгольме Александрой Коллонтай. Его посредником был бизнесмен Эдгар Клаус, выходец из Восточной Европы, проживающий в Швеции с женой русского происхождения. Еще до революции Клаус встречался со Сталиным и Троцким и имел связи с советским посольством в Стокгольме. Местные немцы считали его либо хвастуном, либо шпионом. После двух продолжительных бесед с сотрудниками

посольства Клаус 18 июня 1943 года сообщил Кляйсту, что СССР не намерен сражаться за английские и американские интересы. Советы считают, что Гитлер позволил втянуть себя в войну благодаря интригам капиталистических держав. Хотя они уверены в победе Красной Армии над вермахтом, Советы опасаются, что после победы, когда их страна окажется вынужденной вступить в противоборство с «империалистическим» Западом, их позиции будут крайне слабы. Советы не доверяют американцам и англичанам, так как те не выступили с какими-либо определенными заявлениями о целях войны, о решении территориальных проблем, и не обещали ничего определенного в случае открытия второго фронта в Европе. Англо-американская высадка в Северной Африке больше похожа на попытку защитить их собственный фланг от Советского Союза, чем на военные действия против держав «оси». С другой стороны, оккупируемые Гитлером громадные советские территории могут быть предметом переговоров, и конкретная сделка может быть заключена немедленно.

Это было соблазнительное предложение, так как Клаус, по-видимому, получил свою информацию непосредственно от советской стороны. Однако не исключалось и то, что сам Кляйст мог оказаться жертвой советского трюка. Часами он бродил в раздумье по стокгольмским улицам, пока наконец не решил, что если есть даже малейший шанс прекращения войны и спасения Европы от советского вторжения, надо действовать немедленно. На следующий день он вылетел в Берлин, намереваясь «признаться», что вел запрещенные беседы, но как только он вышел из самолета, его арестовали по обвинению в преступных связях с «евреем Клаусом».

Кляйста допрашивал преемник Гейдриха Эрнст Кальтенбруннер, двухметровый громила с квадратной челюстью, шрамом от сабельного удара на щеке и длинными, обезьяньими руками. Откровенный рассказ Кляйста, по-видимому, произвел на него впечатление.

Кальтенбруннер поверил его заверению, что Клаус не еврей, и ограничился домашним арестом Кляйста. Через две недели его освободили, и он занялся менее опасным делом — переселением эстонских шведов. К его удивлению, вопрос о мире вскоре был поднят самим Риббентропом. Неудавшаяся операция под Курском убедила министра иностранных дел, что поражение Германии неизбежно, и он

должен пренебречь мнением фюрера. 16 августа Риббентроп вызвал Кляйста в «Волчье логово». Несколько часов они подробно обсуждали перспективы сепаратного мира и возможные мотивы Кремля в случае его отказа вести такие переговоры.

Игнорируя приказ Гитлера никогда не упоминать о переговорах с воюющей стороной, Риббентроп рассказал ему о беседе с Кляйстом. Фюрер не взорвался, но повторил, что о переговорах с Москвой и речи быть не может, война будет вестись до победы. В то же время он разрешил Кляйсту держать связь с Клаусом, и если Кремль выдвинет какие-либо предложения, их надо будет немедленно передать в Берлин.

Кляйст встретился с Клаусом в начале сентября. Клаус выразил недовольство тем, что играет в политику с людьми, которые сами не знают, чего хотят. По его словам, представитель заинтересованной стороны девять дней напрасно ждал ответа от Кляйста. Тот успокоил Клауса и попросил его возобновить свои контакты.

Клаус вернулся с плохой новостью. Воодушевленные своими военными победами, Советы не будут вести переговоры, если немцы не подадут сигнал о серьезности своих намерений, которым была бы, например, отставка Розенберга и Риббентропа. Кляйст едва мог сдержать улыбку: как отреагирует на это его министр, прочитав депешу? Он признался Клаусу, что Гитлер не намерен вести переговоры. Клаус не был удивлен: немцы ничего не понимают в переговорах. Для этого необходимы терпение и внимание к партнеру. У Гитлера нет ни того, ни другого.

К своему удивлению, через четыре дня Кляйст увидел очень возбужденного Клауса. Его «источник» в советском посольстве сообщил, что Москва собирается предпринять серьезный шаг. Примерно через неделю в Стокгольм прибудет заместитель народного комиссара иностранных дел, бывший посол в Берлине Деканозов, с полномочиями самому встретиться с Кляйстом. Но при двух условиях: Кляйст должен приехать в Стокгольм до прибытия Деканозова; немцы должны дать сигнал — отправить в отставку Риббентропа и Розенберга, это будет подтверждением полномочий Кляйста на участие в переговорах.

10 сентября Кляйст доложил обо всем, что ему стало известно, Риббентропу. Как и ожидалось, того покоробило, что его, человека, приложившего столько усилий для советско-германского сближения, требуют уволить и выставля-

ют это как предварительное условие переговоров! Он выразил сомнение, что в этой игре может участвовать человек такого уровня, как Деканозов. В этот момент вошел пресс-атташе и доложил, что московское радио сообщило о назначении Деканозова послом в Софии.

— Я оказался прав!— воскликнул Риббентроп.

— Наоборот,— возразил Кляйст, лучше разбиравшийся в советской тактике,— это лишь подтверждает причастность Деканозова к переговорам на нейтральной почве.

Он предложил в качестве ответного шага назначить послом Германии в Софии Шуленбурга. Риббентроп покачал головой: фюрер никогда не пошлет в Софию Шуленбурга! Кляйст терпеливо объяснил, что на самом деле и Сталин не намерен посылать туда Деканозова. «Оба объявления послужат сигналом, понятным только Сталину и нам и никому больше»,— пояснил он.

Это рассуждение показалось Риббентропу довольно убедительным, и он отправился в «Волчье логово». Поздно вечером Риббентроп вернулся со смущенным видом: фюрер решил избегать каких-либо прямых контактов с Советами. Кляйст вышел расстроенный. Он был так близок к цели — и все оказалось напрасным.

7

Категорический отказ Гитлера вести переговоры со Сталиным совпал с новыми неудачами. За двое суток до этого, 8 сентября, было объявлено, что новое итальянское правительство, возглавляемое маршалом Бадольо, подписало перемирие с Западом. Фюрер был потрясен этой новостью, хотя сам когда-то предсказал, что Бадольо предаст Германию.

Гитлера волновала судьба 54 тысяч немецких солдат на Сардинии и Корсике. Он также опасался, что союзники воспользуются возможностью открыть второй фронт: на эту мысль его наводило усиление английских бомбардировок. Он был удручен и новыми неудачами на Восточном фронте: советские войска теснили противника к Днепру.

Геббельс высказал мысль о возможности договориться со Сталиным.

— Никогда,— ответил Гитлер.— Легче было бы заключить сделку с англичанами.

Геббельс возразил:

— Сталин — практичный политик, а Черчилль — романтичный авантюрист, не способный воспринимать разумные доводы. Рано или поздно мы вынуждены будем склониться на сторону одного или другого противника. Германия еще никогда не добивалась успеха в войне на два фронта, не выстоит она и на этот раз.

Прежде всего надо признать, продолжал доказывать свою правоту министр иностранных дел, что Италия потеряна, и он посоветовал бы фюреру выступить перед страной, которая нуждается в откровенном и вдохновляющем слове вождя.

Поколебавшись, Гитлер согласился с предложением Риббентропа и вечером 10 сентября из «Волчьего логова» произнес речь, которая была записана на пленку и передана по радио.

«Мое право безусловно верить в успех,— заявил фюрер,— основано не только на опыте моей собственной жизни, но и на знании исторической судьбы нашего народа. Ни время, ни сила оружия никогда не сокрушат немецкий народ».

Гости за чаем были приободрены его хорошим настроением. «Должен признать,— писал пресс-секретарь Геббельса в своем дневнике,— что на какое-то время я был им совершенно очарован. Какая же сила исходит от этого человека, который взглядом и рукопожатием может совершенно сбить с толку такого здравого, реалистичного человека, как я!» Но вдохновляющие слова речи фюрера, очевидно, были пустым звуком для обывателей, подвергавшихся жестоким бомбардировкам, и для солдат на Восточном фронте, отступавших с тяжелыми потерями.

Гитлер тоже понимал, что одни слова не могут поднять моральный дух народа, и решил действовать решительно и дерзко. Он спасет Муссолини, находившегося под арестом в отеле на вершине Гран-Сассо, самого высокого пика Апеннинских гор, в 16 километрах от Рима. Штурм крутого, скалистого склона не только привел бы к большим потерям, но и дал бы охранникам возможность убить Муссолини. Очень рискованным был бы и парашютный десант на

скалистую вершину. Поэтому было решено использовать планеры. Для выполнения этой смелой задачи Гитлер выбрал земляка-австрийца, капитана СС Отто Скорцени, могучего великана ростом под два метра. На его лице остались шрамы от четырнадцати дуэлей в студенческие годы. Любимец фюрера отличался не только бесстрашием, но и хитростью, считая, что диверсионные операции должны проводиться минимальными силами и с минимальными потерями. В 13.00 12 сентября капитан Скорцени и его диверсионный отряд в составе 107 человек погрузились в планеры, и самолеты подняли их в воздух. План состоял в том, чтобы приземлиться на ровном, покрытом травой лугу рядом с отелем, где под усиленной охраной содержался дуче. У диверсантов имелись фотоснимки местности.

Муссолини, угрожавший совершить самоубийство, сидел у открытого окна, как вдруг в ста метрах от него приземлился планер, из которого выскочили несколько человек и начали собирать пулемет.

Муссолини и представления не имел, кто эти люди, ясно было лишь то, что это не англичане. Раздался сигнал тревоги, из казарм выбежали карабинеры и полицейские. Тем временем один за другим стали приземляться другие планеры. Один из них, в котором находился Скорцени, сел в двадцати метрах от отеля. Скользнув взглядом по окнам, он заметил Муссолини, с тревогой наблюдающего за происходящим.

— Отойдите от окна!— крикнул командир диверсионной группы, врываясь в вестибюль.

Скорцени и его люди буквально перекатились через отряд солдат, пытавшихся их остановить. Скорцени вбежал вверх по лестнице и распахнул дверь.

— Дуче,— объявил он,— фюрер прислал меня. Вы свободны!

Муссолини обнял его.

— Я знал, мой друг Адольф Гитлер не оставит меня в беде,— дрожащим от волнения голосом произнес дуче.

Скорцени поразила его внешность — небритый, растрепанный, в мешковатой гражданской одежде.

К 15.00 они уже сидели в маленьком самолете «Физелер-Шторх», пилоту которого чудом удалось посадить машину на крошечном пятачке среди гор. Хотя Муссолини был рад свободе, он не на шутку перепугался: сам в прошлом летчик, дуче знал, насколько рискован взлет с такой маленькой

площадки. Самолет начал разбег, подскакивая на камнях и приближаясь к обрыву. Наконец он вроде бы оторвался от земли, но тут же ударился колесом о камень, снова взмыл и завис над пропастью. Скорцени зажмурил глаза и затаил дыхание, ожидая неизбежной катастрофы. Но пилот сумел удержать падающую машину и под ликующие крики немцев и итальянцев на лугу направил ее в долину.

Никто не проронил ни слова. Совсем не по-солдатски Скорцени потрепал дуче по плечу. Через час они приземлились в Риме, пересели на трехмоторный «хейнкель» и полетели в Вену. Поздно вечером они разместились в отеле «Империал». Когда Скорцени принес дуче пижаму, тот от нее отказался.

— Когда я сплю, я ничего не надеваю,— сказал он,— и советую вам то же самое, капитан Скорцени.— Он ухмыльнулся: — Особенно когда вы в постели с дамой.

В полночь в номере Скорцени зазвонил телефон. Капитан снял трубку и услышал знакомый голос фюрера:

— Вы совершили боевой подвиг, который войдет в историю. Вы вернули мне моего друга Муссолини.

В Мюнхене дуче встретился с семьей, а утром 14 сентября вместе со Скорцени вылетел в «Волчье логово», где Гитлер сердечно встретил недавнего пленника. Повернувшись к Скорцени, фюрер тепло поблагодарил его. Этот дерзкий поступок сделал Скорцени любимцем Гитлера, вызвал восхищение и друзей, и врагов.

Фюрер ожидал, что Муссолини захочет отомстить своим политическим противникам и вернуться к власти. Но единственным желанием дуче было уехать в родную Романью и там спокойно дожить до конца своих дней. Гитлер отреагировал на это с раздражением и сарказмом.

— Что это за фашизм, который тает, как снег под солнцем?— воскликнул фюрер.— Годами я объяснял своему народу, что итальянский фашизм — это естественный союзник немецкого народа. Надо победить в войне, и после победы Италия будет восстановлена в своих правах. Главное условие — это возрождение фашизма и наказание предателей.

В противном случае, заключил Гитлер, он будет считать Италию враждебным государством, и немцы оккупируют ее.

Муссолини содрогнулся. Если Гитлер не получит его согласия, несомненно, пострадает итальянский народ. Отка-

завшись от плана уйти из политической жизни, он выступил с официальным заявлением о взятии на себя верховной власти в Италии, а затем издал приказы о восстановлении распущенных Бадольо органов управления и фашистской милиции, о поддержке партией вермахта и о расследовании поведения членов партии, причастных к перевороту 25 июля.

Гитлеру казалось, что фашизм в Италии восстановлен. Но у него не было иллюзий в отношении своего партнера.

— Я признаю, меня надули,— говорил фюрер в узком кругу.— Муссолини оказался слабохарактерным человеком.

Во время беседы с гостем Гитлер обронил, что изучает возможность договориться с Россией. Это было сказано лишь для успокоения дуче, но принимавший участие в беседе Риббентроп воспринял слова фюрера всерьез и тут же поинтересовался, какие будут указания на этот счет. Гитлер пропустил вопрос министра мимо ушей, но когда они остались одни, снова строжайше запретил главе внешнеполитического ведомства предпринимать какие-либо шаги в направлении перемирия с противником. Видя своего министра иностранных дел в расстроенных чувствах, фюрер поздно вечером позвонил ему и сказал:

— Знаете, Риббентроп, если я договорюсь с Россией сегодня, я снова схвачусь с ней завтра, это неизбежно.

Однако Риббентроп не терял надежды на то, что Гитлер может изменить свое мнение. Вечером 22 сентября он позвонил Кляйсту и спросил, сможет ли тот срочно вылететь в Стокгольм. Кляйст был удивлен и ответил, что вряд ли без определенных указаний такая поездка имеет смысл. Риббентроп признался, что у него их нет, но все же приказал Кляйсту ехать как можно скорее.

На следующий день Геббельс во время обеда в ставке фюрера посоветовал Гитлеру добиваться мира либо с Англией, либо с Россией. Гитлер ответил, что переговоры с Черчиллем были бы бесполезны, так как «им руководит ненависть, а не разум», а Сталин не согласится с германскими требованиями территориальных уступок на Востоке.

В Стокгольме расстроенный Клаус сообщил Кляйсту, что отказ немцев принять условия переговоров закрыл ему доступ в советское посольство. «Германия,— добавил он,— потеряла на Востоке свой последний шанс».

За десять дней до этого Сталин отверг очередную попыт-

ку японцев организовать мирные переговоры и сообщил об этом в Вашингтон. Вскоре он согласился на встречу с Черчиллем и Рузвельтом в Тегеране. Эта конференция состоялась в конце ноября и прочно связала великий альянс.

Глава 27. «И ЗВЕРЯМИ ЗЕМНЫМИ» (апрель 1943 — апрель 1944 г.)

1

Большинство немцев, по-видимому, не особенно тревожили репрессии Гитлера в отношении евреев. Они безразлично относились к судьбе людей, вынужденных носить на спине звезду Давида: нацистская пропаганда неустанно убеждала население рейха, что «расовое очищение» благотворно скажется на будущем Германии и всей Европы.

Мало кто знал о лагерях смерти, созданных в Польше. Их окружали запретные полосы шириной в несколько километров с предостерегающими надписями. Тех, кто нарушал запрет, расстреливали на месте. Для обеспечения секретности весь процесс от депортации до умерщвления «врагов рейха» проводился под завесой условных обозначений: массовое убийство именовалось «специальной операцией», центры истребления людей — «Востоком», «трудовыми», «концентрационными» и «транзитными» лагерями, газовые камеры и крематории — «банями» и «моргами».

Слухи о зверствах цинично опровергались. Когда высокопоставленный партийный деятель Ганс Ламмерс представил Гиммлеру записку о том, что евреи подвергаются массовым казням, рейхсфюрер решительно отрицал это. Он пояснил, что приказ об «окончательном решении еврейского вопроса», полученный от фюрера через Гейдриха, предусматривает лишь эвакуацию евреев за пределы рейха. При их перевозках, к сожалению, бывают смертельные случаи по причине болезни и воздушных налетов вражеской

авиации. Рейхсфюрер СС также признал, что среди евреев есть и убитые во время бунтов в назидание другим, но заверил Ламмерса, что большинство «размещается» в лагерях на Востоке, и даже принес фотоальбомы, показывающие, как евреи работают сапожниками, портными и т.п. «Таков приказ фюрера,— подчеркнул Гиммлер.— Если вы считаете, что надо принять конкретные меры, скажите об этом ему, а мне дайте фамилии людей, от которых вы получили эти сведения».

Ламмерс отказался выдать этих людей и обратился за разъяснениями к самому Гитлеру. Тот повторил почти то же самое, что Ламмерс услышал от Гиммлера.

«Все чувствовали в этой системе что-то неладное, даже если не знали всех деталей,— признавался на Нюрнбергском процессе бывший гитлеровский наместник в оккупированной Польше Ганс Франк.— Мы просто не хотели это знать! Приятно было жить в такой системе, содержать по-королевски семьи и думать, что все хорошо». И это был человек, который говорил своим подчиненным, что они все сообщники в ликвидации евреев и, как бы это ни было неприятно, она «необходима в интересах Европы». Генерал-губернатор Польши Франк знал, что приказ об «окончательном решении еврейского вопроса» поступил непосредственно от фюрера. Однако средний немец был убежден, что Гитлер к этим зверствам не причастен.

Члены «семейного круга» Гитлера не могли представить, что их фюрер сам приказывал умерщвлять евреев. Ведь Шмундту и Энгелю удалось убедить его не лишать званий некоторых офицеров вермахта — «частичных» евреев. Злодеями казались Борман и Гиммлер, творящие произвол за спиной фюрера. Но они были лишь послушными исполнителями плана «окончательного решения», и Гитлер считал, что это сойдет ему с рук, если он поставит мир перед свершившимся фактом. Конечно, будут протесты, угрозы, но память человеческая коротка. Кто сегодня резко осуждает турок за истребление миллиона армян во время первой мировой войны? Даже члены «семейного круга» могли убедиться в том, что Гитлер — вдохновитель и организатор массовых убийств, когда в июне 1943 года в беседе с Борманом он гордо заявил, что очистил германский мир от «еврейской отравы»: «Для нас это было важным процессом дезинфекции, который мы довели до конца и без которого мы бы сами были задушены и уничтожены. Я их предупреждал,

что если они развяжут еще одну войну, я уничтожу эту нечисть по всей Европе, на этот раз навсегда. На это предупреждение они ответили объявлением войны. Мы вскрыли еврейский нарыв, и весь мир в будущем будет нам за это благодарен».

Из 380 тысяч евреев, которые в начале войны были согнаны в варшавское гетто, три года спустя в живых осталось всего 70 тысяч. Оставшиеся поняли, что депортация означает гибель. Еврейские подпольные группы в гетто решили забыть о своих разногласиях и объединились, чтобы вместе воспротивиться дальнейшей эвакуации. К изумлению Гиммлера, они отказались покидать Варшаву, и рейхсфюрер СС приказал ликвидировать гетто.

В три часа утра 19 апреля 1943 года свыше двух тысяч эсэсовцев с танками, огнеметами и динамитом в предвкушении легкой победы ворвались в гетто и неожиданно натолкнулись на ожесточенное сопротивление. Свыше 1500 бойцов заранее тайно подготовили оружие — несколько пулеметов, гранаты, сотню винтовок и карабинов, несколько сот пистолетов и бутылки с зажигательной смесью — и пустили все это в ход. К вечеру они вынудили немцев отступить. День за днем продолжалось это неравное сражение, ошеломившее командира эсэсовской группировки генерала Юргена Штроопа, который никак не мог понять, почему «эти недочеловеки» сражаются за безнадежное дело. Он доложил, что хотя его люди первоначально захватили «значительное число евреев, которые по своей природе трусы», делать это становится все труднее: «Снова и снова боевые группы, состоящие из 20—30 еврейских мужчин, создавали новые очаги сопротивления».

На пятый день отчаявшийся Гиммлер приказал «жестоко и беспощадно» прочесать гетто. Штрооп решил поджигать квартал за кварталом. Согласно его отчету, составленному после ликвидации гетто, евреи до самого последнего момента оставались в горящих домах, а потом прыгали с верхних этажей. «Со сломанными костями, они еще пытались ползти через улицу в уцелевшие здания. Несмотря на угрозу сгореть живьем, евреи предпочитали возвращаться в гущу пламени, но не сдаваться нам».

С отчаянным героизмом сражались защитники гетто в течение четырех недель и, когда положение стало безнадежным, спустились в подземные ходы канализации. Наконец 15 мая стрельба в последних оставшихся очагах сопро-

ивления затихла, и на следующий день в честь победы генерал Штрооп взорвал в «арийской» части Варшавы чудом уцелевшую синагогу. Целый месяц немногочисленные повстанцы отражали армию карателей. Из захваченных 56 065 евреев 7000 были убиты на месте, 22 000 отправлены в лагеря. По официальным, явно преуменьшенным данным немцы потеряли 16 человек убитыми и 85 ранеными.

2

В начале июня папа Пий XII, выступая перед кардиналами по вопросу гитлеровских репрессий против евреев, высказался за то, чтобы в словах осуждения деятели католической церкви соблюдали осторожность, иначе положение жертв может ухудшиться. Он не упомянул еще одну причину такой осторожности: глава католической церкви считал большевизм намного более серьезной опасностью, чем нацизм.

Такая позиция святого престола была достойна сожаления. Однако католическая церковь под руководством папы уже спасла жизнь большему числу евреев, чем все другие церкви, религиозные учреждения и организации спасения, вместе взятые. Евреи прятались в монастырях и в самом Ватикане. Роль же союзников в этом деле была неприглядной. Англичане и американцы, несмотря на высокопарные заявления, не предприняли никаких конкретных мер. Московская декларация, подписанная Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, скрупулезно перечисляет жертвы Гитлера — поляков, итальянцев, французов, голландцев, бельгийцев, норвежцев, советских граждан и даже жителей Крита. Почему-то евреи оказались исключенными из этого перечня, в связи с чем Всемирная еврейская организация выразила протест. «Окончательное решение» затерялось в общей классификации жертв нацистского террора.

Следует отметить смелость датчан в условиях немецкой оккупации. Они переправили почти всех своих 6500 евреев в Швецию. Спасли своих евреев (их было четыреста) и союзники Германии финны. Другие союзники— японцы предоставили убежище в Маньчжурии 5000 бездомным европей-

ским евреям в знак признательности за финансовую помощь, оказанную им еврейской фирмой «Кун, Леб и компания» во время русско-японской войны 1904—1905 гг.

Но был человек, который очень много сделал, чтобы помешать гитлеровской политике геноцида на Востоке. Им оказался тридцатичетырехлетний немецкий юрист Конрад Морген. Сын железнодорожного проводника, он со студенческих лет проникся этикой закона и, даже став помощником судьи в юридической службе СС, последовательно выступал против нарушений законности, кто бы ее ни преступал. Его приговоры, основанные на строгих доказательствах, настолько раздражали начальство, что в конце концов он был отправлен на фронт в дивизию СС. В 1943 году Морген переводится в отдел финансовых преступлений при СД. В начале лета ему было поручено рутинное дело о коррупции в концлагере Бухенвальд. Его коменданта Карла Коха заподозрили в том, что он посылает заключенных на работы по найму и присваивает себе деньги, уплаченные нанимателями. Первоначальное расследование не дало результатов: многочисленные свидетели поддержали утверждение Коха о его невиновности.

В июле Морген приехал в Веймар и начал новое расследование. К своему удивлению, он увидел в лагере чистоту и порядок. Заключенные выглядели здоровыми, загоревшими и откормленными. К их услугам были почта, большая библиотека и даже публичный дом, устраивались концерты, кинопросмотры и спортивные соревнования. Когда Морген начал копать глубже, он узнал, что коррупция в Бухенвальде началась с прибытия большой группы евреев после «Хрустальной ночи». Но чем ближе он подбирался к правде о Кохе, тем дальше уходили от него доказательства. Свидетели бесследно исчезли.

Морген был убежден, что здесь совершаются преступления. Он посетил местные банки и, предъявив официальные документы, заявил, что по поручению Гиммлера должен посмотреть счета Коха. Настойчивость следователя была вознаграждена. В одном из банков он нашел неопровержимое доказательство, что Кох присвоил 100 тысяч марок. Наконец он установил и факты убийств, когда глубже вник в архивные документы лагеря и узнал, что заключенных отводили в секретную камеру смерти и там уничтожали.

Вооружившись портфелем бумаг, Морген вернулся в Берлин. Его шеф, начальник уголовной полиции, был шоки-

рован. Он не думал, что Морген воспримет поручение настолько серьезно, и отослал его к Кальтенбруннеру. Тот тоже был ошарашен и заявил: «Это не мое дело. Идите к своему начальнику в Мюнхене». Морген послушно повез материалы к начальнику юридического управления СС, который опять-таки не захотел брать на себя ответственность. «Вам нужно все это рассказать Гиммлеру»,— посоветовал он.

Морген поехал в полевой штаб рейхсфюрера, но ему отказали в приеме. Тогда он в осторожных выражениях изложил суть дела в докладной записке рейхсфюреру. Моргену повезло: бумага прошла через бюрократический лабиринт и привлекла внимание Гиммлера. Ко всеобщему изумлению, он дал Моргену полномочия возбудить уголовное дело против Коха, его жены и всех других, причастных к этому позорному делу. Некоторые полагали, что Гиммлер поступил так из-за неприязни к куратору концентрационных лагерей, начальнику административно-хозяйственного управления СС, Освальду Полю. Гиммлер просто не подумал, что дело может стать потенциальным ящиком Пандоры, считали другие. Но были и такие, кто видел в Гиммлере «человека чести».

3

В высших эшелонах национал-социализма не было более парадоксальной личности, чем Генрих Гиммлер. Дипломаты характеризовали его как человека трезвых суждений, а движение Сопротивления считало его единственным нацистским лидером, которого можно использовать, чтобы положить конец власти Гитлера. Для генерала Хосбаха он был злым духом фюрера, холодным и расчетливым, «самой беспринципной личностью третьего рейха», а для Макса Аманна — своего рода Робеспьером или охотящимся за ведьмами иезуитом. Бывшему представителю Данцига в Лиге Наций Карлу Буркхардту Гиммлер показался зловещим типом, его поразила способность Гиммлера сосредоточивать внимание на мелочах, что делало шефа СС похожим на робота. А для дочери Гудрун он был любящим отцом. «Что бы ни говорили о моем папочке,— позднее признавалась она,— что бы о нем ни писали сейчас или в будущем,

он был моим отцом, лучшим отцом, какой мог быть, и я его любила и люблю».

Большинство подчиненных считали Гиммлера приятным, внимательным начальником, не упускающим случая продемонстрировать свой демократизм. Он играл в карты с секретарями и в футбол с помощниками и адъютантами. Однажды рейхсфюрер СС пригласил на праздничный обед в свой день рождения десяток уборщиц и заставил озадаченных офицеров выбрать из них своих дам.

Вряд ли можно найти ключ к загадочному характеру Гиммлера в его в молодые годы. Он родился в семье преуспевающего баварца среднего достатка. Молодой Гиммлер был не большим и не меньшим антисемитом, чем обычный средний молодой баварец. Короче говоря, это был типичный продукт баварского воспитания и образования — способный молодой чиновник, точный и аккуратный.

В 1922 году в возрасте 22 лет молодой националист с антисемитскими наклонностями и романтическими взглядами на войну увлекся идеями национал-социализма и его загадочного лидера. Непрестанно проявляя верноподданическое рвение, потенциально он был идеальным нацистом, и вступление в партию помогло ему начать крутое восхождение по служебной лестнице. Гиммлер был баварцем и в то же время преклонялся перед прусскими королями, прежде всего Фридрихом Великим, и всегда восхвалял прусскую расчетливость и стойкость. Темноволосый, среднего роста и с чертами лица восточного типа, весьма далекого от нордического, Гиммлер, как и его хозяин, предпочитал окружать себя высокими, белокурыми, голубоглазыми подчиненными. Он преклонялся перед физическим совершенством и спортивными достижениями, но сам постоянно страдал от судорог в желудке, едва ходил на лыжах, не умел плавать, а однажды даже упал от изнеможения в беге на 1500 метров.

Имея больше личной власти, чем кто-либо другой в рейхе, не считая Гитлера, он старался всегда держаться в тени. Будучи католиком, Гиммлер резко критиковал католическую церковь и тем не менее организовал СС в строгом соответствии с иезуитскими принципами.

Хотя его имени страшились миллионы людей, он испытывал благоговейный трепет перед фюрером. Подобно своему кумиру, Гиммлер был равнодушен к житейскому комфорту и в отличие от Геринга и других нацистских бонз ни-

когда не извлекал выгод из своего служебного положения. У него было две семьи: одна — жена с дочерью, другая — его личная секретарша Хедвиг Потхаст, родившая «папочке» сына и дочь. Он содержал обе семьи, расходуя на это почти все свои средства.

Его увлечения поражали своей эксцентричностью: космогония, магнетизм, гомеопатия, евгеника, ясновидение и колдовство. Рейхсфюрер СС поощрял эксперименты по получению бензина путем промывания водой каменного угля и «извлечения» золота из цветных металлов.

Вся его власть шла от Гитлера, но фюрер не испытывал к нему особой симпатии. «Мне нужны такие полицейские,— сказал он одному из своих приближенных,— но я их не люблю. Гитлер приказал своему адъютанту Шульце, капитану СС, ничего не сообщать Гиммлеру о ходе обсуждения военных вопросов. И в то же время он поручил рейхсфюреру осуществление самого близкого своему сердцу дела — «окончательное решение еврейского вопроса».

С самого начала Гиммлер оставался в полном смысле этого слова человеком Гитлера, его учеником и последователем. Он был правой рукой фюрера и, несмотря на лицемерные сетования по поводу массовых убийств, стал их организатором.

Однако, по-видимому, в нем сохранилось что-то человеческое.

— Мне приходилось убивать оленя,— рассказывал он своему личному врачу,— и должен вам сказать: каждый раз, когда я смотрел в его остекленевшие глаза, мне было стыдно.

Рискуя своей карьерой, он в сговоре с фельдмаршалом Мильхом спас жизнь 14 тысячам квалифицированных рабочих-евреев в Голландии. В одном случае Гиммлер освободил дезертира, в другом — простил чиновника, написавшего жалобу о жестоком обращении эсэсовцев с поляками. Когда его племянник, офицер СС, был уличен в гомосексуализме, рейхсфюрер подписал приказ о заключении его в тюрьму. Там племянник совершил ряд гомосексуальных актов, и дядя приказал его казнить. Судья СС Рольф Везер настаивал на снисхождении, но Гиммлер был непреклонен. «Я не хочу, чтобы люди говорили, что я более снисходителен к своему племяннику, чем к другим»,— объяснял он. Смертный приговор был отменен самим Гитлером.

К осени 1943 года под контролем Гиммлера нацистские

«фабрики смерти» заработали на полную мощность. В Освенциме люди шли, ничего не подозревая, в газовые камеры под музыку симфонического оркестра из заключенных. Однако в Треблинке осужденные всегда знали, что идут на смерть, и многие рыдали или хохотали в истерике. Озверевшие охранники избивали их. Грудных детей, которые мешали палачам стричь волосы матерей, хватали и били головой о стену... В случае сопротивления охранники и капо (подручные из заключенных) резиновыми дубинками загоняли нагие жертвы в грузовики, отвозившие их в газовые камеры.

Палачи не испытывали никаких сомнений в своих действиях. «Я не думал, что когда-нибудь мне придется отвечать за содеянное,— признавался на Нюрнбергском процессе бывший комендант Освенцима Гесс.— В то время было принято считать, что за все отвечает человек, отдавший приказ».

Некоторые из них с увлечением делали свою работу, превращаясь в садистов и рискуя заработать наказание от своего шефа. «Командир СС должен быть жестким, но не жестоким,— наставлял Гиммлер одного штурмбанфюрера.— Если вы столкнетесь со случаями превышения власти и чьей-то несдержанностью, немедленно вмешайтесь».

4 октября 1943 года Гиммлер созвал высшее руководство СС на совещание в Позене. Его целью было расширение круга людей, посвященных в план уничтожения евреев. Недавние разоблачения Моргена в сочетании с упорными слухами о зверствах в концентрационных лагерях вызывали опасения и даже возмущение среди самых ярых приверженцев фюрера. Теперь, когда правда начала просачиваться сквозь завесу секретности, Гитлер решил втянуть в осуществление своей программы «окончательного решения еврейского вопроса» как можно больше исполнителей, чтобы сделать их соучастниками сговора и тем самым вынудить идти с ним до конца. Фюрер понимал, что война, вероятно, уже проиграна и, скорее всего, он погибнет, но потянет за собой в могилу миллионы евреев.

Гиммлер заявил, что хочет высказаться совершенно откровенно по очень серьезному делу. «Среди своих об этом можно говорить, но публично об этом надо молчать. Я имею в виду уничтожение еврейской расы. Это цель нашей программы, и мы ее должны достичь».

После многих лет риторики эти слова прозвучали ошеломляюще. Еще большим шоком были угрозы Гиммлера в

адрес тех, кто, претворяя в жизнь программу «окончательного решения», стремится к личной выгоде. «Некоторые члены СС,— продолжал рейхсфюрер,— позорят себя, и им не будет пощады. У нас есть моральное право, долг перед своим народом уничтожить эту расу, которая хотела бы уничтожить нас. Но у нас нет права присваивать меховые шубы, часы, марки, сигареты или что-либо еще. Поскольку мы уничтожаем бактерии, мы не можем допустить заражения ими, иначе мы погибнем. В конечном счете мы можем сказать, что исполнили этот самый трудный долг из любви к своему народу. И наш дух, наш характер не должен пострадать от этого».

Два дня спустя Гиммлер выступил в том же духе перед группой гауляйтеров и рейхсляйтеров: «Приговор — евреи должны быть уничтожены — легко произнести. Но привести его в исполнение — невероятно трудное дело. Я прошу вас не распространяться о том, что мы обсуждаем в этом кругу. Встает вопрос: что делать с женщинами и детьми? Ответ ясен. Надо принять твердое решение: этот народ должен исчезнуть с лица земли».

В зале воцарилось гробовое молчание. Как вспоминал Бальдур фон Ширах, «Гиммлер говорил об истреблении мужчин, женщин и детей с ледяной холодностью, как бухгалтер, представляющий финансовый отчет. В его речи не было никаких эмоций». Остановившись на трудностях выполнения этой задачи, Гиммлер в заключение сказал: «Теперь вы знаете истинное положение дел. Возможно, позже мы решимся сказать об этом немецкому народу. Но, вероятно, лучше нести ответственность нам самим от имени нашего народа и унести этот секрет с собой в могилу». Он поступал как Брут, который пытался заставить своих друзей обагрить руки кровью Цезаря.

Борман закрыл совещание, пригласив всех на обед в соседнем зале. Ширах и другие участники совещания избегали смотреть друг другу в глаза. Большинство поняло, что Гиммлер сказал им правду, чтобы сделать своими соучастниками, и в этот вечер они так напились, что некоторых пришлось на руках тащить в поезд, отправлявшийся в «Волчье логово».

4

Жертвами гитлеровского «нового порядка» были не только евреи. Миллионы других, особенно на оккупированной территории СССР, подвергались беспощадному уничтожению. При очередном посещении «Волчьего логова» высокопоставленный чиновник ведомства Риббентропа, специалист по «восточным проблемам» Петер Кляйст подверг критике эту политику, представив фюреру подробный меморандум. Прочитав его, Гитлер сказал:

— Вы нарисовали мне очень неприглядную картину положения в России. А не думаете ли вы, что уступки амбициозным требованиям националистически настроенных политиков всего лишь иллюзия? Националисты подумают, что мы слабы, и их амбиции подтолкнут их к новым требованиям.

Кляйст говорил смело, объяснив, что он имеет в виду не уступки чьим-то требованиям, а создание условий, которые позволят народам оккупированных стран сделать выбор в пользу Германии. Гитлер слушал его, задумчиво уставившись в пол.

— Обратного пути у меня нет,— после долгого молчания произнес фюрер, глядя в бесконечность.— Любое изменение в моей политике, учитывая нынешнюю военную ситуацию, будет истолковано как сдача позиций.

Он обещал подумать о более либеральном курсе, как только положение на Восточном фронте изменится в пользу Германии.

Вдруг Гитлер пытливо взглянул на Кляйста. Его спокойствие сразу улетучилось, фюрер заговорил резким тоном:

— Это иллюзия. Вы думаете только о сегодняшнем дне, и в этом ваша ошибка. Я должен думать о будущем. Через сто лет в Германии будет 120 миллионов жителей. Для такого населения надо иметь жизненное пространство. Я не могу предоставить восточным народам независимость. В политике не место иллюзиям. Жизненное пространство для меня — решающий вопрос на Востоке.

Репрессивная политика продолжалась. Альфред Розенберг, протестуя против нее, в письме Кейтелю сообщал: из 3 600 000 советских военнопленных лишь несколько сотен тысяч могут считаться относительно здоровыми. Остальные

либо умирают с голоду, либо их расстреливают.

Многие советские военнопленные, наряду с узниками концлагерей, использовались в медицинских экспериментах: их подолгу держали голыми на снегу или в ледяной воде, поднимали на большую высоту, травили ипритом и ядовитыми пулями. Польских женщин в лагере Равенсбрюк заражали газовой гангреной; цыган в Дахау и Бухенвальде поили морской водой, испытывая человеческий организм на выносливость...

Оккупационные власти по всей Европе санкционировали массовые казни в качестве репрессий за акты диверсий и бунтов. Эти жестокие меры были узаконены приказом фюрера от 7 декабря 1941 года, когда он понял, что надежда на взятие Москвы рухнула и конечная победа стала сомнительной. Его закон имел странное название — «Декрет ночи и тумана». В нем говорилось, что все лица, подвергающие угрозе безопасность немцев, кроме тех, кого нужно расстреливать на месте, должны «исчезнуть без всяких следов», без каких-либо сообщений их семьям.

К осени 1943 года гитлеровский «новый порядок» в Западной Европе, официально пропагандируемый как объединение государств для общего блага, проявил свое истинное лицо: он означал всеобщее ограбление. Столкнувшись с нежеланием миллионов людей быть бесправными вассалами, Гитлер употребил грубую силу. На акты саботажа и диверсий оккупационные власти отвечали массовыми арестами и казнью заложников. Свыше 20 тысяч человек были расстреляны и повешены в Голландии и Франции. Обычной практикой стал узаконенный грабеж. В Германию устремились эшелоны с добычей — продовольствием, одеждой и произведениями искусства из Норвегии, Голландии, Бельгии, Люксембурга, Франции и Дании. Кроме этого, порабощенные страны несли громадные расходы на содержание оккупационных войск. Только Франция тратила на это 7 миллиардов марок в год.

«Объединенная» Европа, разумеется, означала полное господство Германии, которое обеспечивалось гестапо и местной полицией. Однако при всей своей жестокости и репрессиях гитлеровский «новый порядок» нашел немало приверженцев. Значительная часть населения оккупированных стран сотрудничала с нацистскими властями, чтобы обеспечить себе сравнительно спокойную жизнь. Люди считали, что забастовки, нападения на немецких надсмотрщиков,

саботаж и диверсии неизбежно приведут в худшем случае к ужесточению репрессий, а в лучшем — к снижению их собственного уровня жизни. Не лучше ли, рассуждали многие, как-то уживаться с оккупантами?.. Правда, немало людей вступало в ряды Сопротивления, но часто, как это имело место во Франции, патриотическое движение было расколото кровавым, истощающим силы соперничеством между коммунистическими и националистическими отрядами. Лишь в Югославии движение Сопротивления было поистине значительным, но и оно ослаблялось междоусобной борьбой между коммунистом Тито, стремившимся объединить все антигитлеровские силы, и сербским националистом Михайловичем.

Хотя конечной целью Гитлера было включение большей части Европы в состав Германской империи, он не покушался на Англию.

«Ради блага мира,— говорится в тайных записях фюрера,— статус Англии должен остаться без изменений. После окончательной победы мы добьемся примирения. Только король должен будет уступить свое место герцогу Виндзорскому. С ним мы заключим не мирный договор, а бессрочный договор о дружбе...»

«Скандинавия и Иберийский полуостров,— продолжал он,— должны войти в будущее содружество, и таким образом будет осуществлен замысел объединенной Европы, намеченный Карлом Великим, принцем Евгением Савойским и Наполеоном... Самым важным пунктом окончательной победы будет исключение Соединенных Штатов из мировой политики на все времена и уничтожение их еврейской общины. Геббельс на посту губернатора будет иметь диктаторские полномочия для полного перевоспитания расово смешанного и неполноценного населения. Геринг также должен помочь в этом отношении, прежде всего путем мобилизации всех людей с немецкой кровью — по крайней мере пятидесяти процентов населения — с тем, чтобы воспитать их в боевом духе и возродить как нацию».

5

Пока Гитлер думал о своих грандиозных завоевательных планах, охватывающих пять континентов, его армии на Востоке беспорядочно отступали, неуклонно приближаясь к фатерланду. Воодушевленное крахом операции «Цитадель», советское верховное командование уверенно и смело перешло к наступлению. В последние шесть месяцев 1943 года Красная Армия продвинулась в ряде мест на 400 километров, отбросив немцев на юге и в центре.

Это побудило Гитлера к ускорению «окончательного решения», и в начале 1944 года он решил расширить круг посвященных. 26 января Гиммлер выступил на совещании генералов и адмиралов в Позене. В присущей ему холодной манере он рассказал, что Гитлер поручил ему миссию уничтожения. «Я могу вас заверить, что еврейский вопрос будет решен»,— пообещал рейхсфюрер СС, заканчивая свое выступление.

Аудитория разразилась аплодисментами. Один генерал вермахта, сидевший рядом с полковником фон Герсдорфом (который несколько месяцев назад безуспешно пытался подорвать бомбой и Гитлера и себя) в восторге вскочил на стул. Из всего зала лишь несколько человек не аплодировали...

Спустя несколько недель Гиммлер продолжил свою «просветительскую» кампанию. Выступая перед группой адмиралов, он отдал приказ убивать женщин и детей: «Я был бы преступником перед нашими потомками, если бы позволил переполненным ненавистью сыновьям недочеловеков превратиться в мужчин».

В последние дни 1943 года Гитлер погрузился в глубокую депрессию. Его войска потерпели новые поражения под Ленинградом и по всей Украине. А из-за вскрытия фактов массовой коррупции среди лагерной администрации в Бухенвальде оказалась под угрозой его программа «расового очищения». Усилия неутомимого Моргена в конце концов принесли плоды. Сообщник коменданта лагеря Коха по имени Келер «раскололся» и согласился давать показания. Как важный свидетель, он был посажен в тюрьму, но через несколько дней заключенного нашли мертвым в его камере. Перед лицом неопровержимых улик не выдержал и Кох. Он

признал, что обогащался за счет заключенных и, чтобы скрыть это, убил некоторых из них.

Успешное судебное преследование Коха ни в коей мере не умерило чувство справедливости Моргена. Он снова отправился в Польшу. В Люблине его встретил комендант лагеря Вирт, который когда-то встречал Герштайна в Бельзеце. Он с гордостью сообщил, что построил четыре лагеря уничтожения в районе Люблина и организовал четкую систему умерщвления узников. Каждый лагерь, объяснял он, построен как «потемкинская деревня». Когда поезда подъезжают к станции, их пассажиры считают, что прибыли в город.

Вирт или его помощник встречали прибывших заключенных словами: «Евреи, вас привезли сюда для переселения, но прежде чем мы организуем будущее еврейское государство, вы должны научиться работать, научиться новой профессии». После этого начинался «марш смерти».

Описание всего процесса показалось Моргену «совершенно фантастическим». Он увидел горы разной добычи и понял, что «здесь творится что-то ужасное». Никогда в жизни этому человеку не приходилось видеть столько денег, особенно иностранной валюты. Разинув в изумлении рот, он смотрел на золотоплавильную печь, из которой извлекались слитки драгоценного металла.

Морген побывал во всех четырех лагерях, построенные Виртом,— Майданеке, Треблинке, Собиборе и Бельзеце, и в каждом видел вещественные доказательства казней — газовые камеры, печи, массовые могилы. Это были преступления в ужасающем масштабе, но он был не в состоянии их прекратить, так как приказ поступил непосредственно из канцелярии фюрера. Его единственным средством были судебные преследования за «произвольные убийства». Эти дела можно было возбуждать в судах СС. Морген приступил к сбору доказательств и делал это упорно, несмотря на все помехи, и, наконец, нашел достаточно фактов для возбуждения дел против двух высших чинов Майданека.

Морген многое узнал от словоохотливого Вирта. Однажды тот мимоходом заметил, что его коллега по имени Гесс руководит крупным лагерем уничтожения около Освенцима. Морген взял этот лагерь на заметку, но его полномочия были ограничены, и ему предстояло найти основания для командировки,— и он их нашел, приняв к производству нераскрытое дело о краже золота, в котором были замешаны

два человека из штаба Гесса. В начале 1944 года неутомимый Морген приступил к следствию в лагерях смерти близ Освенцима. Ему не составило особого труда обследовать многочисленные склады с добычей, газовые камеры и крематории. Но всякий раз, когда он заходил слишком далеко в своем любопытстве, расследование блокировалось. Морген решил вернуться в Германию с тем, чтобы заняться более важным делом — установить, кто санкционировал массовые убийства.

Он поставил своей целью добиться личной аудиенции у Гиммлера и ясно дать рейхсфюреру СС понять, что система умерщвления миллионов людей ведет Германию «прямо в пропасть». Но прежде чем попасть к рейхсфюреру, предстояло пройти через многочисленные бюрократические инстанции. Сначала нужно было доложить о своем намерении непосредственному шефу — начальнику уголовной полиции Небе. Тот слушал подчиненного, онемев от неожиданности, и, обретя наконец дар речи, посоветовал Моргену немедленно сообщить обо всем Кальтенбруннеру. Тот, изобразив на лице неподдельный ужас, обещал поговорить с Гиммлером и Гитлером. Далее следовал главный судья СС Брайтхаупт, который пообещал организовать встречу Моргена с Гиммлером. Но дальше приемной рейхсфюрера Морген так и не попал. Это убедило его в том, что лучше идти иным путем — использовать «щели» в самой системе уничтожения. Он не мог привлечь к ответственности главу государства, по приказу которого совершались убийства, но мог возбуждать дела несанкционированным убийствам.

Морген приступил к выполнению этой задачи, надеясь возбудить как можно больше дел и тем самым нанести максимально возможный ущерб всей системе уничтожения. Он расширил объем своих расследований, заслужив прозвище «кровавого судьи». Всего Моргену удалось возбудить около 800 дел о коррупции и убийствах, из них 200 завершились судебными приговорами. Был расстрелян комендант Бухенвальда Карл Кох, а также комендант Майданека и его главный помощник. Комендант лагеря в Хертогенбоше за жестокое обращение с заключенными был отправлен в штрафные войска, а комендант Флоссенбурга уволен за пьянство и разврат.

Эти судебные процессы вызвали к началу весны 1944 года такую тревогу и недовольство в нацистской иерархии, что Гиммлер, несомненно, по приказу Гитлера дал указание

Моргену прекратить дальнейшее расследование. «Кровавый судья» зашел слишком далеко. Он собирался заняться делом Рудольфа Гесса и лагерями в Освенциме. Устроенный чересчур усердным следователем переполох вызвал откатную волну. Комендант Вирт получил приказ уничтожить три из построенных им четырех лагерей — в Треблинке, Собиборе и Бельзеце, при этом не оставив никаких следов. После выполнения этой задачи он был отправлен в Италию, где погиб в бою с партизанами. Тем временем, несмотря на официальный запрет, Морген тайно продолжал предпринимать свои контрмеры, направленные против нацистской политики геноцида. Его особенно заинтересовал офицер СД по фамилии Эйхман.

Морген обвинил в совершении садистских преступлений жену бухенвальдского коменданта Ильзу Кох, но суд не счел его доказательства достаточными. После войны американские оккупационные власти предложили Моргену дать показания, что фрау Кох делала из кожи заключенных абажуры. Он отказался, сославшись на отсутствие улик, хотя в целом был убежден в ее садизме. За этот отказ он подвергся угрозам. Но Морген оказался твердым орешком. Ничто не смогло заставить этого человека дать показания, для которых у него не было тогда достаточных оснований. Морген пережил гонения и затем долгое время работал юристом в Западной Германии.

Часть IX. НАД ПРОПАСТЬЮ

Глава 28. АРМЕЙСКИЙ ЗАГОВОР (ноябрь 1943 — 21 июля 1944 г.)

1

Накануне двадцатой годовщины «пивного путча» генерал Йодль в секретном докладе на совещании рейхсляйтеров и гауляйтеров в Мюнхене дал откровенную характеристику тяжелого военного положения Германии. Он говорил о крупных поражениях в России, о неудаче вовлечения в войну Испании и о «самом чудовищном предательстве в истории» — выходе из войны Италии. Йодль признал, что союзники обладают таким воздушным превосходством, что их массированные высадки не могут быть отражены нынешними силами. По его словам, единственный выход — мобилизовать всех немцев, способных носить оружие. Отвлекать войска с Востока нет возможности — там «слишком жарко». Чтобы решить проблему рабочей силы, настала пора принять меры для привлечения к строительству оборонительных сооружений на Западе «тысяч бездельников из Дании, Голландии, Франции и Бельгии». Йодль сообщил, что приказы на этот счет уже отданы. Мрачная картина завершилась признанием в том, что налеты союзной авиации осложняют военное положение Германии. Воздушное превосходство противника над Атлантикой сковывает действия подводного флота. В то же время, заявил Йодль, есть значительные основания для веры в окончательную победу. Бог дал немцам лидера, который является душой нации. Его сила воли вдохновляет германские вооруженные силы. Он олицетворяет единство политического и военного руководства, какого не было со времен Фридриха Великого.

Спустя два дня Гитлер выступил в пивном зале «Левенбройкеллер». Он говорил с такой уверенностью и страстью, что сумел поднять настроение не только присутствующих в зале, но и радиослушателей.

Через несколько недель эти попытки вдохновить партию и народ были подорваны ухудшением политического и во-

енного положения. Венгры с завистью смотрели на выход Италии из войны, румыны остро переживали гибель своих восемнадцати дивизий на Волге. Сам вермахт за последние двенадцать месяцев потерял 1 686 000 человек. Восполнить потери было трудно. Пришлось отменить отсрочку от призыва для младших и единственных в семье сыновей, в армию стали призывать 50-летних ветеранов первой мировой войны.

Перспектива очередной катастрофической зимы на Восточном фронте сделала мрачной атмосферу в «Волчьем логове». Фюрер словно забыл о рождественских праздниках. Не было ни елки, ни свечей. 26 января 1944 года он вызвал в Растенбург несколько сот генералов и адмиралов. Остановившись на идеологическом факторе, фюрер в очередной раз призвал своих слушателей проникнуться духом национал-социализма.

— Мои генералы и адмиралы!— воскликнул он.— Если провидение откажет нам в победе в этой битве не на жизнь, а на смерть, и если по воле Всемогущего наша борьба закончится катастрофой для немецкого народа, тогда вы должны сплотиться вокруг меня с поднятыми мечами и до последней капли крови сражаться за честь Германии!

Гитлер ждал, что все сейчас встанут и зааплодируют, но зал молчал. Побледневший фюрер обвел аудиторию пронзительным взглядом и, не закончив речь, покинул зал.

Серые зимние дни ему в некоторой степени скрашивала великолепная кухня. Новая повариха Марлен фон Экснер была молодая, красивая венка. Фюреру нравилось бывать в ее компании, и они подолгу беседовали. Ее семья поддерживала национал-социализм, еще когда он был вне закона. Единственное, в чем она упрекала Гитлера, было его аскетическое меню. Как можно, сокрушенно жаловалась повариха фюрера его секретарше Траудль Юнге, постоянно жить на вегетарианском супе, моркови, картошке и яйцах всмятку! Марлен боялась, что ее однообразные блюда когда-нибудь опостылеют фюреру, и она будет уволена. Вскоре это действительно произошло, но по другой причине.

Борман, приставания которого фрау фон Экснер отвергала, установил, что в ней со стороны матери была примесь еврейской крови. Неистовый поборник национал-социалистской идеи убедил своего шефа уволить «расово неполноценную» повариху. Но фюрер заплатил ей шестимесяч-

ное жалованье и сделал всю семью Экснеров «почетными арийцами».

В конце февраля Гитлер вернулся в Бергхоф. Тем временем здания в «Волчьем логове» укрепляли против воздушных налетов. Но жизнь в Бергхофе была почти такой же безрадостной. «Показное веселье, легкие разговоры и разнообразие гостей,— вспоминала Траудль Юнге,— не могли развеять тревогу, которая поселилась в наших сердцах».

Увидев фюрера после долгой разлуки, Ева была расстроена его видом.

— Он стал таким старым и мрачным,— пожаловалась она Траудль.— Не знаете, что его беспокоит?

Секретарша была смущена.

— Вы знаете фюрера намного лучше, чем я... Положение на фронтах — достаточная причина для тревоги.

Как-то за чашкой чая Ева упрекнула Гитлера в том, что он сутулится, но фюрер отшутился: «Это потому, что у меня в кармане тяжелые ключи. Кроме того, у меня целый мешок проблем.—Он улыбнулся.— Теперь мы будем ладить лучше. Ты всегда ходишь на высоких каблуках, а я сутулюсь, вот мы и сравняемся».

В последний день февраля Бергхоф посетила необычная гостья. Летчица Ханна Райч приехала подсказать фюреру, как победить в войне. Новая ракета «Фау-1», считала она, слишком сложна и ненадежна. Лучше всего иметь пилотируемые ракеты. И она вызвалась быть первым испытателем-добровольцем.

Гитлер с ходу отверг это предложение. Немецкий народ в данный момент психологически не воспримет такую самоубийственную идею, решительно заявил фюрер. Он изменил тему беседы, заговорив о реактивном самолете, своем тайном оружии. Ханна знала, что реактивный двигатель пока находится на самых ранних стадиях разработки, и заметила:

— Мой фюрер, вы говорите о внуке в зародыше,— и снова заговорила о пилотах-самоубийцах.

К ее удивлению, Гитлер дал согласие на проведение подготовительных работ.

В Бергхофе почти постоянно шел снег, и уединение, казалось, улучшило настроение Гитлера. За обедом он начал высмеивать свои ранние акварели, ныне покупаемые по высокой цене.

— Что за глупость,— деланно возмущался фюрер,—

платить больше 200 марок за такую халтуру! Я ведь не собирался быть художником. Я лишь рисовал эти вещи, чтобы заработать на жизнь.

Все акварели были проданы, но свои архитектурные наброски он сохранил.

— Они для меня — самые ценные вещи, моя интеллектуальная собственность, с которой мне трудно расстаться,— признавался фюрер.— Не надо забывать, что все мои нынешние идеи, мои архитектурные планы рождались тогда, когда я просиживал ночами над листом ватмана.

Жизнь в Бергхофе, по-видимому, помогла фюреру почувствовать себя увереннее, и когда приехал Геббельс, расстроенный первыми американскими дневными бомбардировками, Гитлер постарался приободрить его. Но на встрече с регентом Венгрии адмиралом Хорти в замке Клесхайм 17 марта фюрер потерял самообладание и обвинил венгров в том, что по примеру Италии они замышляют предательство.

Оскорбленный Хорти приказал подготовить свой специальный поезд к отъезду, но Риббентроп организовал фальшивую воздушную тревогу с дымовой завесой над замком, и регенту пришлось остаться. Когда гость успокоился, Риббентроп сообщил ему, что теперь можно ехать, и зачитал проект совместного коммюнике, в котором было сказано, что ввод немецких войск в Венгрию осуществлен по взаимному согласию.

— С таким же успехом,— запротестовал адмирал,— вы могли бы добавить, что я просил Гитлера оккупировать Венгрию словацкими и румынскими войсками — именно этим он мне угрожал!

Фраза была исключена, но когда Хорти вернулся в Будапешт, он узнал, что его страна оккупирована одиннадцатью немецкими дивизиями.

Нервный срыв в Гитлера завершился победой, но на самом деле она оказалась военно-политическим просчетом: драгоценные дивизии пришлось отвести и с Запада, где по всем признакам готовилось вторжение американских войск, и с Востока, где, как докладывал авторитетный специалист по разведке Гелен, противник планировал начать крупное наступление на Украине, которое могло иметь «далеко идущие политические, военные и экономические последствия для общего хода войны в Европе». Гелен считал, что единственным способом перехвата инициативы является проведе-

ние стратегически смелых отходов. Но, верный своей линии на удержание любой ценой каждой пяди захваченной территории, фюрер отклонил это предложение.

Возможно, такому решению способствовало плохое состояние здоровья Гитлера. Не только Ева, но и другие замечали, что у фюрера дрожат колени, когда он долго стоит, а левая рука подергивается так, что позванивает чашка на блюдце. В начале мая у Гитлера возобновились спазмы желудка. Игнорируя совет доктора Мореля пройти курс массажа и совершать длительные прогулки, он лишь согласился принимать кардизол и делать внутривенные инъекции еще двух стимулирующих лекарств. Казалось, фюрер не придавал значения своему здоровью и лишь стремился на какое-то время продлить свое существование, чтобы успеть завершить начатое дело.

Этой весной вражеские самолеты избрали своей постоянной целью Баварию. Почти ежедневно ревели сирены воздушной тревоги, и Гитлер спускался по шестидесяти пяти ступенькам в глубокий бункер. Но на Бергхоф бомбы пока не падали. В ясную погоду можно было видеть зарево пожарищ над Мюнхеном, и Ева уговаривала фюрера разрешить ей съездить посмотреть, цел ли ее дом. В конце концов Гитлер согласился. Она вернулась, потрясенная увиденными разрушениями, а фюрер так разъярился, что поклялся отомстить врагу.

— В Англии разразится паника,— предсказал он, сообщив ей о новой ракете.— Перед этим оружием никто не устоит. Я отплачу этим варварам, которые истребляют женщин и детей и уничтожают немецкую культуру.

Воздушные тревоги стали такими привычными, что многие обитатели Бергхофа начали их игнорировать.

Однажды рано утром Траудль Юнге соскочила с кровати и бросилась в убежище, но там никого не было. Поднявшись наверх, секретарша у входа наткнулась на Гитлера, беспокойно глядящего на небо. Тот укоризненно погрозил ей пальцем и сказал:

— Не будьте такой беззаботной, фройляйн, вернитесь в бункер, отбоя еще не было.

В начале мая американские дневные налеты на стратегически важные объекты в Центральной и Восточной Германии поставили под угрозу всю программу производства вооружений. Суточное производство уменьшилось с 5850 до 4820 тонн. «Противник нанес нам удар в самое уязвимое

место,— доложил Гитлеру Шпеер.— Если так будет продолжаться, у нас больше не останется топлива. Остается только надеяться, что у противника такой же бездарный штаб авиации, как и у нас».

Через несколько дней Гитлер созвал совещание специалистов по экономическому планированию. Представители четырех крупнейших промышленных концернов согласились с тем, что если воздушные налеты будут продолжаться, ситуация станет безнадежной. Гитлер привычно возразил, что стране довелось пережить худшие кризисы, но когда промышленники обосновали свои выводы цифрами и фактами, Гитлер наконец услышал печальную правду и, очевидно, понял, что это начало развала немецкой экономики.

2

Маневренная тактика, которую немцы так успешно применяли на Восточном фронте, теперь обернулась против них. И речи быть не могло о новом летнем наступлении. Поражение под Курском положило конец всем надеждам на успех. Несмотря на тяжелые потери в живой силе за последние три года, Россия все еще располагала почти 300 дивизиями численностью свыше 5 миллионов человек против 200 недоукомплектованных немецких дивизий, в которых едва набиралось 2 миллиона человек. Но самым болезненным сюрпризом для немцев были не потрясающие резервы Красной Армии, а ее стойкий боевой дух.

Возрастала угроза вторжения на Западе. В начале июня Гитлер сказал своим военным советникам:

— Возможная высадка американцев в Европе решит исход всей войны. Если нам удастся сорвать эти планы противника, новая попытка будет предпринята не скоро. Это будет означать, что у нас освободятся резервы для боевых действий в Италии и России. Восточный фронт можно будет по крайней мере стабилизировать. Но если вторжение с Запада состоится, это будет означать окончательный разгром. Мы не можем победить в позиционной войне хотя бы потому, что каждый шаг назад означает растягивание ли-

нии фронта, а на это у нас нет существенных резервов. Поэтому высадка должна быть сорвана.

Задачу предотвращения «второго фронта» на Западе Гитлер возложил на фельдмаршала Роммеля, который совершенно не по своей вине проиграл кампанию в Северной Африке. Роммель был убежден, что лучше всего остановить вторжение прямо на побережье. Его престарелый начальник, главнокомандующий Западным фронтом Герд фон Рундштедт придерживался противоположного мнения. Решающее сражение надо дать подальше от побережья, считал он. Все танковые и тактические резервы должны быть в глубине Франции, с тем чтобы они могли окружить и разгромить противника.

Гитлер принял компромиссное решение, не удовлетворившее ни того, ни другого. Он забрал у Роммеля танковые соединения, но расположил их намного ближе к побережью, чем этого хотел Рундштедт.

Утром 4 июня Роммель на машине выехал в Германию. Внешне это объяснялось желанием фельдмаршала увидеться с женой, у которой 6 июня был день рождения. На самом деле его целью было убедить Гитлера перебросить две танковые дивизии и одну моторизованную бригаду в Нормандию. Роммель считал, что время для краткосрочного отпуска было удачным: на ближайшие две недели синоптики предсказывали штормовую погоду, которая исключала какие-либо действия противника со стороны моря.

А на другом берегу Ла-Манша главнокомандующему союзными войсками генералу Дуайту Эйзенхауэру предстояло принять трудное решение. Вторжение под кодовым названием «Оверлорд» должно было начаться 5 июня, но из-за неблагоприятного прогноза погоды генерал был вынужден отложить его по крайней мере на сутки. В своем штабе в лесу близ Портсмута он взвешивал все «за» и «против» риска высадки в плохую погоду или отсрочки до июля. Уже более 200 тысяч человек знали об операции, и к июлю о ней станет известно противнику. Вечером поступила новая сводка погоды: до утра 6 июня она будет сравнительно благоприятной, но потом ожидается резкое ухудшение. Эйзенхауэр опросил своих генералов. Большинство высказалось «за», и командующий принял решение: 6 июня союзники высадятся на побережье Нормандии.

В 0.15 6 июня по британскому летнему времени восемнадцатилетний парашютист Мэрфи приземлился в саду

школьной учительницы во французском городке Сент-Мер-Эглиз. Это было началом «Оверлорда». Через час в штаб 7-й армии вермахта поступили первые неясные и противоречивые сообщения. В 3.00 Рундштедт доложил в ставку фюрера в Бергхофе, что в Нормандии высадился крупный воздушный десант противника. Через три часа начальник штаба Рундштедта сообщил, что это, вероятно, начало вторжения, и попросил перебросить к району высадки четыре танковые и моторизованные дивизии из резерва главного командования вермахта.

Но Йодль был уверен, что это отвлекающая атака. Его ввела в заблуждение секретная операция «Телохранитель»: союзники организовали «утечку» в ставку фюрера ложного военного плана, согласно которому главная высадка должна была произойти в самом узком месте Ла-Манша — Па-де-Кале. Поэтому Йодль даже не посчитал нужным разбудить фюрера. Кто-то предложил позвонить Гитлеру, но аристократичный Рундштедт, называвший фюрера «богемским ефрейтором», счел это ниже своего достоинства.

Только в 9.00 фюрера разбудили, но не из-за высадки союзников, а потому, что предстояла встреча с диктаторами Венгрии, Словакии и Румынии — Хорти, Тисо и Антонеску. Гитлер спокойно выслушал доклад, потом приказал вызвать Кейтеля и Йодля. К их приходу он уже не был таким спокойным.

— Так что это, вторжение или нет?!— с негодованием прокричал фюрер. Резко повернувшись, он направился к выходу.

По дороге в замок Клесхайм, где ему предстояла встреча с тремя европейскими диктаторами, фюрер был оживлен и заявил, что русских он сможет сдержать, а англосаксов уничтожит перед Атлантическим валом.

К 16.00 Гитлер вернулся в Бергхоф к позднему обеду с Евой и другими гостями. На этот раз главной темой его монолога было вегетарианство. «Слон — самое сильное животное, а он ведь не ест мяса»,— доказывал фюрер. Как обычно, после обеда все направились в «Чайный дом». После чая Гитлер с час подремал, а в 23.00 созвал очередное военное совещание, на котором выразил мнение, что это вторжение — трюк, а главная высадка будет совершена в районе Кале. Ничто не могло его переубедить. Лжеоперация «Телохранитель» удалась.

К полуночи союзники продвинулись вперед на участке

глубиной в 50 километров. Немцы были застигнуты врасплох, их авиация и флот нейтрализованы, береговая оборона сломлена. Противник добился стратегически важной победы ценой менее 2500 жизней.

3

Гитлер был настолько убежден, что высадка в Нормандии всего лишь отвлекающий маневр, что в первые дни не принял решительных мер по ликвидации плацдарма союзников и отказался предоставить свободу действий командованию Западного фронта. Между тем союзники обеспечили себе полное воздушное превосходство над Францией. 12 июня в качестве возмездия Гитлер приказал начать запуск ракет «Фау-1» на Лондон — за два дня до намеченного срока. Но удалось запустить лишь десять ракет, из них четыре сразу же упали, две исчезли, а другие разрушили железнодорожный мост. После этого фиаско Геринг поспешил напомнить Гитлеру, что это программа Мильха. Но когда через два дня были запущены 244 ракеты, вызвавшие грандиозные пожары в Лондоне, рейхсмаршал спешно приписал это достижение себе.

Все это, однако, никак не повлияло на события в Нормандии. За десять дней союзники высадили здесь почти миллион человек и 500 тысяч тонн грузов. Ситуация стала настолько угрожающей, что 17 июня Гитлер отправился на машине в район Суассона, где встретился с Рундштедтом и Роммелем. Как вспоминал генерал Ганс Шпайдель, «фюрер выглядел бледным и невыспавшимся, нервно перебирал пальцами очки, потом раздраженно заговорил о своем недовольстве высадкой союзников, ответственность за которую он возложил на полевых командиров».

Основное бремя возражений Гитлеру взял на себя Роммель. Он открыто заявил, что борьба безнадежна, учитывая подавляющее превосходство союзников в воздухе, на море и на суше. Есть только один шанс: прекратить самоубийственную тактику удержания каждой пяди территории, немедленно отвести немецкие войска, перегруппировать все бронетанковые силы для решающего сражения за предела-

ми досягаемости огня корабельной артиллерии противника. Гитлер заверил своих военачальников, что его новое оружие возмездия «заставит англичан пойти на мир». Это был болезненный вопрос для Рундштедта и Роммеля, потому что их просьбы использовать «Фау-1» против английских южных портов, снабжающих силы вторжения, были отклонены Гитлером на том основании, что ракеты должны сосредоточиться на политической цели. Оба фельдмаршала ограничились критикой люфтваффе: как можно победить на суше без хотя бы минимальной поддержки с воздуха? Гитлер ответил, что «массы истребителей» скоро очистят небо от американских и английских самолетов. Он умолчал о том, что, несмотря на решительные возражения Мильха, новый реактивный самолет, выпуск которого недавно начался, был гибридом истребителя и бомбардировщика, неэффективным и в той, и в другой роли.

Нарастающий гул авиации противника вынудил всех перейти в подземный бункер. Перемена обстановки придала Роммелю больше смелости. Он сказал, что противник неизбежно прорвет фронт и устремится в Германию. Далее фельдмаршал предсказал, что рухнет и Восточный фронт, и рейх будет политически изолирован. Поэтому он решительно настаивает на скорейшем прекращении войны.

— Не беспокойтесь о будущем ходе войны,— резко ответил Гитлер.— Лучше займитесь своим фронтом.

Вскоре после окончания встречи ракета «Фау-1», посланная на Лондон, сбилась с курса и взорвалась на крыше командного бункера. К счастью, никто не пострадал, и Гитлер сразу отправился в Бергхоф. Вернулся он в мрачном настроении и объявил:

— Роммель растерялся, стал пессимистом. В такие времена только оптимисты могут чего-то добиться.

Через два дня Рундштедт доложил, что американцы прорвались и наступают через полуостров Котантен. Если немецкие войска срочно не отвести из-под Шербура, они будут отрезаны.

— Крепость Шербур должна быть удержана любой ценой,— ответил фюрер.

Правда, в самый последний момент он разрешил отход, чтобы избежать окружения шербурской группировки.

В этот период Гитлер сохранял самообладание, удивлявшее его близкое окружение, прислушивался он и к критике.

На ночном совещании 23 июня генерал Дитль, недовольный презрительными замечаниями фюрера в адрес финнов, капитулирующих перед Россией, стукнул кулаком по столу и резко сказал:

— Мой фюрер, я должен говорить с вами как баварец!— и обвинил Гитлера в том, что он несправедлив в своих оценках.

Ко всеобщему удивлению, фюрер ответил, что Дитль прав, тепло с ним простился, потом повернулся к остальным и сказал:

— Хотел бы я, чтобы все мои генералы были такими.

Так же обошелся фюрер с адмиралом Деницем, который в день назначения его командующим флотом открыто выступил против одного из предложений Гитлера. С тех пор он всегда вежливо и внимательно выслушивал мнение адмирала. В это беспокойное время фюрер услышал критику даже от своей молоденькой секретарши. Увидев однажды, что он рассматривает фотоснимки воздушных налетов, Траудль Юнге отважилась сказать, что эти фотографии не могут дать истинную картину бедствия. Ему следовало бы как-нибудь пройтись и посмотреть, как люди «моют руки на обгорелых досках, так как все их имущество превратилось в дым». Гитлер не рассердился.

— Я знаю,— сказал он, вздохнув.— Но я все это изменю. Мы построили новые самолеты, и скоро весь этот кошмар окончится.

Однако он упорно не желал слушать полевых командиров в Нормандии, и в результате положение там стало безнадежным. 26 июня американцы заняли Шербур. У немцев не было шансов перехватить инициативу. Их армии отныне были вынуждены вести чисто оборонительные бои. Третий рейх стоял перед катастрофой.

А в Бергхофе удрученный и несколько рассеянный фюрер в это время заверял представителей военной промышленности в неприкосновенности частной собственности и сохранении свободного предпринимательства. Ближе к концу речи Гитлер пообещал отблагодарить деловых людей, как только наступит мир. Но аплодисменты были настолько жидкими, что он пригрозил:

— Если Германия проиграет войну, немецкий частный капитал не выживет. После разгрома немцам не потребуется переходить к мирной экономике. Всем тогда придется думать о том, как перейти в мир иной. Сделать ли это само-

му, позволить ли себя повесить, умереть с голоду или трудиться в Сибири...

Через три дня Гитлер вызвал Рундштедта и Роммеля в Бергхоф. Он с ходу отказался рассматривать предложение Роммеля с боями отступить к Сене, стянуть туда армии из Южной Франции и создать новую линию обороны вдоль реки вплоть до границы с Швейцарией. Фюрер предпочел говорить о контрнаступлении.

— Не будет никаких отходов — ни общего, ни тактического. Война будет выиграна новым чудо-оружием,— сказал он.

Роммель воспринял это как фантастику. Оба фельдмаршала ушли в тяжелом настроении. Кейтель обреченно признался Роммелю:

— Обидно, но ничего нельзя сделать.

Через два дня задуманное Гитлером контрнаступление позорно провалилось, и это побудило Рундштедта предупредить Кейтеля, что наступает конец.

— Что же нам делать?— спросил Кейтель.

— Заключить мир, вы, идиоты!— взорвался Рундштедт.— Что же еще?

Кейтель доложил об этом Гитлеру, который беседовал с фельдмаршалом Гюнтером фон Клюге. Фюрер тут же назначил Клюге главнокомандующим Западным фронтом и написал Рундштедту вежливое уведомление о том, что в его услугах вермахт больше не нуждается.

4

Заговорщики, которые безуспешно пытались взорвать самолет Гитлера бутылками из-под коньяка, заполненными взрывчаткой, или подорвать фюрера взрывпакетами, спрятанными в карманах шинели, не сдавались. В период с сентября 1943-го по 11 февраля 1944 года было предпринято еще четыре попытки покушения на жизнь фюрера. Генерал Штиф должен был подложить бомбу с часовым механизмом во время одного из совещаний в «Волчьем логове», но в последний момент смалодушничал. Месяц спустя капитан Бусше согласился взорвать себя и Гитлера во время демонстрации нового образца шинели, но судьба и на этот раз

распорядилась иначе: за день до запланированной операции склад с новыми шинелями был разрушен во время английского воздушного налета.

Накануне нового, 1944 года еще один офицер вошел в зал заседаний с портфелем, где была спрятана бомба. Но по какой-то причине запланированное совещание в последний момент было отменено. Несколько недель спустя была предпринята очередная «шинельная» попытка. На этот раз «манекеном» вызвался быть Эвальд фон Кляйст, сын генерала. И снова английская авиация «спасла» Гитлера: воздушный налет вынудил отменить акцию.

Спустя две недели Гитлер дал указание Гиммлеру объединить абвер и СД. Это фактически означало разрушение сердца заговора. Генерала Остера уволили по подозрению в неблагонадежности. Хотя он оставался на свободе, за ним была налажена постоянная слежка, и пользы он больше принести не мог. Казалось, сама судьба хранит Гитлера. В рядах заговорщиков возобладало настроение безысходности.

Возможно, это было бы концом их тайной войны против Гитлера, если бы на сцене не появился новый лидер— граф Клаус Шенк фон Штауфенберг, штабной офицер в чине подполковника, правнук Гнайзенау, героя освободительной войны против Наполеона. В молодости он мечтал стать архитектором, но в 1926 году вступил в рейхсвер. Как и многие другие, молодой офицер приветствовал введение Гитлером всеобщей воинской повинности, одобрял аншлюс Австрии и оккупацию Чехословакии, его захлестнула слава побед в Голландии и Франции. Но план «Барбаросса» положил конец его иллюзиям. Независимо мыслящий штабист всецело одобрял попытки Розенберга освободить нерусские народы Советского Союза, но после того, как эта политика сменилась террором и массовыми убийствами, сказал одному коллеге-офицеру, что теперь единственный выход для Германии — устранить фюрера. Случайно он познакомился с заговорщиками, которым не составило особого труда вовлечь его в свои ряды. Казалось, роль новичка в заговоре была кратковременной: однажды его автомобиль наехал на мину, и Штауфенберг потерял глаз, правую руку и два пальца левой руки. На его месте другой бы ушел в отставку, но Штауфенберг был убежден, что только он сможет убить Гитлера, и в конце 1943 года снова приступил к службе. Именно он принес в портфеле бомбу на совещание у фюре-

ра перед Новым годом. Неудача побудила его к новой, более амбициозной попытке покушения. На этот раз за убийством Гитлера должен был последовать хорошо спланированный захват власти военными в Берлине, Париже и Вене.

Назначение на пост начальника штаба командующего армией в Берлине позволило Штауфенбергу восстановить ослабленные ряды заговорщиков. Он взял бразды правления из рук уставших, престарелых офицеров и своим динамизмом сумел сколотить в вермахте сильную группу, в которую входили его собственный шеф, первый генеральный квартирмейстер армии, начальник войск связи главного командования вермахта, генерал, войска которого должны были после убийства захватить Берлин, и другие офицеры среднего ранга.

Пока что, однако, к заговорщикам не присоединился ни один фельдмаршал. Клюге был ненадежной фигурой, а Манштейн отказался связывать себя какими-либо обязательствами, так как считал, что любой мятеж приведет к развалу Восточного фронта. Самым многообещающим кандидатом был Роммель, но и у него были оговорки. «Я считаю себя обязанным помочь спасти Германию»,— сказал он, но тем не менее решительно возразил против убийства, которое, по его мнению, лишь сделает Гитлера мучеником. Фюрера надо арестовать и привлечь к суду за его преступления, считал фельдмаршал.

Весной 1944 года Роммель еще глубже втянулся в заговор благодаря своему новому начальнику штаба генерал-лейтенанту Гансу Шпайделю, который получил докторскую степень по философии в Тюбингенском университете. Шпайдель уговорил фельдмаршала тайно встретиться неподалеку от Парижа с военным губернатором Франции генералом Карлом Штюльпнагелем. Здесь с помощью энергичного начальника штаба они выработали план прекращения войны на Западе путем перемирия. Согласнво этому плану все немецкие войска должны быть отведены в Германию, а союзники в качестве ответной меры прекратят бомбардировки германских городов. Гитлер будет арестован, военные временно возьмут власть. Тем временем война на Востоке будет продолжаться в расчете на то, что американские и английские войска присоединятся к крестовому походу против большевизма. Роммель настолько увлекся этим планом, что попытался вовлечь в заговор Рундштедта, но тот, хотя и одобрил замысел, отказался участвовать в его осуществле-

нии, сославшись на свой возраст.

Штауфенберг и его группа были далеки от восторга по поводу участия Роммеля, так как считали его нацистом, который только из-за военных неудач готов разделаться с Гитлером. Они решительно выступали против продолжения войны с Россией. По их мнению, не было никаких оснований полагать, что Запад пойдет на сепаратный мир. Кроме того, группа Штауфенберга настаивала на убийстве фюрера. Осуществить его, считали заговорщики, необходимо до высадки союзников. Как только противник вторгнется в Германию, добиться более или менее приемлемых условий заключения мира будет невозможно. К этому времени у них был уже определенный сценарий мятежа, основанный, по иронии судьбы, на плане, одобренном самим фюрером. Официальная операция под кодовым названием «Валькирия» предусматривала меры борьбы против возможного восстания военнопленных и иностранных рабочих, занятых рабским трудом в Германии. Намечалось на этот случай объявить чрезвычайное положение и мгновенно мобилизовать войска для подавления восстания. Замысел Штауфенберга состоял в том, чтобы использовать сигнал к «Валькирии» для начала мятежа по всему рейху и на всех фронтах. Гитлер предоставил право отдать приказ о «Валькирии» командующему резервной армией генералу Фридриху Фромму, который без особого энтузиазма примкнул к заговору.

Высадка союзников привела заговорщиков в состояние шока. Люди старшего возраста утверждали, что даже успешный военный переворот не спасет Германию от вражеской оккупации. Лучше всего положиться на Запад. Он гуманно отнесется к Германии и помешает России опустошить ее. Но Штауфенберг был преисполнен решимости предпринять еще одну, последнюю попытку убийства, и случай почти сразу помог ему в этом. Глава заговорщиков неожиданно был произведен в полковники и стал начальником штаба армии Фромма. Теперь он мог отдавать приказы по резервной армии и таким образом захватить Берлин. Новый пост облегчал ему и доступ к Гитлеру.

Удобный случай представился 11 июля, когда Гитлер вызвал Штауфенберга для доклада о пополнениях. Полковник прибыл в Бергхоф с портфелем, в котором среди бумаг было спрятано изготовленное в Англии взрывное устройство. Войдя в зал, где была назначена встреча, Штауфенберг, к своему ужасу, увидел, что он пуст. Гитлер так и не поя-

вился. Судьба снова благоволила фюреру...

Новая возможность представилась через четыре дня: Штауфенберг снова был вызван к Гитлеру, который к этому времени перебрался в «Волчье логово». Полковник прибыл с бомбой в портфеле, сделал короткий доклад фюреру, потом вышел и позвонил в Берлин, сообщив, что Гитлер на месте и он подкладывает бомбу. Но, вернувшись, Штауфенберг узнал, что фюрер был вынужден срочно уехать и сегодня уже не вернется.

Заговорщики были удручены этой неудачей, но Штауфенберг не терял надежды на успех. В своей берлинской квартире он встретился с молодыми коллегами, и они выслушали вдохновляющее сообщение двоюродного брата Штауфенберга, который был связан с группой Роммеля — Шпайделя во Франции. Тот сообщил, что Роммель поддержит заговор независимо от того, как поступит преемник Рундштедта фельдмаршал фон Клюге. Но судьба снова соблаговолила Гитлеру: на следующий день автомобиль Роммеля попал под обстрел авиации противника, а сам он был тяжело ранен.

Вернувшись в «Волчье логово», люди с трудом узнавали это место. На месте приземистых бункеров выросли колоссальные железобетонные сооружения, их крыши были тщательно замаскированы дерном и пересаженными деревьями. Было настолько жарко, что большую часть времени Гитлер проводил в бункере. Фюрер был в плохом настроении, вспоминала Траудль Юнге, жаловался на бессонницу и головную боль. Адъютанты делали все, чтобы отвлечь его от забот, приглашая веселых гостей. Фотограф Хофман, который пил больше, чем всегда, скоро всем надоел, а вот архитектор Гизлер своими смешными пародиями поднимал настроение окружающих. Гитлер, возможно, очень переживал неудачи последних дней, но внешне оставался оптимистом и заверил Геббельса, что маятник истории скоро качнется в пользу Германии.

5

Штауфенберг получил распоряжение прибыть в «Волчье логово» 20 июня. Ему предстояло доложить Гитлеру о пополнении для Востока, где Центральный фронт был на грани краха после разгрома обоих флангов. Полковник закончил последние приготовления и 19-го после обеда созвал совещание участников предстоящей операции. Были оговорены условные сигналы. Большинство посланий должно было передаваться устно в обусловленном порядке. По телефону и телеграфу будут употребляться кодовые слова и только в самых необходимых случаях, так как вся система связи прослушивалась гестапо.

Заговорщики знали об этом, в их число входили несколько сотрудников тайной полиции, в том числе генерал СС, руководивший штаб-квартирой гестапо в Берлине. В СС были сильные антигитлеровские настроения. Например, генерал Феликс Штайнер выдвинул свой план похищения фюрера и объявления его умалишенным и вместе с рядом других командиров СС недавно заверил Роммеля в поддержке любого восстания против Гитлера. Мятежным духом была пронизана и верхушка СД, в частности начальник службы внешней разведки Вальтер Шелленберг. Еще в конце 1942 года он пытался привлечь Гиммлера к поддержке тайного плана заключения сепаратного мира с Западом ценой, если это будет необходимо, отстранения Гитлера. С одобрения Гиммлера один из гражданских участников заговора, Карл Лангбен, встретился с английскими и американскими представителями в Стокгольме с целью зондажа возможности организовать мирные переговоры, а затем отправился в Берн для личной встречи с помощником Аллена Даллеса, представителя Управления стратегических служб США в Швейцарии. Но ничего не получилось. Гестапо удалось перехватить и расшифровать радиограмму о том, что «юрист Гиммлера» прибыл в Швейцарию для ведения переговоров о мире, и передать его Гитлеру. Вызванный к фюреру Гиммлер поклялся в своей невиновности и в беззаветной преданности фюреру. Гитлер предпочел поверить ему, вероятно, потому, что нуждался в его услугах. Со своей стороны рейхсфюрер арестовал Лангбена, заточил его в концлагерь и поспешно прервал все связи с движением Сопротивления.

Но Шелленберг продолжал интриговать шефа СС, вступив в контакт с американскими военными в Испании, и даже обсуждал с ними план похищения Гитлера и передачи его союзникам.

Невероятно, но ни Шелленберг, ни Гиммлер не знали о готовящемся заговоре. Правда, они были информированы об антигитлеровских настроениях среди консервативных деятелей правого толка, отставных офицеров и молодых интеллектуалов, но у них не было ни малейших подозрений в отношении Штауфенберга и его коллег. За несколько месяцев до этого глава заговорщиков консультировался с астрологом Вильгельмом Вульфом, находившимся на содержании СС, о возможном устранении Гитлера. Вульф сказал, что простое отстранение фюрера от дел не изменит ход событий. «Слишком много воды утекло до этого,— добавил астролог.— Я изучаю гороскоп Гитлера вот уже двадцать лет. У меня довольно ясное представление о том, какова будет его судьба. Фюрер, вероятно, погибнет от руки убийцы при загадочных обстоятельствах, к которым будет причастна женщина. Мир, вероятно, никогда не узнает точных обстоятельств его смерти».

В Берлине вечером 19 июля Штауфенберг завершал подготовку к завтрашней операции. Он дал указание своему шоферу, который ничего не знал о заговоре, съездить в Потсдам и взять у одного полковника портфель, в котором, по словам Штауфенберга, были два важных секретных пакета и который шофер должен держать все время при себе. Следуя указаниям полковника, шофер всю ночь хранил портфель у изголовья своей кровати. В нем было две бомбы.

Во время вечернего чая в «Волчьем логове» Гитлер был таким беспокойным и нервозным, что фройляйн Шредер спросила фюрера, чем он так озабочен.

— Надеюсь, ничего со мной не случится,— загадочно ответил он. Затем, помолчав, добавил: — Будет большая беда, если что-нибудь случится сейчас. Я не могу позволить себе заболеть, потому что никто не заменит меня в такой трудной ситуации для Германии.

Наступило 20 июля 1944 года.

В начале седьмого утра Штауфенберг выехал из дома и по дороге захватил с собой адъютанта. На аэродроме Рангсдорф они встретились с генералом Штифом, и все сели в самолет, предоставленный генерал-квартирмейстером. В 10.15 он приземлился на аэродроме в окрестностях Растен-

бурга. Пилот получил указание быть готовым после полудня вылететь с пассажирами обратно в Берлин.

После получаса езды трое заговорщиков проехали через первые ворота ставки фюрера. Далее следовали три километра минных полей и кольцо укреплений, наконец,— вторые ворота. Они открывали въезд в крупный комплекс, окруженный колючей проволокой, сквозь которую был пропущен электрический ток. Через полтора километра они подъехали к офицерскому контрольно-пропускному пункту. Как обычно, у них проверили пропуска, но не портфели. Через двести метров они подъехали к третьему ограждению. Это было «кольцо безопасности А», где жили и работали Гитлер и его ближайшие сотрудники. Внутренний комплекс, окруженный оградой из колючей проволоки, постоянно патрулировался охраной СС. Прежде чем сюда войти, даже фельдмаршал должен был предъявить специальный пропуск, выписанный начальником специального управления безопасности при ведомстве Гиммлера. Но портфель с бомбами не подвергся осмотру. Этот портфель нес адъютант, у Штауфенберга же был другой, с официальными бумагами. Он невозмутимо проследовал в столовую, где не спеша позавтракал с адъютантом коменданта ставки. Затем нашел командующего войсками связи генерала Фельгибеля, который после взрыва должен был сообщить в Берлин, что наступил момент действовать, и изолировать «Волчье логово», отключив телефон, телеграф и радиосвязь.

Удостоверившись, что Фельгибель готов к действию, Штауфенберг коротко переговорил еще с одним знакомым офицером и в полдень вошел в кабинет Кейтеля. Фельдмаршал встретил его не очень приятной новостью: после обеда приедет Муссолини, поэтому совещание начнется на полчаса раньше, т.е. ровно через полчаса. Кейтель посоветовал Штауфенбергу держать портфель с докладом при себе, так как фюрер хочет уйти пораньше. Кейтель нетерпеливо поглядывал на часы и в 12.30 отправился на совещание. В коридоре Штауфенберг подошел к адъютанту Кейтеля и спросил, где можно привести себя в порядок. Тот показал полковнику на дверь ближайшего туалета. Там его уже ждал адъютант с коричневым портфелем. Однако туалет не был подходящим местом для приведения в действие взрывного механизма, поэтому они вернулись в приемную и спросили адъютанта Кейтеля, где можно сменить рубашку. Тот отвел их в свою спальню и оставил одних. Штауфен-

берг взял тремя пальцами своей единственной руки щипцы и начал вталкивать в бомбу взрыватель. Разбилась стеклянная ампула с кислотой, которая через пятнадцать минут должна была разъесть тонкую проволоку, после чего произойдет взрыв. Адъютант же занялся второй, «запасной» бомбой.

Не успели заговорщики засунуть бомбы в коричневый портфель, как вошел дежурный офицер, чтобы поторопить их.

Они вышли. Штауфенберг нес коричневый портфель под мышкой. Адъютант Кейтеля любезно предложил взять у него портфель, но тот отказался. По дороге они болтали на разные темы и прошли через пропускной пункт к «поясу безопасности». При подходе к зданию адъютант снова предложил свою помощь. На этот раз Штауфенберг согласился и попросил услужливого коллегу:

— Не могли бы вы посадить меня поближе к фюреру?

Он был несколько глуховат в результате недавнего ранения.

Кейтель нетерпеливо ждал их у входа. Совещание уже началось. Они проследовали по коридору, через комнату связи и вошли в зал совещаний. Стояла жаркая погода, и все окна были открыты. Участники совещания собрались вокруг длинного узкого массивного дубового стола. Сидел один Гитлер — в середине стола, спиной к двери. На карте лежали очки. Фюрер держал в руке увеличительное стекло. Справа от него генерал Адольф Хойзингер докладывал о тяжелом положении на Восточном фронте. Гитлер посмотрел на вошедших, ответил на их приветствия. Штауфенберг подошел к столу справа от Хойзингера и небрежно поставил портфель под стол как можно ближе к Гитлеру, у массивной ножки стола, на расстоянии двух метров от фюрера. Было 12.37, через пять минут сработает взрывное устройство... Все были настолько поглощены мрачным докладом Хойзингера, что Штауфенбергу удалось выскользнуть из зала незамеченным. Он поспешно прошел по коридору и выскользнул из здания.

Хойзингер сочувствовал антигитлеровскому заговору, но ничего конкретно о сроках его осуществления не знал. Когда генерал увидел вошедшего Штауфенберга, ему и в голову не пришло, что через несколько минут последует взрыв. Хойзингер заметил, что Штауфенберг поставил на пол коричневый портфель, и у него промелькнула мысль: «Что-то

может случиться». Но потом, видя, с каким вниманием его слушает Гитлер, генерал отбросил свои опасения. Его помощник нагнулся над столом, чтобы получше рассмотреть карту, но коричневый портфель мешал ему, и офицер машинально отодвинул его ногой.

Адмирал фон Путткамер подошел к окну, где было посвежее, и присел на подоконник, размышляя, не следует ли ему незаметно выйти, чтобы успеть переодеться к предстоящей встрече с прибывающим в ставку фюрера Муссолини. Было 12.41. Фюрер нагнулся над столом, вглядываясь в карту. Хойзингер говорил:

— Если в конечном счете группа армий не будет отведена от Пайпуса, катастрофа...

В следующее мгновение громыхнул взрыв. Вспыхнуло пламя, на всех обрушился град осколков стекла, щепок, кусков штукатурки. Упав на пол, Путткамер услышал, как кто-то крикнул: «Пожар!» — и пополз к двери.

Высаженная взрывом дверь валялась на полу, адмирал вскочил и перешагнул через нее. Потом вдруг подумал: «А где же все остальные?» Как раз в этот момент к нему подошли Гитлер, в брюках, превратившихся в лохмотья, с лицом, черным от сажи, и Кейтель. Они прошли мимо, как лунатики, ни на кого не обращая внимания, и оглушенный адмирал, задыхаясь, последовал за ними по длинному коридору. На улице у него сдали нервы, и он упал на землю. Затем стал жадно хватать ртом воздух и успел заметить, что Гитлер и Кейтель направляются к бункеру...

Адъютант фюрера Гюнше даже не слышал взрыва — у него сразу лопнули барабанные перепонки. Со лба текла кровь, волосы обгорели. В комнате было темно от дыма, пол вздыбился по крайней мере на метр. Адъютант выкарабкался через разбитое окно, обошел дом и столкнулся с Гитлером и Кейтелем.

— Что случилось?— спросил Гитлер, когда Гюнше помог ему выбраться на дорогу.— Бомба с русского самолета?

Выйдя из зала совещаний, Штауфенберг поспешил в управление связи. Они с генералом Фельгибелем постояли у входа в бункер, где находилось управление, ожидая взрыва. Подошедший офицер сообщил Штауфенбергу, что машина ждет его, и напомнил, что предстоит завтрак у коменданта ставки. Штауфенберг сказал, что должен сначала вернуться на совещание. И тут раздался взрыв.

— Что это? — спросил Фельгибель.

Офицер ответил, что, наверное, какой-то зверь снова подорвался на мине. А Штауфенберг внезапно изменил свое решение, сказав, что на совещание не вернется, а поедет к коменданту на завтрак.

Шофер остановился у первого пропускного пункта. Услышав взрыв, охрана закрыла ворота. Тогда Штауфенберг зашел в караульное помещение и попросил у лейтенанта, с которым был знаком, разрешения позвонить. Он набрал номер, что-то сказал, положил трубку и спокойно заявил:

— Лейтенант, мне разрешили проехать.

Ворота открыли. Было 12.44.

Через полторы минуты взвыла сирена тревоги. Штауфенберг подъехал к следующему посту. Охрана категорически отказалась его пропустить. Снова он позвонил, на этот раз адъютанту коменданта ставки.

— Говорит полковник граф фон Штауфенберг,— сказал он,— с внешнего поста «Юг». Капитан, вы помните, мы утром вместе завтракали. Из-за взрыва охрана меня не пропускает, а я спешу: на аэродроме меня ждет генерал-полковник Фромм.

Он поспешно положил трубку и обратился к дежурному офицеру:

— Вы слышали, мне разрешили проехать.

Но охранник исправно нес свою службу и решил позвонить сам. К счастью Штауфенберга, разрешение на проезд было подтверждено.

Около 13.00 он в сопровождении адъютанта подъехал к своему «хейнкелю», и через несколько минут самолет был уже в воздухе.

Гитлер, вероятно, был бы убит, если бы коричневый портфель случайно не оказался сдвинутым со своего места. Фюреру повезло и в том, что дверь сзади него вела в длинный и узкий коридор, который и поглотил взрывную волну. Снова удача в виде чистой случайности спасла Адольфа Гитлера...

Через несколько минут на место взрыва прибыли врачи и спасатели. Раненые были доставлены машинами скорой помощи в полевой госпиталь в Растенбурге. Личный врач фюрера фон Хассельбах первым оказал ему помощь, перевязав раны.

— Теперь я доберусь до этих парней,— пригрозил Гитлер,— они свое получат!

Пришел Морель, прослушал сердце Гитлера и сделал укол. Пациент был в возбужденном состоянии, повторяя одно и то же:

— Вы только подумайте, ничего со мной не случилось, вы только подумайте!

К удивлению Мореля, пульс его пациента был нормальный. Вбежали три секретарши, чтобы удостовериться, что фюрер жив. Траудль Юнге едва удержалась от смеха при виде его волос, стоявших, как у дикобраза. Гитлер поприветствовал их левой рукой.

— Ну, мои дамы,— сказал он, улыбаясь,— снова все кончилось для меня хорошо. Еще одно доказательство того, что я — избранник судьбы. Иначе я не остался бы в живых.

Фюрер был необычайно болтлив, возложив вину на «труса» из строительных рабочих.

— Я не допускаю иного,— подчеркнул он и повернулся к Борману за подтверждением.

Тот, как обычно, в знак согласия кивнул головой.

Явился с поздравлениями Гиммлер. Он тоже подозревал, что бомбу подложили строительные рабочие. Невероятно, но подлинного виновника установил ординарец фюрера Линге. От дежурного унтер-фицера в комнате связи он случайно узнал, что Штауфенберг ожидал здесь срочного телефонного звонка из Берлина. Потом кто-то вспомнил, что полковник оставил под столом портфель. Позвонили на аэродром — оказалось, Штауфенберг через считанные минуты после взрыва поспешно вылетел в Берлин. У Гитлера теперь не было сомнений относительно того, кто подложил бомбу. Фюрер приказал немедленно арестовать Штауфенберга.

Но по воле случая приказ не был передан в Берлин. Сразу после взрыва адъютант Гитлера приказал дежурному офицеру отключить телефонную и телеграфную связь. Дежурный, полковник Зандерс, сделал это и доложил своему начальнику Фельгибелю. Генерал, участник заговора, имевший задание изолировать ставку фюрера, охотно одобрил действия Зандерса. Но узнав, что Гитлер не погиб, он срочно позвонил своему начальнику штаба.

— Произошло ужасное,— сообщил генерал.— Фюрер жив. Заблокируйте все!

Начальник штаба понял своего шефа с полуслова, так как тоже был посвящен в планы заговорщиков. Через считанные минуты главные центры связи как в ставке фюрера,

так и в штабе армии были отключены.

Это давало заговорщикам время для захвата столицы, но они не воспользовались счастливым случаем. Не будучи уверенными, убит Гитлер или нет, они не решались привести в действие разработанный заранее план операции «Валькирия». Информация из «Волчьего логова» была слишком неясной.

Все нервно расхаживали по коридорам штаба, ожидая Штауфенберга. Двум официальным лидерам заговора — генералу Беку и фельдмаршалу фон Вицлебену — следовало издать заранее подготовленные прокламации и приказы. Они могли бы выступить по радио с сообщением о том, что тирания Гитлера наконец закончилась. Но ни один из них даже не посчитал нужным прибыть в штаб заговора на Бендлерштрассе. Терялось даром драгоценное время, все в нерешительности ожидали дальнейших известий от Фельгибеля из «Волчьего логова». Но их не было.

Гитлер отказался отдохнуть перед обедом и вышел на прогулку, демонстративно дружески побеседовал со строительными рабочими, которых он вначале заподозрил в причастности к организации взрыва. За обедом фройляйн Шредер с удивлением отметила, что фюрер снова ведет себя как ни в чем не бывало.

— Мне невероятно повезло,— то и дело повторял он, объясняя, как его защитила толстая ножка стола.— Удивительная вещь! У меня было какое-то предчувствие...

После обеда Гитлер поехал на станцию встречать Муссолини. Выглядел дуче неважно. Ему удалось восстановить фашистский режим, но для этого пришлось пойти на уступки Гитлеру и казнить ряд «предателей», среди которых оказался и зять самого диктатора, граф Чиано. Фюрер рассеянно слушал дуче, снова и снова мысленно возвращаясь к событиям этого безумного дня.

— Дуче!— взволнованно произнес он, протягивая левую руку.— Несколько часов назад я пережил такую удачу, какой у меня еще никогда не было!

Он предложил немедленно поехать на место покушения и по дороге рассказал гостю о том, что произошло. Затем привел дуче в разрушенный зал совещаний, показал порванные брюки и шутливо заметил, что ему жалко пары новых штанов. Муссолини вымученно засмеялся. Напоследок Гитлер показал гостю затылок с обгоревшими волосами.

Муссолини был в ужасе. Как такое могло произойти в

ставке фюрера? Гитлер тем временем снова и снова сообщал различные подробности недавнего инцидента— как были ранены другие участники совещания, как одного выбросило через окно... Его чудесное спасение, не уставал повторять фюрер, доказывает, что его дело победит. Энтузиазм Гитлера приободрил Муссолини.

— Наше положение почти отчаянное, но то, что случилось сегодня, дает мне новую надежду,— заявил дуче.

Они вышли из бункера и за чаем возобновили беседу. Но в «Чайном доме» настроение Гитлера резко изменилось: к фюреру вернулась его обычная нервозность. Вскоре связь была восстановлена, и беседу двух диктаторов часто прерывали телефонные звонки генералов, желающих удостовериться, верны ли слухи о гибели фюрера. Гитлер впал в мрачное молчание. Он смотрел на собеседника отсутствующим взглядом, иногда посасывая таблетки и не обращая внимания на ожесточенный спор между Герингом, Кейтелем и Риббентропом, обвинявших друг друга в ошибках, которые привели к нынешнему отчаянному положению. Свара усилилась, когда прибыл Дениц и обвинил армейскую верхушку в измене. Когда Геринг с жаром поддержал его, адмирал обрушил свой гнев и на рейхсмаршала люфтваффе, чьи самолеты не способны защитить Германию от вражеских бомб.

Лишь упоминание о путче Рема оживило Гитлера. Фюрер снова начал повторять, что он избранник судьбы. Затем встал и гневно произнес:

— Предатели, которых родина-мать вскормила своей грудью, заслуживают самой позорной смерти, и они ее получат!

Ярость фюрера иссякла так же внезапно, как и возникла. Казалось, он был совершенно опустошен, глаза помутнели, лицо стало пепельно-серым.

В 15.42 Штауфенберг наконец приземлился в окрестностях Берлина. Он удивился, что никто его не встретил. Адъютант позвонил на Бендлерштрассе, нашел генерала Ольбрихта и сообщил кодовое слово, означающее, что покушение было успешным. Ольбрихт дал туманный ответ, из которого явствовало, что сигнал к началу операции «Валькирия» еще не подан. Штауфенберг схватил трубку и потребовал сделать это еще до его приезда. Затем сел в машину и помчался в Берлин.

Ольбрихт сделал решительный шаг только в 15.50. Воен-

ный комендант Берлина генерал Корцфляйш получил приказ поднять по тревоге охранный батальон, гарнизон в Шпандау и два военных училища. Чтобы ускорить дело, Ольбрихт лично дал указание командующему Берлинским гарнизоном генералу фон Хазе, участнику заговора, объявить в войсках тревогу. Командирам охранных подразделений, уже поднятых по тревоге, был отдан приказ применять силу, если в город попытаются войти части СС. Было остановлено уличное движение.

Ольбрихт делал то, что следовало сделать еще три часа назад. Он ворвался к генералу Фромму, который знал о заговоре, но уклонялся занять четкую позицию, и сообщил ему, что Гитлер действительно мертв. Он предложил Фромму объявить командующим военных округов о начале операции «Валькирия». Фромм, тщеславный человек с повадками аристократа, продолжал юлить и сказал, что позвонит Кейтелю, чтобы удостовериться, действительно ли Гитлер мертв. «Здесь все как обычно»,— ответил Кейтель из «Чайного дома».

Через несколько минут организаторы заговора собрались в просторном кабинете Ольбрихта, нервно ожидая Штауфенберга. Вскоре полковник твердым шагом вошел в кабинет.

— Судя по всему,— сказал он,— Гитлер мертв. Теперь надо действовать решительно и быстро, не теряя ни секунды. Даже если Гитлер жив, необходимо сделать все, чтобы свергнуть режим.

Штауфенберг связался по телефону со штабом генерала фон Штюльпнагеля в Париже, где служил его двоюродный брат.

— Путь открыт!— произнес полковник условную фразу.

Штюльпнагель приказал отключить все линии связи между Францией и Германией, кроме каналов, необходимых для их собственных контактов с Берлином.

А в это время на Бендлерштрассе Штауфенберг старался привести в чувство генерала Фромма.

— Кейтель, как всегда, лжет,— уверял Штауфенберг сомневающегося генерала и для убедительности солгал: — Я видел, как мертвого Гитлера несли на носилках.

— Учитывая это,— вмешался Ольбрихт,— мы направим кодовый сигнал о внутренних волнениях командующим военных округов.

Фромм вскочил, грохнул кулаком по столу и закричал:

— Это грубое нарушение субординации! Кто это «мы»?

Штауфенберг еще раз попытался образумить Фромма, но тот упрямо стоял на своем.

— Граф фон Штауфенберг,— сказал он,— попытка не удалась. Вы должны пустить себе пулю в лоб.

Не помог и Ольбрихт. Фромм еще больше распалился, дело дошло до драки между ним и Ольбрихтом, досталось и Штауфенбергу, попытавшемуся разнять дерущихся. В конце концов под угрозой оружия разбушевавшегося генерала удалось утихомирить, и он был посажен под арест в соседней комнате. К 17.00 у всех входов в громадное здание была выставлена охрана. Для входа и выхода из него требовался специальный пропуск за подписью Штауфенберга.

6

Хотя штаб на Бендлерштрассе был наконец под полным контролем заговорщиков, их коллега генерал фон Хазе на Унтер-ден-Линден оказался в трудном положении. В 16.00 он как начальник Берлинского гарнизона приказал охранному батальону блокировать правительственный квартал. Командир батальона майор Отто Ремер, бывший деятель «Гитлерюгенд», хотел знать, действительно ли фюрер мертв. Фон Хазе заверил его в этом. Но дотошный майор не унимался:

— А кто его преемник?

Генерал раздраженно заметил, что надо не задавать глупые вопросы, а выполнять приказ. У Ремера закралось подозрение, что здесь что-то нечисто. У его товарища, лейтенанта Ганса Хагена, который читал в батальоне лекции по национал-социализму, было такое же ощущение. Он даже высказал мысль о том, что события смахивают на военный мятеж, и предложил выяснить этот вопрос у Геббельса, в аппарате которого работал до войны. Ремер согласился и дал ему для этой поездки мотоцикл, а сам приступил к исполнению приказа о блокировании правительственного квартала.

В ведомстве Геббельса царила атмосфера неразберихи.

Приезжали и звонили должностные лица, сбитые с толку противоречивыми слухами. Геббельс не отходил от телефона, обзванивал партийных деятелей и генералов. К столице стягивались войска из Потсдама и других мест. Ситуация казалась отчаянной, но Геббельса обнадеживало то, что заговорщики не сделали никаких заявлений по радио. Явился Хаген. Выслушав его рассказ и получив заверение, что Ремер абсолютно надежный человек, которому можно доверять, Геббельс предложил Хагену привести к нему Ремера не позже чем через полтора часа. В противном случае он будет считать, что Ремер — провокатор, и прикажет войскам СС захватить здание штаба Берлинского гарнизона на Унтер-ден-Линден.

В 17.30 Геббельсу позвонил Гитлер и приказал немедленно передать по радио сообщение, которое развеяло бы слухи о его гибели. Министр пропаганды тут же связался с Домом радио и продиктовал текст сообщения. Радиоцентр уже был занят мятежными курсантами пехотного училища, но их командир был настолько сбит с толку или запуган голосом Геббельса, что даже не попытался воспрепятствовать выходу передачи в эфир.

Слухи о смерти Гитлера вызвали истерику и слезы у телефонисток. Когда же по радио прозвучало сообщение о том, что фюрер жив, тоже были слезы, но уже иного рода. В «Волчье логово» потоком шли поздравительные телеграммы и открытки. Большинство немцев действительно полагало, что будущее страны зависит от фюрера.

А в Берлине майор Ремер, закончив операцию по перекрытию правительственного квартала, чувствовал себя скверно. Ничего не было ясно, начальство давало туманные ответы. Возвратившийся из министерства пропаганды Хаген сообщил майору, что Геббельс хочет видеть его немедленно. Ремер доложил об этом своему начальнику, генералу фон Хазе, который приказал ему оставаться в приемной. Но другой заговорщик, тоже майор, предложил, чтобы Ремер явился к Геббельсу и арестовал его. Тот вышел в полной растерянности. Захватив с собой двадцать человек, он отправился к зданию министерства пропаганды.

Около семи часов вечера Ремер явился к Геббельсу. Он не признался, что получил приказ арестовать его, но и не поверил, когда Геббельс сообщил о своем недавнем разговоре с фюрером. Ремер дал понять рейхсминистру, что хотел бы услышать голос фюрера своими ушами.

— Как вам будет угодно,— согласился Геббельс и позвонил в Растенбург.

Через несколько секунд он уже разговаривал с Гитлером:

— У меня здесь командир охранного батальона майор Ремер,— и передал трубку.

— Вы слушаете, майор Ремер?— спросил Гитлер.— Вы действительно сомневаетесь в том, что я жив?

Ответом было не совсем уверенное «яволь». Гитлер сказал, что дает Ремеру все полномочия для обеспечения безопасности правительства. Он приказал немедленно восстановить порядок.

— Вы отвечаете только передо мной,— повторил Гитлер и тут же объявил ошарашенному майору, что производит его в полковники.

Ремер превратил министерство пропаганды в свой командный пункт. Прежде всего он позвонил генералу фон Хазе и сообщил, что только что разговаривал с фюрером, который назначил его командующим, и приказал Хазе немедленно явиться к нему. Тот возмущенным тоном потребовал объяснений. Ремер ответил, что в случае отказа он прикажет арестовать генерала, и послал солдат для захвата гарнизонной комендатуры. Затем Ремер известил все воинские части в районе Берлина, что все они переходят в его подчинение. Возражений не последовало.

Вскоре прибыл поверженный начальник Берлинского гарнизона, который стал делать подобострастные комплименты своему недавнему подчиненному. Отвечая на вопросы Геббельса, он смущался, запинался и наконец попросил разрешения позвонить жене, а также выразил желание перекусить. Когда генерал вышел, Геббельс насмешливо заметил:

— Вот они, наши революционеры. Все, о чем они думают,— это поесть, выпить и позвонить мамочке.

Коммутатор на Бендлерштрассе был перегружен звонками в связи с недавним сообщением по радио. Командиры, получившие приказ о начале операции «Валькирия», просили прямого подтверждения генералом Фроммом первоначальных сообщений о смерти Гитлера. На все эти звонки отвечал Штауфенберг, заявлявший, что Гитлер действительно мертв, а если звонили участники заговора, заверял их, что все идет по намеченному плану. Прозвучавшее по радио сообщение о том, что фюрер жив, он начисто опровергал.

Наконец появился один из формальных лидеров восстания — фельдмаршал фон Вицлебен при всех регалиях — и взял на себя руководство. Весь день он где-то отсиживался, но компенсировал свое опоздание рассылкой в 19.30 решительной директивы. В ней он сообщал о смерти фюрера, объявлял чрезвычайное военное положение и назначал себя верховным главнокомандующим вооруженными силами Германии.

Эта директива приободрила фельдмаршала фон Клюге, который предложил немедленно вступить в переговоры с Западом о заключении мира. Но его энтузиазм сразу иссяк, как только была получена телеграмма Кейтеля, в которой сообщалось, что фюрер жив, и давалось указание игнорировать приказы предательской клики Вицлебена — Бека.

— Господа,— сказал фон Клюге своим коллегам-заговорщикам,— больше меня в это дело не впутывайте.

Между тем в Берлине ряды заговорщиков покинул человек, подписавший приказ о взятии власти. Недовольный неразберихой на Бендлерштрассе, фельдмаршал фон Вицлебен отправился в штаб сухопутных сил в Цоссене. Там он заявил генерал-квартирмейстеру Ванеру, что все пропало, и уехал на свою загородную виллу.

Из «Волчьего логова» в 20.20 Кейтель отправил в Берлин телеграмму с приказом о назначении командующим резервной армией Гиммлера. Через десять минут Борман направил срочные депеши гауляйтерам, где информировал их о «преступной попытке покушения некоторых генералов на жизнь фюрера» и дал им указание выполнять только приказы самого Гитлера. В 21.00 по радио прозвучало сообщение о том, что скоро с обращением к народу выступит лично фюрер. Однако это выступление пришлось перенести на более поздний срок: в «Волчьем логове» не было специальных технических средств, которые позволили бы вести передачу в прямой эфир. Пришлось ждать прибытия из Кенигсберга передвижной радиостанции.

В Берлине случайно оказался любимец фюрера Отто Скорцени. Узнав, что Гитлер жив, он решил совершить ранее намеченную поездку в Вену для инспектирования школы подводных диверсантов. Когда он вечером вошел в вагон, в купе вбежал офицер, сообщивший, что в городе произошел военный мятеж и Скорцени приказано установить порядок. Герой операции по освобождению дуче поспешил в штаб СД, где Шелленберг подтвердил эти сведения.

Скорцени поднял по тревоге школу диверсантов в пригороде Берлина и отправился на рекогносцировку в город. В правительственном квартале все было спокойно. Он вернулся в штаб СД, где очень скоро его пригласили к телефону. Звонил Йодль.

— Сколько у вас людей?— спросил генерал.

— Только одна рота.

— Срочно отправляйтесь на Бендлерштрассе и поддержите майора Ремера и его охранный батальон, им приказано окружить здание.

В штабе заговорщиков тем временем усиливалось настроение отчаяния. Подразделения охранного батальона по приказу его командира были отведены от здания штаба к резиденции Геббельса, и для охраны осталось лишь 35 солдат у главных ворот. В 22.30 генерал Ольбрихт созвал своих офицеров и объявил, что они должны взять на себя охрану здания. У каждого из шести входов должен быть выставлен пост из офицеров штаба.

Никто не возражал. Но среди заговорщиков зрел контрзаговор. В 22.50 восемь вооруженных гранатами и автоматами офицеров ворвались в кабинет Ольбрихта. Тот пытался их успокоить. Внезапно вошел Штауфенберг. Поняв, в чем дело, он повернулся и выбежал в приемную. Ему вслед начали стрелять. Раненый, он успел заскочить в соседний кабинет. Но скоро его схватили вместе с Беком, Ольбрихтом и другими заговорщиками. Затем перед ними предстал Фромм, освобожденный из-под ареста.

— Ну, господа,— заявил генерал, размахивая пистолетом,— теперь я буду обращаться с вами, как вы со мной.

Он приказал своим пленникам сложить оружие.

— Вы не можете этого требовать от меня, своего бывшего начальника,— спокойно возразил Бек.— Я сам сделаю то, что считаю нужным.

Престарелый фельдмаршал достал из кобуры пистолет и, приставив дрожащей рукой дуло к виску, нажал на курок. Пуля скользнула по поверхности головы, оставив легкую царапину.

— Помогите старику,— приказал Фромм своим офицерам.

Те попытались вырвать у фельдмаршала пистолет, но старик отчаянно сопротивлялся.

Фромм повернулся к другим заговорщикам.

— Ну а вы, господа, если хотите написать письма женам, у вас есть несколько минут.

Он вышел, вернулся через пять минут и объявил, что военный суд «именем фюрера» приговорил к смертной казни Ольбрихта, Штауфенберга и их адъютантов. Арестованных повели во двор. Штауфенберг с окровавленным левым рукавом шел твердой походкой.

Бека оставили в приемной. Послышался выстрел. Фромм приоткрыл дверь и увидел, что бывший начальник генерального штаба снова промахнулся.

— Помогите старику,— повторил Фромм.

Подоспевший унтер-офицер вытащил полумертвого Бека из комнаты и выстрелил ему в затылок.

Двор был освещен фарами автомобилей. Четверых приговоренных поставили у мешков с песком. Ольбрихт был спокоен. Когда прозвучала команда «огонь!», Штауфенберг успел крикнуть:

— Да здравствует наша священная Германия!..

Когда все было кончено, в дверях черного хода появилась могучая фигура генерала Фромма. Он обошел двор, поприветствовал расстрельную команду и громко прокричал:

— Хайль Гитлер!

В центре связи на Бендлерштрассе отбили телеграмму: «Попытка путча безответственных генералов подавлена. Все зачинщики расстреляны».

Когда Фромм выходил из ворот, перед ним резко затормозила белая спортивная машина. За рулем сидел Шпеер, рядом расположился Ремер.

— Я только что казнил преступников!— гордо заявил Фромм.

Ремер заметил, что с этим не следовало спешить.

— Вы что, собираетесь отдавать мне приказы?— возмутился Фромм.

— Нет, но вы должны нести ответственность за свои действия,— последовал ответ.

Шпеер привез Фромма в министерство пропаганды. Генерал потребовал связать его с фюрером, но Геббельс попросил его пройти в другую комнату, предложив Шпееру на время выйти, и позвонил Гитлеру. После разговора с фюрером он приказал поставить охранника у двери комнаты, где находился Фромм.

Появился Гиммлер. Он прибыл из «Волчьего логова» с приказом фюрера раздавить мятеж.

— Расстреливайте любого, кто сопротивляется, кто бы он ни был,— напутствовал его Гитлер.

Но рейхсфюрер СС явно опоздал. Геббельс представил дело так, будто он чуть ли не в одиночку подавил мятеж.

— Если бы они не были такими растяпами!— говорил он Гиммлеру.— У них был громадный шанс. Какие болваны! Я бы действовал не так. Почему они не захватили радиостанцию и не пустили в эфир самую дикую ложь?!

Невозмутимый Гиммлер вежливо кивал головой, умолчав о том, что еще до приезда в Берлин он уже запустил на полный ход машину террора.

В «Волчьем логове» генерал Фельгибель понимал, что его судьба решена, но не спешил расставаться с жизнью, поскольку хотел объяснить мотивы своего участия в заговоре на суде.

Гитлер с нетерпением ожидал прибытия передвижной радиостанции. Он созвал свой «семейный круг» и зачитал наспех написанную речь. Присутствовали секретари, адъютанты, Кейтель и перевязанный Йодль. Фюрер продолжал витийствовать.

— Трусы!— кричал он.— Если бы у них хватило смелости по крайней мере выстрелить в меня, я бы имел к ним какое-то уважение! А они боялись рисковать своей жизнью!

Наконец машина с необходимым оборудованием прибыла, и почти в час ночи 21 июля по всем немецким радиостанциям прозвучали фанфары, возвестившие о том, что ожидается важное сообщение. После короткой паузы Гитлер начал речь, обращенную к соотечественникам. Об объявил о подавлении мятежа, подчеркнув, что заговорщики не имеют ничего общего с вермахтом и немецким народом. Это крошечная банда преступных элементов, которая будет беспощадно уничтожена.

— Я избавлен от участи, которая меня лично не страшит, но которая имела бы ужасные последствия для немецкого народа. Я вижу в этом знак провидения, что я должен и поэтому буду продолжать свою работу,— закончил фюрер.

Затем с краткими речами выступили Геринг и Дениц, осудившие заговорщиков и поклявшиеся от имени люфтваффе и флота в верности фюреру. В заключение было передано официальное сообщение о том, что зачинщики заговора либо покончили с собой, либо расстреляны, а все прочие лица, так или иначе причастные к преступлению, будут привлечены к строгой ответственности.

Эти последние слова перепугали парижских участников заговора, которые собрались у радиоприемника. Они к этому времени заняли казармы СС и арестовали двух высокопоставленных эсэсовцев — Карла Оберга и Гельмута Кнохена. Слушая радио, генерал фон Штюльпнагель был почти уверен, что они сами себе подписали смертный приговор. Но оставалась последняя, отчаянная надежда. Возможно, Оберг и Кнохен — порядочные люди и защитят их. Обоих пленников освободили и привели в отель «Рафаэль», где остановились генералы. Когда Штюльпнагель встал, чтобы их поприветствовать, Оберг набросился на него с кулаками. Вмешался посол Отто Абец.

— То, что происходит в Берлине, — одно дело,— сказал он.— Здесь же — совсем другое. В Нормандии идет сражение, и здесь мы, немцы, должны быть заодно.

Оберг успокоился и согласился представить дело так, что арест был просто инсценирован, чтобы ввести в заблуждение путчистов.

После выступления по радио Гитлер вернулся в бункер, где его снова осмотрел Морель. Через несколько минут он объявил собравшимся в «Чайном доме» приближенным фюрера, что здоровье вождя не вызывает опасений. Сам Гитлер, потрясенный событиями дня, еще не знал о подлинных масштабах заговора и был в радостном возбуждении по поводу чудесного избавления от смерти. Он распорядился послать разорванные в клочья брюки Еве Браун в Бергхоф. Это будет историческая реликвия, решил фюрер, свидетельство того, что провидение действительно желает дать ему достаточный срок для завершения начатого дела.

7

В ночь на 21 июля в одном из кабинетов здания министерства пропаганды Геббельс и Гиммлер допросили ряд генералов, включая Фромма. Некоторых после установления их невиновности отпускали. В 4 часа утра допросы закончились. Сияющий Геббельс тепло попрощался со своим старым соперником Гиммлером и сообщил, что даст указание прессе преуменьшить масштаб заговора. А Гиммлер, со

свойственной ему методичностью, уже привел в действие карательную машину, включив в нее 400 следователей.

В Париже спешно заметали следы соучастия в заговоре. Но Штюльпнагель, получив приказ срочно прибыть в Берлин, решил, что его положение безнадежно. Вместо того, чтобы утром, как обычно в таких случаях, отправиться на аэродром, генерал сел в машину и проехал по местам сражений, в которых он участвовал во время первой мировой войны. Возле какой-то речушки он приказал шоферу остановиться и вышел из машины. Вскоре послышался выстрел. Шофер обнаружил окровавленного генерала в реке и вытащил на берег. Штюльпнагеля ждала виселица.

В «Волчьем логове» вскоре стало очевидно, что травма головы у Гитлера оказалась не такой уж поверхностной. Фюрер перестал слышать на правое ухо, и при ходьбе его уводило вправо. Доктор Брандт посоветовал ему провести несколько дней в постели, но фюрер и слушать об этом не хотел. У него слишком много работы. И потом, как он может принимать иностранных гостей в постели?

На следующий день, несмотря на продолжающуюся боль в ухе, Гитлер навестил в полевом госпитале раненых товарищей. Двое были при смерти, в том числе генерал Шмундт. Фюрер посидел в палате адмиралов Путткамера и Асмана и выразил сожаление, что они стали жертвами заговора. «Эти господа имели только одну цель — меня»,— пытался утешить раненых Гитлер.

Боль в его ухе настолько усилилась, что Морель решил вызвать из Берлина известного специалиста-отоларинголога профессора ван Айкена, который в 1935 году оперировал фюрера. Но разыскать профессора в срочном порядке не удалось. Тогда был приглашен из ближайшего полевого госпиталя доктор Эрвин Гизинг, работавший два года в клинике ван Айкена. Он установил, что у фюрера лопнула барабанная перепонка и повреждено внутреннее ухо. Необходимо было сделать прижигание перепонки.

Хотя Гитлер опасался, что никогда не будет слышать на правое ухо, он продолжал оставаться в относительно бодром настроении. Он выбрал время написать письмо своей «дорогой крошке». Фюрер заверил Еву, что чувствует себя хорошо, но немного устал. «Надеюсь, я скоро приеду и отдохну, отдав себя в твои руки. Мне очень нужно спокойствие»,— писал Гитлер.

Ева тотчас же ответила, признавшись, что она глубоко

несчастна: «Я полумертва, осознавая, что ты в опасности. С наших первых встреч я дала себе клятву последовать за тобой куда угодно, даже на смерть. Ты знаешь, что вся моя жизнь — в любви к тебе».

23 июля в руинах разбитого бомбежкой дома гестаповские агенты случайно нашли документы, свидетельствующие о причастности к «заговору генералов» Канариса и других важных должностных лиц. Адмирала арестовали. Вскоре очутился в тюрьме и бывший министр экономики Шахт. Гитлер просто поверить не мог, что такие высокопоставленные лица были участниками заговора. Одна секретарша услышала, как фюрер шутя выговаривал своей собаке за то, что она его не слушается:

— Посмотри мне в глаза, Блонди. Может, ты тоже изменница, как мои генералы?

На дневном совещании 24 июля Гитлер заявил, что Штауфенберг — ставленник англичан, и пытался убедить слушателей, что в заговоре участвовали единицы.

— Важно объяснить всему миру,— подчеркнул фюрер,— что подавляющее большинство офицерского корпуса ничего общего не имеет с этими свиньями. В прессе надо акцентировать то, что армейские командиры отказались последовать за горсткой предателей и даже сами расстреляли на месте четырех из них. Если бы я и весь штаб погибли, это была бы подлинная катастрофа.

Геббельс построил свое очередное выступление по радио в соответствии с указаниями Гитлера. Он изобразил Штауфенберга как сатанинского предводителя сравнительно ничтожной кучки отщепенцев. Он утверждал, что Штауфенберг был в сговоре с англичанами, и привел четыре доказательства: постоянные ссылки в британской прессе на группу немецких генералов, выступавших против Гитлера; использование взрывного устройства английского производства; связи Штауфенберга с английской аристократией; выраженная в лондонских газетах после получения первых сообщений о покушении надежда, что Германия вот-вот падет...

Пропаганда Геббельса возымела действие. В госпитале в Брауншвейге раненые сами украсили портреты Гитлера цветами. Во многих городах состоялись демонстрации верности фюреру. В школах учителя объясняли ученикам, что военные поражения в Африке и России объясняются происками заговорщиков.

25 июля из Берлина прибыл профессор ван Айкен. Его

тепло приветствовал фюрер, высказавший предположение, что со всеми своими проблемами он «проживет лишь два-три года». Он с трудом сел в кресло и подробно описал свои симптомы.

Гизинг, обладавший хорошей памятью, незаметно записывал в свой блокнот все, что говорил Гитлер. Чтобы никто не мог расшифровать его записи, он писал кодом, используя латынь и различные знаки. Ван Айкен подтвердил диагноз Гизинга и его советы по лечению, но фюрер отказался по крайней мере неделю соблюдать постельный режим.

— Вы что, сговорились сделать из меня больного человека?!— притворно возмущался он..

Спустя два дня Гитлер пожаловался на бессонницу, но когда Гизинг порекомендовал отменить еженощные бдения в «Чайном доме», фюрер ответил, что уже пытался это сделать, но спать стал еще хуже.

— Я должен перед сном расслабиться и говорить о чем-то отвлеченном,— объяснял он докторам.— Иначе я вижу перед собой в темноте карту, а мозг продолжает работать. Когда я включаю свет, то могу на карте очертить точное положение каждой группы армий. Я знаю, где стоит каждая дивизия — и такое продолжается часами. Я засыпаю только в пять или шесть утра. Понимаю, что это вредно для здоровья, но не могу изменить привычке.

8

21 июля Гитлер заменил больного начальника штаба сухопутных сил Цайцлера Гудерианом, которого в свое время отстранил от командной должности. Одним из первых шагов нового начальника штаба было издание приказа с клятвой верности фюреру. Через несколько дней Гудериан пошел дальше: он приказал всем штабным офицерам быть членами национал-социалистской партии и «активно сотрудничать в политическом воспитании молодых командиров в соответствии с учением фюрера». Не сделавшие этого офицеры подлежали увольнению. Но таких не оказалось, и подчинение военной элиты нацизму, начавшееся в 1933 году, завершилось позорной капитуляцией.

Тем временем под ударами американских войск рушился Западный фронт. 31 июля американские танки прорвали непрочную линию немецкой обороны и устремились вперед. Гитлер хотел взять лично на себя руководство войсками Западного фронта, но врачи запретили ему покидать ставку, и фюрер вынужден был остаться в «Волчьем логове». Франция фактически была потеряна для завоевателей. На этом беды не кончились. 1 августа 35 тысяч плохо вооруженных поляков атаковали немецкий гарнизон в Варшаве, а на следующий день Турция разорвала дипломатические отношения с рейхом.

Состояние здоровья Гитлера было неважное. У фюрера часто кружилась голова, и он был вынужден ходить широко расставляя ноги, как моряк на корабле при сильной качке. Однако он настоял на встрече с гауляйтерами 4 августа. Гитлер подходил к ним, пожимая руки. Многие, в том числе гауляйтер Дюссельдорфа Флориан, не могли удержаться от слез, глядя на страдальческую фигуру фюрера. Он рассказывал о своих предчувствиях накануне покушения и разглагольствовал о своей исторической миссии.

Гиммлер заверил аудиторию, что он беспощадно расправится не только с преступниками, покушавшимися на Гитлера, но и с их семьями.

— Семья Штауфенберга,— заявил он,— будет уничтожена с корнем и ветвями!

Последовали бурные аплодисменты.

Гиммлер действительно распорядился арестовать родственников заговорщиков. Хватали даже старух. Первый процесс начался 7 августа. Перед «народным судом» под председательством Роланда Фрайслера предстало восемь генералов и офицеров. Фрайслера Гитлер называл «нашим Вышинским» и дал ему указание вести дело быстро и жестко.

Подсудимые выглядели истощенными и неопрятными. Их снимали кинокамерами, с тем чтобы немецкий народ мог увидеть, что стало с предателями. У фельдмаршала фон Вицлебена отобрали зубные протезы, к тому же у него все время сползали брюки... Фрайслер, подобно советским судьям, которыми он так восхищался, кричал:

— Ты, грязный старый хрыч, почему ты все время дергаешь свои брюки?

Таков был тон и уровень этого показательного процесса. «Никогда в истории немецкой юстиции,— вспоминала стенографистка,— с обвиняемыми не обращались с такой жес-

токостью, с такой фанатичной бессердечностью, как на этом суде».

Приговор был предрешен, и громовым голосом Фрайслер объявил всю восьмерку виновными в измене фюреру и немецкому народу. В соответствии с конкретными указаниями Гитлера их отвезли в тюрьму Плетцензее. Там их завели в камеру, в которой с потолка свисали восемь крюков для мясных туш. Здесь приговоренных раздели до пояса и повесили на фортепианных струнах. Их агонизирующие судороги были засняты на кинопленку и в тот же вечер воспроизведены на экране в «Волчьем логове». По словам Шпеера, «Гитлеру понравился фильм, и он часто смотрел его», однако адъютант фон Белов и другие члены «семейного круга» утверждают, что фюрер никогда его не видел.

Следствие продолжалось, были другие судебные процессы, но только суд и казнь первой восьмерки были показаны публике. Всего казнили почти 5000 мужчин и женщин, большинство из которых не принимало непосредственного участия в заговоре.

9

15 августа союзники высадились в Южной Франции. В своем докладе Гудериан подчеркнул, что танковые войска действовали решительно и смело, но не получили поддержки со стороны авиации и флота, и в этом причина неудачи. Фюрер придерживался иного мнения, и между ними разгорелся ожесточенный спор...

Гитлера охватила ярость, когда в тот же вечер он узнал, что исчез фельдмаршал фон Клюге. Утром главнокомандующий Западным фронтом должен был выехать в расположение танковых войск, но так и не прибыл в условленное место. Гитлер кричал, что Клюге, наверное, был участником заговора, а сейчас улизнул на тайные переговоры с врагом...

На самом деле все было не так. Клюге оказался под бомбежкой, его машина с двумя радиопередатчиками была уничтожена. Он попал в западню и в прямом, и переносном смысле. Делая все, чтобы предупредить прорыв союзников,

он был убежден в безнадежности этого дела.

В конце концов поздно ночью Клюге прибыл в расположение своих войск, но Гитлер уже успел заменить его фельдмаршалом Моделем. 17 августа Модель принял на себя командование Западным фронтом. Клюге воспринял увольнение очень болезненно. На следующий день, как и Штюльпнагель, он проехал в автомобиле по местам былых сражений во Франции. По дороге фельдмаршал приказал остановить машину, вручил адъютанту прощальное письмо и проглотил цианистый калий.

Незадолго до этого Клюге отправил письмо фюреру, в котором умолял его закончить войну и положить конец страданиям народа. В «Волчьем логове» Гитлер прочитал письмо и молча передал его Йодлю.

Никто не мог остановить Гитлера, одержимого идеей очистить мир от евреев. Эта задача выполнялась неукоснительно. В разговоре с Гиммлером Эйхман сообщил, что уже ликвидировано шесть миллионов евреев: четыре миллиона в лагерях смерти, остальные — в «карательных акциях». Подстегиваемый стремительным продвижением Красной Армии и продолжающимися расследованиями неутомимого Конрада Моргена, который тоже оценивал число убитых евреев по крайней мере в шесть миллионов, Гитлер дал указание Гиммлеру провести подготовительные меры по демонтажу всех лагерей смерти, кроме Освенцима. Его газовые камеры резервировались для «окончательного решения еврейского вопроса».

10

Военное положение гитлеровской Германии было столь отчаянным, что только одержимый человек мог отбросить всякую мысль о капитуляции. От Балтики до Украины наступающая Красная Армия громила и окружала немецкие войска по всему Восточному фронту. Почти полностью очистив от врага территорию СССР, советские войска вступили в Европу.

В этой чрезвычайной ситуации Геббельс 24 августа объявил новые драконовские меры: все театры, мюзик-холлы,

театральные школы и кабаре должны быть закрыты в недельный срок. Он также предупредил, что в ближайшее время будут ликвидированы все оркестры, музыкальные школы и консерватории (кроме нескольких ведущих), а музыканты будут отправлены на фронт или на военные заводы. Будет прекращен выпуск художественной литературы и почти всех иллюстрированных журналов.

На следующий день союзники освободили Париж. Румыния и Финляндия запросили перемирия. Через день румыны, свергнув маршала Антонеску, объявили войну Германии. Но Гитлер не дрогнул. Чтобы не допустить разложения в армии, он приказал арестовывать родственников дезертиров.

В последний день августа фюрер сказал Кейтелю и двум другим генералам, что для политического решения назревшей проблемы время еще не настало: «Такие моменты возникают лишь тогда, когда вы побеждаете. Еще есть надежда на успех. Напряженность между союзниками скоро настолько усилится, что произойдет раскол. Остается только ждать подходящего момента, как бы ни было трудно».

Затем он заговорил о себе: «Для меня эта война — не забава. Пять лет я оторван от мира, ни разу не был в театре, на концерте и в кино... Смерть была бы избавлением от этих бессонных ночей и страшной нервотрепки. Всего лишь доля секунды — и человек свободен от всего, уходя в спокойный и вечный мир».

Эти фаталистические настроения, возможно, были результатом ухудшения его здоровья. Хотя фюрер и шутил с секретаршами по поводу своей больной руки, которая так дрожала, что он не мог бриться, его мучила постоянная боль в ухе. Через несколько дней это состояние усугубилось ощущением давления на голову, особенно в области бровей. У фюрера охрип голос, он начал жаловаться на боли в желудке, однако игнорировал предупреждение Гизинга, что все это может быть результатом бесчисленных таблеток, прописанных Морелем. Но в начале сентября Гитлер согласился принимать по совету Гизинга десятипроцентный раствор кокаина для облегчения болей в груди и каждое утро часами просиживал у ингалятора.

Визиты Гизинга в последнее время участились. Гитлер испытывал к нему чувство благодарности, как и к Морелю. После лечения они разговаривали на разные темы. Сегодня — о будущем рейха, завтра — о вреде курения... При этом

Гизинг продолжал делать пометки в своем блокноте. Он приступил к проведению психологических тестов. Делал он это в течение продолжительного времени и так незаметно, что Гитлер ничего не заподозрил. Гизинг поставил фюреру диагноз: «Неврастения с манией величия».

Каким бы раздраженным ни был Гитлер в эти дни болезни и депрессии, он никогда не повышал голоса на свою молодую секретаршу Траудль Юнге и трогательно заботился о ней. Но однажды за обедом фюрер повел себя как-то странно: не говоря ни слова, уставился на свою секретаршу серьезно и испытующе. Она подумала, уж не распускает ли кто-нибудь о ней грязные слухи. Но позднее ей позвонил генерал СС Отто Фегеляйн и попросил зайти к нему. Отечески обняв Траудль, он сообщил, что ее муж погиб на фронте. Фюрер, пояснил генерал, знал об этом еще со вчерашнего дня, но не смог заставить себя сообщить ей эту печальную новость.

Затем ее пригласил к себе Гитлер. Взяв секретаршу за руки, он с чувством произнес:

— О, дитя, я так сожалею! Ваш муж был хорошим парнем.

Фюрер попросил Траудль Юнге оставаться на работе и заверил, что она всегда может рассчитывать на его помощь.

В начале сентября на очередной осмотр пациента приехал профессор ван Айкен. Узнав об уколах и таблетках Мореля, он не шутку встревожился. Его опасения разделяли и Гизинг, и оба личных хирурга Гитлера — Брандт и Хассельбах. Но все четверо понимали, что трудно что-либо изменить: Морель пользовался полным доверием Гитлера.

Через неделю Гитлер пожаловался, что почти перестал спать, страдая от спазмов в области желудка и сильной головной боли. Его тяжелое состояние усугублялось грохотом пневматических дрелей, круглосуточно используемых строителями в работах по укреплению бункера против ожидаемых советских воздушных налетов. Побочным эффектом ухудшения здоровья фюрера было ухудшение памяти. Раньше он мог взглянуть на длинный документ и повторить его слово в слово; теперь же стал забывать даже имена.

12 сентября после того, как Гизинг дал ему раствор кокаина, Гитлер почувствовал головокружение. Он пожаловался, что в глазах все потемнело, и схватился за стол, чтобы не упасть. Пульс был частый и слабый, но через полторы минуты фюрер пришел в себя. Это был мини-инфаркт. Он

повторился 14 сентября. На этот раз Гитлера прошиб холодный пот. Он вызвал Мореля, который сделал ему три укола, принесших временное облегчение. Однако 16 сентября сердечный приступ повторился. На этот раз Гитлер согласился с предложением Гизинга сделать рентгеновский снимок головы, на чем доктор безуспешно настаивал целый месяц.

Глава 29. АРДЕННСКОЕ СРАЖЕНИЕ (21 июля 1944—17 января 1945 г.)

1

16 сентября Гитлер издал приказ, требующий от всех войск на Западе «фанатической решимости». Американцы подошли к германской границе, а южнее Ахена даже пересекли ее. «С нашей стороны какие-либо крупномасштабные операции проводиться не могут. Единственное, что нам остается,— это удержать свои позиции или погибнуть». Казалось, фюрер призывает лишь к обороне отечества, но это была уловка с целью ввести в заблуждение противника, который, как опасался Гитлер, имел шпиона в его ставке. После окончания совещания фюрер пригласил в свой кабинет Кейтеля, Йодля и представителя люфтваффе генерала Крайпе. Пока они терялись в догадках, какой сюрприз им готовит фюрер, вошел хозяин кабинета — ссутулившийся, бледный, заметно сдавший после третьего мини-инфаркта. Его глаза слезились и были мутными, челюсть отвисла.

Йодль коротко доложил обстановку: надежных союзников у Германии нет — одни перебежали, другие собираются сделать это. Хотя в вермахте под ружьем свыше 9 миллионов человек, за последние три месяца потери составили 1,2 миллиона, почти половина из них на Западном фронте. На Востоке наступило относительное затишье. Советское наступление, по-видимому, выдохлось. «Но на Западе мы про-

ходим серьезное испытание в Арденнах»,— заключил Йодль. Это был холмистый район в Бельгии и Люксембурге, путь, которым немецкие войска шли к победе в первой мировой войне.

При слове «Арденны» Гитлер встрепенулся, поднял руку и крикнул: «Стоп!» Наступило молчание. Наконец он заговорил: «Я принял важное решение. Я перехожу в наступление. Здесь — в Арденнах!» Фюрер ударил кулаком по карте. «Через реку Маас и далее — к Антверпену!» Все уставились на него в изумлении. Плечи Гитлера распрямились, глаза засверкали, признаки тревоги и болезни исчезли. Это был динамичный Гитлер 1940 года. В следующие несколько дней он был образцом прежней энергии, настаивал на подготовке плана решительного контрнаступления. Он издал приказы о создании новой танковой армии и наметил способы доставки в Арденны в абсолютной секретности 250 тысяч войск и тысячи танков.

Только после этого он сдержал обещание сделать рентгеноскопию головы. К вечеру 19 сентября его доставили в полевой госпиталь в Растенбурге и провели в рентгенкабинет, который перед этим был тщательно обследовал на предмет обнаружения взрывчатки. Затем фюрер навестил своих раненых офицеров и при виде умирающего генерала Шмундта прослезился. У выхода его встретила криками «Зиг хайль!» восторженная толпа горожан и выздоравливающих солдат. Этот восторг при виде фюрера был понятен, но Гизинга поразило то, что искренний энтузиазм был даже в глазах калек и тяжело раненных.

Утром Гизинг изучил три снимка. Затем ежедневно ходил в бункер осматривать пациента. Доктор заметил, что при искусственном освещении лицо Гитлера приобретает странный красноватый оттенок. Впоследствии у фюрера усилились боли в желудке, и он потребовал шесть «маленьких черных таблеток», прописанных Морелем. Удивленный такой дозой, Гизинг начал осторожно интересоваться, что это за таблетки. Линге показал ему пузырек. На этикетке было написано: антигазовые таблетки. Далее следовал их состав, изучив который, Гизинг пришел в ужас: в него входили стрихнин и атропин, хотя и в незначительных количествах. Но учитывая тот факт, что Гитлер принимал эти таблетки долго и помногу, можно было предположить, что он себя травит. Возможно, этим и объяснялись приступы, растущая слабость, раздражительность, отвращение к свету,

хриплый голос и этот странный красноватый оттенок кожи. Кардиограммы внушали опасения.

25 сентября Гизинг случайно увидел пациента при естественном свете — на улице. На этот раз кожа у него имела желтоватый оттенок, желтизна была и в глазах. Это была явная желтуха. Гитлер утром не встал. Секретарши, адъютанты и обслуживающий персонал были в тревоге. Никто не мог припомнить, чтобы фюрер оставался в постели, каким бы ни был он больным.

Он не хотел никого видеть, не хотел есть, был ко всему безразличен. Его не заинтересовало даже критическое положение на Восточном фронте. Морель посоветовал пациенту оставаться в постели. Озабоченный Гизинг после очередного осмотра украдкой взял пузырек с черными таблетками Мореля и показал Хассельбаху. Тот тоже был поражен, но посоветовал Гизингу молчать, пока они не поговорят с Брандтом.

Между тем Морель распорядился не пускать к фюреру других врачей. Отказали и Гизингу, и ван Айкену. Морель считал, что никакой желтухи у фюрера нет. Тем не менее за несколько дней Гитлер потерял в весе почти полтора килограмма и лежал, корчась от болей.

Физическая боль не была единственной причиной депрессии Гитлера. В сейфе штаба армии в Цоссене была найдена еще одна пачка документов, свидетельствовавших о причастности к заговору значительной части армейского руководства. Фюрер был в шоке, и многие считали, что именно это подорвало его дух.

29 сентября Брандт сумел попасть к Гитлеру. Он постарался доказать фюреру, что Морель— шарлатан. Вначале тот принял слова Брандта всерьез, но Морель сумел убедить Гитлера, что он абсолютно невиновен. Если фюрер страдает от побочных последствий употребления лекарств, то это потому, что он сам увеличивает дозы. Расстроенный Брандт махнул на все рукой. Тогда Хассельбах пошел к Борману. Но не учел, что Борман уже давно хотел избавиться от Брандта, потому что тот был человеком Шпеера, «опасное» влияние которого на фюрера Борман хотел уменьшить любой ценой. «Серый кардинал» выслушал рассказ Хассельбаха с деланным возмущением, а потом пошел к Гитлеру и предупредил его, что Брандт, Хассельбах и Гизинг сговорились опорочить Мореля в своих корыстных целях. Отныне ни один врач, кроме Мореля, не допускался к

Гитлеру. Казалось, Борман победил.

Но 1 октября Гизингу позвонил Линге и сообщил, что у фюрера сильная головная боль, и он просит доктора приехать к нему немедленно. Фюрер лежал на своей спартанской кровати в ночном халате. Он чуть приподнял голову, приветствуя врача, и тут же уронил ее на подушку. Глаза у фюрера были пустые, безразличные ко всему. Когда Гизинг присел к нему на кровать, Гитлер вдруг спросил:

— Доктор, как вы узнали про антигазовые таблетки?

Гизинг рассказал. Гитлер нахмурился.

— Почему вы сразу не пришли ко мне? Разве вы не знали, что я вам полностью доверяю?

У Гизинга мороз прошел по коже. Он объяснил, что его к фюреру не допускали. Гитлер пожал плечами.

— Вы сильно напугали Мореля. Он даже побледнел, изнервничался. Но я его успокоил. Я сам всегда считал, что это простые таблетки для поглощения газов в желудке, и они мне помогали.

Гизинг возразил, что чувство облегчения иллюзорно.

— То, что вы говорите, вероятно, имеет под собой какие-то основания,— перебил его Гитлер,— но эта штука никогда мне не вредила. Я часто испытывал судороги в желудке из-за постоянного нервного напряжения, особенно в последний месяц.

Гизинг предположил, что у Гитлера желтуха, но тот высказал сомнение по этому поводу. Тем не менее фюрер попросил его обследовать. Впервые Гизинг подверг своего пациента полному физическому осмотру. Он проверил его невралгические рефлексы и заодно удостоверился в том, что слухи о недоразвитии половых органов фюрера не соответствуют действительности.

Когда Линге и Гизинг помогали ему надеть халат, Гитлер говорил:

— Понимаете, доктор, у меня в целом здоровый организм и, надеюсь, скоро я буду здоров.

Он поблагодарил Гизинга за все и попросил еще одну дозу «этого кокаинового средства». Но вдруг по лицу фюрера разлилась мертвенная бледность. Гизинг проверил пульс: он был частый и слабый. Гитлер потерял сознание.

Доктор огляделся — он был один. Ординарец вышел, когда кто-то постучал в дверь. Фюрер был полностью в руках Гизинга. Врач видел перед собой тирана. Какой-то внутренний голос побудил его сунуть палочку с тампоном в

пузырек с кокаином — вторая доза могла быть смертельной, и он быстро начал обрабатывать лекарством левую ноздрю Гитлера. Он почти закончил, и тут послышался голос Линге:

— Сколько еще вам потребуется времени?

Гизинг как можно более спокойно ответил, что немного. Гитлер все еще не приходил в сознание.

— У фюрера снова спазмы,— заметил ординарец.— Пусть он отдохнет.

С трудом сдерживая волнение, Гизинг попрощался с Линге и на велосипеде поехал в свой госпиталь. Одна мысль преследовала его: останется ли жив Гитлер? Испуганный, он позвонил Хассельбаху, рассказав ему о происшедшем, и взял день отдыха под предлогом, что ему надо съездить в Берлин, так как его дом попал под бомбежку.

На следующий день Гизинг позвонил из столицы и узнал, что фюрер жив. Никто не подозревал, что он получил двойную дозу кокаина.

Когда Гитлеру стало лучше, ему передали материалы о причастности к заговору фельдмаршала Роммеля. Фюрер постановил: Роммель должен покончить с собой. 14 октября по поручению фюрера два генерала посетили замок в окрестностях Ульма, где Роммель выздоравливал после ранения. Через час они покинули замок, и взволнованный Роммель сказал жене, что его обвиняют в причастности к заговору и Гитлер дал ему выбор— или яд, или «народный суд». Попрощавшись с женой и сыном, фельдмаршал отвел в сторону адъютанта и сказал ему: «Альдингер, это конец». Он должен был отправиться с двумя генералами в Ульм и по пути принять яд, а через полчаса сообщат о смерти фельдмаршала в результате несчастного случая. Его похоронят со всеми почестями, семью не подвергнут преследованиям. Адъютант посоветовал Роммелю не сдаваться, но тот ответил, что это невозможно: местность окружена эсэсовцами, и линия связи с войсками отключена.

В 13.05 в кожаной куртке командира «Африканского корпуса» и с фельдмаршальским жезлом в руке Роммель выехал со своими спутниками в госпиталь в Ульме и по дороге проглотил яд. Согласно официальному медицинскому заключению, смерть наступила в результате закупорки кровеносных сосудов, вызванной повреждениями черепа при ранении. Лицо покойника, по словам родственников, выражало «холодное презрение».

2

К концу сентября Гитлер потерял трех союзников — Финляндию, Румынию и Болгарию. В октябре обозначился еще один перебежчик: Хорти, венгерский адмирал без флота, правитель королевства без короля, послал своих представителей в Москву для заключения перемирия. Советские войска были в 150 километрах от венгерской столицы. Поскольку любые секреты в Будапеште обычно громко обсуждались в кафе, Гитлер знал о переговорах. Пока венгерская делегация выторговывала в Москве выгодные условия, фюрер направил в Венгрию своего любимца Отто Скорцени с заданием вернуть ее лидеров на путь истинный. Сделал он это с минимальным кровопролитием в результате операции под названием «Микки Маус». Скорцени похитил сына Хорти, завернул его в ковер и отвез в аэропорт. Затем он захватил крепость, где жил и правил венгерский диктатор, при этом обошелся одним десантным батальоном. Операция была проведена за полчаса, потери составили семь человек.

Неделю спустя фюрер восторженно встретил своего любимца в «Волчьем логове». Его развеселил рассказ о похищении молодого Хорти. Когда Скорцени поднялся, чтобы уйти, Гитлер остановил его: «Теперь я хочу дать вам самое важное задание». Он сообщил о предстоящем наступлении в Арденнах. Скорцени, сказал он, предстоит сыграть ведущую роль: подготовить диверсантов в американской форме. Они захватят мосты через стратегически важные водные преграды, будут сеять панику, отдавать ложные приказы.

К этому времени Йодль представил Гитлеру план наступления, получивший кодовое название «Вахта на Рейне». Он предусматривал введение в действие трех армий в составе 12 танковых и 18 пехотных дивизий. «Вахта на Рейне» была основана на двух предпосылках: полная внезапность и ненастная погода, исключавшая применение союзной авиации. Целью операции был разгром более тридцати американских и английских дивизий. Предполагалось, что в результате столь ошеломляющего поражения Запад запросит сепаратного мира. После его заключения все немецкие войска смогут объединить свои действия против Красной Армии.

Были приняты строгие меры обеспечения секретности:

название операции менялось каждые две недели, запрещено было говорить о ней по телефону, все документы пересылались курьерами, у которых взяли подписку о неразглашении тайны.

Руководство операцией было поручено фельдмаршалу Моделю. Рундштедт предложил свой план, сводившийся к массированной атаке силами двадцати дивизий на фронте в 65 километров. Гитлер в ответ прочел целую лекцию о Фридрихе Великом, который громил противника, вдвое превосходившего его войска по численности. «Почему вы не изучаете историю?»— издевательским тоном обращался фюрер к своим генералам. Его глаза сияли, это был Гитлер прежних времен, полный уверенности в себе. В результате этого наступления, уверял он, «произойдет непредсказуемое историческое событие: союз врагов рейха распадется»!

10 ноября Гитлер подписал приказ о подготовке к наступлению в Арденнах. Он дал ясно понять, что эта операция— последняя ставка в большой игре, в которой решается судьба Германии. Тон его директивы вызвал возражения у некоторых военачальников. Узнав об этом, фюрер решил выехать на фронт. Но внезапно обострились все его болезни. Голос у него охрип, и при осмотре профессором ван Айкеном на правой голосовой связке был обнаружен полип. Гитлер стал сварливым и подавленным, посетителей принимал в постели, выглядел бледным, осунувшимся. Морель был вынужден делать ему многочисленные уколы.

Гитлеру советовали взять краткосрочный отпуск, прежде чем совершить утомительную и опасную поездку на Западный фронт. Но фюрер был одержим идеей вдохновить людей, которым предстояло пройти тяжелое испытание. 20 ноября он с большой группой сопровождающих покинул ставку. Гитлер, очевидно, сознавал, что больше никогда не вернется в «Волчье логово», но дал указание продолжать строительные работы. Поезд отправился на рассвете, чтобы прибыть в Берлин с наступлением темноты. Гитлер долго сидел в своем купе с занавешенными окнами. Наступило время обеда, и он прошел в вагон-ресторан. Траудль Юнге никогда не видела фюрера таким рассеянным. Говорил он шепотом, смотрел только в тарелку или с преувеличенным вниманием разглядывал пятно на скатерти. Он сообщил, что профессор ван Айкен настаивает на операции по удалению горлового полипа.

Несколько дней после операции Гитлер не появлялся на

людях. Потом явился на завтрак, явно нуждаясь в компании. Все погасили сигареты, открыли окна. Говорил он шепотом, объясняя, что таково предписание врача. Другие невольно тоже перешли на шепот. «Уши у меня хорошие, и нет нужды щадить их»,— мягко сказал фюрер, и все рассмеялись.

Гитлер с жаром включился в работу. 7 декабря он одобрил окончательный план Арденнского наступления, почти совпадавший с его первоначальным вариантом. В пивных залах и ресторанах распускались ложные слухи, чтобы дезинформировать агентов противника.

Подполковник Отто Скорцени, имевший больше власти, чем некоторые генерал-полковники, подготовил своих «американцев». Добровольцы прошли курс армейского сленга, учились действовать в тылу противника.

11 декабря подготовка к операции закончилась. Железнодорожные службы рейха совершили чудо — тайно перевезли войска и технику в район сосредоточения. В этот день Гитлер перевел свою ставку в окрестности средневекового замка Цигенберг. Это было «Орлиное гнездо», где размещался командный пункт управления войсками во время вторжения на Запад в 1940 году. Фюрер и его приближенные расположились в глубоких подземных бункерах. В тот же день Гитлер провел совещание, на которое были приглашены командиры войсковых соединений. По прибытии генералы сдавали гестаповцам свое личное оружие и портфели.

За узким столом сидели фюрер, Кейтель, Йодль, Модель, Рундштедт и генерал-лейтенант фон Мантейфель. Последний был чемпионом Германии по пятиборью, ему предстояло командовать самой мощной из трех армий. Больше часа Гитлер читал шестидесяти генералам лекцию о Фридрихе Великом, истории Германии и национал-социализме, а затем объявил политические мотивы решения о генеральном наступлении. «Осенний туман»— таково было его окончательное кодовое название — должен был начаться 15 декабря в 5.30. Командиры дивизий слушали Гитлера в благоговейном молчании, пораженные грандиозностью замысла и энергией фюрера. Однако Мантейфель, сидевший почти рядом с ним, не мог не обратить внимание на нездоровый цвет лица и дрожащие руки фюрера. В заключение Гитлер заявил: «Битву надо будет вести со всей жестокостью, сопротивление противника должно быть сломлено. В этот са-

мый серьезный для отечества час я требую от каждого моего солдата храбрости и еще раз храбрости. Враг должен быть разбит — теперь или никогда! Германия будет жить!»

На следующий день, 12 декабря, он повторил те же призывы перед другой группой боевых командиров. Наступление было перенесено еще на одни сутки — 16 декабря. Это, сказал Гитлер, окончательная дата при условии, если погода не позволит подняться в воздух авиации противника.

3

В Арденнах ночь с 15 на 16 декабря была холодной и спокойной. Фронт протяженностью в 150 километров удерживался шестью американскими дивизиями, три из которых были свежие и три — изрядно потрепанные в предыдущих боях. Это был так называемый «фронт-призрак», где в течение более двух месяцев ничего не происходило. В эту ночь никто не ожидал немецкой атаки. Вечером английский фельдмаршал Монтгомери категорически заявил, что немцы «не могут организовать крупную наступательную операцию», и даже спросил командующего объединенными силами союзников, американского генерала Эйзенхауэра, есть ли у него возражения, если на следующей неделе он съездит в Англию.

Три немецких армии — 250 тысяч человек и тысячи машин — были скрытно выдвинуты на исходные рубежи. Лязг гусениц заглушался низко летевшими самолетами. К полуночи все было готово к началу наступления. Солдаты дрожали от холода, но с энтузиазмом слушали послание фельдмаршала фон Рундштедта, смысл которого сводился к одному: «Вперед, к победе!»

В 5.30 по всему «фронту-призраку» началось извержение огня и дыма. Рвались мины, шипели ракеты, ревели «Юнкерсы-88», грохотали сотни танков, а тяжелые орудия, установленные на железнодорожных платформах, обрушили на позиции американцев шквал артиллерийского огня.

Через час наступила зловещая тишина. Потом, как призраки, перед американцами возникли одетые в белое, почти невидимые на снегу фигуры... С востока появились самоле-

ты, летящие с невероятной скоростью. Это были первые немецкие истребители с реактивными двигателями — то самое «чудо-оружие», о котором уже не раз упоминал Гитлер.

Мощная атака застигла союзников врасплох. Особого успеха немцы добились на севере, прорвав фронт американцев. Через прорыв двинулись войска, поддержанные танками, самоходно-артиллерийскими установками и броневиками. Однако командующий американской армией генерал Омар Брэдли заверил Эйзенхауэра, что это просто «атака локального масштаба». Эйзенхауэр, однако, не соглашался, считая, что «вряд ли немцы начали бы местную атаку на наше самое слабое место», и приказал Брэдли послать на помощь подвергшимся внезапному удару войскам две танковые дивизии.

Гитлер был в восторге от такого развития событий. Поздно вечером он позвонил генералу Бальку, командующему группой армий «Б», стоявшей южнее Арденн, и сообщил ему о блестящем успехе. «Отныне — ни шагу назад, сегодня мы идем только вперед!» Погода была словно на заказ: туман, дымка, изморозь. Немцы развивали успех, достигнутый в результате внезапного удара. 18 декабря в «Орлином гнезде» Гитлер узнал, что войска Мантейфеля открыли дорогу на Бастонь. Он чувствовал себя так хорошо, что совершил короткую прогулку на свежем воздухе и настолько взбодрился, что решил делать это каждый день.

За два дня союзники потерпели серию катастрофических неудач. На заснеженных высотах по крайней мере 8 тысяч американцев попали в «мешок». После Филиппин это была самая крупная в истории сдача американцев в плен.

Всего лишь семь «джипов» с диверсионными группами Скорцени сумели прорваться в тыл союзников, но они поработали на славу. Командир одной группы направил по ложному маршруту целый американский полк, его люди меняли указатели и резали телефонные провода. Другая команда изобразила страшную панику и заразила ею колонну американцев, которые обратились в беспорядочное бегство. Третья команда перерезала линию связи, соединявшую штаб Брэдли с его заместителем генералом Ходжесом.

Но самый большой ущерб союзным войскам нанесли диверсанты, захваченные в плен. Когда они рассказали американскому офицеру разведки о своей задаче, по радио было передано сообщение, что в тылу действуют тысячи немецких диверсантов, переодетых в американскую форму. 20 де-

кабря полмиллиона американцев по всем Арденнам допрашивали друг друга на одиноких дорогах, в сосновых лесах и в покинутых деревнях. Ни пароли, ни солдатские книжки не принимались во внимание. Американцем считался только тот, кто мог без запинки назвать столицу штата Пенсильвания и сколько голов забил «король» бейсбола Бэйб Рут.

В Париже паника достигла своего пика. Прошел слух, что приземлились немецкие парашютисты, переодетые в одежды священников и монахинь. По «признанию» схваченного диверсанта, они получили задание похитить Эйзенхауэра. Американская служба безопасности поверила этой фальшивке. Здание верховного штаба союзных войск было окружено колючей проволокой и охрана увеличена вчетверо. У ворот стояли танки, тщательно проверялись и перепроверялись пропуска... Двадцать восемь диверсантов Скорцени, устроившие такой переполох в тылу противника, стали героями операции.

К утру 21 декабря подвижная линия фронта приняла очертание гигантского выступа. В его середине, близ бельгийского города Бастонь, были полностью окружены американские войска под командованием бригадного генерала Энтони Маколифа. На предложение немецкого парламентера капитулировать он небрежно ответил: «Натс». (Американское жаргонное слово, означающее: «Вы чокнулись?») Этот краткий ответ помог поднять слабеющий боевой дух союзников. Бегство закончилось. Закончилась и «гитлеровская погода». На следующее утро в Арденнах ярко засветило солнце, и к полудню большие транспортные самолеты уже сбрасывали грузы окруженным союзным войскам в Бастони.

Прилив мог смениться отливом, но Гитлер не думал об этом. Танки Мантейфеля миновали окруженную Бастонь и были на подходе к реке Маас. Но сам Мантейфель встревожился: пехота далеко отстала. 24 декабря он позвонил в ставку фюрера и сообщил Йодлю, что у него оголен левый фланг. Он не может идти к Маасу и одновременно брать Бастонь, а поэтому он предложил повернуть на север вдоль Мааса и устроить американцам западню на восточном берегу реки. Но Гитлер отверг этот план, настаивая на форсировании Мааса и продвижении к Антверпену.

Фюрер был уверен в победе и на Рождество удивил близких, выпив стакан вина. В конце дня он отклонил очередную просьбу Мантейфеля прекратить атаки на Бастонь, хо-

тя вырвавшаяся вперед танковая дивизия была отрезана американцами и несла большие потери. В «Орлином гнезде» шли споры. Йодль призвал Гитлера считаться с реальностью: «Мы не можем форсировать Маас, 2-я танковая дивизия находится под угрозой полного уничтожения. Армия Паттона открыла американцам с юга коридор к Бастони. Наступление остановлено». Гитлер издал новый приказ: Мантейфель поворачивает на северо-восток и обходит американцев с фланга в верхней половине выступа. «Мне надо перебросить в Арденны три свежие дивизии и по крайней мере 25 тысяч пополнения»,— объявил фюрер. Раз противника не удалось стереть одним мощным ударом, как было запланировано, «Осенний туман» еще можно превратить в успешную битву на истощение. И это принесет Германии важную политическую победу».

Эти приказы были перехвачены разведывательной радиослужбой союзников и переданы Эйзенхауэру. Он понял, что наступление Гитлера выдохлось. Но контрразведка не знала, что между фюрером и назначенным им преемником произошла бурная ссора. Геринг заявил, что война проиграна и надо добиваться перемирия. С этой целью он предложил вступить в контакт с племянником шведского короля графом Бернадоттом, который, возможно, согласится выступить посредником. Реакция Гитлера была бурной. Он обвинил Геринга в трусости и предательстве и заявил, что запрещает ему делать какие-либо шаги в этом направлении. «Если вы нарушите мой приказ, я вас расстреляю»,— пригрозил взбешенный фюрер. Удрученный рейхсмаршал рассказал об этом жене. «Это окончательный разрыв,— мрачно заметил Геринг.— Мне нет больше смысла ходить на ежедневные совещания. Он больше не верит мне».

4

Немцы называли это сражение Арденнским наступлением, для американцев это была «битва за выступ». 28 декабря началась ее третья, заключительная фаза. На совещании с военачальниками в этот день Гитлер признал, что положение отчаянное, но он не признает слова «капитуля-

ция» и будет неуклонно идти к своей цели. Фюрер заявил, что будет драться, «пока чаша весов не склонится в нашу сторону», и поэтому 1 января начинает новое наступление под кодовым названием «Северный ветер».

Сосредоточение немецких войск южнее Арденн было проведено настолько скрытно, что противник даже не послал в этот район разведывательные самолеты. Гитлер по этому поводу с сарказмом заметил: «Возможно, некоторые про себя возражают, сомневаются, удастся ли наступление. Господа, такие же возражения я слышал в 1939 году. Мне письменно и устно утверждали, что это невозможно. Даже зимой 1940 года меня предостерегали, что нам этого нельзя делать, лучше оставаться за Западным валом. Что произошло бы, если бы мы так и сделали? Сейчас перед нами похожая ситуация».

Фельдмаршал Рундштедт имел неосторожность посоветовать Гитлеру отменить операцию «Осенний туман» и отступить, пока противник не перешел в контрнаступление. Фюрер вспылил. Как только начнется «Северный ветер», наступление в Арденнах возобновится, заявил он. Страстное выступление фюрера произвело впечатление на слушателей, хотя все заметили его дрожащую левую руку и болезненный вид. «Тем временем Модель закрепит свои позиции и перегруппирует силы для новой попытки,— продолжал Гитлер.— Он также проведет еще одну мощную атаку на Бастонь. Прежде всего мы должны взять Бастонь». К полуночи к городу подтянулись несколько танковых и пехотных дивизий.

«Военные качества — это не упражнения на ящике с песком,— говорил Гитлер на следующий день генеральному инспектору бронетанковых войск генералу Томале.— В конечном счете они проявляются в умении держаться, в упорстве и решимости. Это решающий фактор в любой победе. Гениальность — абстрактное понятие, если она не основана на настойчивости и фанатичной решимости. Это самое главное в человеке». Мировую историю, продолжал он, может делать только одержимый человек. «Никто не живет вечно. Вопрос в том, кто дольше продержится. Тот, кто ставит на кон все, должен продержаться дольше. Если Америка уступит, ничего с ней не случится. Нью-Йорк останется Нью-Йорком. Но если мы сегодня скажем: все, с нас хватит, Германия прекратит существование». Поэтому так упрямо Гитлер продолжал войну, которая по существу была уже

проиграна. Для этого азартного игрока надо было продолжать борьбу, даже если шанс на успех был один из тысячи. То, что другому человеку показалось бы чистым безумием, для фюрера, с его одержимостью, было совершенно логично.

Его главный пропагандист не был таким оптимистом, по крайней мере, в своем кругу. На новогодней вечеринке, где присутствовал и знаменитый летчик Ганс Ульрих Рудель, Йозеф Геббельс насмешливо заметил, что его пост — уполномоченный рейха по мобилизации усилий для тотальной войны — совершенно не нужен. «Теперь нечего мобилизовывать,— сказал рейхсминистр пропаганды,— все, в том числе цветочные магазины, закрыты английскими бомбардировщиками». Геббельс повернулся к Хайнцу Руку, который еще в первый год правления Гитлера предупреждал, что многие штурмовики недовольны компромиссом фюрера с шовинистами и такой компромисс приведет к гибели национал-социализма. В то время Геббельс с негодованием отрицал это. На сей раз он меланхолично сказал Руку: «Тогда, в 1933 году, мне надо было серьезнее отнестись к вашим словам». Почти все согласились с тем, что конец близок. Только Рудель утверждал, что новое секретное оружие Гитлера принесет Германии победу.

В полночь началась операция «Северный ветер». На позиции 7-й американской армии, стоявшей у границ Северного Эльзаса, обрушились восемь немецких дивизий. На севере, в Арденнах, оборонительные линии союзников накрыл огненный вал.

Через пять минут после начала нового немецкого наступления по всей Германии по радио была передана речь Гитлера. Германия, заявил он, возродится, как Феникс, и победит. Последний в своей жизни Новый год фюреру пришлось встречать в бункере, где собралось и его ближайшее окружение. Шампанское создало непринужденную атмосферу, но особого оживления было. Больше всех был возбужден фюрер. Он предсказал большие успехи Германии в 1945 году. Постепенно все заразились его энтузиазмом...

В 4.35 Гитлер покинул компанию, чтобы узнать первые итоги нового зимнего наступления. Началось оно удачно, но английская служба радиоперехвата срочно передала полученные сведения в штаб союзных войск. Эйзенхауэр принял ответные меры, и немцам удалось продвинуться всего лишь на 25 километров.

В Арденнах союзники перешли в контрнаступление 3 января 1945 года, рассчитывая массированными атаками с севера и юга расчленить громадный выступ, образованный вклинившимся в их оборону противником. Немцы дрались отчаянно, и американцы продвигались медленно. Густой туман исключил возможность использования авиации и ограничивал эффективность артиллерии. На покрытых льдом дорогах танки и самоходные орудия буксовали и нередко сталкивались друг с другом.

Для наблюдения за ходом контрнаступления из Англии прилетел Черчилль. 6 января он встретился с Эйзенхауэром. Оба были озабочены медленным ходом операции. Нельзя ли, спросил Эйзенхауэр, попросить помощи у русских, чтобы они отвлекли немцев? Черчилль в тот же день написал Сталину. Ответ из Москвы пришел быстро. Крупномасштабное наступление, писал Сталин, начнется не позднее второй половины января.

В то же время атаки союзников с севера и юга набирали силу, и 8 января Гитлер с тяжелым сердцем дал согласие на отвод войск с западной половины выступа. Это было концом великой мечты фюрера. Речь теперь шла только о том, как избежать нового Сталинграда.

9 января Гудериан посетил «Орлиное гнездо» и еще раз предупредил Гитлера, что Красная Армия готовит массированное наступление. Начальник штаба вермахта принес с собой карты и документы, подготовленные разведывательной службой Гелена, с рекомендацией немедленно вывести войска из Восточной Пруссии, иначе Берлин будет в опасности. Ознакомившись с материалами, Гитлер назвал их «совершенно дурацкими» и приказал Гудериану отправить их автора в сумасшедший дом. Гудериан не сдержался. «Их автор — генерал Гелен, один из лучших в моем штабе,— сказал он.— Если вы хотите отправить генерала Гелена в сумасшедший дом, поступите так же со мной!» Гитлер успокоился и заверил Гудериана, что на Восточном фронте достаточно резервов. Но Гудериан придерживался иного мнения. «Восточный фронт — это карточный домик,— сказал он.— Если фронт будет прорван в одном месте, все остальное рухнет, потому что двенадцать с половиной дивизий — слишком маленький резерв на такой протяженный фронт». Но Гитлер был непреклонен. Он отказался перебросить резервы из Арденн, где, на его взгляд, еще теплилась надежда на успех. «Восточный фронт,— сказал фюрер

в заключение,— должен обходиться наличными силами». Гудериан ушел в мрачном настроении. Он знал, что в случае крупного советского наступления ослабленный фронт будет прорван.

Через три дня Сталин сдержал свое слово. Почти 3 миллиона советских войск атаковали 750 тысяч плохо вооруженных немцев на фронте протяженностью 650 километров от Балтики до середины Польши. Поддержанные большим количеством артиллерии и, казалось, неиссякаемыми потоками танков «Сталин» и Т-34, полчища красных пехотинцев начали штурмовать слабую систему обороны Гудериана. Хотя погода не позволяла наступающим использовать авиацию, к концу дня русские продвинулись на 20 километров. Германия оказалась зажатой с востока и запада. В тот же день важная победа была достигнута и в Арденнах: соединились американские войска, наступавшие с севера и юга.

В середине января Гитлер отправился из «Орлиного гнезда» в свою новую, берлинскую, ставку. Внешне он не казался подавленным, даже посмеялся вместе с другими, когда кто-то пошутил, что Берлин сейчас — самое удобное место для ставки, так как можно на метро съездить и на Западный, и на Восточный фронт.

В арденнском выступе к 16 января в окружении оказалась 20-тысячная немецкая группировка. Правда, победа союзников была омрачена ссорой между американцами и англичанами, вызванной заявлением фельдмаршала Монтгомери, что американцев спасли английские войска. Американцы, естественно, были возмущены, тем более, что именно их войска вынесли главную тяжесть Арденнского сражения. Узнав об этом, Гитлер был в восторге: сбывается его мечта вбить клин между союзниками...

17 января начался повальный отход армии Мантейфеля. Отступающие колонны несли большие потери от ударов авиации и артиллерийского огня. Арденнское сражение закончилось, оставив после себя две разоренные страны, разрушенные дома и фермы и более 75 тысяч трупов. Мало кто из уцелевших теперь верил в возможность победы Германии.

Глава 30. «МЫ НЕ ДОЛЖНЫ СДАВАТЬСЯ ЗА ПЯТЬ МИНУТ ДО ПОЛУНОЧИ» (17 января—20 апреля 1945 г.)

1

К 17 января Красная Армия разгромила или обошла немецкие войска на Балтийском побережье и форсировала Вислу на огромном участке от Варшавы до Нижней Силезии. Советские войска были так близко от Освенцима, что узники слышали гул артиллерийской канонады. В последние недели охранники-эсэсовцы сжигали склады с обувью, одеждой и волосами, пытаясь скрыть следы массового уничтожения. Лагерный персонал разбежался. Охранники выстроили 58 тысяч дрожащих от холода, истощенных людей и погнали их на запад, оставив лишь 6 тысяч неспособных идти больных узников в надежде на то, что они погибнут под советскими бомбами. Когда 27 января красноармейцы ворвались в Освенцим, в лагере оставалось еще почти 5000 узников, настолько истощенных, что они не могли произнести слова приветствия. Были взорваны газовые камеры и пять крематориев. Как ни пытались нацисты замести следы своих преступлений, они оставили неопровержимые улики — горы зубных щеток, очков, обуви, протезов и массовые захоронения сотен тысяч людей... Несмотря на поджоги и взрывы, целью которых было спрятать концы в воду, представители международного Красного Креста обнаружили 368 820 мужских костюмов, 836 255 женских пальто, 13 694 ковра и 7 тонн человеческих волос.

В Берлине в этот день генерал Гудериан и его адъютанты вошли через главный вход в рейхсканцелярию, чтобы присутствовать на военном совещании у фюрера. В кабинет Гитлера им пришлось идти обходным путем из-за повреждений, причиненных бомбежками союзников. В приемной стояли охранники с автоматами. Офицер СС попросил оставить личное оружие и тщательно осмотрел портфели. Это правило, введенное после 20 июля, не делало исключений даже для начальника штаба.

В 16.20 шаркающей походкой вошел ссутулившийся фю-

рер с безжизненно свисающей левой рукой. Совещание началось с доклада Гудериана, беспристрастно описавшего катастрофу на Востоке. Гитлер безучастно слушал, но как только речь зашла о Западном фронте, он оживился и стал вспоминать первую мировую войну: «В 1915 и 1916 годах у нас были такие нормы боеприпасов, что у вас волосы встали бы дыбом...» Совещание закончилось в 18.50, и Гудериан уехал в Цоссен. Он был возмущен. Проговорили два с половиной часа, но ни по одному вопросу, связанному с критическим положением на Восточном фронте, так и не было принято конкретного решения.

Гиммлера только что назначили командующим группой армий, образованной для отражения главного удара наступающей советской группировки под командованием маршала Жукова. Гудериану это назначение показалось идиотским, но Гитлер утверждал, что рейхсфюрер — единственный человек, способный за ночь сформировать крупное соединение. Одно его имя, считал фюрер, вдохновит солдат сражаться до конца. Борман поддерживал назначение, но люди, близкие к Гиммлеру, втайне были уверены, что это заговор с целью погубить их шефа. Направление Гиммлера на Восток, по их мнению, не только удалит его из ставки фюрера и позволит Борману укрепить свое растущее влияние на Гитлера, но и неизбежно докажет полководческую несостоятельность рейхсфюрера СС.

Гиммлер, бывший курсант военного училища, тайно мечтавший когда-нибудь повести войска в бой, клюнул на эту удочку, правда, после некоторого колебания. Хотя он и опасался Бормана, ему и в голову не приходило, что тот готовит его низложение. Гиммлер отправился на Восток в специальном поезде, имея при себе несколько штабных офицеров, одну устаревшую карту и название для своего соединения — группа армий «Висла». Преисполненный решимости остановить русских на Висле, Гиммлер начал создавать линию обороны с востока на запад — от Вислы до Одера. Иными словами, он забаррикадировал боковую дверь, защитив Померанию, и в то же время широко раскрыл переднюю.

Жуков просто обошел эту линию обороны и продолжал двигаться на запад, встречая разрозненное сопротивление изолированных групп. 27 января его войска уже были на расстоянии 160 километров от Берлина. Впереди лежал Одер, последнее крупное водное препятствие...

Через три дня Гитлер выступил с речью перед страной. Он снова говорил о призраке международного еврейства и азиатского большевизма и призывал всех немцев до конца исполнить свой долг. «Каким бы серьезным ни был кризис в данный момент,— сказал фюрер в заключение,— он, несмотря ни на что, будет преодолен нашей несгибаемой волей, нашей готовностью к жертвам и нашим умением. В конечном итоге победит Европа, а не Центральная Азия, и во главе ее будет страна, которая представляла Европу в борьбе против Востока на протяжении 1500 лет и будет представлять ее во все времена — наш великий германский рейх, германская нация».

После обеда Борман нашел время написать письмо своей «любимой мамочке» с советами запастись сушеными фруктами и пятьюдесятью килограммами меда. Он писал ей о зверствах на Востоке, где большевики опустошают каждую деревню. «Ты и дети никогда не должны попасть в руки этих диких зверей»,— предостерегал своих близких заместитель фюрера.

Несмотря на скверные новости, Гитлер пребывал в хорошем настроении. После вечернего совещания он заговорил о политическом положении рейха, объясняя, что начал операцию «Осенний туман» с целью раскола союзников. Хотя сражение проиграно, американцы и англичане переругались, и раскол между союзниками близок.

Гудериан нетерпеливо поглядывал на часы, но молодые офицеры, казалось, были заворожены фюрером, когда он предсказал, что Запад вскоре поймет, что большевизм — его истинный враг, и объединится с Германией в общем крестовом походе против красной опасности. Черчилль, как и он, знает, что если Красная Армия захватит Берлин, пол-Европы сразу станет коммунистической. Время — наш союзник, заявил Гитлер. Поэтому надо обороняться до последнего. Разве не ясно, патетически вопрошал фюрер, что каждая удерживаемая нами крепость станет в конечном счете трамплином в германо-американо-английском крестовом походе против еврейского большевизма? Он напомнил слушателям, что в 1918 году Германии всадил нож в спину генеральный штаб. Если бы он не капитулировал преждевременно, Германия добилась бы почетного мира, и не было бы послевоенного хаоса, не было бы попыток коммунистов захватить страну, не было бы инфляции и депрессии. «На этот раз мы не должны сдаваться за пять минут до

полуночи!»— заключил Гитлер.

В последний день января его разбудили среди ночи: вражеские танки только что пересекли Одер. Через три дня Берлин подвергся самому сильному воздушному налету за всю войну. Почти тысяча американских бомбардировщиков сравняла с землей центральную часть города. Погиб и председатель «народного суда» Роланд Фрайслер. Весть о его гибели была с ликованием встречена оставшимися в живых участниками заговора 20 июля. Их тюрьму разбомбили, и заключенных срочно перевезли в гестаповский каземат, подземная часть которого уцелела. Среди узников был и адмирал Канарис.

Ставка Гитлера тоже получила серьезные повреждения. Была нарушена связь, прекратилась подача электричества и воды. «Перед рейхсканцелярией стоит цистерна, и это единственный источник воды для приготовления пищи и умывания!»— писал Борман жене.

4 февраля, когда передовые части Красной Армии были уже у ворот Берлина, фюрер начал диктовать Борману свое политическое завещание. Гитлер еще питал слабую надежду на какое-то чудо, он хотел запечатлеть для истории, как близко он подошел к достижению своей величественной мечты, и объяснить причины своих неудач. Англичане, утверждал Гитлер, могли бы положить конец войне в начале 1941 года. «Но этого ни за что не хотели евреи, и их лакеи Черчилль и Рузвельт помешали этому». Такой мир, продолжал фюрер, удержал бы Америку от вмешательства в европейские дела, и под руководством Германии Европа быстро объединилась бы. После ликвидации «еврейской заразы» объединение было бы простым делом, и Германия, имея безопасный тыл, смогла бы достичь «мечты моей жизни и цели национал-социализма — уничтожения большевизма».

Спустя два дня он возобновил диктовку. «Наши враги,— вещал Гитлер,— собирают все свои силы для последней атаки. Мы имеем против себя пеструю коалицию, скрепленную ненавистью, завистью и страхом, который национал-социалистская доктрина внушает этому низкому, разношерстному сборищу. Его стремление уничтожить третий рейх не оставляет никакой альтернативы, кроме борьбы до конца. Мы еще можем одержать победу в последнем рывке!»

2

12 февраля «Большая тройка» объявила, что встреча в Ялте завершилась единодушным принятием решений о разгроме «оси» и послевоенном устройстве мира. Коммюнике привело в восторг Геббельса. Решение Рузвельта, Черчилля и Сталина о расчлении Германии и выплате ею непосильных репараций, утверждал он, заставит Германию сражаться с удвоенной энергией либо погибнуть.

Гитлер одобрил этот пропагандистский ход и даже приободрился. Но на следующий день произошел очередной конфликт с Гудерианом. Генерал открыто заявил, что у Гиммлера нет ни опыта, ни штабных специалистов для организации контрнаступления. «Как вы смеете критиковать рейхсфюрера?»— возмутился Гитлер. Но Гудериан не уступал и настаивал на том, чтобы операцию возглавил его заместитель Венк. Гитлер пришел в ярость, и оба стали так ожесточенно спорить, что участники совещания один за другим вышли из комнаты. Остались лишь Гиммлер, Венк и несколько невозмутимых адъютантов. Спор продолжался около двух часов. Гитлер снова и снова восклицал: «Как вы смеете?» — и тяжело дышал от возмущения. Гудериан продолжал настаивать на назначении Венка. Наконец Гитлер перестал шагать взад-вперед, подошел к Гиммлеру и, обреченно вздохнув, сказал: «Ну что ж, рейхсфюрер, генерал Венк сегодня отправится в группу армий «Висла» и возглавит штаб». «Давайте возобновим совещание»,— пробормотал он после недолгого молчания и, кисло улыбнувшись, заметил, обращаясь к Гудериану: «Господин генерал-полковник, сегодня штаб армии выиграл битву».

14 февраля Гитлер продолжил диктовку политического завещания. Национал-социализм, говорил он Борману, очистил германский мир от «еврейской заразы» на деле, а не на словах. «Для нас это был важный процесс дезинфекции, без которого мы бы сами были задушены и уничтожены». Фюрер подчеркнул, что ликвидация евреев стала самой важной целью войны.

Вечером следующего дня доктор Гизинг случайно встретил Гитлера в бомбоубежище рейхсканцелярии. Фюрер был бледен, его правая рука дрожала, он не мог идти без поддержки и постоянно хватался за что-нибудь. Гитлер казал-

ся рассеянным и несколько раз задавал один и тот же вопрос: «Откуда вы, доктор? Ах, да, из Крефельда...» Он стал уверять Гизинга, что американцы никогда не прорвут Западный вал. Потом заявил, что если Германии суждено проиграть войну, он умрет вместе со своими солдатами, и наконец похвастался новым оружием, которое называется атомной бомбой и которое он применит, «если даже белые скалы Англии исчезнут в воде».

13 февраля союзники бомбили Дрезден. Старый город был почти полностью разрушен, ужасный огненный шторм опустошил 650 гектаров — почти в три раза больше, чем в Лондоне за всю войну. Согласно предварительным данным, погибло по меньшей мере 100 тысяч человек.

Узнав об уничтожении Дрездена, Геббельс заплакал. Когда он наконец обрел дар речи, Геббельс обрушился на Геринга: «Какую громадную вину несет этот безответственный паразит, думающий лишь о собственном благе!» А Гитлер обрушил свой гнев на английских и американских летчиков, однако отверг предложение Геббельса казнить в отместку союзных военнопленных. От мести его удержал Риббентроп.

В газетах нейтральных стран в феврале появились сообщения о мирных переговорах, которые якобы ведутся по неофициальным каналам. Основанием для них послужили контакты Петера Кляйста. В Стокгольме он встретился с представителем Всемирного еврейского конгресса Гилелем Шторхом, который предложил обсудить вопрос об освобождении из концлагерей 4300 евреев. Кляйст поставил вопрос более широко: обсудить не только «спасение евреев», но и «спасение Европы». Шторх положительно отнесся к возможности такой сделки и поговорил с американским дипломатом Айвором Олсоном.

После встречи с Олсоном Шторх возбужденно сообщил Кляйсту, что президент Рузвельт готов выкупить жизни полутора миллионов евреев в концлагерях взамен «политических уступок». Это было то, что требовалось Кляйсту, и он решил доложить о полученной информации Кальтенбруннеру. По возвращении в Берлин Кляйст был посажен под домашний арест. Через несколько дней Кальтенбруннер сообщил ему, что Гиммлер заинтересовался «этой возможностью», и приказал Кляйсту ехать в Стокгольм с обещанием освободить 2000 евреев.

Такая сделка не была новой для Гиммлера. Он и раньше

пытался использовать «еврейский вопрос» в качестве шантажа с целью добиться выгодного мира. В этом рейхсфюрера поощряли его массажист, выходец из Эстонии Феликс Керстен, и начальник службы внешней разведки Вальтер Шелленберг, убежденный, что Гитлер ведет Германию к гибели. Это была нелегкая задача, учитывая, что фюрер запретил какой-либо внешнеполитический зондаж без его ведома, тем более, что Кальтенбруннер оставался верным Гитлеру и питал глубокую неприязнь к Шелленбергу. Но Кальтенбруннер поверил Кляйсту, и Гиммлер решил рискнуть.

Однако Кляйст так и не выехал в Стокгольм. Кальтенбруннер вызвал его и сказал, что это дело его больше не интересует. Он не объяснил, что его враг Шелленберг убедил Гиммлера не делить славу с дипломатом, и тот вместо Кляйста послал в Стокгольм своего массажиста. Керстен начал переговоры со шведскими дипломатами об освобождении из лагерей граждан скандинавских стран; в результате шведы решили послать в Берлин на переговоры с Гиммлером графа Бернадотта.

Поскольку Кляйсту приказали держать язык за зубами, его шеф Риббентроп ничего об этом не знал. Однако шведский посол в Берлине, не разбиравшийся в хитросплетениях власти в нацистской иерархии, невольно выдал Гиммлера: через ведомство Риббентропа, как и положено, посол направил послание рейхсфюреру с просьбой организовать встречу Бернадотта с Риббентропом. Тот понял, что соперник за его спиной ведет сепаратные переговоры. Министр иностранных дел вызвал Фрица Хессе, специалиста по Англии, и спросил его, будет ли Бернадотт подходящей фигурой для мирного зондажа. Хессе, в свою очередь, поинтересовался, есть ли согласие фюрера на такой зондаж. Риббентроп ответил отрицательно, но выразил надежду на то, что такое согласие будет получено. Вместе они составили меморандум и представили его Гитлеру с предложением вступить в контакт с Западом для выяснения условий мирного соглашения. Гитлер выразил сомнение, что из этого выйдет что-либо путное, но не возражал против «наведения мостов».

Гиммлер, к удивлению Риббентропа, выразил готовность сотрудничать с ним: он боялся, вдруг фюрер узнает, что миссия Бернадотта касалась не только гуманитарных вопросов. Министр иностранных дел радостно сообщил об

этом Хессе и приказал ему 17 февраля отправиться в Стокгольм.

Гиммлер, очевидно, очень скоро засомневался: а вдруг фюрер не так поймет его действия? Поэтому, когда Бернадотт прибыл в Берлин, он настоял, чтобы его сначала приняли Кальтенбруннер и Риббентроп. Беседы с ними ограничивались вопросами доступа представителей шведского Красного Креста в концентрационные лагеря.

На следующий день графа повезли в резиденцию Гиммлера. Тот принял гостя очень любезно. Швед предложил освободить из концлагерей норвежцев и датчан и передать их под опеку его страны. Эта простая просьба вызвала со стороны Гиммлера поток упреков в адрес шведов. Но в конце концов он согласился выполнить ее при условии, если Швеция и союзники дадут заверения, что в Норвегии прекратятся диверсионные акты против оккупационных войск. Разумеется, таких заверений Бернадотт дать не мог и попросил о других, более мелких уступках, на которые получил согласие. Воодушевленный, он спросил, нельзя ли шведским женщинам, которые замужем за немцами, вернуться на родину. На этот раз он получил категорический отказ. Настроение Гиммлера резко изменилось. Он начал разглагольствовать о своей верности фюреру, о «большевистской угрозе», о славных днях нацистского движения...

Бернадотт улучил момент и спросил о судьбе евреев, воскликнув: «Ведь среди них много приличных людей!» — «Вы правы,— ответил Гиммлер,— но у вас в Швеции нет еврейской проблемы, и поэтому вы не можете понять немецкую точку зрения». В заключение беседы он обещал дать определенный ответ на все просьбы Бернадотта еще до его возвращения в Швецию. Затем швед снова посетил Риббентропа. Тот был любезен, но ничего конкретного не сказал.

Представитель Риббентропа в Стокгольме Хессе услышал от шведского банкира Валленберга, что Рузвельт и Черчилль преисполнены решимости уничтожить Германию, и предложил прозондировать возможности заключения мира на Востоке. «Сталин,— заметил он,— не связан обязательствами перед Западом». Через несколько дней Хессе увидел в шведских газетах снимок брата Валленберга с советским послом Александрой Коллонтай у входа в посольство. Возможно, это был сигнал, что Кремль недоволен Западом и готов к контактам с Гитлером. Воодушевленный Хессе вернулся в Берлин, но Риббентроп выслушал его рас-

сказ совершенно равнодушно. Он лежал в постели, больной и подавленный. Все напрасно, безразличным тоном сказал он, шансов на переговоры с Западом нет.

3

В середине февраля Гитлер пожаловался фройляйн Шредер: «Меня все обманывают...» Он ни на кого не может положиться, сокрушался фюрер. Геринг потерял доверие народа, Гиммлера отвергнет партия. Он извинился, что за обедом говорит о политике, а потом сказал: «Поломайте голову и скажите, кто должен быть моим преемником. Я постоянно думаю над этим вопросом и не нахожу ответа».

Через неделю у фюрера поднялось настроение, когда в Берлин вернулась Ева Браун. В начале февраля Гитлер приказал Еве переехать в Мюнхен, который меньше, чем другие германские города, подвергался воздушным налетам. Но две недели спустя она заявила, что должна вернуться к фюреру, что бы ни случилось. Она должна разделить судьбу человека, которого любит. Гитлер притворно рассердился и даже отругал ее, но весь вечер повторял, как он гордится преданностью фройляйн Браун.

В конце февраля Гитлер созвал последнее совещание гауляйтеров. Собравшихся поразил его болезненный вид. Фюрер шел опираясь на локоть адъютанта, его левая рука сильно дрожала. Все ожидали сенсационного заявления, но он произнес проповедь, одновременно и вдохновляющую, и удручающую. Фюрер заверил гауляйтеров, что хотя никакое чудо-оружие не спасет рейх, в войне еще можно победить при условии, если удастся вселить в немецкий народ «тевтонскую ярость». Если страна на это не способна, значит, она морально пала и заслуживает уничтожения. Гитлер поблагодарил гауляйтеров за их работу и верность, а затем сделал нечто совершенно неожиданное: откровенно сказал им о своем ухудшающемся здоровье. Дрожь в левой ноге перекинулась на левую руку, и фюрер шутливо выразил надежду, что эта хворь не перейдет на голову...

Гитлер упорно не хотел прзнавать неизбежность надвигающейся катастрофы. Он гневно обрушивался на враже-

ских летчиков, убивших полмиллиона мирных жителей, и поносил тех немцев, которые встречали американцев как освободителей. 7 марта его ярости не было предела: американцы захватили железнодорожный мост через Рейн у Ремагена, несмотря на приказ о его взрыве. Для Гитлера это было очередным предательством и дало ему предлог избавиться от Рундштедта, который давно уже раздражал фюрера своей постоянной готовностью к отступлению. Он приказал своему любимчику Отто Скорцени уничтожить мост. Группа подводных диверсантов сумела подобраться к нему с пакетами взрывчатки, но была обнаружена американцами и обезврежена.

К этому времени вся система обороны немцев была практически разрушена. Группа армий «Б» под командованием Моделя была разгромлена, ее остатки оттеснены за Рейн. Южнее группа армий «Г» Хауссера была прижата к западному берегу реки, и ей угрожало окружение. Положение на Востоке было не лучше, и в эти отчаянные дни середины марта Гитлер решил посетить фронт. Генералы предупредили его: ситуация настолько непредсказуема, что его могут убить или взять в плен, но фюрер никого не хотел слушать. Он сделал только одну уступку: поехал на неприметном «фольксвагене», а не на своем роскошном «мерседесе». Гитлер прибыл к замку около Одера, где призвал генералов 9-й армии остановить продвижение русских к Берлину. Важен каждый день, каждый час, говорил он, скоро будет готово новое чудо-оружие. На обратном пути Гитлер сидел рядом с шофером Кемпкой, глубоко задумавшись...

Гитлер знал, что его недавние соратники за спиной фюрера ищут контакты с противником. Ему было известно, например, о переговорах Риббентропа в Швеции и о попытках Гиммлера «торговать» евреями, но фюрер не предпринимал против этого решительных мер, хотя и заявлял, что все переговоры напрасны. Если они провалятся, он будет отрицать, что знал о них, если приведут к успеху — припишет заслугу себе.

Однако сомнительно, знал ли Гитлер, что его верный министр вооружений Шпеер призывал командующих, например Мантейфеля, не выполнять приказы об уничтожении мостов, дамб и заводов. 18 марта Шпеер выразил протест против политики «выжженной земли» самому фюреру. В своем меморандуме он указал, что такая политика губительна для страны. Этот документ взбесил Гитлера. Прочи-

тав меморандум, он холодно сказал Шпееру, с трудом сдерживая гнев: «Если война будет проиграна, то и народ будет проигран. Нечего беспокоиться о том, что надо немецкому народу для выживания. Наоборот, надо уничтожать все эти вещи, потому что нация оказалась слабой, и будущее принадлежит более сильному Востоку. Во всяком случае, после этой борьбы останутся лишь слабые, потому что сильные уже убиты».

4

В 900 году границы Германии проходили по Одеру и Рейну. К началу марта 1945 года Великая Германия Гитлера оказалась зажатой между этими же реками. А его «тысячелетний» рейх приближался к своей кончине. Противники наступали и с запада, и с востока. Утром 3 марта войска Монтгомери и Паттона форсировали Рейн, и это вызвало смятение в ставке фюрера. Утром 28 марта Гудериан приехал в Берлин для решительного разговора с Гитлером. Его беспокоила судьба 200 тысяч немецких солдат, без всякой нужды оставленных в западне за линией фронта в Курляндии.

Войдя в полуразрушенную рейхсканцелярию, Гудериан и его адъютант в сопровождении охранника проследовали в новую резиденцию Гитлера — громадный бункер глубоко под землей. Они прошли по коридору по щиколотку в воде, затем спустились этажом ниже и попали в центральный вестибюль, служивший также столовой. Гудериан и адъютант миновали вестибюль, затем винтовая лестница привела их на нижний этаж. Здесь, в бункере фюрера, было восемнадцать крошечных помещений, отделенных залом, который служил и приемной, и комнатой для совещаний. Еще дальше, в маленьком вестибюле, находился запасной выход, ведущий вверх по лестнице в сад. Слева от зала располагалась маленькая комната с картами, караульная и шестикомнатные апартаменты Гитлера и Евы Браун. Было душно, несмотря на монотонный шум вентиляционной системы, проникающий во все комнаты бункера. Строение было защищено потолком толщиной в три с половиной метра,

а сверху лежал десятиметровый слой бетона.

Из своей квартиры шаркающей походкой вышел Гитлер, и дневное совещание открылось докладом генерала Буссе о неудачных попытках облегчить положение на восточном берегу Одера. Гитлер обрушился на докладчика, обвиняя его в пораженческих настроениях, но его перебил Гудериан, решительно заступившийся за генерала. Уязвленный Гитлер так стремительно вскочил со своего места, что удивил всех присутствующих. Но Гудериана трудно было запугать. Он смело поднял вопрос, по которому они с Гитлером спорили уже несколько недель: собирается ли фюрер эвакуировать курляндскую армию? «Никогда!»— воскликнул Гитлер, взмахнув рукой. На его мертвенно-бледном лице выступили большие красные пятна. Гудериан с решительным видом двинулся к Гитлеру. Йодль и его заместитель остановили потерявшего самообладание генерала, но он продолжал громко протестовать, пока адъютант не увлек его, попросив выйти в приемную к телефону. Когда Гудериан вернулся, он уже владел собой.

Гитлер сидел с напряженным лицом, его руки дрожали. Он спокойно предложил всем удалиться, попросив задержаться лишь Кейтеля и Гудериана. Оставшись наедине с ними, фюрер сказал: «Генерал Гудериан, состояние вашего здоровья требует, чтобы вы немедленно ушли в шестинедельный отпуск». Когда тот двинулся к выходу, Гитлер приказал ему остаться до конца совещания, которое продолжалось еще несколько часов. После совещания они остались одни. «Хорошо отдохните,— заботливо сказал Гитлер, обращаясь к Гудериану.— Через шесть недель ситуация станет критической. Тогда вы мне срочно понадобитесь».

На Пасху рухнула оборона Рура, и Гитлер оказался перед реальностью полного разгрома. Рейх раздирался победителями на куски, население страдало от диких эксцессов с участием русских и американцев. Однако Борману фюрер диктовал: «Законы истории и географии приведут эти две державы к схватке — либо военной, либо в области экономики и идеологии. Эти же законы неизбежно приведут к тому, что обе державы станут врагами Европы. И в равной степени очевидно: они рано или поздно сочтут желательным заручиться поддержкой единственной уцелевшей нации в Европе — немецкого народа».

5

Несмотря на развал фронтов, Гитлер все еще надеялся на чудо. Он утверждал, что фундамент нового мира, заложенный его противниками в Ялте, уже начинает давать трещины. И это не было пустой фразой. «Большая тройка» стояла на пороге раздоров. Встреча представителей союзных держав в Москве по вопросу формирования польского кабинета зашла в тупик. Молотов заявил, что люблинское правительство является подлинным представителем народа Польши, а Гарриман и английский посол считали, что должно быть создано более представительное правительство с участием польских эмигрантров.

За этим конфликтом последовал более серьезный. В течение нескольких месяцев генерал Карл Вольф, бывшый личный адъютант Гиммлера, а ныне — шеф СС в Италии, вел переговоры с американцами через агента Аллена Даллеса, представителя Управления стратегических служб США в Швейцарии. Вольф имел принципиальное согласие фюрера провести зондаж, однако по своей инициативе предложил капитуляцию всех немецких войск в Италии, а затем тайно встретился в Швейцарии с двумя союзными генералами для обсуждения вопроса, как сделать это без ведома Гитлера.

С самого начала союзники держали Сталина в курсе дела об операции «Восход солнца» — так были названы эти контакты, — и с самого начала он настаивал на том, чтобы в переговорах принял участие советский представитель. Союзники резонно объясняли, что в этом случае Вольф никогда не явится на встречу, но это лишь усилило подозрения Сталина. Узнав о встрече в Анконе, он реагировал бурно, обвинив союзников в сговоре с Германией «за спиной Советского Союза, несущего основное бремя войны с Германией», и охарактеризовал все дело не как «недоразумение», а как «нечто большее».

К концу марта Сталин выдвинул союзникам обвинение в том, что из-за переговоров в Анконе немцы смогли перебросить из Италии на Восточный фронт три дивизии. Он далее сетовал на то, что ялтинское соглашение об одновременном ударе по Гитлеру с востока, запада и юга союзниками не соблюдается. Объяснение Рузвельта не удовлетворило советского руководителя, и он послал американскому прези-

денту сердитую телеграмму, открыто обвинив союзников в том, что они ведут двойную игру. Это настолько возмутило Рузвельта, что 5 апреля он направил Сталину самое агрессивное и резкое послание, которое когда-либо направлял союзнику: «Откровенно говоря, я не могу избежать чувства глубокого возмущения по отношению к вашим информаторам, кто бы они ни были, за такое злостное искажение моих действий и действий моих подчиненных». Сталин поспешно ответил, что он никогда не сомневался в честности и порядочности Рузвельта. Но это было агрессивное извинение: он добавил, что в Анкону надо было пригласить русского и что его точка зрения «единственно правильная».

Гитлер не знал подробностей разлада в стане противника, но знал, что отчуждение есть и он его предсказывал. Это подогревало его слабую надежду на чудо, поэтому фюрер с таким вниманием слушал Геббельса, который прочитал ему отрывок из книги английского историка Карлейля о тяжелых днях Семилетней войны: Фридрих Великий, будучи в отчаянии из-за поражения Пруссии, заявил, что если положение к 15 февраля не изменится, он примет яд. А 12 февраля скончалась русская императрица, и произошел поворот в судьбе прусского короля.

Этот эпизод пробудил у Гитлера интерес к собственным гороскопам, и из сейфа Гиммлера ему принесли два из них. Оба предсказывали победы до 1941 года, затем — серию неудач и катастрофу в апреле 1945 года. Но во второй половине этого месяца должен был наступить временный успех, затем до августа будет затишье, а в августе — мир. Германия до 1948 года переживет трудные времена, а потом она снова восстановит свое величие.

Будучи по своей природе скептиком, Геббельс тем не менее схватился за соломинку. Историческая параллель произвела на него такое впечатление, что он повторил эту историю при посещении штаба генерала Буссе на Одере 12 апреля. Один офицер с сарказмом поинтересовался: «Какая же императрица скончался на этот раз?» — «Не знаю, но судьба таит многие возможности»,— ответил Геббельс.

Примерно в это же время на противоположной стороне Атлантического океана, в Уорм-Спрингс (штат Джорджия), президент Рузвельт проговорил: «Ужасно болит голова» — и потерял сознание. Через два часа и двадцать минут он скончался. Геббельс узнал об этом по прибытии в министерство. «Это поворотный пункт!»— воскликнул он и

позвонил Гитлеру. «Мой фюрер,— захлебываясь от волнения, кричал в трубку главный пропагандист рейха.— Я вас поздравляю! Рузвельт умер. А звезды предсказывают, что вторая половина апреля будет для нас поворотным пунктом. Это чудо!» Геббельс повесил трубку, его глаза сияли, он произнес перед своими подчиненными страстную речь, как будто война закончилась победой...

Риббентроп не разделял его восторга. Утром 13 апреля он вернулся от Гитлера в мрачном настроении. «Фюрер — на седьмом небе,— сказал он своим советникам.— Этот негодяй Геббельс убедил его, что смерть Рузвельта — начало поворота. Что за чепуха, это просто преступно! Как может смерть Рузвельта изменить что-то в нашу пользу?»

Геббельс проинструктировал прессу, предложив писать о Трумэне, избегая всего, что могло бы вызвать раздражение нового президента, и не ликовать слишком открыто по поводу смерти Рузвельта.

Но после обеда радостное возбуждение министра пропаганды стало утихать. Когда позвонил генерал Буссе и спросил, изменила ли смерть Рузвельта ситуацию, на что Геббельс намекал вчера, тот ответил: «Не знаю. Посмотрим». Донесения с фронтов свидетельствовали о том, что смена президента никак не повлияла на военные операции противника, и к концу дня Геббельс признал: «Возможно, судьба снова жестоко обошлась с нами и одурачила нас. Пожалуй, мы стали считать цыплят до осени».

Гитлер срочно созвал очередное совещание и изложил фантастический план спасения Берлина. Отступающие к столице немецкие войска образуют твердое ядро обороны. Русские сконцентрируют здесь основнные силы. Это ослабит давление на другие немецкие войска и даст им возможность атаковать наступающих с тыла. В Берлине будет одержана решающая победа, поведал фюрер изумленной аудитории: сам он останется в городе и будет вдохновлять защитников. Некоторые советовали Гитлеру уехать в Берхтесгаден, но он и слышать об этом не хотел. Как верховный главнокомандующий и вождь народа он считает себя обязанным остаться в столице. Гитлер составил прокламацию на восьми страницах и направил ее Геббельсу. Но министру пропаганды не понравился ее слишком напыщенный стиль, и он взял на себя смелость изменить несколько фраз. 15 апреля Геббельс распространил прокламацию по всему фронту — это было последнее обращение Гитлера к войскам. Ес-

ли каждый солдат на Восточном фронте, говорилось в нем, исполнит свой долг, последняя атака Азии потерпит провал. Ибо судьба устранила величайшего преступника всех времен Рузвельта, и теперь в войне должен наступить решительный перелом.

Невероятно, но факт: многие солдаты были вдохновлены словами Гитлера. Едва ли не большая часть населения Германии все еще сохраняла веру в своего вождя, несмотря на ожесточенные бомбардировки и быстро сужающиеся границы рейха. Для среднего немца фюрер был более чем человеком. Они верили в его неуязвимость, многие даже считали, что дом с его портретом выдержит любую бомбежку...

Однако Геббельс начал готовиться к концу, сжигая личные бумаги. Он долго колебался, прежде чем уничтожить большую фотографию с дарственной надписью своей давней любви Лиды Бааровой. Долго смотрел на портрет, потом все же разорвал его и бросил в огонь.

Между тем произошло два ошеломляющих события: на западе капитулировали немецкие войска, попавшие в «котел» в Руре, а на востоке армии Жукова прорвали укрепления на высотах западнее Одера и устремились к Берлину. От бункера Гитлера их отделяло лишь 70 километров. Хотя фюрер все еще говорил о победе, он готовился к худшему, дав два задания одному партийному деятелю: вывезти в соляные копи Тюрингии золотой запас Германии и спрятать запечатанный конверт, который ему передаст Борман. В нем содержалось завещание Германии и миру, которое Гитлер продиктовал Борману.

В тот же день фюрер отдал приказ назначить командующим реактивной авиацией легендарного Ганса Ульриха Руделя, который на своем пикирующем бомбардировщике потопил советский линкор и уничтожил 500 русских танков. Несколько месяцев назад в аварии он потерял ногу, но теперь был готов к бою. Начальник штаба Геринга возражал против этого назначения на том основании, что Рудель совсем не разбирается в реактивных самолетах. Но Гитлер отмел все возражения. Сам Рудель был решительно против этого назначения. Он сказал Гитлеру, что скоро русские и американцы соединят свои армии, Германия окажется расколотой на две части, и применение реактивных самолетов будет невозможно. Почему он, Гитлер, не заключит мир с Западом, с тем чтобы добиться победы на Востоке? «Вам легко говорить»,— ответил Гитлер, кисло улыбнувшись.

Рудель вышел из кабинета Гитлера уже за полночь, когда наступил день рождения фюрера — его 56-летие.

Глава 31. ПЯТЬ МИНУТ ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ, ИЛИ «КАПИТАН ТОНЕТ ВМЕСТЕ СО СВОИМ КОРАБЛЕМ» (20—30 апреля 1945 г.)

1

Союзные армии отметили день рождения Гитлера мощным воздушным налетом на Берлин с участием тысячи бомбардировщиков. Но, казалось, ничто не могло поколебать уверенность фюрера. Весь день в разговорах с пришедшими его поздравить Гитлер утверждал, что русские потерпят поражение в Берлине. В беседе с Кейтелем он взволнованно произнес: «Я никогда не забуду, что в момент покушения вы спасли мне жизнь». Кейтель брякнул, что надо немедленно начать переговоры о мире, еще до того, как Берлин превратится в поле боя. «Кейтель, я знаю, чего хочу,— перебил Гитлер.— Я буду драться, в Берлине или под Берлином».

После разговора наедине с Йодлем он обошел шеренгу военных и гражданских деятелей, среди которых были Борман, Риббентроп и Шпеер, пожимая им руки и произнося слова благодарности. Почти все советовали фюреру уехать в Берхтесгаден, пока дорога не перерезана, но он упорно отказывался. Отныне, решил фюрер, обороной будут руководить два командования: Дениц возглавит северный сектор, а кому доверить южный, он еще подумает... Гитлер рекомендовал соответственно разделить штабы, и организаторы южного сектора обороны должны будут сегодня же вечером выехать в Берхтесгаден. Геринг спросил, самому ли ему вылететь на юг или послать туда своего начальника штаба. «Поезжайте сами»,— распорядился фюрер. Два не-

когда близких товарища холодно распрощались. Геринг отправился на свою виллу, где его уже ожидали четырнадцать грузовиков, доверху набитых домашней утварью и художественными ценностями.

Гитлер ужинал с Евой и секретаршами. Снова его уговаривали покинуть столицу, на что следовал неизменный ответ: «Я должен решить исход войны в Берлине — или погибнуть!» После полуночи он вызвал двух долго работавших у него секретарш и сообщил, что через полчаса они должны выехать на машинах в Берхтесгаден вместе с адмиралом Путткамером и другими людьми. (В их числе был и Морель, попавший в немилость к фюреру.) Гитлер пояснил, что они работают у него уже довольно долго, к тому же у фройляйн Вольф на иждивении престарелая мать. Говорил он тихо, левая рука сильно дрожала. Немного позже фюрер позвонил фройляйн Шредер и сказал, что Берлин окружен, они вылетят самолетом, как только закончится воздушная тревога. А фройляйн Вольф он со вздохом признался: «Все кончено».

Поздравив фюрера, Гиммлер вечером в сильный дождь отправился в свою резиденцию, где была назначена тайная встреча с представителем Всемирного еврейского конгресса Мазуром. Предугадывая развитие событий, рейхсфюрер СС спешил снять с себя вину за уничтожение евреев. Гиммлер признал, что на возглавляемое им ведомство было возложено тяжкое бремя «окончательного решения еврейского вопроса». Сначала он планировал решить эту проблему путем эмиграции. Но даже те страны, которые так пеклись об интересах евреев, отказались их принять. «С начала войны,— продолжал он,— мы столкнулись с массой восточного еврейского пролетариата, и это создало для нас новые проблемы». «С целью борьбы с эпидемиями,— утверждал Гиммлер,— мы вынуждены были построить крематории, чтобы сжигать трупы умерших от болезней людей. А теперь нам вменяют это в вину!»

Мазур настаивал на сохранении жизни тех евреев, которые находятся на контролируемой Германией территории. Гиммлер заверил его, что так и делает. А что получает в ответ? Американцы распространяют фальшивки о мнимых издевательствах над евреями на территории третьего рейха. Когда он разрешил 2100 евреям выехать в Швейцарию, иностранная пресса подняла шум, что он пытается создать себе алиби. «Мне не нужно никаких алиби. Я всегда делал

то, что нужно моему народу, и я не обогатился на этом»,— патетически воскликнул рейхсфюрер СС, заканчивая разговор.

В тот же вечер Гиммлер дал указание одному из своих агентов разыскать штаб Эйзенхауэра и постараться убедить его пойти на заключение сепаратного мира с Германией для совместной борьбы против подлинного врага человечества — Советского Союза.

На рассвете рейхсфюрер встретился с графом Бернадоттом. Он отверг предложение шведа перевезти всех военнопленных из стран Северной Европы в Швецию, но сам же предложил передать всех узниц Равенсбрюка под опеку шведского Красного Креста. Аудиенция закончилась, и Гиммлер ушел спать. После обеда в разговоре с Шелленбергом он признался, что «страшится будущего». Тот заметил, что тем более надо что-то предпринять. Гиммлер промолчал. Шелленберг начал критиковать политику эвакуации концлагерей. «И ты тоже!— возмутился Гиммлер.— Фюрер рвет и мечет из-за того, что Бухенвальд и Берген-Бельзен не были полностью эвакуированы!»

В часы, когда рейхсфюрер заверял Мазура, что эвакуация концлагерей прекращена, узников Заксенхаузена угоняли из лагеря. Представитель международного Красного Креста попросил передать несчастных людей под его опеку, но комендант отказался, сославшись на приказ Гиммлера об эвакуации всех, кроме тяжело больных. Почти 40 тысяч заключенных были построены в колонны и под крики и ругань охраны в сильный дождь тронулись в путь на северо-запад. Тех, кто не мог идти, пристреливали и сбрасывали в канавы.

Наступающие советские войска в нескольких местах прорвали оборону группы армий «Висла», и передовые части Красной Армии оказались лишь в 30 километрах от подземной рейхсканцелярии фюрера. В полдень 21 апреля они начали обстреливать Берлин из артиллерийских орудий, и взрывы были слышны даже в бункере, где Йодль докладывал Гитлеру, что армия Мантейфеля находится под угрозой окружения. На выручку ей был направлен последний небольшой резерв под командованием генерала СС Феликса Штайнера.

При упоминании этого имени Гитлер встрепенулся. Именно благодаря его инициативным действиям в Померании было приостановлено наступление войск Жукова в

феврале. Гитлер взглянул на карту, и его глаза просияли. «Контратаковать!»— воскликнул фюрер. Штайнер пойдет на юго-восток и рассечет авангард Жукова, одним смелым ударом спасет Берлин и помешает окружению Мантейфеля. Гитлер тут же распорядился направить от его имени приказ Штайнеру, запретив любой отход на запад. Из всех невыполнимых приказов, полученных Штайнером от Гитлера, этот был самым фантастическим. Танковый корпус эсэсовского генерала существовал только на бумаге. И он не намеревался жертвовать своими войсками ради безнадежного дела.

Борман тоже знал, что надежды нет. Он позвонил жене в Берхтесгаден и сказал, что нашел для нее и детей «чудесное убежище» в Тироле. Под видом начальницы группы детей-сирот она поедет туда. Для этой цели были подобраны шесть малышей в партийном детском саду в Гармнше.

2

Утром 22 апреля в бункере только и говорили о Штайнере. Начал ли он наступление, чтобы выручить Берлин? Если начал, то насколько продвинулся? Ежечасно Гитлер справлялся у исполняющего обязанности начальника штаба армии генерала Ганса Кребса о Штайнере, но тот отвечал, что пока сведений нет. В конце концов после обеда он вынужден был признать, что корпус Штайнера находится еще в процессе формирования и докладывать просто нечего.

Гитлер покачнулся, как от удара, болезненная гримаса перекосила его лицо. Усилием воли подавив минутную слабость, он приказал выйти всем, кроме генералов и Бормана. Раскачиваясь взад-вперед и размахивая правой рукой, фюрер закричал, что его окружают предатели и лжецы. Все они низкие, подлые люди, не понимающие его великой цели. Он жертва продажности и трусости, все оставили его в минуту тяжелых испытаний. Никто из присутствующих не посмел произнести ни слова в свое оправдание. Ошеломленные генералы молчали, лишь Борман пытался успокоить фюрера.

Гитлер что-то прокричал о Штайнере и в изнеможении упал в кресло. Горестным тоном он изрек: «Война проиграна». Потом дрожащим голосом добавил, что третий рейх потерпел крах, и ему остается только умереть. Фюрер закрыл глаза, по его лицу разлилась мертвенная бледность, и всем показалось, что наступила роковая минута...

Наконец Гитлер пришел в себя. Борман, Кейтель и начальник управления личного состава Бургдорф умоляли его сохранять самообладание. Если фюрер потеряет веру в успех, говорили они, тогда действительно все потеряно. Генералы просили фюрера уехать немедленно в Берхтесгаден, но он покачал головой и усталым голосом сказал, что свой конец встретит в Берлине.

В приемной почти все было слышно. Генерал Фегеляйн схватил телефон и, набрав номер Гиммлера, уведомил его о происходящем. Потрясенный рейхсфюрер позвонил Гитлеру и умолял его не терять надежды.

Между тем Гитлер приказал позвать Траудль Юнге, Герду Кристиан и свою новую повариху Констанцию Манциали. Они вошли в приемную, где Гитлер что-то вполголоса обсуждал с Евой Браун. Фюрер посмотрел на вошедших отсутствующим взглядом и сказал, чтобы они были готовы к отъезду. «Все потеряно, безнадежно потеряно»,— твердил он.

Женщины испуганно молчали. Ева взяла фюрера за руки, улыбнулась и сказала: «Ты же знаешь, что я останусь с тобой. Я никуда не поеду». Его глаза сразу оживились, и он сделал то, чего никогда прежде не позволял себе в присутствии посторонних,— поцеловал Еву в губы.

Траудль словно издалека услышала свой голос: «Я тоже останусь». Это же повторили Герда и повариха. Гитлер настаивал на их отъезде, но женщины упрямо твердили свое. Поблагодарив их за преданность, фюрер устало прошаркал в кабинет, где его ждали генералы. «Господа,— заявил он,— это конец. Я остаюсь в Берлине и, когда наступит время, пущу себе пулю в лоб. Каждый из вас должен принять собственное решение о том, как быть дальше...»

Геббельс находился дома, когда узнал, что его срочно вызывает фюрер. Пока он собирался, ему передали, что Гитлер хочет видеть также Магду и детей. В 17.00 фрау Геббельс спокойным тоном приказала няньке собрать детей в гости к фюреру. Дети обрадовались: дядя Ади всегда угощал их шоколадкой или печеньем. Мать догадывалась,

что всех их ждет роковая развязка, но сумела изобразить улыбку и сказала: «Каждый из вас может взять по одной игрушке, но ничего больше».

Оставшись наконец наедине с Гитлером, Кейтель снова стал уговаривать его уехать в Берхтесгаден и оттуда начать переговоры о капитуляции. Но Гитлер перебил его. «Я точно знаю, что вы хотите сказать: «Решение надо принимать немедленно!» Я уже принял решение. Я никогда не покину Берлин, я буду защищать город до последнего вздоха». Вошел Йодль, и Гитлер повторил: «Мне надо было принять это решение, самое важное в моей жизни, еще в ноябре прошлого года. Мне не следовало покидать ставку в Восточной Пруссии»,— добавил он.

Гитлер вызвал Бормана и приказал ему с Йодлем и Кейтелем срочно вылететь в Берхтесгаден. Фельдмаршал должен был взять на себя командование, а Геринг будет личным представителем фюрера. Когда Кейтель возразил, Гитлер сокрушенно ответил: «Все летит вверх тормашками, я ничего больше не могу поделать». Остальное, добавил он, надо оставить на усмотрение Геринга. «Придется немного повоевать, а когда дело дойдет до переговоров, рейхсмаршал сумеет это сделать лучше, чем кто-либо другой. А я либо выиграю битву за Берлин, либо умру в Берлине. Это мое окончательное и бесповоротное решение».

Генералы заверили фюрера, что положение не столь безнадежно: можно повернуть к столице 12-ю армию Венка. Услышав это, Гитлер оживился — к нему вернулись надежда и решимость. Он начал задавать вопросы, потом детально обрисовал картину спасения Берлина. Не успел Кейтель выйти, чтобы дать указания Венку, как Гитлер снова впал в депрессию. Кто-то показал на висящий в кабинете портрет Фридриха Великого и напомнил о чуде, которое спасло прусского короля. Фюрер устало покачал головой: «Армия меня предала, генералы ни на что не годятся. Мои приказы не выполнялись. Все кончено. Национал-социализм мертв и никогда больше не поднимется».

3

Вечером того же дня начальник оперативного управления люфтваффе генерал Экард Кристиан вбежал в штаб ВВС близ Берлина и взволнованно крикнул: «Фюрер совершенно выдохся!» Он рассказал, что произошло. Начальник штаба генерал Ганс Коллер немедленно связался со штабом сухопутных сил и удостоверился, что фюрер действительно больше не в состоянии исполнять свои обязанности.

На рассвете 23 апреля Коллер со своим штабом на пятнадцати «юнкерсах» вылетел в Мюнхен. Геринг уже в основном знал обо всем, что произошло. Он получил по радио секретное сообщение от Бормана, что у фюрера нервное расстройство и что Геринг должен взять на себя руководство страной. Рейхсмаршал заподозрил неладное и не знал, что делать: действовать или подождать?

В полдень на его виллу в Оберзальцберге прибыл генерал Коллер и возбужденно рассказал о потрясении, перенесенном Гитлером. Геринг уже в основном все знал и на сообщение Коллера отреагировал спокойно. Рейхсмаршал поинтересовался, жив ли еще Гитлер. Не назначил ли он Бормана своим преемником? Коллер ответил, что фюрер был жив перед его отлетом. Неделю Берлин, вероятно, еще продержится. «Во всяком случае,— сказал он в заключение,— вам, господин рейхсмаршал, пора действовать».

Геринг колебался. А что если Гитлер назначил преемником Бормана? Его старого врага, который и телеграмму-то послал с провокационной целью, чтобы устроить ему ловушку! «Если я начну действовать раньше времени, пока жив фюрер, он объявит меня предателем. Если ничего не сделаю, он обвинит меня в бездействии в самый критический момент!» Рейхсмаршалн вызвал юридического эксперта Ганса Ламмерса, хранителя двух официальных документов о преемнике, составленных Гитлером еще в 1941 году. Согласно документам, Геринг назначался заместителем и преемником Гитлера в том случае, если фюрер временно или постоянно не сможет выполнять свои обязанности.

Рейхсмаршал хотел знать, требует ли военная ситуация в Берлине принятия им управления на себя, но Ламмерс не мог сказать ничего определенного. Зная, что его влияние на

фюрера ослабло, а позиции Бормана укрепились, Геринг поинтересовался, давал ли Гитлер с 1941 года какие-либо указания, отменявшие документы о преемнике. Нет, ответил Ламмерс, таких приказов не было.

Кто-то предложил запросить фюрера по радио, считает ли он по-прежнему Геринга своим заместителем. Тут же был составлен текст: «Мой фюрер, учитывая ваше решение остаться в Берлине, желаете ли вы, чтобы в соответствии с декретом от 29 июня 1941 г. я взял на себя полный контроль над рейхом?» Геринг прочитал написанное и добавил: «С полномочиями во внутренних и иностранных делах»,— с тем чтобы иметь возможность вступить в переговоры о мире с союзниками. Потом беспокойно спросил: «А если я не получу ответа? Нам надо указать срок, к которому я должен получить ответ».

Коллер предложил назначить восьмичасовой срок, и Геринг вписал это условие, а потом сделал еще одну приписку: «Вы должны понять, мой фюрер, что я чувствую к вам в этот самый трудный час в моей жизни. Я не могу найти слова, чтобы выразить свои мысли. Да благословит вас Бог и поможет вам как можно скорее. До конца преданный вам Герман Геринг». Написав это, он заметил: «Ужасно. Если к 22.00 не поступит ответ, придется принять решительные меры. Я сразу остановлю войну».

В бункере его телеграмма — последняя из перехваченных английской радиоразведкой,— по-видимому, больше всех возмутила Бормана. Он потребовал казни Геринга. Гитлер отказался от таких радикальных мер и послал рейхсмаршалу три противоречащих одно другому послания. В первом говорилось, что смертная казнь за государственную измену к нему не будет применена, если он откажется от всех постов. Второе отменяло декрет о назначении Геринга преемником. А третье, возможно, более точно отражавшее смешанные чувства Гитлера, было сформулировано в таких расплывчатых выражениях («ваше предположение о том, что я не способен выполнять свои функции,— абсолютно ошибочная мысль, о происхождении которой мне ничего не известно»), что Борман, должно быть, испугался, не собирается ли фюрер простить Геринга... На свой страх и риск Борман послал радиограмму коменданту СС в Оберзальцберге с приказом арестовать Геринга за измену.

4

По мере приближения советских войск к Берлину обычно жизнерадостная Ева все чаще стала приходить в отчаяние. Однажды она схватила Траудль Юнге за руки и дрожащим голосом произнесла: «Скорее бы все это кончилось!» Ева написала письмо своей самой близкой подруге Герте Шнайдер. «Это мои последние строки и последние признаки жизни»,— начала она и сообщила, что посылает подруге свои драгоценности и просит раздать их согласно завещанию. Ева извинялась за сумбурность письма: в соседней комнате шестеро детей Геббельсов подняли ужасный шум. «Я не могу понять, как все это могло произойти, от такого можно потерять веру в Бога!» В приписке она добавила, что сам фюрер потерял всякую надежду. Но на другой день, 23 апреля, Ева написала своей сестре, что еще есть шансы на спасение. «Разумеется, мы не позволим, чтобы нас схватили живыми». Она попросила Гретль уничтожить все ее деловые бумаги, а письма фюрера и свои запаковать и закопать. В конце она попыталась успокоить себя и сестру: «Я только что разговаривала с фюрером. Думаю, он настроен более оптимистично, чем вчера».

Гиммлер снова встретился с Бернадоттом, на этот раз в здании шведского консульства в Любеке. «Война должна закончиться,— неожиданно сказал он, тяжело вздохнув.— Сейчас уже все видят, что Германия разбита». Фюрера, возможно, уже нет в живых, и он, Гиммлер, больше не считает себя связанным клятвой о личной верности фюреру. Германия готова капитулировать на Западном фронте, продолжал рейхсфюрер СС, но не на Востоке. Он поинтересовался, не может ли граф передать это предложение министру иностранных дел Швеции. Бернадотт согласился. «А что если предложение Гиммлера будет отвергнуто?»— поинтересовался он. «В этом случае,— ответил Гиммлер,— я возьму на себя командование Восточным фронтом и погибну в бою». Рейхсфюрер добавил, что надеется встретиться с Эйзенхауэром и готов немедленно и безоговорочно капитулировать. Заметив, что это самый тяжелый день в его жизни, он покинул здание консульства и сел за руль своей машины. При этом так резко нажал на газ, что врезался в ограду из колючей проволоки. Шведы и немцы помогли выка-

тить машину на ровное место, и Гиммлер уехал.

На военном совещании утром 24 апреля Гитлер узнал, что в результате прорыва советских танков армия Мантейфеля полностью отрезана. Наступило напряженное молчание. Наконец Гитлер сказал: «Учитывая широкий природный барьер, образуемый Одером, успех русских против 3-й танковой армии можно объяснить лишь некомпетентностью германских военных руководителей!» Кребс пытался защитить фронтовых командиров, но это только напомнило Гитлеру о неудачной атаке Штайнера. Дрожащим пальцем он показал на карту и заявил, что в течение ближайших двадцати четырех часов необходимо осуществить прорыв вражеского кольца с севера: «3-я армия должна использовать для атаки все имеющиеся силы, надо привлечь для ее поддержки войска с тех участков фронта, где их не атакуют, и к завтрашнему вечеру восстановить прикрытие Берлина с севера. Немедленно передайте приказ». Кто-то предложил назначить командующим этими войсками Штайнера. Гитлер раздраженно ответил: «Эти высокомерные, нерешительные генералы СС мне больше не нужны!»

Геббельс ушел с совещания, чтобы составить свое последнее обращение к жителям Берлина. Рейхсминистр пропаганды надеялся, что, сказав немцам всю правду, он настолько их запугает, что заставит сражаться против красных до конца. «Наши сердца не дрогнут. Мы горды тем, что нам выпала благородная миссия защищать западную цивилизацию от разрушительного натиска Востока...» Пока готовилось это обращение, адъютант Гитлера Шауб сжигал по указанию своего шефа его личные письма. После этого он вылетел на юг с поручением уничтожить другие бумаги фюрера в его мюнхенской квартире и Бергхофе.

5

После получения телеграммы Бормана военный комендант Берхтесгадена сразу же распорядился оцепить резиденцию Геринга. Все ходы и выходы были заблокированы вооруженными эсэсовцами. Рейхсмаршал понял, что посажен под домашний арест. Утром 25 апреля несколько офи-

церов СС пытались убедить Геринга подписать документ об отказе от всех занимаемых постов «по состоянию здоровья». Геринг отказался: несмотря на телеграммы, он не мог заставить себя поверить, что фюрер действительно имел в виду его отстранение от дел. Но когда эсэсовцы вытащили пистолеты, рейхсмаршал без разговоров подписал предложенный документ. Церемония была прервана воздушным налетом.

Союзные самолеты часто пролетали над Берхтесгаденом по пути к Зальцбургу, Линцу и другим целям, но пока что вилла Гитлера оставалась неврелимой. Однако на этот раз бомбы обрушились как раз на нее. В 10.00 над горой Оберзальцберг пролетела первая волна, сбросив бомбы в стороне от дома. Через полчаса последовал новый налет. Самолет за самолетом сбрасывал свой смертоносный груз на Оберзальцберг. В тот же день командующий 6-й воздушной армией генерал Роберт Риттер фон Грайм выехал из Мюнхена в Бергхоф. Прибыв на место, он увидел искореженные обломки. Дом фюрера был разрушен прямым попаданием.

К утру 25 апреля клещи Красной Армии вокруг Берлина почти сомкнулись, и в 10.30 участники военного совещания в подавленном настроении ждали Гитлера. Фюрер поразил всех своим отрешенным видом. Но когда представитель агентства печати Хайнц Лоренц зачитал опубликованное в зарубежной прессе сообщение о конфликте между русскими и американцами при встрече их войск на реке Мульде, Гитлер встрепенулся, его глаза просияли. «Господа,— воскликнул он,— вот вам еще одно свидетельство отсутствия единства среди наших врагов. Немецкий народ и история заклеймят меня как преступника, если я заключу мир сегодня, когда завтра, возможно, наши враги передерутся. Разве не может быть, что в любой день и даже час между большевиками и англосаксами вспыхнет война из-за такого ценного приза, как Германия?»

Новость о советско-американском конфликте настолько приободрила Гитлера, что целый час он развивал эту тему. Пришло время, сказал он, когда англосаксы из чувства самосохранения схватятся с красными. «Еще можно изменить ход событий, если крепко ударить по большевистскому колоссу в уязвимом месте. Это убедит других, что есть только один человек, способный сдержать большевиков, и этим человеком являюсь я»,— витийствовал Гитлер. Как оказалось, сообщение было неверным. Между передовыми частя-

ми союзников не было никаких столкновений. Они встретились не 25-го, а 26 апреля, когда два американских патруля установили контакт с войсками Красной Армии близ городка Торгау на Эльбе.

К полудню создалось впечатление, что армия генерала Венка прорывается к Берлину. Сообщения об этом, без конца передаваемые по радио, вселяли в берлинцев надежду. Не отходил от репродуктора и Гитлер. Он рассчитывал, что бои за Берлин продлятся по крайней мере до 5 мая, чтобы он мог уйти из жизни в тот же день, что и Наполеон. Это была тщетная надежда. К столице пробивался только один корпус армии Венка—20-й, и его задача была ограниченной: выйти к Потсдаму и обеспечить коридор для отхода берлинского гарнизона. Основная часть армии Венка, вопреки приказам фюрера, с боями пробивалась на восток на выручку окруженной 9-й армии.

Тем временем, рискуя жизнью, к Гитлеру спешил другой генерал, которому не терпелось продемонстрировать свою верность фюреру. Риттер фон Грайм был за штурвалом маленького самолета, летевшего на малой высоте к охваченному огнем Берлину. Вокруг шли ожесточенные воздушные бои. Вдруг в полу кабины появилась дыра, и Грайм обмяк, но его пассажирка, известная летчица-спортсменка Ханна Райч не растерялась, перехватила штурвал, выправила «Шторх» и сумела посадить его на широкой Унтер-ден-Линден. Летчица остановила случайную машину и помогла генералу сесть в нее.

Грайму перевязали раненую ногу и понесли его на носилках в бункер фюрера. Магда Геббельс была поражена: какая живая душа смогла пробраться сюда? Она никогда не встречалась с Ханной Райч, но обняла ее и разрыдалась. Вскоре появился Гитлер с низко склоненной головой, дрожащими руками и потухшим взглядом. Но доклад Грайма оживил его. Фюрер долго тряс его руку, потом повернулся к Райч и воскликнул: «Какая вы смелая женщина! Значит, в мире еще остались верность и отвага!»

Гитлер рассказал гостям о предательской телеграмме Геринга. «Это же ультиматум, наглый ультиматум!— воскликнул он.— Ничего теперь не осталось. Подумать только, что мне довелось пережить: нарушение клятв, чести, сплошное предательство, а теперь это!» Затем внимательно посмотрел на Грайма и торжественно произнес, понизив голос: «Я назначаю вас преемником Геринга на посту главно-

командующего люфтваффе. От имени немецкого народа я жму вашу мужественную руку». Глубоко тронутые, Грайм и Райч попросили разрешения остаться в бункере. Гитлер, конечно же, разрешил. Их подвиг, сказал он, золотыми буквами будет вписан в историю люфтваффе.

К рассвету 27 апреля Берлин был полностью окружен, два последних аэродрома захвачены Красной Армией. Однако после получения от Венка радиограммы о том, что 20-й корпус находится на подходе к Потсдаму, в бункере вспыхнул луч надежды. Служба Геббельса сразу же сообщила по радио, что Венк вступил в Потсдам и скоро будет в столице. Если это удалось Венку, чем хуже другие? «Положение решительно изменилось в нашу пользу,— надрывалось радио.— Близок перелом в войне. Берлин должен держаться любой ценой, пока не придет армия Венка!»

В переданной по радио военной сводке было раскрыто точное местонахождение Венка. «Завтра мы не продвинемся ни на шаг!»— возмущенно воскликнул командующий армией в разговоре с начальником штаба.

На дневном совещании Гитлер высоко отозвался о Венке, назвав его «настоящим мужчиной», а затем выразил надежду, что русские истекут кровью в Берлине. Фюрер закрыл совещание философской цитатой из Ришелье: «Что я потерял! Самые дорогие воспоминания! Что все это значит? Рано или поздно весь этот кошмар должен остаться позади».

После совещания Гитлер прицепил «Железный крест» на грудь маленького мальчика с красными от бессонницы глазами, который только что уничтожил русский танк. Парнишка молча повернулся и вышел в коридор, где рухнул на пол и уснул.

Ханна Райч большую часть дня провела у Геббельсов. Министр пропаганды сыпал проклятиями по адресу предателя Геринга и заявил, что те, кто остался в бункере, творят историю и умирают во славу рейха.

Геббельс не понравился Ханне Райч своей театральностью, но его жена вызывала у нее восхищение. В присутствии детей Магда сохраняла бодрое настроение. Почувствовав, что едва может совладать с собой, она вышла из комнаты. «Дорогая Ханна,— сказала она,— вы должны помочь мне и детям уйти из жизни. Они принадлежат рейху и фюреру...» Магда призналась, что очень боится в самый последний момент проявить слабость. Райч рассказала детям о своих летных приключениях и разучила с ними песни,

«которые они потом споют дяде Ади». Она зашла к Еве Браун и сочла ее пустой женщиной, которая проводит почти все время полируя ногти, меняя наряды и расчесывая волосы. Райч была шокирована тем, что ее любимый фюрер открыто живет с женщиной, с которой не состоит в законном браке.

На очередном совещании Гитлер поклялся оставаться в Берлине. «Я должен подчиниться воле судьбы. Капитан тонет вместе со своим кораблем»,— закончил он.

На вечернем совещании военный комендант Берлина генерал Вейдлинг пытался заставить Гитлера понять, что город полностью окружен и кольцо обороны стремительно сжимается. Снабжение по воздуху полностью прекращено. Он говорил о бедственном положении гражданского населения и раненых, но фюрер, по-видимому, уже не мог думать о других: его мысли были заняты собственной судьбой. Он не позволит Сталину выставить его в клетке напоказ и должен быть абсолютно уверен, что не достанется противнику живым...

Во время совещания помощник Геббельса Науман передал фюреру сообщение из американских газет, что группа высокопоставленных нацистов без ведома Гитлера согласилась принять от Запада любые условия, на которых можно было бы подписать акт о капитуляции. Очевидно, имелся в виду Гиммлер, передавший предложение об этом шведскому правительству, но его имя не упоминалось.

В это время в штаб 12-й армии Венка, который находился в 90 километрах от Берлина, поступила радиограмма о том, что немецкое контрнаступление остановлено южнее Потсдама и войска ведут тяжелые оборонительные бои.

6

Для ближайшего союзника Гитлера тоже настали последние дни. Муссолини тайно направил своего сына Витторио к архиепископу Миланскому с устным предложением начать переговоры с Западом. Ватикан передал это предложение союзникам, но оно было категорически отвергнуто.

Дуче не сообщил об этом Гитлеру. Он не скрывал перед

журналистами своего неодобрения «маниакальной» войны Гитлера против России. Он признался, что фактически является пленником немцев. 25 апреля Муссолини выехал из Милана с автоколонной одной из отступающих частей в надежде прорваться через испанскую границу. В машине «Альфа-Ромео» с испанскими номерами ехала его любовница Клара Петаччи. «Не знаю, что со мной станет,— накануне писала она подруге.— Но я не могу идти против своей судьбы». Муссолини оставил свою жену дома, передав ей документы, в том числе письма Черчилля, которые, как он надеялся, помогут ей с детьми выбраться за границу.

На рассвете 26 апреля автоколонна достигла озера Комо. Здесь она была остановлена партизанами. Одни требовали расстрелять предателя-дуче на месте, другие предлагали передать Муссолини союзникам. 28 апреля Муссолини и Клара Петаччи были расстреляны.

Разладилась жизнь и в подземном убежище фюрера. На рассвете после приличной выпивки Борман, Кребс и Бургдорф крепко повздорили. «Девять месяцев назад я пришел на свой нынешний пост с энергией и высокими идеями,— кричал Бургдорф.— Я старался помирить партию и вермахт. Из-за этого коллеги-военные стали презирать меня, называть предателем. Сегодня мне ясно, что эти обвинения справедливы, а сам я оказался наивным болваном!»

Кребс пытался утихомирить его, но шум уже привлек внимание двух адъютантов в соседней комнате. Они услышали, как Бургдорф закричал на Кребса: «Оставь меня в покое, Ганс! Обо всем этом надо сказать! Через сорок восемь часов, наверное, будет уже поздно. Молодые офицеры с верой фюреру тысячами шли на смерть. А ради чего? Ради отечества? Нет! Они погибли ради вас!» Бургдорф повернулся к Борману и продолжал: «Ради вашей роскошной жизни, ради вашей жажды власти вы уничтожили нашу многовековую культуру, вы истребили германскую нацию. В этом ваша ужасная вина!»

«Мой дорогой друг,— успокаивал генерала Борман,— не надо обвинять всех без разбора. Если даже кто-то действительно обогащался, я по крайней мере невиновен. Клянусь всем святым! За ваше здоровье, мой друг!» Послышался звон бокалов, потом наступило тягостное молчание.

Тем временем в своей комнате фрау Геббельс писала письмо сыну от первого брака, находившемуся в плену у союзников: «Славные идеи национал-социализма развеяны

в прах, а с ними — все прекрасное, благородное и дорогое для меня в жизни». После такого краха, считает она, не стоит жить — и ей самой, и мужу, и шестерым их детям. Они слишком хороши для жизни после такой катастрофы. «Да придаст мне Господь силы для выполнения моего последнего и самого трудного долга»,— писала в своем последнем письме неистовая почитательница фюрера Магда Геббельс.

7

В Сан-Франциско, где проходила конференция по учреждению Организации Объединенных Наций, корреспондент агентства Рейтер узнал, что Гиммлер только что предложил безоговорочную капитуляцию Германии. Это сообщение было передано по всему миру. Репортер германского информационного агентства на верхнем этаже бункера принял его по радиоканалу Би-Би-Си в 21.00 28 апреля и принес сообщение Гитлеру. Тот воспринял новость без особых эмоций, как будто примирившись с мыслью о конце, потом вызвал Геббельса и Бормана. Они совещались за закрытыми дверями.

В тот день гестапо арестовало мужа сестры Евы, генерала СС Фегеляйна. Он был в гражданской одежде, имел при себе драгоценности и большую сумму денег, часть из них — в швейцарских франках. Гестапо заподозрило, что генерал собирается бежать в нейтральную страну. Доставленный в бункер, он был спасен вмешательством Евы, которая просила снисхождения: ведь у ее сестры грудной ребенок. Гитлер смилостивился, он отругал генерала за трусость, сорвал с него погоны и «Железный крест» и приказал держать подозреваемого под арестом. Но через час фюрер передумал. Фегеляйн был приговорен к расстрелу за измену. На этот раз Ева не вмешалась: она узнала, что некоторые драгоценности в генеральском чемодане когда-то принадлежали ей. Как оказалось, Фегеляйн собирался удрать из Берлина с женой венгерского дипломата.

На вечернем совещании комендант Берлина Вейдлинг сообщил Гитлеру о последних продвижениях русских. Все склады боеприпасов и продовольствия были либо в руках

противника, либо под сильным огнем его артиллерии. Через два дня боеприпасы иссякнут и войска больше не смогут оказывать сопротивление. Он настаивал на прорыве. «Сплошная чепуха!»— выкрикнул Геббельс. Но Кребс сказал, что с военной точки зрения прорыв осуществим. Гитлер был погружен в свои мысли. Наконец он нарушил тяжелое молчание: «Ну и что, если прорыв даже удастся? Мы попадем из огня да в полымя. И мне, фюреру, спать в открытом поле или грязном сарае и трусливо ждать конца?»

После совещания он навестил раненого Грайма. «Единственная наша надежда — это Венк,— заявил фюрер,— и чтобы облегчить его прорыв, надо для его прикрытия мобилизовать всю наличную авиацию». Он приказал Ханне Райч доставить Грайма на один из аэродромов под Берлином, где тот соберет все самолеты. Венк сможет пробиться только при поддержке с воздуха. «Это первая причина, по которой вы должны покинуть бункер. Вторая — надо остановить Гиммлера». Дрожащим голосом фюрер продолжал: «Предателю никогда не удастся стать моим преемником. И вы должны позаботиться об этом». В тяжелом настроении Грайм начал одеваться. Райч со слезами на глазах попросила разрешить ей остаться. Гитлер отказал.

Фрау Геббельс передала летчице два письма сыну. Потом сняла бриллиантовое кольцо и дала Ханне, попросив носить его как память. Ева Браун тоже передала Ханне письмо сестре. Позднее Райч не смогла удержаться от соблазна прочесть его. По ее словам, письмо было таким вульгарным, таким напыщенным и глупым, что она порвала его.

Темная ночь освещалась сполохами пожарищ. На бронетранспортере Грайм и Райч пробрались к Бранденбургским воротам, где стоял замаскированный спортивный самолет. Летчица вырулила машину на широкую улицу и взлетела под градом пуль. Русские прожекторы нащупали самолет, и взрывы зенитных снарядов бросали его из стороны в сторону, как перышко. Но маневренной спортивной машине удалось выскользнуть из зоны обстрела. Внизу в море огня пылал Берлин. Самолет взял курс на север.

8

Предательство Гиммлера положило конец последним колебаниям Гитлера, лишив его проблеска надежды. Несмотря на чувство уверенности, выраженное в разговоре с Граймом, фюрер признался себе, что у Венка ничего не получится, и пришел момент готовиться к концу. Он вызвал Траудль Юнге. Секретарша подумала, что фюрер собирается что-то диктовать ей, но с удивлением увидела стол, накрытый для какого-то торжества: скатерть с инициалами А.Г., серебряный сервиз, бокалы для шампанского.

«Пожалуй, начнем»,— сказал Гитлер и повел ее в зал для совещаний. Он встал на обычном месте у стола с картой и пустыми глазами уставился в полированную поверхность. «Мое последнее политическое завещание»,— произнес фюрер. Дрожащей рукой секретарша начала записывать. Она была уверена, что услышит нечто исповедальное.

Но это были сплошные упреки и обвинения. Гитлер утверждал, что ни он, ни кто другой в Германии не хотел войны. Она была «спровоцирована исключительно теми международными деятелями, которые служили еврейским интересам».

Фюрер заявил, что умрет «с радостным сердцем», но приказывал своим военачальникам продолжать борьбу. К удивлению секретарши, он стал назначать новое правительство: в качестве своего преемника на постах президента рейха и верховного главнокомандующего вооруженными силами фюрер назвал гроссадмирала Деница, Геббельса он назначал канцлером, а Бормана — министром по делам партии.

Затем Гитлер начал диктовать свое личное завещание:

«В годы борьбы я не считал возможным связывать себя браком, но сейчас, в самом конце жизненного пути, решил взять в жены женщину, которая после многих лет верной дружбы прибыла по своей доброй воле в этот осажденный город, чтобы разделить мою судьбу. По ее собственной просьбе она идет на смерть как моя жена».

Фюрер завещал свое имущество партии «или, если она не будет существовать, государству» и назначил исполнителем этого завещания Мартина Бормана. Гитлер закончил диктовку словами: «Моя жена и я выбираем смерть, с тем что-

бы наши тела были немедленно сожжены...»

Траудль ушла в соседнюю комнату, чтобы перепечатать записанные тексты на машинке. Тем временем в зале для совещаний была организована церемония регистрации брака. В качестве гостей присутствовали Борман, Геббельс, Герда Кристиан, генералы Бургдорф и Кребс, глава «Гитлерюгенд» Аксман и повариха Манциали. В одном из отрядов ополченцев нашли и привели в бункер муниципального чиновника по фамилии Вагнер. Ева облачилась в свое любимое длинное черное платье, Гитлер был в парадном мундире. Церемония оказалась короткой, но не обошлась без мелких промашек. После Гитлера на свидетельстве о браке должна была расписаться Ева и, как многие взволнованные невесты, сделала ошибку. Она начала писать «Ева Б...», потом зачеркнула эту букву, с которой начиналась ее прежняя фамилия, и написала: «Ева Гитлер, урожд. Браун». Расписался Вагнер, затем в качестве свидетелей поставили свои подписи Геббельс и Борман. Оказалось также, что кольца слишком велики — их в спешке принесли из сейфов гестапо. Церемония завершилась почти в полночь 28 апреля. Правда, на сохранившемся документе стоит дата 29 апреля. Дело в том, что Вагнер нечаянно размазал цифру «8». Он посмотрел на часы, было уже начало нового дня, и переправил кляксу на «9».

Взяв Еву под руку, Гитлер во главе свиты прошел в свой кабинет. Фюрер отвечал на поздравления шутками и даже выпил немного токайского вина. Ева сияла. Она попросила принести патефон с единственной пластинкой «Красные розы» и вышла в коридор принимать поздравления. В разных комнатах стихийно возникали вечеринки. Гитлер был рассеян и поминутно выходил узнать, напечатано ли завещание.

Когда секретарша уже заканчивала свою работу, вбежал бледный и взволнованный Геббельс и прокричал, что фюрер приказывает ему выехать из Берлина, чтобы занять руководящий пост в новом правительстве. Но он не может покинуть вождя в этот трудный момент! Слезы потекли по его щекам: «Фюрер так много решений принял слишком поздно! Почему же это последнее решение он принял так рано?» Геббельс попросил Траудль оставить машинку и записать его завещание, которое будет приложено к завещанию Гитлера. «Впервые в своей жизни,— диктовал он,— я должен категорически отказаться выполнить приказ фюрера. Мои

жена и дети присоединяются ко мне в этом отказе». В кошмаре предательства, окружающем Гитлера, продолжал он, должен быть хотя бы один человек, который останется со свом фюрером до последнего, смертного часа.

Траудль закончила работу почти в четыре часа утра. В зале совещаний Гитлер поставил свою подпись под политическим завещанием. Геббельс, Борман, Бургдорф и Кребс расписались как свидетели. В этом последнем подписанном им документе фюрер подтверждал навязчивую идею всей своей жизни и ставил себе в заслугу уничтожение евреев. Они начали войну, утверждал фюрер, и он заставил их оплатить свою вину.

9

К утру 29 апреля наступающие части советских войск почти вплотную приблизились к бункеру. Тем временем Мартин Борман принимал срочные меры по отправке политического и личного завещаний Гитлера его преемнику — адмиралу Деницу.

Один из нескольких отпечатанных экземпляров политического завещания Гитлера генерал Бургдорф вручил армейскому адъютанту фюрера для передачи новому главнокомандующему сухопутными войсками фельдмаршалу Шернеру. Посыльный получил написанную от руки сопроводительную записку, в которой было сказано, что завещание составлено «после ошеломительной новости об измене Гиммлера». Оно должно быть опубликовано, «как только фюрер отдаст приказ или как только его смерть будет подтверждена».

Ева встала в полдень. Ординарец фюрера приветствовал ее, как обычно, словами: «Доброе утро, любезная фройляйн». Улыбаясь, она сказала, что теперь ее можно называть «фрау Гитлер». Она попросила служанку Лизель передать обручальное кольцо ее подруге Герте Шнайдер, потом вручила Лизель кольцо на память. Затем она подарила Траудль Юнге свою самую ценную вещь — шубу из черно-бурой лисы. «Надеюсь, это доставит вам радость»,— сказала Ева. Траудль была слишком растрогана, чтобы представить

всю нелепость ситуации: бежать из весеннего Берлина в шубе.

Время тянулось медленно. Ничего не оставалось делать, кроме как заниматься болтовней и курить. Курили все открыто, даже Ева, и фюрер не обращал на это внимания. Наконец в 18 часов он собрал приближенных в своем кабинете. Посетовав на то, что Венк не идет на выручку, Гитлер объявил, что умрет вместе с женой, если не произойдет чуда. Он вынул ампулы с цианистым калием. Геббельс заметил, что, возможно, срок их действия истек. Гитлер вызвал своего нового хирурга доктора Людвига Штумпфегера, который предложил испытать яд на собаке фюрера Блонди. Гитлер согласился. Содержимое ампулы влили собаке в пасть. Яд подействовал мгновенно.

В тот же вечер поступило сообщение, что Муссолини и его любовница расстреляны итальянскими партизанами, а их тела подвешены вниз головой на бензозаправочной станции в Милане. Эта новость заметно расстроила Гитлера. «Я не попаду в руки врага ни живым, ни мертвым,— заявил он.— После смерти мое тело будет сожжено и потому никогда не будет найдено».

На последнем военном совещании в этот день генерал Вейдлинг говорил о кровавых и безнадежных уличных боях. Его дивизии, с горечью сказал он, фактически превратились в батальоны. Моральный дух низок, боеприпасы иссякли. Размахивая военной газетой с оптимистическими сообщениями о близком спасении Берлина генералом Венком, военный комендант города заявил, что войска лучше знают положение, и такая ложь их просто бесит. Геббельс обвинил Вейдлинга в пораженчестве. С трудом Борман успокоил их, и Вейдлинг подытожил свой доклад мрачным прогнозом, что битва за Берлин закончится в течение двадцати четырех часов.

Все были в шоке. Унылым голосом Гитлер спросил коменданта района рейхсканцелярии, согласен ли он с этим выводом. Тот ответил утвердительно. Вейдлинг вновь посоветовал сделать попытку прорваться. Гитлер показал на карту и саркастически заметил, что он судит о положении своих войск по сообщениям иностранных радиостанций, так как штабы его собственных войск больше не удосуживаются ему об этом докладывать. Приказы фюрера больше не выполняются...

Когда Гитлер с трудом поднялся с кресла, чтобы попро-

щаться, Вейдлинг снова попросил его пересмотреть свое решение, прежде чем кончатся боеприпасы. Гитлер что-то сказал Кребсу, потом повернулся к Вейдлингу: «Я разрешаю прорыв мелкими группами», но добавил, что о капитуляции не может быть и речи.

Уже за полночь в зале столовой Гитлер с повлажневшими глазами попрощался с группой из двадцати офицеров и секретарш. Он прошел вдоль выстроившихся, пожимая каждому руку, затем спустился по лестнице в свои апартаменты.

10

К полудню 30 апреля советские войска захватили Тиргартен, а их передовые части появились на соседней с бункером улице. Трудно судить, насколько эта новость повлияла на Гитлера. Во время обеда с двумя секретаршами и поварихой он разговаривал так, будто это была очередная встреча в «семейном кругу». Фюрер выглядел спокойнее, чем обычно. Одной из секретарш обед показался «банкетом смерти».

Но это был не обычный день, и не успели три дамы уйти, как Гитлер снова вызвал их, Бормана, чету Геббельсов и еще нескольких человек. Сутулясь, он медленно вышел с Евой из своей комнаты. Она была одета в свое любимое черное платье, ее волосы были тщательно уложены. Гитлер начал по очереди обходить всех присутствующих, каждому пожимая руку.

Ева Браун, печально улыбаясь, обняла Траудль и сказала: «Пожалуйста, попытайтесь выбраться отсюда». Потом, зарыдав, прошептала: «Передайте от меня привет Мюнхену».

Гитлер отвел своего адъютанта Гюнше в сторону и сказал, что он с женой сейчас совершит самоубийство и хочет, чтобы их тела были сожжены. «Я не желаю,— пояснил он,— чтобы после моей смерти меня выставили в русском музее восковых фигур». Гюнше позвонил личному шоферу фюрера Кемпке и взволнованным голосом сказал: «Мне нужно немедленно двести литров бензина». Кемпка решил,

что это какая-то шутка, и спросил, для чего ему столько бензина. «Вы должны доставить горючее ко входу в бункер фюрера немедленно»,— последовал ответ. Кемпка возразил: весь бензин находится в подземном хранилище в Тиргартене, где идут бои. «Я не могу ждать. Придется слить бензин из уцелевших машин»,— приказал адъютант.

Гитлер прочувствованно попрощался со своим личным пилотом, который служил ему много лет. Когда они пожали друг другу руки, Баур предложил фюреру бежать на самолете в Аргентину, Японию или в какую-нибудь арабскую страну. Но Гитлер и слышать об этом не хотел. «Нужно иметь мужество отвечать за последствия — я кончаю здесь! Я знаю, завтра миллионы будут меня проклинать. Ну что ж, такова судьба». Он поблагодарил Баура за долгую службу и подарил ему свой любимый портрет Фридриха Великого, сказав: «Я не хочу, чтобы эта картина затерялась. Я хочу, чтобы она сохранилась, ибо имеет большую историческую ценность». Баур ответил, что берет портрет с тем условием, что в будущем сможет передать его в музей. Но Гитлер настаивал на том, чтобы подарок остался у пилота. Потом, слегка улыбнушись, фюрер вспомнил, как Баур часто ворчал из-за того, что ему приходилось то и дело втаскивать в самолет этот громоздкий портрет, который вместе с его хозяином путешествовал по всей Германии. В порыве чувств фюрер схватил пилота за руки и горько выдохнул: «Баур, я так хотел бы, чтобы на моем памятнике было написано: «Он стал жертвой своих генералов»!»

Уединившись, чета Гитлеров села на диван в своей гостиной. Ева умерла первой, приняв яд. Примерно в 15.30 Гитлер вынул свой «вальтер». Многие годы этот похожий на игрушку пистолет был неразлучным спутником своего хозяина, которому ни разу не довелось им воспользоваться. На столике стоял портрет его матери в молодые годы. Гитлер приставил ствол пистолета к правому виску и нажал на курок...

На верхнем этаже Траудль Юнге рассказывала детям Геббельса сказку, чтобы они не сбежали вниз,— и тут послышался выстрел. Маленький Хельмут решил, что это разорвалась вражеская бомба. Находившиеся в зале совещаний Геббельс, Борман, Аксман и Гюнше, обгоняя друг друга, бросились к комнате Гитлера. Адъютант, первым открывший дверь, увидел на диване безжизненную фигуру фюрера, голова его упала на низкий столик. Рядом застыла

Ева с обесцвеченными от яда губами. Ее платье было мокрым из-за опрокинутого на столике графина с водой. Потрясенный Гюнше вышел из комнаты, осторожно прикрыв дверь. Его встретил Кемпка. «Ради бога, Отто,— спросил шофер,— что происходит? Из-за твоей сумасшедшей затеи я должен был посылать на верную смерть людей за какими-то двумястами литрами бензина». Гюнше проговорил: «Шеф мертв». Кемпка сначала решил, что с хозяином случился инфаркт. Гюнше от потрясения не мог сказать ни слова. Хотя адъютант отчетливо видел след от пули на правом виске Гитлера, он пальцем изобразил дуло пистолета и приставил его ко рту. Этот его жест дал основание для версии, будто Гитлер выстрелил себе в рот. «А где Ева?» Гюнше показал на приемную Гитлера и наконец смог произнести: «Она с ним». Затем Гюнше, запинаясь, рассказал всю историю.

Линге открыл дверь и спросил, где бензин. Кемпка ответил, что доставил примерно 170 литров в канистрах. Линге и доктор Штумпфегер завернули тело Гитлера в темно-коричневое солдатское одеяло и потащили свою ношу наверх. За ними следовал Борман, несший тело Евы с распущенными волосами. Кемпка не мог спокойно смотреть на эту картину: шофер знал, как она ненавидела этого человека. Он подошел, сказав: «Разрешите, я понесу Еву», и почти вырвал мертвое тело из рук Бормана. Подниматься пришлось по крутой лестнице, и он едва не выронил тело. Кемпка остановился передохнуть. На помощь пришел Гюнше, и вместе они вынесли тело Евы в сад.

Русские снова начали артиллерийский обстрел. Снаряды рвались совсем рядом. От здания рейхсканцелярии остались лишь полуразрушенные стены, и те содрогались от взрывов. Сквозь облако пыли Кемпка увидел тело Гитлера, лежащее в трех метрах от входа в бункер. Тело Евы положили справа от Гитлера. Усилившийся артиллерийский огонь вынудил всех спешно укрыться в бункере. Кемпка подождал несколько минут, потом схватил канистру с бензином и побежал к телам. С трудом ему удалось открыть канистру, но взрыв снаряда и просвистевшая прямо над головой шрапнель вынудили его снова рвануться к укрытию.

Гюнше, Кемпка и Линге ждали перерыва в артобстреле. Улучив момент, они бросились к телам. Из-за входной двери выглядывали Геббельс, Борман и Штумпфегер с искаженными от ужаса лицами. Обстрел возобновился, но трой-

ка продолжала выливать канистру за канистрой, пока выемка в земле не заполнилась бензином. Гюнше предложил воспламенить тела взрывом ручной гранаты, но Кемпка не согласился. Он заметил большую тряпку, валявшуюся возле пожарного шланга, указал на нее Геббельсу, и тот смочил ее в бензине.

Геббельс подал Кемпке коробку спичек. Шофер зажег тряпку и бросил ее на трупы. К небу взметнулся столб огня. Собравшиеся с ужасом наблюдали, как огонь стал пожирать останки супружеской пары, которая еще совсем недавно принимала их поздравления. Потрясенные Гюнше и Кемпка принесли еще несколько канистр, и в течение трех часов они продолжали лить бензин на тлеющие трупы.

Как в страшном сне, Гюнше спустился в бункер. На верхнем этаже он заметил сидящую на скамейке Траудль с бутылкой минеральной воды. Дрожащими руками адъютант налил себе стакан. «Я выполнил последний приказ фюрера,— тихо сказал он.— Его тело сгорело». Секретарша ничего не ответила, но когда Гюнше ушел, любопытство заставило ее спуститься вниз, где располагался кабинет Гитлера. Дверь была открыта. На полу возле дивана валялась разбитая ампула из-под яда. По правой подушке дивана расплывалось кровавое пятно. На металлической вешалке болтался поводок для собаки. Рядом висела простая серая шинель, а сверху — фуражка с золотым гербом и светлые перчатки из оленьей кожи. Секретарша решила взять одну перчатку в качестве сувенира, но что-то остановило ее руку. В гардеробе она заметила шубу из черно-бурой лисицы, как раз ту, которую Ева завещала ей, но Траудль не смогла ее взять. Что толку? Ей самой нужна была лишь ампула с ядом.

Вечером обуглившиеся останки были сложены в брезент и, как вспоминал Гюнше, опущены в воронку от снаряда неподалеку от выхода из бункера и засыпаны землей.

Человек, который разжег мировой пожар, исчез в адском пламени. Вместе с ним канули в небытие национал-социализм и «тысячелетний рейх».

ЭПИЛОГ

1

Смерть Гитлера означала конец национал-социализма. Без своего лидера он лопнул, как мыльный пузырь. Внешне казавшаяся мощной и страшной, эта политическая сила исчезла за одну ночь.

Смерть нацистского диктатора долго оставалась загадкой. Даже когда догорали его останки, в бункере прошел слух, что вожак «гитлерюгенд» Макс Аксман собрал прах Гитлера, чтобы захоронить его под Берлином. Некоторые немцы восприняли эту смерть с недоверием. Например, родители Фегеляйна уверяли агента американской контрразведки, что курьер доставил им послание от сына, в котором сообщалось местонахождение его и Гитлера: они «живы-здоровы и находятся в Аргентине». Сталин тоже выражал сомнение в том, что фюреру не удалось спастись. В беседе с одним из высокопоставленных политических деятелей США он признался, что версия о кончине фюрера кажется ему «недоказанной»: Гитлер, видимо, бежал и где-то скрывается, как и Борман. Эта версия оставалась официальной в СССР вплоть до 1968 года, когда советский журналист Лев Безыменский опубликовал книгу, рассказавшую, что русские нашли тела Адольфа и Евы Гитлер 4 мая 1945 года возле бункера, в котором располагалась подземная рейхсканцелярия. Как доказательство Безыменский приводит доклад Судебно-медицинской комиссии Красной Армии, в котором указывалось, что во рту у фюрера были обнаружены осколки ампулы с ядом, а в черепе не было пулевого отверстия. Иными словами, упомянутый доклад давал понять, что Гитлер ушел из жизни как жалкий трус. Хотя этот документ был подписан пятью патологоанатомами и экспертами по судебной медицине, он сопровождался лишь фотоснимками трупа Гитлера. Сами останки, по признанию Безыменского, были «полностью сожжены и их пепел развеян по ветру».

Скептиков интересовал вопрос, почему Сталин в 1945 году распространял версию о бегстве Гитлера, в то время как он знал, что тело фюрера найдено. Объяснения Безыменского никого ни в чем не убеждали. Журналист утверждал: «Во-первых, было решено не публиковать выводы доклада судебно-медицинской экспертизы, а «держать его в резерве» на тот случай, если кто-то попытается выдать себя за «фюрера, спасшегося чудом». Во-вторых, было решено продолжить расследование с тем, чтобы исключить любую возможность ошибки или умышленного обмана». Однако ни одно объяснение не оправдывает промедления в двадцать три года. И нет никаких сообщений по поводу уничтожения останков. Фотоснимки зубов трупа хранились в архиве, и в 1972 году доктор Рейдар Согнес, судебно-медицинский эксперт-дантист из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, установил, что эти зубы точно совпадают с зубами Гитлера, снятыми на рентгенопленку в 1943 году. Как сообщил Согнес на 6-й Международной конференции по судебной медицине в Эдинбурге, этот факт вне всякого сомнения доказывает, что Гитлер мертв. Но где же доказательство, что Гитлер не застрелился? Череп, «доказывающий», что не было отверстия от пули, был уничтожен. Кроме того, никто из очевидцев в бункере не заметил обесцвечивания губ Гитлера, что характерно для отравления цианистым калием, и была найдена лишь одна пустая ампула от яда,— та, которой воспользовалась Ева.

Смерть же Геббельса не была покрыта тайной. 1 мая, после тщетной попытки договориться с представителями советского командования о перемирии, он сказал своему адъютанту Гюнтеру Швегерману: «Все пропало». Геббельс передал адъютанту портрет Гитлера в серебряной рамке и попрощался с ним. Магда Геббельс разбудила своих шестерых детей. «Дети, не бойтесь,— сказала она,— доктор вам сделает уколы, их сейчас делают всем детям и солдатам». После того как зубной врач Кунц сделал детям инъекции морфия, чтобы они уснули, фрау Геббельс сама разбила ампулы с цианистым калием и влила яд в рот каждому ребенку.

Обитатели бункера готовились к побегу. Все были разделены на шесть групп. В 21.00 первая группа должна была прорваться к ближайшей станции метро и затем уйти к западным союзникам или Деницу. Другие пять групп должны были следовать тем же маршрутом, с интервалами во вре-

мени. Некоторые были схвачены, но погибших оказалось мало.

В 20.45 Кемпка заглянул в апартаменты Геббельсов, чтобы попрощаться. Дети были уже мертвы. Фрау Геббельс спокойным тоном попросила Кемпку передать привет ее сыну Харальду и рассказать ему, как она умерла. Геббельсы вышли из комнаты под руку. Внешне абсолютно спокойный, рейхсминистр поблагодарил своего секретаря Вернера Наумана за верность и понимание. Магда смогла лишь протянуть руку, которую Науман поцеловал. Геббельс шутливо заметил, что они сами поднимутся по лестнице в сад, чтобы друзьям не пришлось тащить их трупы. Пожав руку Науману, Геббельс с молчаливой, бледной женой направился к выходу. Они поднялись по лестнице. Раздался выстрел, потом второй. Гюнтер Швегерман, адъютант рейхсминистра, и его шофер взбежали по лестнице и увидели два тела, распростертые на земле. На них вылили четыре канистры бензина и подожгли...

Судьба Мартина Бормана оказалась более спорной. Существовало общее мнение, что он погиб при попытке выскользнуть из Берлина, однако согласно опубликованным впоследствии документам американской и английской разведок он, вероятно, бежал в Больцано (Италия), куда ранее прибыла из Берхтесгадена его жена с девятью детьми. В конце 1972 года американский писатель Ладислас Фараго выдвинул версию, что Борман живет в Южной Америке. За этим сенсационным заявлением через несколько дней последовало другое. Немецкие власти объявили, что они обнаружили тело Бормана неподалеку от того места, где была подземная рейхсканцелярия. Доктор Согнес, который идентифицировал труп Гитлера, попросил разрешения осмотреть череп. Такого разрешения ему долго не давали. Наконец летом 1973 года Согнесу разрешили осмотреть останки, а также сохранившуюся верхнюю челюсть, найденную через три месяца после обнаружения черепа. В сентябре 1974 года он предал гласности свои материалы на Всемирном конгрессе Международной федерации дантистов в Лондоне. По его твердому убеждению, найденный череп действительно принадлежал Борману. Так была наконец раскрыта тайна смерти ближайшего соратника Гитлера.

2

До самого конца Генрих Гиммлер надеялся как-то договориться с союзниками. После смерти Гитлера он бежал на север и попросил преемника фюрера назначить его вторым человеком в новом германском государстве. Но адмирал Дениц заявил ему: «Это невозможно. Для вас у меня нет работы». В отчаянии бывший рейхсфюрер обратился за советом к новому министру иностранных дел Шверину фон Крозигу. Тот раздраженно ответил: «Меня совершенно не интересует ваша судьба» — и посоветовал ему либо покончить с собой, либо скрыться, изменив внешность. «Но на вашем месте,— добавил он,— я поехал бы к Монтгомери и сказал ему: «Вот я, генерал СС Гиммлер, и я готов нести ответственность за действия своих людей».

Вечером того же дня Гиммлер сбрил усы, надел повязку на один глаз, запасся фальшивыми документами на чужое имя и с девятью сообщниками, в числе которых был высокопоставленный эсэсовец Вернер Гротман, скрылся. Узнав, что у шефа есть ампула с цианистым калием и он намерен в случае необходимости ею воспользоваться, Гротман обвинил Гиммлера в том, что тот пользуется своим положением и подводит товарищей, не давая им равных шансов. Гиммлер возразил: «После того как я приму яд, вы, молодые офицеры, должны сказать миру, что произошло здесь, в Германии, что я сделал и чего не сделал». Через две недели Гиммлер был схвачен англичанами. Врач, проводивший обычный осмотр, заметил что-то у задержанного немца во рту. Гиммлер надкусил ампулу и мгновенно скончался.

Геринг был самым развязным узником в Нюрнберге. Он прибыл в тюрьму с большим запасом таблеток парадоцина и ежедневно принимал их. Однако к тому времени, когда Геринг стал давать показания на суде, он полностью избавился от пристрастия к наркотикам и похудел до 69 килограммов. На суде почти в одиночестве защищал фюрера. В отличие от многих обвиняемых, бывший рейхсмаршал люфтваффе никогда не сваливал вину на других и не прятался за спиной Гитлера. Геринг взял на себя руководство скамьей подсудимых, проводя агрессивную линию защиты. Если кто-либо из коллег-заключенных пытался опровергнуть его слова или проявлял слабость, идя навстречу свиде-

телям обвинения, оживившийся Геринг поносил и оскорблял его, вынуждая замолчать. «Меня тошнит от того, что немцы продают свою душу врагу! — однажды заявил он за обедом и грохнул кулаком по столу.— Черт возьми, я бы хотел, чтобы мы все имели смелость ограничить свою защиту тремя словами: поцелуй мою задницу».

Из двадцати двух главных обвиняемых лишь трое были оправданы —Шахт, Папен и Фриче. Восемь получили длительные сроки тюремного заключения, остальные приговорены к смертной казни. 15 октября 1946 года в 22.45 Геринг принял цианистый калий. Через два часа начались казни. Первым взошел на виселицу Риббентроп. «Боже, храни Германию,— воскликнул он.— Мое последнее желание — чтобы сохранилось единство Германии и было достигнуто понимание между Востоком и Западом».

Потом на эшафот взошел Кейтель. Минуту назад старый солдат рыдал, получая последнее благословение от священника. Теперь же он твердым голосом произнес, высоко подняв голову: «Я призываю всемогущего Господа быть милосердным к немецкому народу. Ибо Германия — превыше всего».

Это были слова имперского гимна.

Послесловие

Почти полвека минуло с того осеннего дня, когда во дворе нюрнбергского Дворца правосудия взошел на эшафот последний из осужденных международным трибуналом главарей «третьего рейха». Злодеяния нацизма были столь очевидны, что у самых изощренных адвокатов не нашлось аргументов в его защиту. Признанный преступлением против человечества, гитлеровский режим рухнул, казалось, навсегда. И только безумцу могло прийти в голову, что когда-нибудь снова под крики «зиг хайль!» взметнутся в нацистском салюте руки, готовые подхватить упавшее знамя со свастикой.

Увы, это произошло еще при жизни военного поколения, безжалостно прореженного нацистской косой. И произошло в стране, которая больше всего пострадала от гитлеровского нашествия и которая нанесла нацизму смертельный удар. Жестокая ирония судьбы: внуки победителей готовы поклоняться идолу, низвергнутому ценой стольких человеческих жизней...

Чем же смущает юные души и незрелые умы этот злой дух, с которым, оказывается, не так просто покончить? Книга Джона Толанда при всей ее небесспорности дает ответ на многие из подобных вопросов. И прежде всего помогает понять, где, когда и почему всходят ядовитые побеги нацизма.

Его рождает почва, густо унавоженная идеями «национального возрождения», которым чаще всего прикрывается национальный комплекс неполноценности. Так случилось в Германии, испытавшей горечь поражения в первой мировой войне и жаждавшей реванша. Так случилось в Италии, где слава римских императоров кружила голову их люмпенизированным потомкам. И, кажется, нечто подобное сегодня происходит у нас, разочарованных крахом надежд на «светлое будущее» и униженных необходимостью протягивать руку за «гуманитарной помощью».

Именно в такие моменты и приходят гитлеры, объявляющие себя спасителями нации. Люди, уставшие от безволия прежних правителей и тоскующие по «сильной руке», готовы вручить власть хоть ефрейтору, хоть генералу — любому, кто убедительнее всех остальных пообещает «навести порядок». Как правило, это начинается с законов о чрезвычайном положении и оканчивается концентрационными лагерями.

Мы не устаем говорить об уроках истории, хотя история давным-давно доказала, что ее уроки никому не идут впрок. В лучшем случае их хватает на жизнь одного поколения. Следующее предпочитает учиться на собственных ошибках, даже если это стоит большой крови.

Неужели после всего, что произошло на нашей исторической памяти, идеи построения светлого будущего в одной отдельно взятой стране еще способны заморочить голову целому народу? Страшно подумать, что это могут быть потомки тех, кто уже не раз был обманут подобными химерами, и новые фюреры не преминут воспользоваться человеческой забывчивостью.

Ни один диктатор не приходит к власти с помощью угроз. Все обещают народу счастье и процветание. Некоторым даже удается создать у своих соотечественников иллюзию

национального благополучия. Но это редко обходится без подавления свободы мысли, что ставит под сомнение целесообразность любой диктатуры, как бы она ни называлась, — национал-социализмом, просто социализмом или даже коммунизмом.

«Благими намерениями вымощена дорога в ад»,— утверждали древние. Не будем об этом забывать, внимая пламенным речам новоявленных «спасителей нации», в риторике и жестикуляции которых порою угадывается нечто до боли пугающе-знакомое... Коротко остриженные мальчики в черных рубашках со свастикой на рукаве охотно дают интервью представителям независимой прессы, объясняя сакральный смысл древнего арийского знака, оказывается, символизирующего счастье и благополучие. Это наши, отечественные национал-патриоты. Они учатся маршировать строем и метко стрелять. Их цель высока и благородна — национальное возрождение поруганной Отчизны.

Дай Бог, чтобы это не оказалось повторением пройденного.

«Человек, рожденный быть диктатором, не подчиняется чужой воле — он сам воля; его никто не подталкивает — он сам идет вперед, и в этом нет ничего предосудительного.

Человек, которому предназначено вести за собой народ, не имеет права сказать: «Если вы хотите меня, я приду». Нет, его долг — явиться самому».

АДОЛЬФ ГИТЛЕР

